

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XXII

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XXII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. А. Хренов (ответственный ред.),
И. К. Бунина, И. Ф. Балза, Л. Б. Валев, Л. Э. Калнынь,
В. П. Кондратьева (ответственный секретарь),
А. Я. Манусевич, И. С. Миллер, С. В. Никольский,
Б. Ф. Стахеев

Г. М. Славин

БОРЬБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ КРЫМСКИХ РЕШЕНИЙ О ПОЛЬШЕ

Весна 1945 г. была ознаменована дальнейшим укреплением братской советско-польской дружбы. Советская армия и Польское войско, сражаясь бок о бок, освобождали польские земли за Вислой.

Советская делегация на Крымской конференции руководителей трех держав (февраль 1945 г.) добилась справедливого решения вопроса о правительстве и границах Польши.

Обсуждение этого вопроса, по свидетельству Г. Гопкинса, заняло больше времени, чем обсуждение любого другого вопроса на конференции в Ялте¹.

В острой политической борьбе с представителями США и Англии советская делегация отстаивала интересы народной Польши. Участники конференции в Ялте согласились, что действовавшее тогда в Польше Временное правительство должно быть реорганизовано на более широкой базе с включением в его состав демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы, причем Временное правительство должно явиться базой для создания Правительства национального единства.

Крымская конференция поручила Комиссии из представителей трех союзных держав провести консультации в Москве с членами Временного правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы, с целью реорганизации Временного правительства. В решении указывалось, что Польское временное правительство национального единства будет признано всеми тремя державами, подписавшими соглашение, которые установят с ним дипломатические отношения и обменяются послами². Таким образом, Соединенные Штаты и Великобритания, по существу, взяли на себя обязательство порвать с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Принятое в Ялте благодаря Советскому Союзу решение о создании Временного правительства национального единства было серьезным успехом в деле укрепления новой, народной Польши.

Весьма важными для Польши были также ялтинские решения о польских границах. Главы трех правительств согласились, что восточная

¹ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс, т. II. М., 1958, стр. 581.

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, М., 1957, стр. 106—107.

граница Польши должна проходить вдоль так называемой «линии Керзона»³, с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши⁴.

Огромное значение для укрепления народной Польши, для дела мира в Европе имело постановление Крымской конференции о западных границах Польши. Советский Союз добился признания законного права Польши на возвращение ее западных земель, в свое время захваченных немецкими завоевателями. Главы трех правительств признали, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе и что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет выяснено мнение Польского правительства национального единства⁵. Это постановление предопределяло возвращение Польше ее исконных земель. По справедливому замечанию польского правоведа Б. Вевюры, после Ялтинских решений «проблема польско-германской границы перестала быть предметом переговоров и стала предметом правовых обязательств»⁶.

Решения Крымской конференции по польскому вопросу значительно укрепили международное положение Польши, содействовали дальнейшему развитию советско-польской дружбы.

Советская общественность оценила решения, касающиеся Польши, как одно из важнейших достижений Крымской конференции.

«Достигнутая в Крыму договоренность как по вопросу о польском правительстве, так и по вопросу о границах Польши исходит из того нового положения, которое создалось в этой стране в результате ее освобождения советскими войсками», — писал московский журнал «Война и рабочий класс»⁷.

Польский народ встретил Крымские решения с большим удовлетворением, справедливо считая их крупной победой демократической Польши.

Орган ЦК Польской рабочей партии газета «Глос люду» в передовой статье указывала: «Правительство, которое после расширения его состава будет признано всеми державами антигитлеровской коалиции, — это наше правительство, правительство демократии, завоеванное нашей борьбой, нашим трудом»⁸.

Как отмечает польский исследователь С. Боратынский, изменения во Временном правительстве, предусмотренные в Ялтинских решениях, могли быть осуществлены только путем, соответствующим польскому конституционному праву, регулирующему перемещение в правительстве. Поскольку, однако, речь шла о международном акте, каким является признание правительства, то сотрудничество Большой тройки с органами польского государства, компетентными осуществлять изменения в составе правительства, было, — подчеркивает С. Боратынский, — как целесообразно, так и обосновано⁹.

³ «Линия Керзона», которая была рекомендована в 1919 г. Верховным советом союзных держав в качестве восточной границы Польши, проходила так: Гродно — Иловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат.

⁴ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 107.

⁵ См. там же.

⁶ B. W i e w i ó r a. Granica polsko-niemiecka w świetle prawa międzynarodowego. Poznań, 1957, str. 69.

⁷ «Война и рабочий класс». 1945, № 4.

⁸ «Głos ludu», 15.II 1945.

⁹ S. B o r a t y ŋ s k i. Dyplomacja okresu drugiej wojny światowej. Warszawa, 1957, str. 313.

Особенное удовлетворение в Польше вызвало признание необходимости изменения польских границ на западе и севере. Говоря о западных границах Польши, еженедельник «Трибуна вольности» подчеркивал, что мнение всего польского народа в этом вопросе ясно и непоколебимо: западные границы Польской республики должны проходить по Одру и Нейссе¹⁰.

Враги народной Польши встретили Крымские решения в штыки. В американском конгрессе и в английском парламенте имели место выступления с целью сорвать соглашения союзников по польскому вопросу. Член палаты представителей США Клэр Люс внесла направленную против Крымских решений резолюцию. Член английского парламента консерватор Г. Страусс демонстративно подал в отставку с поста парламентского секретаря одного из министерств в знак «протеста» против Крымских решений о Польше.

Польское эмигрантское правительство Арцишевского, о котором в Крымских решениях даже не упоминалось, разумеется, также «протестовало». Недоволен был и С. Миколайчик — конференция в Ялте лишила его надежды на возвращение в Польшу в качестве главы правительства. «Мы должны заявить, что результаты конференции трех держав являются плохими», — писал орган Миколайчика «Ютро Польски»¹¹.

Выступления польских реакционеров нашли сочувственный отклик у гитлеровцев. Представитель министерства иностранных дел гитлеровской Германии заявил в феврале 1945 г. на пресс-конференции в Берлине, что чувство горечи, испытываемое лондонскими поляками, вполне понятно.

Соболезнование Арцишевскому и его клике выразил также английский консервативный журнал «Спектейтор», который писал: «Вполне можно посочувствовать польскому правительству в Лондоне по поводу его разочарования в связи с решениями Крымской конференции о Польше»¹².

Международная реакция добивалась пересмотра Крымских решений. Вскоре после конференции в Ялте выяснилось, что Англия и Соединенные Штаты не намерены добросовестно выполнять согласованное решение по польскому вопросу. Правящие круги этих стран предприняли попытку извратить эти решения с тем, чтобы использовать их против интересов народной Польши. Как заявил государственный секретарь США Стеттиниус послу польского эмигрантского правительства в Вашингтоне Цехановскому, «Ялтинское соглашение о Польше даст возможность президенту и Черчиллю настаивать на образовании совершенно нового Польского правительства»¹³.

«Совершенно новое» правительство, по замыслу англо-американских правящих кругов, должно было состоять из членов старого эмигрантского правительства в Лондоне, а также группы Миколайчика и его единомышленников, причем руководители английской и американской политики отнюдь не настаивали на немедленном согласии Миколайчика подчиниться ялтинским условиям.

Наоборот, «протесты» эмигрантского правительства и несговорчивость Миколайчика должны были способствовать ревизии Крымских решений. Сразу же после возвращения Черчилля в Лондон он имел беседу с Миколайчиком, после которой последний опубликовал в лейбористской газете «Дейли геральд» письмо. Вопреки Крымским решениям, Миколайчик заявлял, что урегулирование границ Польши на востоке, а также на западе и на севере должно быть произведено одновременно.

¹⁰ «Trybuna Wolności», 8.III 1945.

¹¹ «Jutro Polski», London, 14.II 1945.

¹² «The Spectator», 16.II 1945, p. 140.

¹³ J. Ciechanowski. Defeat in Victory. New York, 1948, p. 363.

Касаясь вопроса о польском правительстве, он ратовал за «созыв конференции круглого стола с участием всех руководителей польского подпольного движения», имея в виду руководителей реакционного подполья. Само собой разумеется, Миколайчик возражал против того, чтобы Правительство национального единства было создано на основе Временного правительства Польской республики¹⁴.

Маневры Миколайчика сопровождалась демонстрацией «твердой поддержки» Арцишевскому со стороны влиятельных английских кругов. 16 февраля 1945 г. англо-польский парламентский комитет устроил прием в честь эмигрантского правительства. На приеме присутствовало более 60 членов палаты общин и палаты лордов, приветствовавших Арцишевского и его «министров».

Английские правящие круги продолжали проводить ту же политику, что и до Крыма, когда, как свидетельствует бывший адъютант Сикорского Штрумпф-Войткевич, «многочисленные английские консервативные деятели, политики и офицеры со всей силой заверяли в частных беседах лондонских поляков, что политика Черчилля и Идена требует сейчас жестов в отношении России, что они не являются искренними в отношении России, и что лондонские поляки могут на них наверняка рассчитывать позднее»¹⁵.

27 февраля 1945 г. в палате общин с отчетом о Крымской конференции выступил Черчилль и, в частности, коснулся решений о Польше. Считая вопрос о том, каким образом будет сформировано Временное правительство национального единства, «значительно более важным и тонким делом, чем установление пограничной линии», Черчилль уделил ему основное внимание.

«Британское правительство намерено сделать все, что в его силах, для того чтобы обеспечить... максимальную широту этих консультаций»¹⁶, — заявил Черчилль, имея в виду переговоры в Московской комиссии трех, учрежденной в Ялте.

Что именно подразумевали правительства Англии и США под «широкими консультациями», видно из заявления заместителя государственного секретаря США Д. Грю Цехановскому. Грю заверял Цехановского, что, возможно, «пять, шесть, десять правительств будет отвергнуто, прежде чем правительство Соединенных Штатов будет удовлетворено»¹⁷, и пока этого не случится, лондонское правительство может рассчитывать на полную поддержку со стороны правительства США.

Такую же позицию занял Черчилль, заявивший, что Англия до тех пор будет признавать эмигрантское правительство, пока английское правительство не сочтет, что новое Временное правительство в Польше сформировано «надлежащим образом»¹⁸.

Речь Черчилля в палате общин была воспринята английской реакцией как сигнал к наступлению на Ялтинские решения. Группа консерваторов внесла поправку в резолюцию об итогах Крымской конференции, в которой выражалось несогласие с решением о Польше. Поправка должна была послужить поводом для демонстрации в парламенте против народной Польши. Даже консервативный член парламента Машингхэм-Буллер

¹⁴ «Daily Herald», 16.XI 1945.

¹⁵ S. Strumpf-Wojtkiewicz. Gwiazda Wladislawa Sikorskiego. Łódź. 1946, str. 352.

¹⁶ «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 408, N 39, 27.II 1945, col. 1280.

¹⁷ J. Ciechanowski. Указ. соч., стр. 361.

¹⁸ «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 408, N 39, 27. II 1945, col. 1281.

вынужден был отметить, что сторонники поправки к резолюции исходят из того, что соглашение о Польше не может быть выполнено, хотя, добавил Маннингхэм-Буллер, «я не вижу никаких веских данных, которые бы оправдывали подобное заключение»¹⁹.

Голос наборников демократии прозвучал в выступлении коммунистического депутата У. Галлахера, Галлахер заявил, что поправка к резолюции — как раз то, чего хотели бы Гитлер, Гиммлер и Геббельс²⁰.

Большинством голосов поправка к резолюции, осуждавшая Крымские решения о Польше, была отклонена. Однако речь Черчилля свидетельствовала о том, что английское правительство не намерено придерживаться Ялтинских решений и уже выдвигает свою, совершенно отличную от ялтинской, формулу относительно образования Польского правительства национального единства.

В Соединенных Штатах поход против Крымских решений возглавил председатель сенатской комиссии по иностранным делам Ванденберг. 1 марта 1945 г. он опубликовал открытое письмо исполнявшему обязанности государственного секретаря Д. Грю, в котором заявил, что Ялтинские решения могут быть приемлемы только в случае, если Комиссия трех в Москве поможет создать такое польское правительство, которое позволит Андерсу и Бур-Коморовскому возвратиться и оставаться в Польше²¹. Иными словами, Ванденберг требовал формирования такого польского правительства, которое представляло бы интересы реакции.

Таким образом, к началу переговоров в Московской комиссии трех держав правящие круги Соединенных Штатов и Англии сформулировали свою точку зрения относительно образования Польского правительства национального единства, противоречившую духу и букве Ялтинских решений о Польше.

Вынудить советского представителя согласиться с англо-американской интерпретацией этих решений — вот к чему стремились представители США и Англии в Московской комиссии трех держав — послы А. Гарриман и А. Керр. В помощь Гарриману и Керру из США в Москву был специально командирован начальник восточноевропейского отдела государственного департамента США Э. Дюрброу.

Печать США и Англии в то время была полна всевозможными проектами относительно формирования польского правительства. Суть их сводилась к тому, что новое польское правительство должно проводить политику, «совершенно отличающуюся от политики люблинского временного правительства»²², причем Великобритания и США при переговорах о формировании такого правительства «должны руководить поляками»²³.

Англо-американские правящие круги откровенно заявляли о своем праве на руководство «лондонскими поляками» — эмигрантское правительство состояло у них на содержании. В период с 1941 по 1944 г. только Англия предоставила этому «правительству» субсидии на сумму свыше 40 миллионов фунтов стерлингов. На английский счет была создана разветвленная сеть дипломатического и консульского представительства даже в тех местах, где Польша никогда раньше не имела дипломатического представительства. На 1945 г. эмигрантское «правительство» запросило у английского министерства финансов 15 миллионов фунтов стерлингов²⁴.

¹⁹ Там же, № 40, 28.II 1945, col. 1475.

²⁰ Там же, col. 1469.

²¹ «News Week», 5.III 1945, p. 24.

²² «Daily Herald», 2.III 1945.

²³ «The Economist», N 5297, 3.III 1945, p. 270.

²⁴ «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 408, N 39, 27.II 1945, col. 1342.

Часть средств, ассигнованных Соединенными Штатами и Англией после Крымской конференции эмигрантскому «правительству», была предназначена для финансирования диверсионно-террористической деятельности польского реакционного подполья. На состоявшемся в марте 1945 г. в Кракове заседании одной из реакционных организаций было решено «бороться против реализации Крымских постановлений»²⁵. Враги польского народа, состоявшие на службе иностранных разведок, в феврале и марте 1945 г. совершили ряд террористических актов против бойцов и офицеров Советской Армии, передовых польских рабочих и крестьян, работников органов государственной безопасности и милиции²⁶.

Выступления польской реакции, инспирируемые из-за границы, являлись одной из форм борьбы международной реакции против Крымских решений и имели непосредственное отношение к переговорам в Комиссии трех. Западным державам нужен был аргумент, который подтвердил бы мнимую «популярность» эмигрантских реакционных политиков в Польше и, следовательно, необходимость включения их в состав польского правительства. Правящие круги США и Англии брали под защиту врагов польского народа.

Отвечая на запрос в палате общин, Иден заявил 7 марта 1945 г., что «с точки зрения английского правительства, для создания атмосферы доверия, которая одна только может обеспечить успех идущих сейчас в Москве переговоров, крайне необходимо, чтобы Люблинская администрация не предпринимала никаких мер против поляков»²⁷, именуя «поляками» участников подпольных банд, терроризировавших мирное население. 8 марта председатель сенатской комиссии по иностранным делам Ванденберг, выступая в сенате США, выразил свою солидарность с английским заявлением и выдвинул при этом программу полной ревизии постановлений Ялтинской конференции.

«Моим самым горячим желанием, — заявил он, — является, чтобы все эти решения были временными как фактически, так и по названию: они должны быть полностью пересмотрены при окончательном обсуждении за столом мирной конференции»²⁸.

Правящие круги США и Англии считали польский вопрос весьма удобным поводом для того, чтобы приступить к ревизии Крымских решений. Американский и английский послы в Москве извращали решение руководителей трех держав по вопросу о создании польского Временного правительства национального единства. Стремясь навязать демократической Польше англо-американских ставленников, Гарриман и Керр настаивали на том, чтобы в состав польского правительства были включены члены эмигрантского правительства Арцишевского. Относительно Временного правительства Польской республики американский и английский послы утверждали, что члены этого правительства могут быть приглашены для консультации не как представители законного правительства, а лишь в качестве представителей отдельных партий.

Американский посол Гарриман дошел до того, что заявил в Комиссии: «Возможно, ни один член Временного правительства не попадет в состав Польского правительства национального единства»²⁹.

²⁵ «Robotnik», 6.XI 1948.

²⁶ «W służbie obcego wywiadu». Warszawa, 1948, str. 212.

²⁷ «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 408, N. 44, 7.III 1945, col. 2000.

²⁸ «Congressional Record. Proceeding and Debates of the 79th Congress». Vol. 91, part 2, 8.III 1945, p. 1891.

²⁹ См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, стр. 319.

«Дискуссии, происходившие в течение последних дней между дипломатическими канцеляриями «большой тройки», не являются просто казуистическим спором, — писала американская газета «Вашингтон пост». — Этот спор имеет непосредственное и весьма важное политическое значение. Если бы Вашингтон и Лондон приняли точку зрения Москвы, Люблинское правительство получило бы решающее слово в предстоящих консультациях...»³⁰.

Однако попытки Гарримана и Керра извратить ялтинские формулировки и придать им иной, выгодный для врагов народной Польши смысл, не имели успеха. Советское правительство добивалось выполнения достигнутого в Крыму соглашения о том, что ядром Правительства национального единства должно быть Временное правительство Польской республики, ибо это правительство поддерживалось польским народом, отвергавшим ненавистных ему санационных правителей.

Комментируя позицию демократических сил, сплотившихся вокруг Польского временного правительства, советский журнал «Война и рабочий класс» в передовой статье отмечал, что они полны решимости претворить в жизнь Крымское соглашение о расширении состава Временного правительства путем дополнительного включения демократических лидеров как из самой Польши, так и из-за границы, демократических лидеров, а не представителей польской реакции³¹.

Точка зрения советского правительства по вопросу о принципах, в соответствии с которыми должно было быть сформировано Польское правительство национального единства, была изложена в послании Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина Президенту США Ф. Рузвельту и Премьер-министру Великобритании У. Черчиллю от 7 апреля 1945 г. Для того чтобы выйти из тупика и добиться согласованного решения, советское правительство предлагало:

установить, что реконструкция Временного польского правительства означает не ликвидацию, а именно реконструкцию путем его расширения, причем ядром будущего Правительства национального единства должно стать Временное польское правительство;

установить, что при всех условиях должна быть проведена в первую очередь консультация с представителями Временного правительства, так как Временное правительство имело наиболее широкую поддержку польского народа.

В послании главы советского правительства подчеркивалось, что всякое иное решение может быть воспринято в Польше как оскорбление польского народа и как попытка навязать ему правительство, созданное без учета общественного мнения³².

Выражая мнение польского народа, Владислав Гомулка 19 мая 1945 г. на крестьянском съезде в Варшаве говорил: «Мы как Временное правительство приняли решения Крымской конференции, касающиеся Польши, и хотим их лояльно выполнить... Мы не соглашаемся только с попытками принимать решения о Польше без Польши. Мы верим, однако, что постановления Крымской конференции о Польше будут успешно реализованы в соответствии с буквой и духом этих постановлений»³³.

Соединенные Штаты и Англия продолжали противиться именно такой реализации Ялтинских решений. Американский и английский представители в Комиссии трех держав по Польше добивались создания условий для

³⁰ «The Washington post», 11.III 1945.

³¹ См. «Война и рабочий класс», 1945, № 6.

³² «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. II, стр. 210—211.

³³ W. G o m u ł k a. W walce o demokrację ludową, t. I. Warszawa, 1947, str. 147.

сформирования польского правительства, которое поставило бы Польшу на службу империалистам.

Однако их усилия подорвать позиции Временного правительства Польской республики были тщетны — его политика пользовалась доверием народа. Народно-демократическая Польша, опиравшаяся на поддержку Советского Союза, успешно восстанавливала свою промышленность. Благодаря проведению земельной реформы укреплялся союз рабочего класса с крестьянством. Началось освоение возвращенных западных земель.

Правящие круги США и Англии не смогли помешать расширению международных связей народной Польши, о чем свидетельствовало прибытие в Варшаву в феврале 1945 г. представителя Временного правительства Франции, а также обмен дипломатическими представителями с Чехословакией и Югославией.

Прогрессивные славянские организации выступали в защиту народной Польши и приветствовали твердый курс СССР на выполнение Ялтинских решений ³⁴.

20 марта в Детройте состоялась конференция славянских организаций, на которой присутствовало около тысячи делегатов, в том числе представители поляков, хорватов, болгар, украинцев, словенцев, чехов, словаков и др. Секретарь Всеамериканского славянского конгресса Г. Пиринский отметил в своем выступлении, что крики о судьбе Польши превратились в лозунг всех американских реакционеров, желающих восстановления в Польше господства антинародной клики ³⁵.

Успехи народной Польши, одержанные при помощи Советского Союза, и укрепление международного авторитета Временного правительства способствовали размежеванию в лагере польской эмиграции в Англии. Если в январе 1945 г., непосредственно после образования Временного правительства, только Союз польских моряков в Лондоне и еще некоторые организации заявляли о безоговорочной поддержке народного правительства, то к апрелю 1945 г. число его активных сторонников среди польской эмиграции в Англии значительно увеличилось. 15 марта 1945 г. Польский совет демократического единства в Лондоне организовал митинг поддержки Временного правительства. Участники митинга приняли резолюцию, в которой потребовали отказа от какого-либо признания или поддержки фашистского польского эмигрантского «правительства» в Лондоне и немедленной его ликвидации. Польский Совет демократического единства настаивал также «на ускорении работы Комиссии трех в Москве путем отклонения беспочвенных притязаний двуличных польских эмигрантских политиков» ³⁶.

Несмотря на то, что безуспешность попыток американского и английского представителей в Московской комиссии трех держав навязать враждебное Советскому Союзу и демократической Польше толкование Крымских постановлений становилась все более очевидной, США и Англия продолжали затягивать переговоры. Они рассчитывали на то, что им в конце концов удастся протащить в состав польского правительства под маской «демократических деятелей» возможно большее число своих агентов.

Помимо этого, Соединенным Штатам и Англии выгодно было выиграть время, во-первых, для того, чтобы дать возможность «правительству» Арцишевского подготовиться к переходу на новое положение после того, как Англия и США будут вынуждены отказаться от его признания, и во-

³⁴ См. «Известия», 21.III 1945.

³⁵ См. «Правда», 22.III 1945.

³⁶ «Известия», 18.III 1945.

вторых, дабы завершить закулисную подготовку к переброске в Польшу «деятелей» и из группы Миколайчика.

Как «правительство» Арцишевского, так и группа Миколайчика предпринимали с этой целью соответствующие шаги. Сразу же после конференции в Крыму польское «посольство» в Вашингтоне начало прятать польские фонды в Соединенных Штатах, подлежащие передаче правительству Польской республики. Как сообщал комментатор Иоганнес Стил, «посольство» лондонского эмигрантского «правительства» в Соединенных Штатах приступило к созданию в США ряда фиктивных польских частных фирм, на счета которых переводились крупные суммы. Эмигрантское правительство в Лондоне изыало из банка 5 миллионов фунтов стерлингов, находившихся на его счету в качестве специальной квоты, официально предназначенной для антигитлеровского подпольного движения, и перевело эти деньги на частные счета эмигрантских сановников ³⁷.

Ассоциация польских судовладельцев в Лондоне пыталась было продать суда польского торгового флота, находившиеся в английских водах. Временное правительство Польской республики воспрепятствовало этой жульнической затее. Опубликованное им заявление указывало, что большинство акций польского торгового флота принадлежит польскому государству, и предостерегало, что всякая подобная сделка, касающаяся передачи государственных акций польского торгового флота, будет считаться временным правительством Польской республики недействительной ³⁸.

Клика Арцишевского, кроме того, принимала всяческие меры к тому, чтобы предотвратить ренатриацию польских эмигрантов, стремившихся вернуться на Родину для участия в восстановлении своей страны.

Особенные усилия прилагались для того, чтобы не допустить возвращения в Польшу различных специалистов — инженеров, моряков, врачей, железнодорожников и т. д., в которых возрождавшаяся Польша испытывала особую нужду.

С ведома и одобрения английских властей «правительство» Арцишевского использовало свои «консульские» и «административные» органы, а также право доступа в лагеря перемещенных поляков для агитации против возвращения на родину. Оно преследовало всякое проявление демократических взглядов среди поляков в Англии. По указанию так называемого «министерства» промышленности и судоходства эмигрантского «правительства», польская ассоциация судовладельцев порвала отношения с Союзом польских моряков, заявившим о своей поддержке Временного правительства, и не разрешала представителям Союза посещать польские суда. Некоторым морякам прекратили выплату жалованья, многие были уволены. Объединение польского торгового флота в Биркенхеде было закрыто ³⁹.

Одновременно с подготовкой «правительства» Арцишевского к переходу на новое положение происходил подбор подходящих кандидатов для включения в группу Миколайчика. Англия и Соединенные Штаты выступали заодно.

«...Я могу заверить палату общин, что мы придерживаемся единого мнения с правительством США», ⁴⁰ — заявил в палате общин государственный министр Ричард Лоу, отвечая на запрос, связанный с московскими переговорами о реконструкции Польского правительства.

³⁷ «Правда», 18.IV 1945.

³⁸ «Правда», 22.II 1945.

³⁹ «Правда», 18.III 1945.

⁴⁰ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 409, 21.III 1945, p. 786.

Затягивая переговоры в Комиссии трех держав, США и Англия имели в виду еще одно важное обстоятельство. 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско открывалась конференция Объединенных наций, которая должна была выработать устав организации для поддержания международного мира и безопасности. Англо-американские правящие круги ставили исход конференции в Сан-Франциско, в успехе которой Советский Союз как борец за мир и международное сотрудничество был заинтересован, в прямую зависимость от результата переговоров о реорганизации Польского правительства. С этой целью правительства Соединенных Штатов и Англии отклонили предложение Советского Союза о приглашении на конференцию представителей Временного правительства Польской республики, используя в качестве предлога отсутствие дипломатических отношений между ними и Временным правительством⁴¹. Это было новой попыткой оказать давление на Советский Союз, с тем, чтобы повернуть ход переговоров в Москве в желательном для англо-американской реакции направлении.

Выступая против участия подлинных представителей польского народа в Сан-Францисской конференции, руководящие круги США и Англии в то же время выдвинули предложение пригласить на конференцию представителей эмигрантской клики Рачкевича — Арцишевского. Авторы этого провокационного предложения не рассчитывали на его успех, зная заранее, что Советский Союз не допустит участия тех, кто выступал против мира, в конференции, посвященной вопросам мира и безопасности. Враги международного сотрудничества намерены были использовать «польский вопрос» для первой атаки против принципа единогласия великих держав.

Не случайно и англо-американская реакционная печать активно поддержала его заявление.

Временное правительство Польской республики разоблечило происки реакции. 22 марта 1945 г. оно обратилось к правительствам СССР, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая с заявлением о том, что Временное правительство Польши сплотило вокруг себя огромное большинство польского народа, создало польскую армию, которая вносит свой вклад в дело разгрома немецких полчищ, восстанавливает свою варшавски разрушенную столицу и другие польские города, налаживает сельское хозяйство, промышленность и торговлю, обеспечивает порядок и законность на территории Польши.

«Тот факт, что Комиссия, созданная Крымской конференцией для консультации по вопросу о Польше, еще не закончила своей работы, не может служить препятствием для приглашения Временного правительства Польши в Сан-Франциско»⁴², — заявляло Польское правительство.

Трудящиеся Польши, единодушно поддерживая требование своего правительства, возмущались попыткой отстранить Польшу от решения вопросов послевоенного устройства мира. Польская печать отмечала, что на конференцию в Сан-Франциско стараниями США и Англии приглашена Турция, только в последний момент объявившая так называемую «войну» Германии. «Ряд латино-американских государств, которые перешли в лагерь союзных держав, фактически не принимали никакого участия в войне», — напоминала газета «Роботник», считая неприглашение Польши на конференцию в Сан-Франциско актом вопиющей несправедливости⁴³.

⁴¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 152—153.

⁴² «Rzeczpospolita», 26.III 1945.

⁴³ «Robotnik», 22, 27.III 1945.

Советское правительство, отвечая на обращение Временного польского правительства, поддержало его протест против проведения конференции в Сан-Франциско без участия Польши. Советское правительство заявило правительствам Соединенных Штатов Америки и Великобритании, что, если в ближайшем будущем не будет осуществлена или закончена реорганизация Временного польского правительства, на конференцию в Сан-Франциско следует пригласить представителей Временного польского правительства в Варшаве, как осуществляющего власть на всей территории Польши и пользующегося поддержкой польского народа ⁴⁴.

Трудящиеся Польши с удовлетворением отметили это свидетельство дружбы со стороны советского народа.

«Еще раз наш народ убеждается, что в справедливом деле Польша может всегда рассчитывать на помощь и поддержку нашего великого советского союзника» ⁴⁵, — писала «Глос людю».

Дипломатическая акция Советского правительства в защиту законных прав Польской республики совпала по времени с новыми победами Советской и Польской армий. В конце марта 1945 г. были освобождены Гдыня и Гданьск. Народная Польша получала широкий выход к морю.

Польский народ горячо приветствовал Советскую армию.

«Кровь польских и советских солдат, пролитая в борьбе за общее дело свободы против общего врага — гитлеровской Германии, навсегда укрепила польско-советскую дружбу, и в этой дружбе мы видим условия силы и безопасности Польши. В братском содружестве наших народов виден путь к развитию и счастью нашего отечества», — говорилось в телеграмме командования 1-й Польской армии на имя И. В. Сталина в связи с освобождением Гданьска ⁴⁶.

Дальнейшее укрепление позиций народной Польши серьезно беспокоило англо-американские правящие круги. Активность врагов международного сотрудничества особенно усилилась после смерти президента Ф. Рузвельта. Г. Трумэн сразу же после вступления на пост президента выступил в поддержку польской реакции. Посол эмигрантского правительства в США Цехаповский, беседуя с Трумэном о польском вопросе, встретил у него полное понимание ⁴⁷.

Трумэн начал с того, что отверг советское предложение о приглашении представителей народной Польши на конференцию в Сан-Франциско. Вместе с тем были предприняты меры для того, чтобы Миколайчик мог фигурировать в списке кандидатов для включения в польское правительство. Англо-американские хозяева дали указание Миколайчику сделать, наконец, заявление об его отношении к Ялтинским постановлениям о Польше. Они опасались, что дальнейшая оттяжка может привести к тому, что Миколайчик не сможет попасть в состав нового польского правительства.

15 апреля 1945 г. Миколайчик опубликовал в Лондоне заявление о своем согласии с Крымскими решениями о Польше ⁴⁸, которое, по существу, являлось просьбой о допуске к участию в переговорах.

В то же время международная реакция, как отмечал В. Гомулка, «направила все усилия своей пропаганды на то, чтобы убедить общественность,

⁴⁴ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 152.

⁴⁵ «Głos ludu», 3.IV 1945.

⁴⁶ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 512.

⁴⁷ J. Ciechanowski. Указ. соч., стр. 365.

⁴⁸ См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. I, стр. 333.

что Англия и Америка, признавая правительство польской реакции в Лондоне, перевернут небо и землю, чтобы доставить это правительство в Варшаву хотя бы на танках»⁴⁹.

Однако позиции польского народного правительства, стоявшего на страже интересов трудящихся Польши, были непоколебимы. Гарантией независимости и суверенитета народной Польши явились дружба и боевое сотрудничество с Советским Союзом. В ходе совместной борьбы против общего врага — немецких милитаристов — в советско-польских отношениях произошел коренной перелом. С тех пор как к власти пришли трудящиеся, руководимые Польской рабочей партией, Советский Союз и Польша выступали под общим знаменем борьбы за социализм, Советский Союз оказывал народной Польше всестороннюю помощь и поддержку. Польша, в свою очередь, вносила вклад в дело разгрома гитлеровцев, твердо встала на путь социализма. Естественно, что польский и советский народы стремились к тому, чтобы закрепить коренной перелом в советско-польских отношениях и заключить договор о дружбе.

Еще в мае 1943 г., касаясь польско-советских отношений, И. В. Сталин отмечал, что они должны базироваться «на основе прочных добрососедских отношений в взаимного уважения, или, если этого пожелает польский народ, — на основе союза по взаимной помощи...»⁵⁰.

В середине апреля 1945 г. по всей Польше прокатилась волна митингов и собраний, на которых трудящиеся обращались к своему правительству с просьбой предпринять шаги для заключения договора между Польшей и СССР.

«Советский Союз и его доблестная Красная армия освободили нашу родину от немецких захватчиков, вооружили наше польское войско, — сказал, выступая на собрании железнодорожников станции Варшава-Восточная делегат съезда железнодорожников Польши Кич. — Кровью лучших своих сынов советский и польский народы скрепили между собой вечную дружбу. Мы, рабочие, а вместе с нами и весь польский народ, считаем, что пришло время скрепить этот союз законным актом»⁵¹.

На лодзинской фабрике «Вайда» выступил с речью рабочий Юзвяк, напомнивший, что о необходимости дружбы между Польшей и Советским Союзом говорил великий Ленин. «Эту дружбу советского народа мы чувствуем повседневно теперь, начиная восстанавливать свою Родину, — сказал Юзвяк. — Советский Союз — надежный союзник Польши. Вот почему мы хотим, чтобы наше правительство поставило перед правительством Советского Союза вопрос о заключении договора между Польшей и СССР»⁵².

К требованию рабочего класса Польши присоединилось польское крестьянство, за договор с Советским Союзом выступили солдаты, офицеры и генералы Польской армии.

Следует отметить характерную для новой, народно-демократической Польши черту: никогда прежде требование трудящихся масс не являлось законом для польских государственных деятелей. Участие народа в решении важнейших внешнеполитических вопросов стало возможным лишь благодаря ликвидации капиталистического строя.

Стремление польского народа к заключению советско-польского договора приветствовалось всей советской общественностью. Трудящиеся

⁴⁹ W. G o m u ł k a. W walce o demokrację ludową, t. I, str. 157.

⁵⁰ И. С т а л и н. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953, стр. 105.

⁵¹ «Правда», 14.IV 1945.

⁵² «Правда», 15.IV 1945.

СССР, как и трудящиеся Польши, считали необходимым закрепить советско-польский союз, сложившийся на основе общности жизненных интересов обоих народов.

Выполняя требование народа, Временное правительство Польской республики начало переговоры с Советским правительством о заключении договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве.

Правительства США и Англии попытались было воспрепятствовать заключению советско-польского договора. 18 апреля 1945 г. американский представитель в Москве, по поручению правительства Соединенных Штатов, обратился к Советскому правительству с просьбой отложить заключение советско-польского договора, по крайней мере, до тех пор, пока «польский вопрос» не будет снова обсужден представителями трех держав»⁵³.

В тот же день, 18 апреля, глава Советского правительства получил совместное послание Трумэна и Черчилля, в котором они настаивали на принятии англо-американских предложений в комиссии трех держав «для того, чтобы предотвратить крушение, со всеми неисчислимыми последствиями, наших усилий разрешить польский вопрос»⁵⁴.

Сочетая шантаж с дипломатическим маневром, Трумэн и Черчилль утверждали, что у Советского правительства сложилось «совершенно неправильное впечатление» о позиции США и Англии в вопросе о формировании польского правительства национального единства. Соединенные Штаты и Англия хотели любыми средствами если не предотвратить, то, по крайней мере, оттянуть заключение договора о дружбе между СССР и народной Польшей.

Советское правительство дало отпор этим попыткам. В ответе И. В. Сталина Черчиллю и Трумэну подчеркивалось, что действующее в Польше правительство пользуется доверием и поддержкой большинства польского народа⁵⁵.

19 апреля 1945 г. президент Крайовой рады народной Б. Берут, генеральный секретарь ЦК ППР В. Гомулка и другие члены польской правительственной делегации прибыли в Москву. «Прибытие вчера вечером в Москву руководителей варшавского правительства и исключительный прием, оказанный им русскими, — сообщало агентство Рейтер 20 апреля 1945 г., — рассматривается как предвестник того, что в ближайшее время между СССР и Польшей будет подписан договор о взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Хорошо информированные дипломатические круги считают, что это будет иметь далеко идущие последствия».

21 апреля 1945 г. в Кремле был подписан договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей на 20-летний период.

Еще в 1920 г. Советское правительство указывало, что желает добрососедских отношений с польским народом и всегда готово прийти на помощь и поделить последние, если сам польский народ этого захочет⁵⁶.

Сбросив оковы капитализма, польский народ впервые в своей истории получил возможность решать свою судьбу. Польско-советский договор явился осуществлением желания польского народа, вступившего на путь социализма, жить в дружбе и союзе с могучим социалистическим государством. Советское и польское правительства заключили этот договор, убеж-

⁵³ A. Bliss - Lane. I saw Poland betrayed. New-York, 1948, p. 100.

⁵⁴ «Переписка Председателя Совета Министров СССР...», т. I, стр. 330.

⁵⁵ См. там же, стр. 335.

⁵⁶ «Документы внешней политики СССР», т. III, 1959, стр. 59.

денные в том, что дальнейшее укрепление дружбы между СССР и Польшей «отвечает жизненным интересам советского и польского народов» и «будет служить делу успешного экономического развития обеих стран как в военное время, так и после войны»⁵⁷.

Статья 1-я договора гласила, что СССР и Польша будут продолжать борьбу против Германии до окончательной победы и обязуются оказывать друг другу военную и другую помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами⁵⁸.

В день, когда подписывалась эта статья, Центральная группа советских войск вела наступление западнее рек Одер и Нейссе. На Дрезденском направлении советские части форсировали реку Шпрее и стремительно продвигались вперед. Ломая сопротивление противника, Советская армия завязала бои в пригородах Берлина. В штурме столицы участвовали соединения Польской армии. Так воплощалась в жизнь статья 1-я советско-польского договора.

Подтвердив свою решимость совместно довести войну против фашистских захватчиков до полной и окончательной победы, Советский Союз и Польша, уверенные в том, что интересы безопасности и процветания советского и польского народов требуют сохранения и усиления в послевоенный период прочной и постоянной дружбы, обязались в статье 2-й договора «укреплять дружеское сотрудничество между обеими странами в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, а также невмешательства во внутренние дела другого государства»⁵⁹.

Долгие годы империалистические державы попирали суверенитет буржуазной Польши, рассматривали ее, как пешку в своей антисоветской игре. Так было в прошлом. Теперь отношения между народной Польшей и Советским Союзом строились на ленинских принципах равноправия и взаимной помощи, на принципах пролетарского интернационализма.

Не ограничившись признанием суверенитета Польши, Советское правительство выступило в защиту его от посягательств международного империализма. Борьба, которую вел Советский Союз за выполнение Крымских решений о Польше и за приглашение Польши на конференцию в Сан-Франциско, свидетельствовала о том, как настойчиво и решительно отстаивал Советский Союз суверенитет Польской республики еще до подписания польско-советского договора.

В статье 3-й договора СССР и Польша обязались по окончании войны с Германией «предпринимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое бы объединилось с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме»⁶⁰.

Для достижения этой цели, говорилось в договоре, Польша и СССР «будут участвовать в духе самого искреннего сотрудничества во всех международных действиях, направленных к тому, чтобы обеспечить мир и безопасность народов»⁶¹. Таким образом, статья 3-я создала прочную основу для сотрудничества СССР и Польши на международной арене и предопределила их дальнейшую совместную борьбу за осуществление демократических принципов послевоенного мира, против империалистической агрессии.

⁵⁷ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 198.

⁵⁸ Там же стр. 199.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

Идея солидарности в борьбе против агрессии со стороны Германии была одной из основных в договоре. Он гарантировал безопасность Польши и пезыблемость ее границ, укреплял безопасность Советского Союза, способствовал упрочению мира в Европе.

В отличие от «гарантий», которые капиталистические державы, в частности Англия, давали старой Польше и которые оказались фальшивыми, советско-польский договор четко определяет эффективные меры для предотвращения агрессии.

Статья 4-я договора предусматривает немедленную взаимную военную и другую помощь и поддержку, оказываемую участниками договора друг другу в случае их вовлечения в военные действия с Германией или «с каким-либо другим государством, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме» в агрессивной войне ⁶².

Для Советского и Польского правительств не являлось секретом, что еще во время войны с Германией враги мира разрабатывали планы использования немцев для новой войны против СССР и стран народной демократии.

Статья 4-я договора является серьезным препятствием для осуществления планов заправил НАТО, действующих заодно с немецкими реваншистами.

Большое значение для укрепления независимости Польши и ее развития по пути к социализму, для успешного коммунистического строительства в СССР имела статья 7-я договора, указывавшая, что обе договаривающиеся стороны «будут и после окончания настоящей войны сотрудничать в духе дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между обеими сторонами и помогать друг другу в восстановлении хозяйства обеих стран» ⁶³. Эта статья послужила базой для всестороннего равноправного и взаимовыгодного сотрудничества между СССР и Польшей, явилась залогом независимости народно-демократической Польши, гарантией ее дальнейшего развития по пути к социализму.

Советская и польская общественность приветствовали заключение договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Как только было получено сообщение об этом историческом событии, по всему Советскому Союзу состоялись митинги и собрания, на которых трудящиеся одобрили действия своего правительства. Дружественное отношение советского народа к польскому народу нашло свое выражение во всех выступлениях.

«С чувством глубокого удовлетворения встретили мы сообщение о заключении договора с Польшей. Мы приветствуем мудрую политику Советского государства. Навсегда ушло то время, когда народы Польши и Советского Союза были разобщены», — говорилось в резолюции, принятой на митинге рабочих шарикоподшипникового завода в Москве ⁶⁴.

Нерушимая дружба между советским народом и трудящимися народно-демократической Польши нашла свое отражение в призывах ЦК ВКП(б) к 1 мая 1945 г., гласивших:

«Привет братскому польскому народу, освобожденному от ига немецких захватчиков!».

⁶² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». т. III, стр. 199.

⁶³ Там же, стр. 200.

⁶⁴ «Правда», 25.IV 1945.

«Да здравствует храброе Польское войско, сражающееся вместе с Красной Армией за свободу и независимость своей Родины! Да здравствует союз и дружба между СССР и Польской республикой»⁶⁵.

Польский народ встретил сообщение о заключении советско-польского договора с энтузиазмом. На площадях Варшавы, Лодзи, Кракова, Люблина и других польских городов во время передачи по радио текста договора у репродукторов собрались многотысячные толпы людей. Стихийно вспыхивали митинги, участники которых выражали глубокое удовлетворение по поводу успешного завершения предпринятых по требованию польского народа переговоров с СССР и подписания договора. Польская печать единодушно приветствовала заключение договора.

Орган Польской рабочей партии «Głos ludu» в передовой статье указывал, что в дружбе с Советским Союзом польский народ видит свою силу, основу своего демократического развития, своей безопасности. Поэтому весь польский народ будет незыблемо стоять на страже этого великого исторического достижения, которого он добился под руководством демократического правительства Польской республики⁶⁶.

Товарищ В. Гомулка отмечал, что советско-польский договор отвечает интересам обоих народов — польского и советского, приносит большую пользу Польше⁶⁷.

Советско-польский договор, явившийся, в частности, новым свидетельством прочности положения народного правительства Польши, был встречен англо-американскими правящими кругами с раздражением. Они пытались создать впечатление, будто советско-польский договор неблагоприятно отразится на ходе переговоров по польскому вопросу.

«Англо-американские дипломаты очень пессимистично оценивают перспективы предстоящих переговоров представителей трех держав по вопросу о Польше, в связи с тем, что СССР и Польша подписали договор о дружбе сроком на 20 лет», — сообщало 22 апреля 1945 г. агентство «Юнайтед Пресс». «Конференция в Сан-Франциско открывается под несчастливой звездой, — утверждал журнал «Экономист». — Ей предшествовало подписание 20-летнего союзного договора между Россией и Варшавским правительством»⁶⁸.

Англо-американские правящие круги, пытаясь оправдать в глазах мирового общественного мнения свою политику дискриминации польского народа, распространили слух, что на Крымской конференции было якобы решено пригласить на конференцию в Сан-Франциско лишь представителей реорганизованного Польского правительства, но не представителей Временного польского правительства в Варшаве.

Советское правительство разоблечило эту очередную попытку извратить Крымские решения. ТАСС был уполномочен заявить, что сообщения такого рода совершенно не соответствуют действительности и что на Крымской конференции этот вопрос не только не был решен, но и вовсе не обсуждался. В опровержении подчеркивалось, что решения Крымской конференции не являются каким-либо препятствием к тому, чтобы на конференцию в Сан-Франциско были приглашены представители Временного польского правительства в Варшаве⁶⁹. Таким образом, ответственность

⁶⁵ «Правда», 28. IV 1945.

⁶⁶ «Głos ludu», 22.IV.1945.

⁶⁷ W. G o m u ł k a. W walce o demokrację ludową, t. I, str. 141.

⁶⁸ «The Economist», № 5305, 28.IV, 1945, p. 540.

⁶⁹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 488.

за недопущение Польши на конференцию в Сан-Франциско полностью песли правительства США и Англии.

Переговоры по польскому вопросу между СССР, США и Англией, состоявшиеся в конце апреля 1945 г. в Вашингтоне, показали, что США и Англия намерены продолжать политику саботажа Крымских решений о Польше. Трумэн, Стеттиниус и Иден по-прежнему стремились навязать Польше своих ставленников.

Из-за англо-американского саботажа урегулирование польского вопроса до открытия конференции в Сан-Франциско (25 апреля 1945 г.) оказалось невозможным.

На конференции в Сан-Франциско советская делегация настояла на постановке на пленарном заседании вопроса о приглашении Польши. Но англо-американская «машина голосования» уже тогда была пущена в ход. 19 государств Латинской Америки голосовали вместе с Соединенными Штатами и Великобританией против советского предложения о приглашении Польши, которое, таким образом, было отклонено. Однако в результате борьбы советской делегации за законные права польского народа, сан-францисская конференция решила оставить место для подписи Польши под документами конференции. Таким образом, Польша была включена в число государств-учредителей Организации Объединенных Наций.

В начале мая 1945 г. был завершен разгром фашистской Германии. Советская Армия, водрузившая знамя победы над Берлином, Советский Союз и его народ пользовались во всем мире огромным авторитетом и уважением. Империалисты всячески стремились умалить этот заслуженный авторитет, бросить тень на страну социализма и ее союзников.

С окончанием войны наступление англо-американского империализма на народную Польшу развернулось с новой силой. Международная реакция ставила перед собой цель вернуть страны Центральной и Юго-Восточной Европы и среди них Польшу в империалистический лагерь, изолировать Советский Союз и оградить его снова «санитарным кордоном».

Присутствие Советской армии-освободительницы в Польше лишило англо-американских империалистов и их агентуру — внутреннюю реакцию — возможности открытого вооруженного выступления против народной власти. Поэтому англо-американские правящие круги стремились дипломатическим путем добиться ликвидации польского народного правительства и замены его «правительством», в котором руководящая роль принадлежала бы ставленникам США и Англии. Такое «правительство», по их замыслу, должно было стать центром организации всех сил, враждебных народно-демократическому строю, и с помощью фальсифицированных выборов под англо-американским «наблюдением» окончательно захватить власть в свои руки. Поэтому правительства США и Англии настойчиво и упорно продолжали попытки навязать Советскому Союзу извращенное толкование Крымских решений о Польше. Как заявил государственный секретарь США Стеттиниус послу эмигрантского «правительства» Цехановскому, «Британия и США надеялись, что Советское правительство согласится на образование совершенно нового правительства, включая некоторых членов польского правительства в Лондоне»⁷⁰.

5 мая Стеттиниус и Иден, действуя совместно, заявили советскому представителю, что дальнейшие переговоры по польскому вопросу «должны приостановиться» *.

⁷⁰ Ciechanowski. Defeat in Victory, p. 381.

* «The New York Times», 6, V. 1945.

Срыв переговоров по польскому вопросу был кульминационным пунктом англо-американской политики шантажа и угроз. Однако это «сильнодействующее» средство не привело к желанному для США и Англии результату. Советская дипломатия твердо проводила курс на демократическое решение польского вопроса в интересах народной Польши, в интересах мира и безопасности в Европе.

Окончание войны поставило перед польским народом ряд важных задач в деле строительства сильной и независимой, социалистической Польши. Гитлеровские варвары причинили стране неисчислимый ущерб. Предстояла огромная восстановительная работа. Несмотря на большие трудности, Временное правительство Польской республики, опираясь на дружескую помощь СССР, уверенно приступило к решению этих серьезных задач. Первые успехи в восстановлении страны, достигнутые еще в период войны, показали, что эти успехи возможны были только потому, что раскрылись творческие силы польского рабочего класса, взявшего власть в свои руки и под руководством ППР перестраивавшего Польшу на новых, социалистических основах.

Польская рабочая партия увеличивала свое влияние среди трудящихся, превращаясь в массовую партию. Бурный рост ППР объяснялся тем, что своей беззаветной борьбой за интересы трудящихся польские коммунисты заслужили любовь и уважение народа.

Состоявшийся в мае 1945 г. пленум Центрального Комитета ППР отметил пути послевоенного развития польского государства и призвал всех честных поляков принять участие в великом труде по возрождению Польши.

Отметив, что Красная Армия спасла польский народ от истребления гитлеровскими захватчиками и возвратила ему свободу и независимость, пленум ЦК ППР обязал всех членов партии вести самую острую и непримиримую борьбу с классовым врагом, который пытался нарушить дружественные и добрососедские отношения между СССР и Польшей, закрепленные договором от 21 апреля 1945 г.

Решения пленума ЦК ППР поднимали польский рабочий класс на борьбу против происков империалистов и их агентов. Центральный Комитет ППР предупреждал при этом, что враги демократии действуют зачастую под маской «обеспечения» демократических прав народов.

«Спор в советско-англо-американской комиссии, созданной Крымской конференцией с целью урегулирования вопроса о расширении состава польского Временного правительства, является результатом действий польской реакции и поддерживающих ее реакционных сил в других странах, стремящихся укрепить свои позиции при помощи польской реакции»,⁷¹ — говорилось в решениях пленума.

Майский пленум ЦК ППР отметил дальнейшую консолидацию сил и укрепление единства польского рабочего класса и широких трудящихся масс в борьбе за новую Польшу.

Итак, завершение войны для народной Польши было ознаменовано, с одной стороны, укреплением союза и дружбы с Советским Союзом, с другой — усилением натиска правящих кругов Соединенных Штатов и Англии, срывающих выполнение Крымских решений о Польше.

Весьма важное значение для разрешения польской проблемы на основе Крымских решений имело заявление Советского правительства по польскому вопросу, сделанное 18 мая 1945 г.

⁷¹ «PPR. Rezolucji, odezwy, instrukcje i okólniki Komitetu Centralnego. VIII. 1944—XII 1945». Warszawa, str. 137.

Советский Союз считал безусловно необходимым при решении польского вопроса соблюдение следующих условий:

а) если при реконструкции Польского Временного правительства последнее будет признано как основное ядро будущего Польского Правительства Национального Единства...

б) если в результате реконструкции будет создано в Польше такое правительство, которое будет проводить политику дружбы с Советским Союзом, а не политику «санитарного кордона» против Советского Союза;

в) если вопрос о реконструкции Польского Временного правительства будет решен вместе с поляками, связанными в настоящее время с польским народом, а не без них ⁷².

Советское заявление давало ясную и конкретную программу достижения соглашения по польскому вопросу, отвечающего национальным интересам польского народа. Правящие круги США и Англии постепенно убеждались в тщетности попыток диктовать свои условия Временному польскому правительству. Благодаря признанию и поддержке со стороны Советского Союза, отсутствие дипломатических отношений с США и Англией не играло существенной роли для народно-демократического государства, хотя и затрудняло решение некоторых вопросов.

Дальнейший отказ США и Англии от выполнения Крымских решений о Польше был невыгоден прежде всего для них самих. Как известно, в Ялте было достигнуто соглашение о вступлении Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе. США и Англия были крайне заинтересованы в этом, так как не обладали достаточными силами, чтобы быстро обеспечить победу над милитаристской Японией. По свидетельству Черчилля, американские военные власти полагали, что война с Японией будет продолжаться еще 18 месяцев после окончания войны с Германией ⁷³.

Затягивая выполнение решений Ялтинской конференции о Польше, США и Англия затрудняли для самих себя обращение к Советскому Союзу с просьбой ускорить выполнение решения о вступлении в войну против Японии. Между тем, именно с такой просьбой они намерены были обратиться в мае 1945 г. к Советскому правительству. Это было одной из основных причин посланки в Москву Гарри Гопкинса, специального представителя президента США. Гопкинсу было поручено также вести переговоры по польскому вопросу.

Всего лишь за две недели до этого решения посол США при польском эмигрантском «правительстве» Блисс-Лейн обратился в государственный департамент с антисоветским меморандумом, в котором настаивал, чтобы правительство США заняло «твердую позицию» в польском вопросе. Ознакомившись с меморандумом в присутствии Блисс-Лейна, заместитель государственного секретаря США Грю заявил ему: «Я на сто процентов согласен с вашей точкой зрения» ⁷⁴. Спустя несколько дней Блисс-Лейн был принят президентом Трумэном, перед которым он повторил свои антисоветские предложения, встретив у Трумэна «полное понимание» ⁷⁵. Таким образом, данное Гопкинсу поручение вести переговоры по польскому вопросу свидетельствовало об отступлении англо-американской дипломатии. Когда доверенный лондонской эмигрантской клики в Вашингтоне Цехановский узнал о миссии Гопкинса, то он, по его собственному

⁷² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 266.

⁷³ W. Churchill. The Second World War. Vol. VI. London, 1954, p. 340.

⁷⁴ A. Bliss-Lane. Указ. соч., стр. 107.

⁷⁵ Там же, стр. 115.

признанию, понял, что Гопкинс будет настаивать «самое большое на формуле, спасающей их престиж» ⁷⁶.

В конце мая 1945 г. Г. Гопкинс имел несколько встреч в Москве с руководителями Советского правительства, во время которых обсуждался и польский вопрос. О ходе переговоров Гопкинс телеграфно докладывал Трумэну, который в свою очередь, немедленно информировал Черчилля. Таким образом, Гопкинс фактически представлял не только Соединенные Штаты, но и Англию.

В ходе переговоров с Гопкинсом представители Советского правительства подчеркивали, что при реконструкции польского Временного правительства последнее должно явиться основным ядром будущего Правительства национального единства и что вопрос о реконструкции правительства должен быть решен вместе с поляками, действительно представляющими польский народ.

В течение предыдущих трех месяцев американский и английский представители в Московской комиссии трех держав возражали против этой единственно правильной интерпретации Крымских решений, пытались навязать народной Польше реакционное правительство. Советское правительство сорвало эти попытки. СССР помог укрепиться народно-демократическому строю, пользовавшемуся полной поддержкой трудящихся масс Польши.

Прочность позиции польского Временного правительства отмечали и добросовестные наблюдатели на Западе. Настоятель Кентерберийского собора доктор Хьюлетт Джонсон, посетивший Польшу в мае 1945 г., заявил представителям печати: «В Польше существует вполне устойчивое правительство, не менее устойчивое, чем в какой-либо другой стране. Политика, проводимая в области сельского хозяйства, не будет изменена. Польша будет восстановлена. Ее восстановление было бы ускорено в результате установления нормальных отношений с Англией и США, но оно будет осуществлено и без этого» ⁷⁷.

В конце концов Гопкинс принял советские условия возобновления переговоров в Московской комиссии трех держав.

На вопрос, заданный Трумэну на пресс-конференции относительно позиции американского правительства по вопросу о формировании Польского правительства национального единства, Трумэн ответил, что эта позиция «изменилась» ⁷⁸.

Это свидетельствовало о новом успехе СССР в деле защиты независимости народно-демократической Польши и о просчете англо-американской дипломатии. Переговоры в Комиссии трех держав, прерванные США и Англией с целью шантажировать Советский Союз, были возобновлены на условиях, выдвинутых Советским Союзом.

В начале июня 1945 г. было достигнуто соглашение о приглашении в Москву для консультаций, предусмотренных в Крымском соглашении о Польше, в первую очередь, представителей Временного польского правительства. В число приглашенных были также включены Миколайчик и некоторые другие лица, рекомендованные представителями Англии и США ⁷⁹.

Вопреки настояниям США и Англии, ни один из членов лондонского эмигрантского «правительства» не был приглашен для консультаций

⁷⁶ I. Ściechański. Указ. соч. стр. 381.

⁷⁷ «Известия», 6.VI 1945.

⁷⁸ См. «Правда», 15.VI 1945.

⁷⁹ См. «Внешняя политика Советского Союза...», т. III, стр. 294.

в Москву. «Мы очутились там, где находились 3 месяца тому назад»⁸⁰, — отмечал государственный секретарь США Бирнс, признавая тем самым провал попыток заставить Советский Союз отступить от Крымского соглашения о Польше.

«Из Ялтинского соглашения всегда было ясно, — писал английский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн», — что реорганизованное правительство должно было быть создано вокруг ядра нынешнего варшавского правительства. Лондон уже больше не предлагает кандидатур, выдвигаемых лондонскими поляками, но по очевидным причинам, неприемлемых для Москвы и для Временного правительства»⁸¹.

13 июня 1945 г. в Москву прибыла польская правительственная делегация во главе с президентом КРН Болеславом Берутом. Торжественная встреча, устроенная на аэродроме представителям народной Польши, свидетельствовала об авторитете Временного польского правительства.

В последующие дни из Польши и из Лондона прибыли лица, приглашенные Комиссией трех держав для участия в московских переговорах.

Представители Временного правительства Польской республики отправлялись для переговоров в Москву, имея поддержку подавляющего большинства польского народа. Успешная борьба Советского правительства за выполнение Крымских решений о Польше обеспечила представителям Временного правительства решающий голос в предстоящих совещаниях. В этих условиях англо-американский ставленник Миколайчик и его сторонники были лишены возможности внести какие-либо изменения в программу нового правительства по сравнению с программой Временного правительства.

«Сейчас вопрос о том, будет ли Миколайчик участвовать в этом правительстве или нет, не играет никакой роли, — заявил президент КРН Берут после заключения советско-польского договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. — Обстоятельства изменились»⁸².

Ни основы народно-демократической власти в Польше, ни ее формы безусловно не подлежали никакому изменению. Руководители Временного правительства подчеркнули при этом, что союз и дружба с СССР будут и впредь краеугольным камнем политики Польши.

Миколайчик не мог ничего противопоставить этой программе, которую поддерживал польский народ. Он понимал, что попытка Соединенных Штатов и Англии извратить Крымские решения о Польше потерпела полное поражение.

В результате совещаний между поляками было достигнуто соглашение по вопросу о преобразовании Временного правительства Польской республики во Временное правительство национального единства на условиях, которые выдвинули представители Временного правительства.

Как отмечал В. Гомулка, «политической платформой соглашения был Манифест Польского Комитета Национального Освобождения, что подчеркивало, что Правительство национального единства... будет продолжать политику, начатую ПКНО и начертанную в его Манифесте»⁸³.

Представители народно-демократической Польши согласились на включение в состав польского правительства Миколайчика — ставленника империалистов. Объяснялось это тем, что руководители Польского государства были твердо уверены в полном одобрении трудящимися Польши проводимой ими политики, рассчитанной на социалистическое переустройство

⁸⁰ J. B y r n e s. Speaking frankly, p. 65.

⁸¹ См. «The New Statesman and Nation», 16.VI 1945, N 747, p. 382.

⁸² «Красная звезда», 24.IV 1945.

⁸³ W. G o m u ł k a. W walce o demokrację ludową t. I, str. 279—280.

ство страны и укрепление дружбы и союза с СССР. Они могли рассчитывать на силы ППР и всей польской демократии, на поддержку Советского Союза. Всякая попытка столкнуть Польшу с пути демократического развития должна была окончиться крахом для ее инициаторов. Вместе с тем необходимо было дать возможность колеблющимся и неустойчивым элементам в польском демократическом лагере, еще не избавившимся до конца от влияния враждебной пропаганды, на своем собственном опыте убедиться в разнице между словами и делами реакционеров типа Миколайчика. Борьба рабочего класса во главе с ППР против агентов враждебных классовых сил, Миколайчика и его приспешников, должна была повысить активность трудящихся масс и еще теснее сплотить их вокруг народно-демократического правительства.

Соглашение об образовании Правительства национального единства должно было повлечь за собой признание нового правительства США и Англией и облегчить тем самым репатриацию миллионов поляков из английской и американской оккупационных зон в Германии, а также из польской армии за границей, ускорить возвращение польского имущества из-за рубежа и т. д. Кроме того, признание польского правительства вынуждало правительство США и Англии отказаться от формального признания лондонского эмигрантского «правительства», и, таким образом, укрепляло международное положение народной Польши. Следовательно, достигнутое на основе Ялтинских постановлений соглашение отвечало интересам польского народа.

«Рекострукция Временного правительства и образование Правительства национального единства имеют существенно важное значение как для внутренней жизни Польши, так и для укрепления мира в Европе»,⁸⁴ заявил президент Берут.

Московское соглашение отвечало вместе с тем и интересам Советского Союза и всех миролюбивых государств.

«Создание Временного правительства национального единства на базе Временного польского правительства, продолжение его линии в области внутренней и внешней политики обеспечит успешное развитие и процветание новой, сильной, независимой, демократической Польши, идущей рука об руку с великим Советским Союзом и всеми братскими славянскими народами»⁸⁵, — указывала в передовой статье «Правда».

Создание правительства национального единства при сохранении руководящей роли Польской рабочей партии и прежней правильной политической линии имело положительное значение для народной Польши. В связи с этим важным событием по всей Польше прошли митинги, одобрявшие действия руководителей страны.

5 июля 1945 г. Англия и США заявили о своем признании Польского правительства национального единства. Характерный штрих: признание по просьбе Цехановского было отложено на один день⁸⁶.

На Потсдамской конференции (июль 1945 г.) руководители США и Англии заявили, наконец, что установление дипломатических отношений с Польским правительством национального единства привело к прекращению признания ими эмигрантского «правительства», которое, как гласили Потсдамские решения о Польше, «больше не существует»⁸⁷.

Таким образом, борьба Советского Союза за выполнение Крымских решений о Польше увенчалась полным успехом.

⁸⁴ «Robotnik», 28.VI 1945.

⁸⁵ «Правда», 23.VI 1945.

⁸⁶ J. C i e s h a n o w s k i. Указ. соч., стр. 385.

⁸⁷ «Внешняя политика Советского Союза...», т. III, стр. 350.

Р. П. Гришина

НОВЫЙ ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В БОЛГАРИИ В 1928—1929 гг.

Годы временной и частичной стабилизации капитализма ознаменовались в капиталистических странах новым резким обострением противоречий между трудом и капиталом. Стаечное движение шахтеров Германии, текстильщиков Франции и США, всеобщая Лодзинская стачка в Польше, борьба сельскохозяйственных рабочих в Чехословакии, волна забастовок в Индии, — вот далеко не полный перечень событий, свидетельствовавших о начале нового подъема международного рабочего движения.

X пленум Исполкома Коминтерна, проходивший в июле 1929 г., отметил, что в 1928 — 1929 гг. полевание пролетариата во всех странах и нарастание нового подъема рабочего движения происходило особенно активно.

В эту борьбу международного пролетариата внес свой вклад и мужественный болгарский рабочий класс.

Вынужденный временно отступить под ударами фашистской диктатуры в 1923—1925 гг., болгарский пролетариат под руководством нелегальной компартии сумел собрать свои силы и в 1928—1929 гг. вновь стать одним из важнейших факторов общественной жизни. От отдельных разрозненных выступлений предыдущих лет болгарский рабочий класс перешел к систематической экономической и политической борьбе против фашистской диктатуры. Особую остроту приобрела эта борьба весной и летом 1929 г., когда в стране развернулось стачечное движение такой силы и такого размаха, каких не знала Болгария со времени установления фашистской диктатуры.

Новый подъем рабочего движения в Болгарии в 1928—29 гг. — одна из героических страниц боевого прошлого болгарского пролетариата, заслуживающая самого тщательного изучения. Мужество и стойкость болгарских рабочих в эти годы высоко оценивались Коминтерном и Профинтерном. X пленум Исполкома Коминтерна отмечал всеобщую стачку табачников страны в числе крупнейших классовых боев международного пролетариата 1929 г.¹ Исполнительное бюро Профинтерна специально рассматривало вопрос о стачечной борьбе в Болгарии. Оно обратилось к пролетариату всех стран с призывом оказать моральную и материаль-

¹ «X пленум ИККИ. Тезисы, резолюции, постановления», 1929, стр. 19.

ную помощь болгарским рабочим². На огромное значение всеобщей стачки табачников для болгарского рабочего движения и особенно для борьбы против фашистской диктатуры указывал Г. М. Димитров, посвятивший стачке специальную статью³.

Большое внимание событиям в Болгарии в 1928—29 гг. уделяла коммунистическая печать, в частности материалы о рабочем движении в стране публиковались на страницах журналов «Коммунистический Интернационал», «Красный интернационал профсоюзов». «Internationale Presse Korrespondenz». Правда, в основном эти материалы носили информационный характер, но уже тогда делались попытки анализировать и обобщать опыт борьбы болгарского пролетариата⁴.

Буржуазная историография вообще игнорировала проблемы рабочего движения: в трудах буржуазных историков Н. Станева⁵, И. Орманджиева⁶ нет ни одного упоминания о классовой борьбе в Болгарии в интересующий нас период. Более того, эти авторы явно фальсифицировали историю, утверждая, будто правление Липчева было временем спокойствия и умиротворения народа, временем «народного подъема».

Научная разработка вопросов рабочего движения стала возможной в Болгарии только с установлением народно-демократической власти.

В настоящее время коллективом авторов ведется большая работа по изучению истории болгарского профсоюзного движения, предварительным результатом которой является книга Д. Коджейкова, В. Хаджишкова и Я. Йоцова «Рабочее и профсоюзное движение в Болгарии», переведенная в 1959 г. на русский язык⁷. Книга представляет собой краткий очерк профсоюзного движения, охватывающий период более чем в 50 лет, и, по заявлению самих авторов, не претендует на полноту освещения вопроса. Ценность этого труда в том, что он является первой и пока единственной попыткой проследить основные линии развития профсоюзного движения в Болгарии с момента его возникновения и до установления народно-демократической власти.

Рабочее движение Болгарии в 1928—1929 гг. частично получило освещение во втором томе «Истории Болгарии», изданной Болгарской Академией наук⁸, но сам характер этого труда ограничил исследовательские возможности авторов.

В последнее время появился ряд работ, свидетельствующих о том, что болгарские историки приступили к непосредственному изучению вопросов рабочего движения в годы временной и частичной стабилизации капитализма. В этом отношении весьма интересна статья П. Близнакова о создании и укреплении легальной Рабочей партии⁹. История стачечной

² «Красный интернационал профсоюзов», 1929, № 7, стр. 571.

³ Г. М. Димитров. Общата тютюноработническата стачка в България. Съчинения, т. 8. София, 1953, стр. 403—407.

⁴ См. Х. Розов. Борба независимых профсоюзов против фашистского террора; с его же, Всеобщая стачка табачников.— «Красный интернационал профсоюзов», 1929, № 2, 7; Б. Сапото. Уроки стачечной борьбы.— «Красный интернационал профсоюзов», 1929, № 8—9.

⁵ Н. Станев. Нова България. 1878—1942. София, 1942.

⁶ И. Орманджиев. Нова и пай-нова история на българския народ. София, 1945.

⁷ Д. Коджейков, В. Хаджишкова, Я. Йоцова. Революционното профсъюзно движение в България. София, 1957.

⁸ «История на България», т. 2. София, 1955.

⁹ П. Близнаков. Създаване и укрепване на легалната Работническа партия в България (1927—1929).— «Трудове на Висшия институт за народно стопанство «Д. Благоев», гр. Варна, кн. II. Варна, 1960.

борьбы болгарского рабочего класса посвящена большая монография коллектива авторов, в отдельной главе которой рассматривается стачечная борьба в период капиталистической стабилизации и экономического кризиса (1925—1934)¹⁰. Ценность этих исследований — в привлечении огромного фактического материала, в тщательной разработке архивных документов. Большое удовлетворение вызывает внесение В. Василевым коррективов в ошибочную периодизацию стачечного движения, имевшую место в болгарской литературе¹¹.

Нужно отметить, что при всей важности разработки вопросов рабочего движения в Болгарии в годы капиталистической стабилизации в болгарской исторической науке сделаны только первые шаги в этом направлении и предстоит еще большая исследовательская работа.

Советскими историками эти вопросы изучены еще в меньшей степени. За исключением соответствующего раздела в обобщающем двухтомном труде АН СССР «История Болгарии»¹² отсутствуют какие-либо работы по данному периоду.

Задача настоящей статьи — попытаться осветить основные вопросы рабочего движения Болгарии в 1928 и 1929 гг., главные направления его развития, его сильные и слабые стороны, показать большую организаторскую работу Болгарской коммунистической партии и рабочих организаций по сплочению сил пролетариата, по мобилизации трудящихся на политические выступления против фашистской диктатуры, на экономическую борьбу за улучшение условий существования рабочих.

При написании данной работы были использованы парламентские отчеты, болгарская периодическая печать, статистические сборники.

Среди документального материала большую важность представляют документы Болгарской коммунистической партии, собранные в сборнике «Болгарская коммунистическая партия в решениях и резолюциях конференций и пленумов ЦК». ¹³ В нем собраны резолюции конференций и пленумов ЦК Болгарской коммунистической партии, проходивших нелегально в 1924—1944 гг. Особенно важной для понимания основных вопросов рабочего движения Болгарии в 1928—1929 гг. явилась резолюция II нелегальной конференции Болгарской коммунистической партии, состоявшейся в декабре 1927 — январе 1928 г. в Берлине. В резолюции были сформулированы задачи, вставшие перед БКП в условиях временной и частичной стабилизации капитализма, и в первую очередь задача сплочения рабочего класса и всех трудящихся в антифашистский блок труда.

Документы коммунистической партии и комсомола частично представлены в фондах Государственного музея Революции СССР: нелегальные листовки, призывы, обращения и т. п. Кроме того, о деятельности болгарских подпольных организаций того времени можно судить также по материалам, опубликованным в нелегально выходивших изданиях, в частности

¹⁰ В. Василев. Стачното движение в периода на стабилизацията на капитализма и новата икономическа криза (1925—1934). — В кн.: В. Хаджишников, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960.

¹¹ В «История на България», в указанной книге Д. Роджейкова, В. Хаджишковой и Я. Йоцова стачечное движение весны и лета 1929 г. рассматривалось в разделе «Болгария в период мирового экономического кризиса», что совершенно неправильно, ибо эта стачечная борьба явилась результатом процессов, связанных с временной и относительной стабилизацией капитализма, а отнюдь не с кризисом, действие которого проявилось в Болгарии не раньше начала второго полугодия 1929 г.

¹² «История Болгарии», т. I. М., 1954; т. II. М., 1955.

¹³ «Българската Комунистическа партия в резолюции и решения на конференции и пленумите на ЦК». Том III. 1924—1944 г. София, 1954.

в журнале «Комунистическо Знаме», теоретическом органе Болгарской коммунистической партии.

Чрезвычайную ценность представляет рабочая печать: газета «Работническо дело» — орган рабочей партии, газета «Единство» — орган Независимых Рабочих профсоюзов, рабочие газеты «Новини», «Работничка», журнал «Наковалня» и др. В этих газетах публиковался ценный документальный материал о деятельности легальных рабочих организаций, в частности материалы I конференции рабочей партии (сентябрь 1928), циркуляры ЦК Рабочей партии и ЦК Независимых рабочих профсоюзов к своим организациям, бюллетени о ходе стачечной борьбы. Само собой разумеется, что ценность рабочей прессы заключается не только в публикации документов: печать является незаменимым источником, передающим дух времени, атмосферу острой классовой борьбы в Болгарии в 1928—1929 гг.

Немалый интерес в этом отношении представляет и буржуазная пресса, достаточно четко освещавшая позиции буржуазии по основным вопросам, связанным с рабочим движением того периода. Ежедневная газета «Слово», являвшаяся рупором фашистского правительства Ляпчева, буржуазные газеты «Мир», «Политика», «Независимость» и другие дают значительный материал, рисующий обстановку в стране в интересующие нас годы. Особый интерес представляют материалы пловдивской «Борбы», освещавшей события в одном из наиболее крупных центров рабочего движения в Болгарии.

Другую группу источников представляют парламентские отчеты, ценность которых, помимо публикации в них законов, принятых Народным Собранием, состоит еще и в том, что они наравне с прессой являются лучшими свидетелями эпохи, отражающими основные события, происходившие в стране, рисующими позиции различных политических сил.

Наконец, последняя группа источников — статистические материалы, собранные в таких изданиях, как «Статистически годишник на царство България», «Земледелска статистика», «Статистика на пасърдчаваната индустрия» и других. Состояние статистики в буржуазной Болгарии весьма неудовлетворительно. Она страдает неполнотой сведений; в ней нашел широкое распространение метод средних цифр, маскирующий действительное положение дел; кроме того, данные официальной статистики в ряде случаев недостоверны, как например, в разделе о стачках. Тем не менее сборники статистических материалов позволяют проследить основные направления развития экономики страны, представить общую картину и тенденции развития факторов, характеризующих положение рабочего класса.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА БОЛГАРИИ В ГОДЫ ВРЕМЕННОЙ И ЧАСТИЧНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА

В результате государственного переворота 9 июня 1923 г. в Болгарии была установлена фашистская диктатура. Несмотря на сопротивление трудящихся, поднявшихся в сентябре 1923 г. на вооруженное восстание, фашисты сумели укрепить свою власть.

Поражение сентябрьского восстания стало исходным пунктом временного отлива рабочего движения и некоторого закрепления позиций буржуазии, исходным пунктом стабилизации политической власти буржуазии. Узость социальной базы фашистской диктатуры была одной из главных причин относительности и шаткости этой стабилизации: правительство

Цанкова, не имея поддержки в массах, держалось у власти в основном силой террора. В стране проводились многочисленные аресты. Почти 20 тыс. рабочих и крестьян, сочувствовавших народной борьбе или только заподозренных в этом, были брошены в тюрьмы, сотни антифашистов были расстреляны¹⁴. Обычным явлением стали убийства из-за угла, бесследные исчезновения. Многие активные деятели революционного движения вынуждены были эмигрировать и среди них — Г. Димитров и В. Коларов.

В январе 1924 г. парламент принял Закон об охране государства¹⁵, запрещавший существование 40-тысячной Болгарской коммунистической партии, революционных профсоюзов, объединявших 35 тыс. человек, комсомола и других рабочих организаций¹⁶. Была запрещена и рабочая печать, имевшая в два раза больший тираж, чем вся буржуазная и социал-демократическая пресса¹⁷.

В 1926 г. Цанкова на посту премьер-министра сменил более ловкий и опытный политик в лице Ляпчева. Главной задачей нового правительства было, не затрагивая сущности фашистской диктатуры, изменить ее методы, завуалировать террор, вызывавший протест не только со стороны болгарского народа, но и со стороны международной общественности.

Новая линия во внутренней политике, направленная на «умиротворение страны»¹⁸, выразилась в разрешении существования рабочих профсоюзов, печати, организаций. Истинной причиной этих послаблений режима было стремление правительства создать своеобразный клапан для выхода революционной энергии трудящихся, а также поставить под свой контроль деятельность рабочих организаций.

Но политика Ляпчева, официально названная «со кротце, со благо», ничего не меняла в существе фашистской диктатуры. На основании принятого при Цанкове исключительного закона новое правительство преследовало не только подпольные компартию и комсомол, но и им же разрешенные легальные организации рабочего класса. Клубы этих организаций подвергались частым полицейским налетам, сопровождавшимся повальными обысками, арестами, конфискациями. Широко практиковались разные способы преследования, беспричинные аресты активных деятелей движения, многих из которых за отсутствием состава преступления в конце концов выпускали на свободу. Власти стремились, сохраняя видимость законности, на многие месяцы, пока велось следствие, прятать в тюрьму нежелательных властям лиц. А методы следствия оставались прежними — пытки и истязания, заставлявшие арестованных сознаваться в преступлениях, которых они не совершали. Эта система имела целью нанести движению главным образом моральный урон, запугать людей угрозами и репрессиями, сломить их волю к борьбе. Ту же задачу преследовали шумные политические процессы над коммунистами и комсомольцами, которых полиции удавалось схватить.

Разрешив существование рабочей печати, правительство Ляпчева на основании того же фашистского закона об охране государства подверга-

¹⁴ Г. М. Димитров. Кървавият поход против работническото движение. Съчинения, т. 8, стр. 118.

¹⁵ Приложения към стенографските дневници на XXI ОНС, 1 р. с., т. II. София, 1924, стр. 11—12.

¹⁶ Г. М. Димитров. История на кървавия терор в България. Съчинения, т. 8, стр. 84.

¹⁷ Характерно, что за принятие исключительного закона голосовали и социал-демократические депутаты.

¹⁸ См. интервью Ляпчева корреспонденту газеты «Neue Freie Presse». — Досье Института истории АН СССР, Д-14, 1929, № 9.

ло ее постоянным ограничениям: конфискациям, запрещениям, цензуре, штрафам. Один за другим оказывались на скамье подсудимых редакторы рабочих газет и журналов. Только за период с января 1926 по июнь 1927 г. было конфисковано около 150 номеров рабочих газет. За тот же период было закрыто 16 клубов¹⁹. В 1927—1928 гг. власти конфисковали документы и имущество рабочих организаций на сумму 1,5 млн. левов²⁰.

Так реализовалась политика «со кротце, со благо». Но правительство не отказалось до конца и от открытого террора, используя в этом отношении услуги фашистских организаций, «безответственных элементов» и «неизвестных лиц». Московская «Правда» сообщала, что «по официальным данным главного политического управления, в 1928 г. в Болгарии неизвестными лицами было убито 736 чел. и ранено 750 чел., 10 чел. „пропали без вести“»²¹. Так что Ляпчев явился «достойным» преемником своего предшественника. С полным основанием писал В. Коларов по поводу прихода к власти правительства Ляпчева: «Роли и суфлеры остались теми же, сменились только некоторые из артистов»²².

Но правительство Ляпчева располагало более прочными связями с империалистическими кругами Англии и Франции, чем правительство Цанкова. Оно имело и более широкую социальную базу, за счет поддержки не только крупной, но частично и средней буржуазии. Из-за временного отлива рабочего движения в стране существовало относительное спокойствие. Все это позволило буржуазии в какой-то мере укрепить свою власть. Стабилизации политической власти буржуазии способствовали и успехи в области экономики.

Правда, если стабилизация во всех капиталистических странах была временной и относительной, то в Болгарии она приобретала в силу общего недостаточного экономического развития, преобладания в экономике отсталого сельского хозяйства, недостатка свободных капиталов особенно неустойчивый и частичный характер.

По-прежнему в деревне господствовало мелкое, раздробленное крестьянское хозяйство, которое не имело ни средств, ни возможностей для применения новой техники и удобрений, для рационализации. Хотя за годы капиталистической стабилизации был достигнут и превзойден довоенный уровень по размерам обрабатываемой площади, по поголовью рабочего скота и т. д., никаких существенных изменений в сельском хозяйстве не произошло. Насколько относительными были успехи в этой отрасли, видно из того, что такой важнейший показатель, как средняя урожайность культур, за 1924—1928 гг. оставался ниже среднего уровня 1908—1912 гг.²³

Что касается промышленности, то прогресс, достигнутый ею за годы капиталистической стабилизации, носил более ощутимый, но столь же неустойчивый и временный характер. Это особенно хорошо видно на примере таких отраслей болгарской промышленности, как сахарная, пищевая, текстильная, табачная.

¹⁹ Из выступления А. Бояджиева на публичном собрании в Софии 24 февраля 1929 г. — См. «Работническо дело», 25.II 1929.

²⁰ См. Сообщение венского корреспондента ТАСС. — Досье Института истории АН СССР, Д-14, 1929, № 11.

²¹ «Правда», 16.I 1929.

²² В. Коларов. Комунистите обвиняват. — Избрани произведения, т. 2, София, 1955, стр. 143—144.

²³ «Статистически годишник на царство България». Год. XXI—XXII. София, 1930, стр. 142.

До первой мировой войны в Болгарии имелся только один сахарный завод и сахар ввозился из-за границы. В 1928 г. пять сахарных заводов производили уже столько сахара, что Болгария смогла вывезти за границу 9046 т²⁴. Все пять заводов были крупными, а в Горно-Ореховице на базе сахарного завода возник целый комбинат (спиртовая фабрика, кондитерская, по производству глюкозы и т. п.); занято здесь было не меньше 3 тыс. рабочих²⁵.

Однако даже в наиболее благоприятные для развития сахарной промышленности годы не только не использовались целиком ее производственные мощности²⁶, но и производимое количество сахара не потреблялось полностью внутренним рынком из-за низкой покупательной способности населения²⁷. В силу этого, а также из-за трудностей сбыта на внешних рынках, происходило накопление больших запасов переработанной продукции. Так, к 1927 г. имелось 35,9 тыс. т непроданного сахара, в 1928 г. — 35,5 тыс. т, в 1929 г. — 42 тыс. т, т. е. такое количество, которое было выше годовой продажи сахара на внутреннем рынке²⁸.

Подобным же было положение и в текстильной промышленности. Успехи, достигнутые в текстильной промышленности за годы временной и частичной капиталистической стабилизации, выразились как в росте числа фабрик (за один только 1927 г. появилось 19 новых чулочных и трикотажных фабрик)²⁹, так и в модернизации производства многих из них. Особый прогресс был отмечен в шерстяной и хлопчатобумажной отраслях.

Но текстильных фабрикантов преследовали те же трудности сбыта продукции на внутреннем и внешнем рынках, что и сахарозаводчиков. По данным Промышленного совета при Министерстве торговли, промышленности и труда, в 1928 г. существовало перепроизводство («пресыщенность») в трикотажном и грубошерстном производстве, частично в хлопчатобумажном производстве³⁰. Не находила сбыта и продукция 15 галантерейных фабрик³¹.

Такое же положение существовало и во всех других отраслях промышленности.

В годы временной и частичной стабилизации капитализма в Болгарии усилился процесс концентрации и централизации капиталов, что приводило к довольно быстрому росту акционерных обществ, а также монополистических объединений, в основном картелей. Однако для капиталистической Болгарии, где по существу отсутствовала тяжелая промышленность, нельзя говорить о действительно высоком уровне концентрации производства, так как в стране преобладало мелкое производство, число крупных предприятий было невелико.

В этих условиях решающая роль в развитии монополистических объединений принадлежала иностранному капиталу, который занимал боль-

²⁴ «Статистика за търговията на царство България с чуждите държави през 1928 г.» София, 1930, стр. 72.

²⁵ Ж. Натан, Л. Бероу. Монополистическият капитализъм в България. София, 1958, стр. 163—164.

²⁶ Д. Весов. Суровите материали в индустрията ни. София, 1933, стр. 41.

²⁷ На душу населения в Болгарии приходилось всего лишь 5 кг потребляемого сахара в год, в то время как в Англии — 39 кг, в Чехословакии — 26 кг. — См. «Коммунистическо знаме», 1926, № 1—2, стр. 68.

²⁸ И. Хаджинлиев. Натрупването и потреблението в икономиката на България при капитализма. София, 1957, стр. 132.

²⁹ Die Wirtschaft des Auslands. 1928. Berlin, 1929, S. 206.

³⁰ Г. Наумов. Поглед върху едрата индустрия и защитата ѝ. София, 1934, стр. 19.

³¹ Д. Весов. Мерки за подобрене на местната индустрия. София, 1929, стр. 7.

шое место в экономике Болгарии: он преобладал в таких отраслях народного хозяйства, как производство кровельного железа и проволоки, производство спичек и взрывчатых веществ. Сахарная, цементная и стекольная промышленность, добыча руд почти целиком находились в руках иностранных предпринимателей³². Однако гораздо большую роль, чем в промышленности, иностранный капитал играл в банковом и кредитном деле, в торговле, т. е. там где были возможности для быстрого получения высоких прибылей.

В годы капиталистической стабилизации весьма выросло значение банков в хозяйственной жизни страны, причем характерным являлось не только увеличение основных капиталов банков, увеличение выдачи кредитов, но и довольно интенсивное сращивание банкового капитала с промышленным. Так, например, Франко-Бельгийский банк за годы стабилизации подчинил себе дополнительно к прежним более 20 новых промышленных акционерных обществ. В 1928 г. этот банк слился с Балканским банком и объединенный банк стал располагать огромным капиталом в 150 млн. левов³³. Тем самым был создан мощный финансовый центр, орудия которого протянулись почти ко всем отраслям промышленности.

Подобную же роль играли и восемь остальных крупных банков. При этом весьма характерно, что из девяти наиболее крупных банков пять были иностранными. Им в значительной степени принадлежала командная роль в болгарской экономике.

Укрепившиеся финансовые центры являлись немалой силой, а их представители оказывали постоянное воздействие на политические события в стране. Показательно, что видный акционер одного из крупнейших банков Ат. Буров занимал пост министра иностранных дел в фашистском правительстве Ляпчева.

Итак, в годы капиталистической стабилизации в экономике Болгарии происходили процессы, общие для всех капиталистических стран, но специфика слабо развитой страны определяла гораздо более относительный и неустойчивый характер этой стабилизации по сравнению с другими странами.

Узость внутреннего рынка из-за низкой покупательной способности населения, неустойчивое положение на внешних рынках, бедность страны национальными капиталами — все это создавало базу для нового опустошительного кризиса перепроизводства.

Как ни относительно была стабилизация в экономике Болгарии, сдвиги в той или иной степени произошли во всех отраслях. Естественно, развитие хозяйства требовало больших средств. Внешние источники в виде иностранных займов и иностранных вложений были недостаточны, и болгарская буржуазия активно использовала внутренние, в том числе в качестве важнейшего — усиление эксплуатации трудящихся, происходившее по различным направлениям.

Прежде всего для покрытия многочисленных расходов, связанных с покровительством промышленности и торговле, буржуазное правительство широко использовало налоговую систему. После фашистского переворота 1923 г. было уничтожено прогрессивно-подходящее обложение населения, введенное правительством Болгарского Земледельческого Народного Союза (БЗНС) и затрагивавшее интересы крупной буржуазии. В интересах последней были восстановлены прямые налоги так, что поступ-

³² Д. Симидчиев. Чуждите капитал в нашето стопанство и техната доходност. София, 1928, стр. 12—13.

³³ Ж. Патап, Л. Беров. Указ. соч., стр. 196—197.

ления по ним составляли лишь небольшую долю приходной части бюджета. Зато резко возросли косвенные налоги, взимавшиеся в основном с трудящихся масс. Именно косвенные налоги стали главной статьей государственного дохода в фашистской Болгарии: так, семимиллиардный приход государственного бюджета 1929/30 г. больше чем наполовину пополнялся за счет косвенных налогов, в то время как поступления от прямых налогов составили всего лишь 13,1% ³⁴.

Как совершался беззастенчивый, хотя и завуалированный грабёж трудящихся, хорошо видно при сопоставлении данных сборника «Статистически годишник» ³⁵ о рыночных ценах в 1926 г. и данных журнала «Комунистическо знаме» ³⁶ о косвенных налогах, уплачиваемых потребителем за 1 кг продуктов потребления.

Продукты потребления	Среднерыночная цена по Болгарии, левов	Из нее на косвенные налоги приходилось
Рис	26,15	8,0
Сахар	28,55	14,0
Соль	4,5	2,0
Маслины	43,14	4,5
Керосин	10,23	5,5

Рабочий журнал «Наковалия» писал: «...за коробку спичек, килограмм соли, хлеба и пр. платят одинаковый косвенный налог и банкир, и безработный... Посредством косвенных налогов незаметно, скрыто, без квитанций собирается с трудящихся масс ежегодно огромная сумма» ³⁷.

В 1926 г. для защиты местного рынка были повышены пошлины на 20—50% на ввозимые товары; одновременно снижались пошлины на вывозимые товары (листовой табак, например, вообще освобождался от пошлины) ³⁸. Введение новых тарифов привело к тому, что на внутреннем рынке немедленно повысились цены на все затронутые тарифом товары ³⁹.

За годы капиталистической стабилизации вообще было отмечено довольно значительное повышение цен на продукты первой необходимости. Анализ среднерыночных цен, приводимых официальной статистикой, показывает, что в 1929 г. по сравнению с 1924 г. цены повысились ⁴⁰: черный хлеб подорожал на 26,2%, белый хлеб — на 7,5%, мясо (говядина) — на 18,4%, молоко — на 9,6%, масло — на 13,1%, яйца — на 29,3%, мыло — на 6,9%, уголь — на 23,6%.

Это привело к сильному падению реальной заработной платы трудящихся. Положение усугублялось и тем, что и номинальная заработная

³⁴ «Работническо дело», 28.II 1929.

³⁵ «Статистически годишник на царство България». Год. XVIII. София, 1927, стр. 268—270.

³⁶ «Комунистическо знаме», 1926, № 5—6, стр. 50.

³⁷ «Наковалия», 1929, № 161, стр. 3—4.

³⁸ «Приложения към Стенографските дневници на XXI ОНС. III ред. сесия», т. 2, стр. 90—103.

³⁹ «Комунистическо знаме», 1926, № 7—8, стр. 12.

⁴⁰ «Статистически годишник на царство България». Год. XXIII. София, 1931, стр. 331—333.

плата также падала. В рабочей печати приводились следующие характерные цифры ⁴¹:

Размер дневной заработной платы, левов

Профессии	1923 г.	1927 г.
Строительные рабочие . .	70—180	50—120
Табачники	40—120	20—90
Деревообделочники . . .	15—200	10—60
Обувщики	90 в средн.	60 в средн.
Электротехнические рабочие	100 »	50 »

Снижение номинальной заработной платы подтверждают и некоторые буржуазные деятели, например крупный делец и знаток табачного производства Ж. Асеов. По его данным, рабочий табачник в среднем получал в 1926 г. 62 лева, в 1927 г. — 60,6 левов, в 1928 г. — 53,5 левов ⁴².

Экономическое наступление предпринимателей на рабочих выражалось, кроме того, в увеличении продолжительности рабочего дня. С установлением фашистской диктатуры указ о восьмичасовом рабочем дне, завоеванном тяжелой борьбой рабочих в 1919 г. ⁴³, фактически был отменен и повсюду продолжительность рабочего дня была установлена в 10—11 часов, а на некоторых предприятиях и больше. Например, на глюкозной фабрике Горно-Ореховицкого сахарного комбината минимальное рабочее время составляло 12 часов, но нередко рабочих заставляли здесь работать по две смены подряд. Были часты случаи, когда рабочие от сильного перенапряжения теряли сознание ⁴⁴.

Рост продолжительности рабочего дня, снижение номинальной заработной платы, повышение цен на продукты первой необходимости — все это приводило к тому, что в годы капиталистической стабилизации реальная заработная плата обеспечивала лишь около половины прожиточного минимума и имела тенденцию к постоянному снижению: в 1926 г. заработная плата составляла 48,6% прожиточного минимума; в 1927 г. — 45,4%, а в 1928 г. только 41,9% ⁴⁵.

Эти данные свидетельствуют, во-первых, о чрезвычайно низком уровне жизни болгарских рабочих ⁴⁶, а во-вторых, о постоянном ухудшении материальных условий существования болгарского пролетариата на протяжении всего периода капиталистической стабилизации, о наступлении буржуазии на экономические позиции рабочего класса.

Одним из наиболее эффективных для предпринимателей средств экономии за счет рабочих было широкое использование труда женщин и

⁴¹ «Работническо дело. Избрани статии и материали». София, 1954, стр. 180.

⁴² Ж. Асеов. Тютюпът в българското стопанство. София, 1933, стр. 171.

⁴³ «Държавен вестник», 1919, № 68, стр. 2.

⁴⁴ «Единство», 7. II, 18.27. V 1929.

⁴⁵ Стоимость прожиточного минимума подсчитана в специальных исследованиях: Ж. Патап, Л. Беров. Монополистический капитализм в България. София, 1958, стр. 317—322; Л. Беров. Тенденции на реалната работна заплата на промишления пролетариат в България при капитализма. — «Известия на Икономическия институт». София, 1957, кн. 1—2, год. VIII, т. 13, стр. 291.

⁴⁶ Только Латвия и Эстония и по отдельным показателям Турция, Югославия, Румыния, Италия находились позади Болгарии в отношении размера средней заработной платы рабочих. См. Л. Беров. Указ. соч., стр. 289.

подростков. Согласно официальной статистике, женский труд оплачивался на 25—35% ниже мужского, а в производстве сахарных изделий в 1927 г. заработная плата работницы составляла лишь 44% заработной платы мужчины⁴⁷. Еще более низко оплачивался труд подростков.

Преобладание в Болгарии легкой промышленности давало большие возможности для замены мужского труда более дешевым трудом женщин и подростков, и предприниматели активно использовали эти возможности.

В 1928 г. 70% всех рабочих, занятых в табачной и текстильной отраслях, приходилось на долю женщин⁴⁸, а в целом из всех промышленных рабочих, занятых в июне 1928 г., по утверждению газеты «Слово», 43,6% были женщины⁴⁹. В 1927 г. подростки и молодежь 14—19 лет составляли 15—18% всех занятых на производстве, а в 1928 г. их доля возросла уже до 23%⁵⁰.

Особенно много подростков было занято в текстильной промышленности, где эксплуатация их носила самый варварский характер. Именно в эти годы складывается практика заключения крепостнических договоров с родителями, отдающими своих детей-подростков на фабрику-казарму якобы для обучения их шитью и вышиванию. Система казарменного содержания работниц применялась и на фабриках «Принц Кирил» в Габрове, «Платно» в Софии, «Прогрес» в Варне⁵¹. Но самой «образцовой» была одна из крупнейших текстильных фабрик того времени «Текстил» в Варне. В 1928 г. на этой фабрике работало 1200 детей и подростков в возрасте 11—17 лет, но большинству из них не исполнилось и 14 лет. Агенты фабрики, получавшие за каждую новую работницу 200 левов комиссионных, отправлялись по окрестным деревням, обманом заставляя заданных нуждой родителей заключать кабальные договоры на своих детей. По условиям договора, фабрика должна была обеспечить каждую девушку жильем и питанием, обучить ее шитью и рукоделнию, за что она должна была работать на фабрике по четыре часа в день. Договор заключался на два года, по истечении которых хозяева обязаны были «отблагодарить» работницу, выдав ей 2 тыс. левов, швейную машину и 20 м полотна⁵². На деле девушки попадали в настоящий ад. Рабочий день для подростков длился 9,5 часов. Не было отдыха даже в субботу и в воскресенье: в субботу после обеда работницы чистили машины, в воскресенье работали полдня. Все 1200 работниц были размещены в четырех бараках, где мест для всех не хватало⁵³.

Фабрика была огорожена высокой оградой, выходить за ее пределы не разрешалось. Запрещалось чтение каких-либо книг, газет, журналов; письма проходили строгую цензуру; свидания с родными разрешались редко и только в присутствии надзирателя. Единственным «развлечением» были очень редкие прогулки к морю (под конвоем!), по это бывало только летом⁵⁴. Попытки бегства каждый раз кончались неудачей. В ноябре 1928 г. с фабрики убежало 11 девушек, но все они были пойманы и жестоко избиты.

⁴⁷ «Статистически годишник на царство България». Год. XX, София, 1929, стр. 178—183.

⁴⁸ В хлопчатобумажной промышленности до 72,1% — см. «Статистика на напредъваната индустрия през 1929». София, стр. 4.

⁴⁹ «Слово», 8.VII 1929.

⁵⁰ Сообщение ТАСС.— Досье Института истории АН СССР, Д-14, 1929, №11 (41).

⁵¹ «Единство», 28. II, 2.VI 1929.

⁵² «Единство», 5.I 1929.

⁵³ «Единство», 6.III 1929.

⁵⁴ «Единство», 5.II 1929; «Работничка», 8. II 1929.

«После бегства поставили решетки на те окна, которые еще не имели их, а трое хорошо вооруженных ночных сторожей с собаками уже с 6 часов вечера охраняют помещение», — писала одна работница в газету «Единство»⁵⁵.

Антисанитарные условия в цехах и в помещениях для жилья приводили к тому, что почти все работницы страдали от чесотки, туберкулез распространялся среди них с непостижимой быстротой.

Безопасность, с которой, несмотря на протесты общественности, происходило почти бесплатное использование труда на фабрике «Текстил», огромные барышни, получаемые ее хозяевами, вдохновляли предпринимателей на введение подобных порядков и в других отраслях.

Например, хозяева некоторых табачных складов брали на себя «заботы» о питании рабочих, особенно в «мертвый сезон», выдавая табачникам пищу с последующим вычетом ее стоимости из заработной платы⁵⁶. Ясно, что хозяева не оставались в убытке. Подобные «столовые» существовали для рабочих на строительстве водопровода «Рила—София». Делались попытки ввести полуказарменные условия на Горно-Ореховицкой спиртовой фабрике: мастер этой фабрики требовал, чтобы рабочие приходили на фабрику за полчаса до начала работы и, выстроившись в шеренгу, проходили каждодневный «смотр»⁵⁷.

Немалый доход приносили хозяевам штрафы, получившие в годы капиталистической стабилизации особенно широкое распространение. На текстильной фабрике Мейнарди в Софии штрафовали за опоздание на работу на две-три минуты на 5 левов, на пять минут — на 10 левов⁵⁸, за то, что рабочие отходили от станков погреться у печей, штрафовали в возрастающей степени до трех раз, а затем указывали на дверь⁵⁹.

На конфетной фабрике «Орбис» в Горно-Ореховице штрафы налагались в размере от 50 левов при средней дневной заработной плате в 25—30 левов⁶⁰. На сливенских текстильных фабриках рабочие подвергались штрафам даже в тех случаях, когда в браке виноваты были мастера или администрация⁶¹.

Немалая доля средств, полученных за счет усиленной эксплуатации пролетариата в годы капиталистической стабилизации, шла на модернизацию и рационализацию производства. Однако в условиях слаборазвитой в промышленном отношении страны рационализация выражалась не столько в технической реконструкции и механизации процессов производства, сколько в осуществлении различных организационных мероприятий и главным образом в резком повышении интенсификации труда, так что фактически рационализация производства в годы капиталистической стабилизации не приносила никакого облегчения рабочим. Например, на шахте Перник за период с 1924 по 1928 г. число рабочих и технического персонала сократилось на 38,6%, а добыча угля возросла на 14%, т. е. производительность труда шахтеров увеличилась почти в два раза⁶². В отчете Управительного совета шахты говорилось, что рост производительности труда «...вызван более интенсивной работой, большим контро-

⁵⁵ «Единство», 7.II 1929.

⁵⁶ Г. В а н г е л о в. Тютюноработници, София, 1955, стр. 29.

⁵⁷ «Единство», 28.II 1929.

⁵⁸ «Единство», 20.II 1929.

⁵⁹ «Работничка», 5.III 1929.

⁶⁰ «Единство», 18.V 1929.

⁶¹ «Единство», 23.I 1929.

⁶² Н. П е т к о в. Криза, рационализация и мерките на буржоазията. София, 1931, стр. 11.

лем и лучшим использованием рабочих»⁶³. «Рационализация» заключалась и в экономии карбида, бензина, древесины и т. п.⁶⁴

Довольно широкое распространение рационализация получила в табачной промышленности. На некоторых складах был введен новый способ обработки листьев — тонга, благодаря которому расходы по обработке табака сокращались наполовину. Табачные фабриканты проявили некоторую «заботу» и об улучшении условий труда: в 1927—1928 гг. вначале «Балкантабак», а затем и другие фирмы стали выдавать рабочим спецодежду, поставили в цехах столы и стулья (раньше табачники работали, сидя на полу)⁶⁵.

Хотя рационализация приносила хозяевам большие доходы, значительного расширения производства благодаря увеличению производительности труда не происходило: сбыт продукции в условиях чрезвычайно ограниченной стабилизации капитализма в Болгарии обеспечен не был. Подобная рационализация не улучшала, а ухудшала положение рабочих, так как вела к росту безработицы, с одной стороны⁶⁶, и к росту интенсификации труда, с другой, нередко приобретала уродливый, односторонний характер.

На сливенских фабриках рационализация выразилась в искусственном удлинении рабочего дня: утром звонок на работу давали раньше времени и за 10 минут до начала работы ворота фабрик закрывались, опоздавшие штрафовались; обеденный перерыв был сокращен, а вечером сигнал о конце работы давался на 5—15 минут позднее⁶⁷.

На многих текстильных фабриках хозяева в целях экономии предпочитали не включать вентиляторы, и рабочим приходилось дышать воздухом, в котором носились волокна хлопка (фабрика Берова в Софии, фабрика «Фортуна» в с. Надежда и др.)⁶⁸.

«Рационализация», главной целью которой было только увеличение прибыли, часто приводила к несчастным случаям, так как хозяева почти не интересовались техникой безопасности. В результате резко возросло количество производственных травм в т. ч. и со смертельным исходом, чего не скрывала даже буржуазная статистика. Если в 1923 г. было зарегистрировано 600 несчастных случаев, то в 1925 г. — 898, в 1927 г. — 1069, а в 1928 г. — уже 1288⁶⁹.

Особенно участились несчастные случаи в рудниках и шахтах, на строительстве, на военных предприятиях, в текстильной промышленности.

Характер несчастных случаев показывает, что часто причиной их была так называемая «рационализация». В марте 1929 г. произошел взрыв угарного газа в каменноугольной шахте «Твърдица», в результате которого

⁶³ Выдержки из отчета приведены в журнале «Коммунистическо знаме», № 7—8, 1926, стр. 57.

⁶⁴ «Единство», 6.IV 1929.

⁶⁵ Ж. А с е о в. Указ. соч., стр. 157—158.

⁶⁶ Безработица, имевшая хронический характер еще со времен первой мировой войны, в годы стабилизации не рассосалась, а, наоборот, увеличилась. Только в 1926 г. благодаря проведенной «рационализации» было выброшено на улицу свыше 23 тыс. рабочих (И. Х а д ж и л и е в. Указ. соч., стр. 99). Всего по официальным данным в 1926 г. насчитывалось около 60 тыс. безработных. Журнал «Коммунистическо знаме» (№ 7—8, 1926, стр. 56) отмечал, что эти сведения не отвечают действительности и что фактическая цифра безработных по стране — не менее 100 тыс. (приблизительно 20% всего болгарского рабочего класса).

⁶⁷ «Единство», 23.I 1929.

⁶⁸ «Единство», 6.IV, 21.IX 1929.

⁶⁹ «Статистически годишник на царство България». Год. XXI—XXII. София, 1930, стр. 190.

было убито и тяжело ранено 23 шахтера⁷⁰. Хозяева шахты, в целях ограничения расходов, не включали вентиляторы в течение двух с половиной дней, что привело к скоплению газа, а затем взрыву.

4 марта 1929 г. в Софийском арсенале воспламенился порох, сушившийся на чугунной печи. Такое забвение простейших правил техники безопасности, обязывающих использовать в заведениях подобного рода только паровое отопление, привело к гибели 28 рабочих и получению ожогов еще 30⁷¹.

Таким образом, капиталистическая стабилизация проводилась в Болгарии в основном за счет рабочего класса, за счет усиления его эксплуатации, за счет значительного ухудшения материального положения огромного большинства рабочих в эти годы по сравнению с предыдущим периодом. Осуществить столь значительное наступление на рабочий класс болгарской буржуазии удалось благодаря временному отливу рабочего движения, благодаря тому, что после погромов 1923—1925 гг. пролетариат Болгарии был чрезвычайно ослаблен и в течение ряда лет не мог дать должного отпора буржуазии.

Но капиталистическая стабилизация носила сугубо временный и относительный характер. В ходе ее не только не было устранено, но, наоборот, еще более обострилось основное противоречие, свойственное капиталистическому обществу, — противоречие между трудом и капиталом. Наступление на экономические и политические права рабочего класса, осуществлявшееся со времени установления фашистской диктатуры, было главной причиной усиления классовой борьбы в Болгарии в последние годы капиталистической стабилизации. В труднейших условиях фашистской диктатуры постепенно шло собирание сил рабочего класса, и в 1928—1929 гг. болгарский пролетариат вновь выступил в качестве боевой революционной силы.

Первые признаки оживления рабочего движения появились в 1927 г., но движение было еще организационно очень слабым и разрозненным. Оживление рабочего движения шло как по линии борьбы за восстановление рабочих организаций, так и по линии непосредственной борьбы рабочих за улучшение экономических условий их существования. Значительно активизировалась в 1927 г. стачечная борьба. Если, согласно официальной статистике, в 1925 и 1926 гг. было всего по три стачки, то в 1927 г. произошло уже 23 стачки. Они охватили 38 предприятий, на которых в общей сложности работало 2919 человек, из них в стачечной борьбе участвовало 2708, причем 2260 человек были табачниками⁷². Преобладание табачников среди бастующих свидетельствовало о том, что постепенно они начинали играть ведущую роль в борьбе пролетариата. Продолжавшаяся целый месяц крупная стачка табачников 1927 г. имела большое значение и для них самих, и для всего рабочего класса в целом. Однако из всех стачек 1927 г. только две кончились победой (в них участвовало всего 58 стачечников), остальные — частичным успехом или поражением. Стачки носили в основном экономический характер.

Выступления пролетариата были эпизодическими, в значительной степени стихийными и неорганизованными, но главной приметой времени являлось преодоление страха перед террором в сознании рабочих, постепенное нарастание уверенности пролетариата в своих силах.

⁷⁰ «Работничка», 20.III 1929; «Единство», 14.III 1929.

⁷¹ «Единство», 6.III 1929.

⁷² «Статистически годишник на царство България». Год. XXI—XXII. София, 1930, стр. 185.

Огромная заслуга в процессе собирания сил рабочего класса принадлежала БКП, загнанной в подполье, понесшей колоссальные потери. В условиях временного отступления революционного движения и частичной стабилизации капитализма, БКП выдвигала в качестве центральной задачу восстановления связей с массами, задачу создания единого фронта трудящихся в борьбе против фашизма⁷³.

Но в рядах БКП происходила большая внутренняя борьба: с одной стороны, выступали правые, призывавшие по существу ликвидировать нелегальную партию и ждать лучших времен для ее восстановления, а, с другой — выступали левые, отрицавшие революционное прошлое партии, обвинявшие в оппортунизме старые и наиболее опытные партийные кадры. Партия, считая главной опасностью правый уклон, вела борьбу со сторонниками обоих этих уклонов, разоблачала позиции уклонистов на Московском совещании 1925 г., на Венском пленуме ЦК БКП в 1926 г. и на Берлинской конференции БКП в декабре 1927 — январе 1928 г., когда впервые «левые» попытались взять руководство партией в свои руки. На Берлинской конференции в состав Заграничного бюро ЦК БКП были избраны испытанные борцы, стойкие болгарские революционеры Г. Димитров и В. Коларов, Мл. Стоянов, Й. Панов, М. Шатаров, Г. Даскалов, Н. Кофарджиев и другие вошли в состав ЦК БКП, работавшего в Болгарии. Тактика партии состояла в сочетании нелегальных и легальных методов борьбы, в создании единого фронта для защиты непосредственных экономических и политических интересов трудящихся⁷⁴.

Однако организационно сама БКП в условиях фашистской диктатуры восстанавливалась очень медленно. В докладе Заграничного бюро ЦК БКП 3 августа 1929 г. отмечалось, что партийные организации были восстановлены в 40 городах и 133 деревнях, но в общей сложности в них входило лишь 861 человек⁷⁵. В таком крупном промышленном центре, как Пловдив, парторганизация насчитывала 22 человека, в Софии — 90. Тем не менее даже и столь малочисленная БКП сумела добиться немалых успехов в развертывании массовой борьбы. БКП сумела восстановить свою печать: стала выходить нелегально газета «Работнически вестник»; с 1926 г. ЦК БКП организовал выход нелегального теоретического журнала «Комунистическо знаме», затем была организована серийная библиотека под тем же названием. На протяжении нескольких лет, вплоть до провала в марте 1929 г., работала отлично законспирированная типография.

Большим успехом БКП явилось создание ряда легальных организаций, через которые партия руководила движением масс.

Еще в конце 1925 г. были созданы Независимые рабочие профсоюзы, (НРПС), в состав которых вошли восстановленные союзы печатников, швейников, строителей, пекарей и др. К сентябрю 1927 г. в состав НРПС входило уже 6928 человек⁷⁶. Во главе ЦК НРПС встал такой испытанный профсоюзный деятель, как Асен Бояджиев. Большую популярность приобрела профсоюзная газета «Единство».

Революционные профсоюзы возглавили борьбу рабочих за их непосредственные интересы, в частности, руководили борьбой табачников в 1927 г.; немало усилий употребили НРПС для осуществления единства

⁷³ См. «БКП в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК», т. 3. София, 1954, стр. 110—111.

⁷⁴ Там же, стр. 228.

⁷⁵ Приведено в диссертации Н. Барова «БКП в период нового подъема антифашистского движения в Болгарии. 1929—1935». М., 1959, стр. 44—45.

⁷⁶ «Единство», 2.XI 1927; «Новини», 7.VIII 1928.

профсоюзного движения, предприняв в 1926 г. попытку объединения с реформистским Свободным союзом. По вине последнего эта попытка успехом не увенчалась и, следуя указаниям БКП, НРПС взяли курс на проведение работы внутри реформистских союзов, на создание в них профоппозиции для завоевания на свою сторону членских масс этих профсоюзов. Профоппозиция была создана в союзе работников почты и телеграфа, в союзе железнодорожников и др.⁷⁷ Профсоюзная печать уделяла очень большое внимание разоблачению руководства реформистских союзов, заботливо относилась к непосредственным нуждам их членов.

Но одних профсоюзов для проведения массовой легальной работы было недостаточно, и еще на Венском пленуме ЦК БКП в 1926 г. было принято решение о создании Рабочей партии. Такая Рабочая партия (РП) была создана в 1927 г. Формально она возникла как не зависящая от какой-либо партии, в том числе и от БКП; она имела только программу текущей деятельности, но эта была классовая политическая организация пролетариата, фактически являвшаяся проводником идей БКП. Именно эта партия возглавила легальную борьбу трудящихся на выборах 1927 г. и в дальнейшем стала главной силой сплочения трудящихся.

К началу 1929 г. в ряды РП входило уже около 6 тыс. человек⁷⁸. Печатным органом РП стала газета «Рабочинеско дело» (тираж 6 тыс. экз.). В ЦК РП входили такие испытанные коммунисты, как Аврам Стоянов, Петко Напетов, Энчо Стайков и др.

Легальным был и Рабочий молодежный союз (РМС), созданный в 1928 г. по инициативе БКП и БКМС, находившихся в подполье.

Создание легальных рабочих организаций было большим успехом БКП. Они явились началом восстановления связей партии с массами, залогом будущих успехов в создании единого фронта борьбы против фашистской диктатуры.

Но организационно восстанавливавшиеся организации рабочего класса были еще слабы. Они охватывали преимущественно рабочих мелких предприятий, ремесленных мастерских (печатников, пекарей, швейников, сапожников и т. п.) и в гораздо меньшей степени промышленных и транспортных рабочих, сельскохозяйственный пролетариат⁷⁹. Это было связано в первую очередь с тем, что прежде наиболее революционные слои болгарского пролетариата — шахтеры, транспортники — за годы фашистской диктатуры утратили свою передовую роль. Хотя и немногочисленные⁸⁰, эти отряды рабочего класса имели славные революционные традиции, богатый опыт борьбы. Достаточно вспомнить крупнейшую по тем временам стачку шахтеров Перника в 1906 г., проходившую под руководством Г. М. Димитрова. Огромное значение в революционной борьбе 1919—1920 гг. имела стачка транспортных рабочих. Именно этим отрядам рабочего класса фашистская власть нанесла наиболее тяжелые удары. Разгромив союз шахтеров, физически уничтожив лучших его представителей, фашистские власти сделали все возможное, чтобы предупредить возрождение союза в дальнейшем. В частности, на шахте «Перник» было уволено более 2 тыс. опытных, квалифицированных шахтеров, а на их место

⁷⁷ Д. Коджейков. Страницы из борбите на телеграфопощенци. София, 1958, стр. 190—191.

⁷⁸ «Комунистическо знаме», 1929, № 2—3, стр. 3.

⁷⁹ См. «БКП в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК», т. 3. София, 1954, стр. 187; «Новини», 7.VIII 1928.

⁸⁰ По данным профсоюзной печати, в 1923 г. шахтеры составляли 6 тыс., транспортные рабочие — 5 тыс., а всего промышленный пролетариат насчитывал 40 тыс. человек («Единство», 1.V 1929).

были взяты врангелевцы ⁸¹, число которых постепе́нно было доведено до 4 тыс. ⁸² Чтобы подкупить рабочих, Управительный совет шахты предоставил шахтерам возможность «участвовать» в прибылях, хотя доля рабочих была, конечно, минимальной ⁸³. На шахтах стали создаваться фашистские общества; в 1929 г. на 5,5 тыс. рабочих имелось 27 различных обществ и среди них явно фашистские «Кубрат», «Родна защита», Союз офицеров запаса, Союз унтер-офицеров запаса, всевозможные спортивные общества и т. п. ⁸⁴ Эти меры дали определенные результаты — у шахтеров долгое время не было своей профсоюзной организации, они надолго утратили свои революционные традиции.

Несколько иначе обстояло дело с союзом транспортных рабочих (Български Железничарски Съюз — БЖС), в котором и до фашистского переворота в руководстве большую роль играли оппортунисты. После фашистского переворота БЖС окончательно превратился в реформистскую организацию, шедшую на поводу у буржуазии. Этому немало способствовали и «мероприятия» властей: на железных дорогах, почте и телеграфе было уволено более 2 тыс. революционных рабочих и служащих. Часть рабочих получала более высокую заработную плату: так, рабочие софийской ремонтной мастерской получали 280—600 левов надбавки в месяц, кочегары также получали дополнительно к основной заработной плате 500—600 левов ⁸⁵.

Естественно, в этих условиях распространение влияния профсоюзов, Рабочей партии на шахтеров и транспортников было весьма затруднено.

Между тем движение приобретало все более массовый характер. Огромный авторитет РП и НРПС среди рабочих мелких предприятий, активная деятельность профсоюзов швейников, сапожников и других свидетельствовали о наличии революционной энергии в широких слоях болгарского рабочего класса, о больших потенциальных возможностях рабочего движения.

О широком, массовом характере рабочего движения свидетельствовал и тот факт, что передовую роль стали играть наиболее многочисленные отряды болгарского пролетариата — табачники и текстильщики. Но если массовость была сильной стороной движения, то недостаточная организованность и сознательность рабочих составляли его слабую сторону: $\frac{3}{4}$ табачников и текстильщиков вошли в ряды рабочего класса только в последние годы. В 1923 г. табачники, по данным профсоюзной печати, составляли 8 тыс. человек ⁸⁶, а в 1928—1929 гг. — не менее 32—35 тыс. ⁸⁷; текстильщики в 1923 г. насчитывали 4 тыс. человек ⁸⁸, а в 1929 г., по неполным данным, — свыше 16 тыс. ⁸⁹ Эти кадры еще не имели опыта революционной борьбы: подавляющая их часть (до 70%) состояла из женщин,

⁸¹ После разгрома Врангеля в Крыму остатки его армии частично нашли убежище в Болгарии. Врангелевцы играли реакционную роль в жизни страны, в 1923 г. приняли участие в фашистском перевороте.

⁸² Г. М. Димитров. Кървавият поход против работническото движение. Съчинения, т. 8, стр. 111—112.

⁸³ В 1927 г. годовая «прибыль» шахтера составила 4,5 тыс. левов, в то время как на каждого члена Управительного совета шахты пришлось по 114 тыс. левов — «Единство», 6.IV 1929.

⁸⁴ «Работническо дело», 9.XI 1929.

⁸⁵ «Единство», 28. II, 22.IV 1929.

⁸⁶ «Единство», 1.V 1929.

⁸⁷ «Единство», 27.V 1929; «Internationale Presse Korrespondenz», 1929, № 28, 27. Marz, S. 639; Ж. А с о в. Указ. соч., стр. 140—141.

⁸⁸ «Единство», 1.V 1929.

⁸⁹ «Статистика на пасърдчаната индустрия в царство България през 1929», София, стр. 8.

с трудом вовлекавшихся в организации, и молодежи. Нельзя оставлять без внимания и то обстоятельство, что табачники были сезонными рабочими, занятыми семь-восемь месяцев в году; это заставляло их быть связанными с каким-либо подсобным хозяйством или искать в «мертвый» сезон побочный заработок. Во всяком случае и табачники, и в меньшей степени текстильщики были еще связаны с деревней. Конечно, недостаточная их организованность значительно ослабляла движение.

В целом для рабочего движения в Болгарии накануне нового подъема 1928—1929 гг. было характерно наличие революционной энергии в массах пролетариата. Большим положительным моментом было осуществление руководства рабочим движением со стороны нелегальных Болгарской коммунистической партии и болгарского комсомола, а также легальных организаций рабочего класса — Рабочей партии, Независимых рабочих профсоюзов, Рабочего молодежного союза. Эти организации проводили в общем правильную тактику, умело сочетали легальные и нелегальные формы борьбы.

Однако рабочее движение этого периода страдало большой организационной слабостью. Это относится как к БКП, медленно восстанавливавшей свои ряды и постоянно подвергавшейся новым ударам, так и к РП и НРПС, имевшим слабые позиции среди промышленных и сельскохозяйственных рабочих, и, что особенно важно, — среди горняков, шахтеров и железнодорожников, — пролетариата, занятого в тяжелой промышленности страны.

В этом несоответствии между революционными возможностями и энергией болгарского пролетариата, с одной стороны, и внутренним состоянием его организаций, с другой — заключалась главная слабость поднимавшегося рабочего движения в Болгарии.

АКТИВИЗАЦИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В БОЛГАРИИ

В 1928—1929 гг.

Рабочее движение в Болгарии, оживившееся в 1927 г., в 1928 г. сделало большой шаг вперед. 1 мая 1928 г., впервые со времени установления фашистской диктатуры, рабочие выступили открыто, устроив собрания и демонстрации, несмотря на запрет властей. Особенно значительным явилось выступление софийских рабочих, во время которого произошли стычки с полицией; было избито больше 50 демонстрантов, многие арестованы⁹⁰.

Празднованием 1 мая 1928 г. было положено начало применению новой тактики, основывавшейся на необходимости организации массовых выступлений пролетариата и в условиях фашистской диктатуры. «До 1 мая 1928 г. легальное рабочее движение главным образом приспособлялось к Закону об охране государства и фашистской диктатуре, с тех пор его стремлением стало освободиться от них...»⁹¹, — писал рабочий журнал «Наковалия», оценивая значение первомайского выступления рабочих в 1928 г.

Новая тактика массовых выступлений против ограничений исключительного закона явилась предметом яростных нападок со стороны правых. Во всех организациях Рабочей партии развернулась дискуссия по вопросу о характере фашистской диктатуры в Болгарии, о характере стабилизации власти буржуазии, о задачах РП в этих условиях. Хотя большинство

⁹⁰ «Новини», 2.V 1928.

⁹¹ «Наковалия», 1929, № 170, стр. 3.

членов РП встало на революционные позиции, в партии ясно оформилось правое крыло⁹². В Софийской организации, например, образовалась группа оппортунистов, которые осуждали празднование 1 Мая по той причине, что это было запрещено властями⁹³. Правые явно недооценивали начавшийся подъем масс, не хотели видеть признаков оживления рабочего движения; они считали, что любое выступление против властей приведет только к усилению террора.

В июне 1928 г. была созвана I чрезвычайная конференция РП, на которой позиции правых были подвергнуты критике и некоторые наиболее рьяные уклонисты выведены из состава руководства⁹⁴. Но решительный отпор ликвидаторы получили лишь на I очередной конференции РП, состоявшейся в сентябре 1928 г. Сентябрьская конференция признала правильной новую тактику открытой борьбы и наметила основные линии развития движения масс против фашистской диктатуры.

В качестве одной из главных конференция выдвинула задачу увеличения в партии удельного веса промышленных рабочих. Конференция указала на необходимость борьбы за ликвидацию фашистского режима, для чего необходимо было осуществить единый фронт трудящихся в виде Блока труда⁹⁵.

Подробно основные вопросы Блока труда были разработаны БКП еще раньше — на нелегальной II конференции (Берлин, декабрь 1927 — январь 1928 г.)⁹⁶. Благодаря существованию легальной Рабочей партии эти идеи получили возможность стать достоянием широких масс трудящихся, легальная рабочая печать широко популяризовала их. Это было одним из примеров тесного взаимодействия между БКП и РП.

Сентябрьская конференция подчеркивала, что Блок труда представляет собой «...сплочение всех трудящихся — рабочих, крестьян, трудящихся ремесленников, служащих и прочих мелких [производителей. — Р. Г.] города и деревни для энергичной классовой борьбы, для защиты их непосредственных интересов», для достижения конкретно поставленной цели⁹⁷.

Практическое осуществление Блока труда должно было происходить через избрание трудовых комитетов на предприятиях, в городах, кварталах и т. п. Из делегатов таких комитетов должны были создаваться городские, сельские, околийские, окружные комитеты и ЦК для всей страны. Руководящая роль в создании такого широкого Блока труда должна была принадлежать Рабочей партии.

Конференция осудила тактику единого фронта сверху, проводившуюся в 1926 и 1927 гг., когда по существу составлялись партийные коалиции, а массы трудящихся оставались вне борьбы, вне единого фронта; единый фронт необходимо было создавать снизу, вовлекая в него членские массы других партий через головы их вождей. В Блок труда, кроме членской массы БЗНС, Ремесленной партии, рекомендовалось привлекать и такие организации трудящихся, как профсоюзы рабочих и государственных служащих, организации беженцев; союз инвалидов; вдов и сирот войны; жертв белого террора; РМС; Земледельческий молодежный союз и прочие, хотя во главе некоторых из них находились агенты буржуазии.

⁹² П. Близнаков. Създаване и укрепване на легалната Работническа партия в България. — «Трудове на Висшия институт за народно стопанство «Д. Благоев», кн. 2. Варна, 1960, стр. 73.

⁹³ «Работническо дело», 20.II 1929.

⁹⁴ П. Близнаков. Указ. соч., стр. 74.

⁹⁵ «Работническо дело», 12.IX 1928.

⁹⁶ «БКП в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК», т. 3. София, 1954, стр. 228—235.

⁹⁷ «Работническо дело», 12.IX 1928.

К сожалению, в вопросах создания единого фронта трудящихся Сентябрьская конференция РП повторила ошибки Берлинской конференции БКП. Во-первых, далеко не все группы трудящихся были готовы «к борьбе за овладение политической властью рабочим классом», а это требование выдвигалось в качестве одной из задач Блока труда⁹⁸. Во-вторых, соглашаясь на вовлечение в единый фронт членских масс БЗНС и Ремесленной партии, I конференция РП, вслед за Берлинской конференцией БКП, отвергла в принципе участие социал-демократической партии в Блоке труда, считая, что эта партия стала «фашизированной» прислужницей правительства. Членские массы этой партии рекомендовалось вовлекать в единый фронт только в случае, если они будут бороться против буржуазии, фашизма и самой партии широких⁹⁹, т. е. условием совместной борьбы для членов социал-демократической партии становился их фактический выход из партии. Ясно, что это условие не могло способствовать расширению базы единого фронта. Однако на практике складывавшийся в ходе антифашистской борьбы единый фронт часто стихийно устранял эти ограничения.

Осенью 1928 г. Рабочая партия возглавила широкую кампанию против белого террора за всеобщую и полную амнистию политзаключенным. Борьба за прекращение террора была именно тем узловым моментом, вокруг которого в этот период легче всего было сплотить массы. РП совершенно правильно выдвинула эту задачу, поскольку конкретный вопрос о прекращении белого террора привлек к борьбе самые различные группы трудящихся: террор последних лет затронул в той или иной степени почти все семьи¹⁰⁰. Поводом к началу кампании послужил новый разгул террора в сентябре 1928 г. в связи с тем, что полиции удалось арестовать нескольких членов подпольного ЦК БКП. Этот провал, доказывавший, что БКП, несмотря на все репрессии, существует, вызвал страшную ярость полиции, в стране возобновились массовые аресты; в Софии был арестован весь персонал редакции газеты «Новини», все арестованные были зверски избиты. Из столицы аресты перекинулись в провинцию — в Перник, Сливен, Варну. Особенно усердствовала полиция в Сливене: здесь была арестована вся окружная конференция РП целиком, затем, по распоряжению прокурора, было арестовано еще 40 членов местной организации РМС¹⁰¹.

В связи с этими арестами ЦК РП обратился с призывом «К рабочим, крестьянам, ремесленникам и всем людям труда» объединиться в Блок труда для общей борьбы¹⁰². По инициативе ЦК РП, НРПС и РМС был создан Центральный комитет по проведению кампании против белого террора (Централен Акционен комитет — ЦАК), в состав которого вошли представители РП, НРПС, РМС, жертв белого террора, рабочие крупнейших предприятий¹⁰³. ЦАК издал подробную директиву о проведении кампании, выработал платформу, ставшую основой сплочения трудящихся в единый фронт. Основные положения этой платформы, отвеча-

⁹⁸ «Работническо дело», 22. IX 1928.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Журнал «Internationale Presse Korrespondenz», в связи с выставкой «Поток крови в Болгарии», организованной в Берлине во время Международного антифашистского конгресса в марте 1929 г., писал: «Все слои населения Болгарии затронуты террором. Общее число убитых с 1923 г. составляет около 27 тыс. чел., так что Болгария, по числу жертв относительно своего населения, стоит на первом месте среди фашистских стран» («Internationale Presse Korrespondenz», 1929, N 28, 27 März, S. 625).

¹⁰¹ «Работническо дело», 12. IX 1928.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См. отчет ЦАК о проведении кампании. — «Работническо дело», 12. II 1929.

ные интересам самых различных групп населения, сводились к следующему:

- Конец террору!
- Восстановление свободы союзов для рабочих!
- Прекращение цензуры и конфискации прессы!
- Отмена Закона об охране государства!
- Прекращение всех политических процессов!
- Освобождение всех арестованных; расследование инквизиторских методов полиции!

Полная и безусловная амнистия!

Разрешение оказывать помощь (политзаключенным. — Р. Г.)

Возвращение конфискованных посылок!¹⁰⁴

Кампания против белого террора получила большой размах по всей стране. В большинстве городов были созданы из представителей различных партий и групп местные комитеты борьбы. Так, в Тырновский «Гражданский комитет борьбы за амнистию» вошли представители РИ, БЗНС, партии широких, «Македонского братства» и др.¹⁰⁵ Эти комитеты явились организаторами конференций и собраний в масштабе предприятий, кварталов, целых городов, в ходе которых в адрес правительства направлялись гневные резолюции с требованием положить конец преследованиям, дать полную и безусловную амнистию всем политическим заключенным.

Движение не ограничилось городами, в деревнях тоже возникали комитеты, проводились собрания, посылались резолюции протеста. Петиционное движение усилилось в ноябре 1928 г. в связи с открытием сессии Народного Собрания.

Всего в адрес правительства было направлено свыше 500 резолюций, писем и телеграмм протеста, из них около 100 были подписаны непосредственно рабочими (3500 подписей)¹⁰⁶.

Комитеты издавали многочисленные обращения и листовки, причем власти объявляли все эти издания незаконными, подвергали их конфискации, а авторов преследованиям. Только в Софии было издано девять листовок общим тиражом 80 тыс. экземпляров. Из них около 15 тыс. были конфискованы, остальные были распространены по всей стране. Кроме них, еще около 10—15 листовок общим тиражом 30 тыс. экземпляров были изданы комитетами в Русе, Варне, Пловдиве, Бургасе и других городах¹⁰⁷.

Во время кампании против белого террора на собраниях и конференциях избирались делегации, направлявшиеся в Софию, чтобы выразить протест трудящимся правительству и парламенту. В Софии было избрано 15 таких делегаций, 14 делегаций прислали трудящиеся других городов¹⁰⁸. Делегации подвергались всяческому преследованию со стороны властей. Так, была арестована делегация Хаскова. Применяя силу, полиция разогнала делегацию женщин, избранную на собрании членов семей жертв белого террора, несмотря на то, что женщины отправились к премьер-министру с детьми¹⁰⁹.

Движение не прекратилось и тогда, когда были арестованы в полном составе ЦАК и ЦК НРПС. Им были предъявлены обвинения в нарушении

¹⁰⁴ «Internationale Presse Korrespondenz», 1929, № 1, 4 Jan., S. 11.

¹⁰⁵ «Работническо дело», 17.I 1929.

¹⁰⁶ «Работническо дело», 12.II 1929.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ «Internationale Presse Korrespondenz», 1929, № 6, 18 Jan., S. 105.

Закона об охране государства: ЦАК — за опубликование своей политической платформы, ЦК НРПС — за издание листовок против белого террора ¹¹⁰.

Кульминационного пункта кампания против белого террора достигла в конце декабря 1928 г.

Накануне рождественских праздников правительство объявило, что амнистии политзаключенным не будет, а в связи со светлым праздником рождества Христова царь болгарский дарует помилование тем, кому он считает нужным. Помилование даровалось всего 60 «раскаявшимся» политическим: 10 человек подлежали полному освобождению, остальным 50 сокращались сроки наказания. Это помилование было явным вызовом общественному мнению, ответом на которое явились события 27—28 декабря 1928 г.

27 декабря в Софии перед зданием парламента произошла демонстрация протеста трудящихся, организованная представителями рабочих организаций ряда округов ¹¹¹. Журнал «Internationale Presse Korrespondenz», ссылаясь на официальные сведения, сообщал, что в демонстрации участвовали делегаты 15 округов страны ¹¹². Это была первая после 1 мая 1928 г. политическая демонстрация в столице. Она была разогнана полицией, многие ее участники были арестованы.

27 и 28 декабря делегации тщетно пытались добиться приема у премьер-министра: в эти дни почти в полном составе были арестованы четыре рабочих делегации, явившиеся на прием к Ляпчеву ¹¹³.

Огромное значение имело вступление в борьбу политзаключенных всех 22 болгарских тюрем. Здесь находились лучшие представители болгарского рабочего класса, наиболее стойкие борцы, имевшие многолетнюю революционную закалку. В ответ на царское «помилование» политические заключенные софийской, пловдивской, сливенской, варненской, тырновской, шуменской и других тюрем страны объявили 27 декабря трехдневную голодовку, требуя всеобщей и полной амнистии ¹¹⁴. В софийской центральной тюрьме каждый из 48 политических написал от своего имени протест против помилования, а те, на кого оно распространялось, отказались покинуть тюрьму, пока все политические не будут освобождены ¹¹⁵. В первый же день в голодовке приняли участие 800 политзаключенных, в последующие дни число участников возросло до 1200 ¹¹⁶.

Голодовка имела большое значение для воспитания масс. В рабочей печати публиковался обширный материал о голодовке политических заключенных, указывалось на связь между их борьбой и антифашистской борьбой трудящихся, находившихся на воле. Очень важными в этом отношении были письма из тюрем, попадавшие в прессу, в которых политзаключенные писали, что они объявляют голодовку, выступая в поддержку классовых и народных требований за прекращение террора, провозглашение полной и безусловной амнистии политзаключенным,

¹¹⁰ «Internationale Presse Korrespondenz», 1929, N 1, 4 Jan., S. 11.

¹¹¹ «Наковалия», 1929, № 164, стр. 6.

¹¹² «Internationale Presse Korrespondenz», 1929, N 4, 11 Jan., S. 81.

¹¹³ Х. Р о з о в. Борьба независимых профсоюзов против фашистского террора. — «Красный интернационал профсоюзов», 1929, № 2, стр. 142.

¹¹⁴ «Работническо дело», 11.I 1929; «Единство», 23.I 1929.

¹¹⁵ «Internationale Presse Korrespondenz», 1929, N 4, 11 Jan., S. 80; N 14, 12 Feb., S. 272; «Frankfurter Zeitung», 5.II 1929. — Досье Института истории АН СССР, Д-14, 1929, № 11.

¹¹⁶ «Единство», 5.I 1929; «Internationale Presse Korrespondenz», 1929, N 4, 11 Jan., S. 80.

отмену Закона об охране государства, прекращение судебных преследований¹¹⁷.

Политические заключенные проявляли истинный героизм и мужество в этой борьбе; их твердость, их сознательная готовность идти на жертвы ради общего дела вызывали и по сей день вызывают уважение и преклонение. Организованное выступление 1200 политических заключенных в тюрьмах было «одним из предвестников грядущего подъема революционного движения в Болгарии», — писал Хр. Кабакчиев¹¹⁸.

Голодовка политзаключенных привлекла к себе пристальное внимание международной общественности. О ней писала с гордостью и уважением рабочая печать Франции, Германии, Австрии; с ненавистью и злобой — буржуазная.

Как голодовка политзаключенных, так и вся кампания против белого террора, не привели к прекращению террора, ко всеобщей и безусловной амнистии. Но значение этой кампании для развертывания массовой антифашистской борьбы, для сплочения различных групп трудящихся в единый фронт было огромно. Кампания, как отмечалось в отчете ЦАК, была повсеместной, ею были затронуты, сильнее или слабее, все районы страны¹¹⁹. Несмотря на отдельные недостатки в организации, в кампании принимал участие не только организованный авангард рабочего класса, но и значительные силы неорганизованных трудящихся. Поэтому передовая статья журнала «Наковалия» с полным основанием называла эту кампанию массовой¹²⁰.

В условиях фашистской диктатуры движение против белого террора, поднявшееся до политической демонстрации 27 декабря 1928 г. и всеобщей голодовки политзаключенных, приобретало уже грозный для господствующего класса характер. Оно показывало, что годы террора хотя и нанесли огромный ущерб рабочему движению, не смогли сломить воли рабочих к борьбе, что сопротивление растет и в недалеком будущем можно ожидать новую революционную волну.

Движение против террора на этом не кончилось. В конце февраля — начале марта 1929 г. оно оживилось вновь в связи с подготовкой к Международному антифашистскому конгрессу, открывавшемуся в Берлине. ЦК НРПС разработал специальную платформу, требования которой носили более широкий антифашистский характер, чем требования ЦАК в осенней кампании 1928 г. Помимо прежних требований отмены Закона об охране государства, полной и безусловной амнистии политзаключенным, ЦК НРПС выдвинул новые:

Смерть фашизму!

Роспуск и разоружение фашистских организаций «Родна защита», «Кубрат», Союз болгарских фашистов!

Разрешение рабочей делегации участвовать в антифашистском конгрессе!

Долой нынешнее фашистское правительство!

Долой готовящийся новый фашистский переворот!

Долой войну против СССР!¹²¹

В связи с Берлинским конгрессом была сделана попытка вновь придать движению массовый характер; был создан Антифашистский

¹¹⁷ См., например, письмо политзаключенных Пловдивской тюрьмы, опубликованное в газете «Работническо дело», 15.I 1929.

¹¹⁸ «Правда», 20.I 1929.

¹¹⁹ «Работническо дело», 12.II 1929.

¹²⁰ «Наковалия», 1929, № 1, стр. 10.

¹²¹ «Единство», 28.II 1929.

молодежный комитет в Софии, очень широкий по своему составу, обратившийся ко всей трудящейся молодежи с призывом поддержать антифашистскую кампанию. Он разработал подробную директиву о проведении кампании на местах. Подробную инструкцию (№ 9) разослал и ЦК НРПС¹²².

Но на этот раз движение не приобрело достаточно широкого и массового характера. Правда, 10 марта, в день открытия конгресса, в Софии произошла демонстрация, стихийно возникшая после запрещения властями большого публичного собрания, но и сама эта демонстрация не была массовой. По признанию газеты «Единство», «на улицу вышло много рабочих, но массы там не было»¹²³. К тому же выступление трудящихся имело место только в столице.

Неудача этой кампании, видимо, была связана с отсутствием ясных конкретных задач, лозунги, предложенные НРПС, касались всех вопросов антифашистской борьбы сразу, не выделяя какого-то основного, главного, на котором можно было бы заострить внимание масс. Недаром Г. М. Димитров указывал на необходимость выделения основных, узловых вопросов времени в процессе складывания единого фронта¹²⁴. Достаточно ясно подтвердил это опыт кампании против белого террора конца 1928 — начала 1929 г. и события марта 1929 г., когда вновь развернулось массовое и широкое движение против террора, обрушившегося на страну в связи с новым провалом ЦК БКП. В конце марта 1929 г. был схвачен политический секретарь ЦК БКП Младен Стоянов, за которым давно охотилась полиция; была раскрыта подпольная типография, работавшая в течение нескольких лет. Вслед за тем полиция предприняла повальные обыски в Софии, в ходе которых было арестовано, согласно коммунике Дирекции полиции, 26 человек, обвинявшихся в принадлежности к БКП¹²⁵. В Софии и других городах было установлено почти осадное положение, были закрыты клубы НРПС и РП¹²⁶. Только за последнюю декаду марта было конфисковано пять номеров газеты «Рабочническо дело».

В этих невероятно сложных условиях 27 марта по инициативе ЦК РП был создан «Комитет защиты новых жертв фашистской диктатуры», в который вошли представители различных организаций трудящихся¹²⁷. Комитет назначил на 5 апреля в Софии большое собрание протеста, но оно было запрещено, и полиция в этот день до позднего вечера разгоняла по улицам рабочих, пытавшихся провести хотя бы короткий митинг. Были произведены многочисленные аресты.

Несмотря на репрессии, эта кампания против белого террора, имевшая перед собой конкретную задачу — защитить новые жертвы фашистской диктатуры, — получила широкий размах, о чем свидетельствуют рабочие газеты, целиком заполненные телеграммами и резолюциями протеста в адрес премьер-министра¹²⁸. Секретарь ЦК НРПС Асен Бояджиев говорил на собрании 10 апреля в Софии: «... в кампании защиты новых жертв фашистской диктатуры принимает участие весь рабочий класс и все трудящиеся. Не осталось города и села, не осталось фабрики и мастерской,

¹²² «Единство», 14.III 1929.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Г. М. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1939, стр. 27.

¹²⁵ «Рабочническо дело», 27. III 1929.

¹²⁶ «Единство», 31.III 1929.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ См., например, «Единство», 22.IV 1929.

где не прозвучали бы голоса: «Освободите арестованных, конец инквизиции, народный суд над палачами»»¹²⁹.

Массовая борьба трудящихся Болгарии против белого террора, возглавляемая рабочим классом, имела огромное политическое значение. Она показывала, что режим фашистской диктатуры не имеет никакой поддержки среди трудящихся, что фашистское правительство держится у власти только силой штыков.

Значение политических выступлений болгарских трудящихся против белого террора состояло еще и в том, что в ходе их складывался под руководством Рабочей партии и НРПС единый антифашистский фронт. Хотя в 1928—1929 гг. антифашистская борьба трудящихся не привела еще к непосредственным результатам, совместное выступление различных групп трудящихся воспитывало их в революционном духе, внушало веру в свои силы, в возможность борьбы в условиях фашистской диктатуры.

Но рабочий класс был еще слабо сплочен. Особенно большую опасность представляло отсутствие крепких организаций среди промышленного пролетариата. С большой тревогой газета «Работническо дело» писала, что промышленный пролетариат не господствует в Болгарии ни численно, ни идеологически, что создает условия для мелкобуржуазного оппортунизма¹³⁰. В текстильном Габрове, например, не существовало ни организации РП, ни организации РМС, ни какой-либо другой рабочей организации¹³¹. Сливенская группа РП состояла в основном из представителей трудовой мелкой буржуазии: ремесленников, мелких лавочников, фабричных мастеров и пр. Промышленных рабочих в ней почти не было. Такой же, примерно, состав характерен и для Дупницкой организации РП¹³². Еще I конференция РП в сентябре 1928 г. указывала на необходимость улучшения социального состава Рабочей партии.

Подобным же было положение НРПС.

Выступления рабочего класса неоднократно срывались из-за отсутствия крепких связей с промышленным пролетариатом. Например, несчастием в Софийском арсенале, происшедшим по вине администрации и в результате которого погибло несколько десятков человек, был взволнован весь рабочий класс; нужно было организовать однодневную стачку протеста. Действовать надо было быстро, но организации не имели надежных связей с рабочими крупных предприятий, без участия которых такое выступление не имело смысла. Пока устанавливали связи, время было потеряно, стачка сорвана. Об этом с горечью писала газета «Единство» 14 марта 1929 г.

Для исправления этого положения и вовлечения в профсоюзы масс промышленного пролетариата ЦК НРПС решил провести в марте 1929 г. вербовочную кампанию, задачи которой были сформулированы следующим образом:

1) создание новых профорганизаций горняков, пиццевиков, докеров; усиление и укрепление уже существовавших союзов табачников, текстильщиков, металлостов;

2) работа среди самой многочисленной и почти совсем неорганизованной группы болгарского рабочего класса — сельскохозяйственных рабочих — и создание среди них профсоюзных организаций;

¹²⁹ «Единство», 15. IV 1929.

¹³⁰ «Работническо дело», 11. III 1929.

¹³¹ «Работническо дело», 8. IV 1929.

¹³² «Работническо дело», 11. III 1929.

3) организация и усиление оппозиции в реформистских союзах (в союзе железнодорожников и союзе телеграфо-почтовых работников в первую очередь)¹³³.

ЦК НРПС разработал специальную и подробную инструкцию о проведении профсоюзной кампании¹³⁴. Эта инструкция указывала на необходимость создания во всех городах комитетов действия, каждый из которых разрабатывает конкретный план проведения кампании, учитывающий специфику данного города или района.

В больших городах рабочие организации должны были создать специальные отряды, делящиеся на группы, с закреплением за каждой из них одного или нескольких крупных предприятий. В небольших городах для работы на каждом предприятии рекомендовалось выделить специальную группу, члены которой должны были ежедневно вести работу с рабочими на предприятиях или дома, беседовать с ними, продавать им газеты, брошюры и т. п. В обязанности этих же групп входила организация конференций, собраний рабочих данного предприятия или группы предприятий.

Специальные инструкции были разработаны для проведения вербовки среди горняков и сельскохозяйственных рабочих¹³⁵. Работу среди горняков, создание горняцких профорганизаций должны были проводить рабочие близлежащих городов. За рабочими организациями Софии, например, закреплялись шахты Перник, Бобов дол, Елисейна и Плакалница.

Но такая организация работы не была лучшей. Как бы близко к шахтам ни находились шефствующие над ними городские рабочие, в лучшем случае они могли совершить в течение вербовочного месяца несколько поездок в закрепленную за ними шахту и провести кое-какую работу с шахтерами. Шахты же требовали регулярной и повседневной работы.

Что касается сельскохозяйственных рабочих, то инструкция в отношении их была весьма туманна и содержала очень мало конкретных указаний. В ней говорилось, что необходимо во всех городах, вокруг которых имеется большое количество сельскохозяйственных рабочих, создать специальные комиссии из рабочих, связанных с деревней; эти комиссии должны позаботиться о создании профсекции сельскохозяйственных рабочих, но как осуществить это на деле, оставалось неясным.

В целом инструкция по проведению профсоюзной кампании содержала немало недостатков. Ставя очень важные для рабочего движения Болгарии вопросы, она не всегда давала ключ для их решения. Конкретные указания инструкция содержала только в отношении работы на крупных промышленных объектах.

Особого внимания требовала работа по созданию и укреплению профопозиции в реформистских союзах, но в инструкции отсутствовали какие-либо указания на этот счет.

К участию в профсоюзной кампании привлекались все члены профсоюзов, ни один из них не должен был остаться в стороне. «Если в период кампании ты не вовлечешь в организацию ни одного рабочего, значит, сам ты состоишь в организации по недоразумению»¹³⁶, — такие и подобные призывы были обращены к членам профсоюзов со страниц газет.

В проведении профсоюзной кампании активное участие принимала Рабочая партия. ЦК РП выступил со специальным циркуляром в поддерж-

¹³³ См. Циркуляр НРПС о проведении профсоюзной кампании. — «Рабочническо дело», 23.II 1929.

¹³⁴ Там же; см. также «Работничка», 5.III 1929.

¹³⁵ «Работничка», 5.III 1929.

¹³⁶ «Единство», 6. III 1929.

ку кампании, в котором наряду с конкретными указаниями по ее проведению отмечалось, что в работу должны включиться все члены РП без исключения, каждый член РП должен стать участником профсоюзного отряда, кроме того, все члены РП должны стать членами профсоюза¹³⁷.

Профсоюзная кампания приняла довольно широкий размах и внесла значительное оживление в рабочее движение. В Софии было сформировано пять отрядов по 20—30 человек в каждом, отряды делились на группы¹³⁸. Эти группы провели большую работу на текстильных фабриках города, на табачных и пищевых предприятиях устраивали собрания рабочих, принимали в профсоюзы новых членов, перерегистрировали старых. Несколько слабее работали группы на кожевенных предприятиях и фабриках металлоизделий. Софийские рабочие вели работу в Ломе, Фердинанде, Видине, Елисейне, Плевене, Пернике и др.¹³⁹

В ходе кампании решались и непосредственные задачи борьбы против фашизма. Например, на текстильной фабрике Берова в Софии, являвшейся объектом фашистской пропаганды, среди рабочих нашелся желающий распространять газету «Болгарский фашист». Длительная разъяснительная работа участников профсоюзной кампании, проведенная с этим рабочим, заставила его отказаться от распространения фашистской газеты¹⁴⁰.

Значительное оживление принесла профсоюзная кампания в рабочий Пловдив; основное внимание здесь было направлено на организацию табачников. 6 марта пополнилось временными членами и конституировалось Центральное правление Союза табачников. Оно поставило перед собой задачу восстановить организации табачников во всех городах и после завершения профсоюзной кампании созвать общebolгарскую конференцию для избрания постоянного Центрального правления¹⁴¹. Всего в Пловдиве было перерегистрировано 120 прежних членов союза табачников и вновь записано 140¹⁴². Таким образом, здесь создавалась многочисленная и довольно крепкая организация. Была установлена связь со всеми табачными складами. Прежде среди табачников распространялось всего 300—400 экземпляров профсоюзной газеты «Единство», к концу кампании это количество возросло до 700¹⁴³.

Работа в Пловдиве проводилась и на предприятиях других отраслей: металлообрабатывающей, деревообделочной, обувной.

Активную деятельность развернули профсоюзные отряды в Русе, Хаскове и других городах¹⁴⁴.

Но не всюду профсоюзная кампания приобрела необходимый размах, в ряде мест она началась с опозданием. В Тырнове распределение групп по предприятиям произошло лишь неделю спустя после начала кампании¹⁴⁵. Задержались с началом работы и в Пловдиве. Малоэффективной была кампания в Сливене, профорганизация текстильщиков здесь по-прежнему оставалась слабой. В этом одном из крупнейших центров текстильной промышленности газета «Единство» с трудом распространялась в количестве 150 экземпляров¹⁴⁶.

¹³⁷ См. Циркуляр ЦК РП № 15.—«Работническо дело», 4. III 1929.

¹³⁸ «Единство», 6. III 1929.

¹³⁹ «Единство», 31. III 1929.

¹⁴⁰ «Единство», 6. III 1929.

¹⁴¹ «Единство», 14. III 1929.

¹⁴² «Единство», 31. III 1929.

¹⁴³ «Единство», 31. III 1929.

¹⁴⁴ «Единство», 31. III 1929.

¹⁴⁵ «Единство», 14. III 1929.

¹⁴⁶ «Единство», 22. IV 1929.

Недостаточная оперативность при проведении кампании заставила удлинить «Профсоюзный месяц» на 10 дней ¹⁴⁷.

10 апреля в Софии состоялось большое собрание, созванное ЦК НРПС, на котором были подведены итоги профсоюзного месяца. Секретарь ЦК НРПС Асен Бояджиев заявил, что кампания в целом была проведена удовлетворительно ¹⁴⁸.

Профсоюзный месяц способствовал большому оживлению профсоюзной работы, росту авторитета НРПС, особенно среди рабочих мелких предприятий. Но большим недостатком явилось то, что в ходе кампании не произошло перенесения центра тяжести профсоюзной работы с мелких предприятий на крупные. По-прежнему горняки, пищевики, докеры оставались вне рабочих организаций; вовлечение их в профсоюзы, являвшееся одной из центральных задач кампании, не было осуществлено.

Не были практически решены и две другие задачи профсоюзной кампании: организация профсоюзов среди сельскохозяйственного пролетариата и укрепление оппозиции в реформистских союзах, что было в большой степени связано с неясным представлением самого ЦК НРПС о том, как вести такого рода работу на местах.

Причиной этих недостатков в проведении Профсоюзного месяца было то, что ЦК НРПС поставил перед единовременной кампанией слишком обширные задачи, решение которых требовало повседневной длительной и кропотливой работы. Кроме того, руководство профсоюзов далеко не использовало роста активности рабочего класса: дело организационного укрепления НРПС находилось в отрыве от непосредственной борьбы трудящихся.

Между тем революционное настроение болгарского пролетариата быстро парало и свидетельством этого явилось празднование 1 Мая 1929 г. ЦК БКП дал установки в связи с празднованием Дня международной солидарности трудящихся, основанные на решении Исполкома Коминтерна. В нелегальном журнале ЦК БКП «Комунистическо знаме» было опубликовано обращение ИККИ к пролетариям всех стран, которое призывало превратить 1 Мая в день классовой борьбы, в день самой самоотверженной борьбы трудящихся против готовившейся войны против СССР. Исполком Коминтерна призывал провести 1 Мая массовую стачку пролетариата ¹⁴⁹.

ЦК БКП и ЦК БКМС распространили нелегальную листовку, призывавшую к общей первомайской стачке и уличным демонстрациям в этот день ¹⁵⁰. В листовке выдвигались и непосредственно антифашистские лозунги: «Роспуск и разоружение фашистских организаций!», «Организация рабоче-крестьянской обороны против фашизма!» и т. п.

Со страниц нелегальной печати призывы провести 1 Мая стачку и демонстрации перешли в массовые легальные газеты, причем особый упор делался на участие в стачке рабочих крупных предприятий, транспорта. «Работническо дело» писала 17 апреля, что на крупных предприятиях и транспорте 1 Мая работа должна быть прекращена; ни одна буржуазная газета не должна выйти в этот день ¹⁵¹. В подготовку включилась и газета «Работничка»: «Ни одна работница не должна работать 1 Мая! Ни один

¹⁴⁷ «Единство», 20.III 1929.

¹⁴⁸ «Единство», 15.IV 1929.

¹⁴⁹ «Комунистическо знаме», 1929, № 2—3, стр. 86.

¹⁵⁰ Фонды Государственного музея революции СССР. Л-385-3г, № 10688/5.

¹⁵¹ «Работническо дело», 17.IV 1929.

капиталист не должен получить в этот день дохода! Ни одна фабричная труба не должна дымить!»¹⁵².

Впервые за годы фашистской диктатуры перед рабочими организациями Болгарии была поставлена задача провести в день 1 Мая не только демонстрации, но и массовую политическую стачку по всей стране. Это была очень сложная и трудная задача, так как опыта таких крупных политических выступлений в условиях фашистской диктатуры еще не было, а промышленный пролетариат по-прежнему был еще организационно слаб. Поэтому чрезвычайно важным становилось вовлечение в подготовку к выступлению 1 Мая именно промышленного пролетариата. Первомайская кампания была в этом отношении как бы продолжением профсоюзной.

В ходе подготовки к празднованию 1 Мая была создана целая сеть первомайских комитетов, охватившая большинство городов страны¹⁵³. Софийский комитет был центральным для всей страны¹⁵⁴.

Деятельность первомайских комитетов состояла в издании листовок, обращений, организации предмайских собраний, широкой пропаганде идей первомайской стачки и демонстрации. В ряде случаев отдельные конкретные вопросы подготовки празднования 1 Мая брали на себя местные профорганизации, организации РП, РМС. Например, в Пловдиве, помимо первомайского комитета, с первомайскими призывами выступили местная организация РМС, профорганизации табачников, деревообделочников, кондитеров, обувщиков и др.¹⁵⁵ Ими было издано 20 листовок.

В большинстве крупных городов накануне 1 Мая были проведены предмайские собрания¹⁵⁶. В Пловдиве в ответ на запрещение предмайского собрания рабочие устроили демонстрацию, причем инициаторами ее были табачники.

Боевое настроение рабочих, открытая подготовка к стачке и демонстрации — все это заставило правительство принять срочные и строгие меры против возможных «беспорядков». Моральную поддержку властям оказали «широкие», осуждавшие самую идею празднования 1 Мая. Главнейшим их аргументом было то, что 1 мая приходилось на страстную пятницу. Этот довод затем был подхвачен всей буржуазной прессой¹⁵⁷.

Особенно свирепствовала полиция в последнюю неделю апреля. В Софии на всех фабриках и крупных предприятиях полиция поставила специальные посты. Такие же посты были поставлены в табачных складах Пловдива¹⁵⁸. 30 апреля полиция для «профилактики» побывала на большинстве предприятий. В Русе производились обыски прямо на фабриках, в рабочее время. Так, на фабрику «Жити», в течение последней недели апреля три раза являлись полицейские, которые, скомандовав рабочим: «По местам! Не шевелись!», обыскивали всех подряд, отбирали листовки, газеты и арестовывали тех, у кого их находили. То же было сделано два раза на мебельной фабрике «Изкуство»¹⁵⁹.

В Дупнице, где среди рабочих были сильны настроения в пользу стачки, комендант города вызвал к себе директоров всех табачных фирм и

¹⁵² «Работничка», 12. IV 1929.

¹⁵³ «Работническо дело», 16.V 1929; «Борба», Пловдив, 4.V 1929; см. так же П. Д а н е в. Первомайските чествования у нас. 1893—1944. София, 1956, стр. 82.

¹⁵⁴ «Единство», 6.IV 1929.

¹⁵⁵ «Борба», 2.V 1929.

¹⁵⁶ «Работническо дело», 16.V 1929.

¹⁵⁷ Б. В а с и л е в. Окърваният Първи май. — «Наковалия», 1929, № 174, стр. 3.

¹⁵⁸ «Единство», 10.V 1929.

¹⁵⁹ «Работническо дело», 28.V 1929.

приказал им предупредить рабочих, что в случае прекращения работы 1 мая, они немедленно будут уволены¹⁶⁰.

Все листовки и обращения первомайских комитетов были запрещены. Винозные в их напечатании и распространении привлекались к ответственности по Закону об охране государства.

Особенно большой урон движению нанесли многочисленные аресты в канун 1 Мая. Был арестован весь Центральный первомайский комитет. Всего в Софии было схвачено свыше 50 человек, в том числе такие активные деятели, как секретарь ЦК НРПС Асен Бояджиев, члены ЦК РП и НРПС Стоимен Цветков, Энчо Стайков, Иордан Милев и др.¹⁶¹ В Пловдиве был арестован весь первомайский комитет, состоявший из 100 чел.

30 апреля полицейские органы столицы и провинции получили приказ не допускать никаких манифестаций и собраний.

Естественно, что в условиях полицейских репрессий празднование 1 Мая было весьма затруднено, и тем не менее выступление рабочего класса в этот день показало, что рабочее движение Болгарии сделало еще один крупный и важный шаг вперед.

Наиболее значительными были выступления пролетариата Софии и Пловдива.

В Софии в 9 часов утра 1 Мая должно было состояться собрание в самом большом зале столицы — театре «Ренесанс», но задолго до назначенного часа полицейские плотным кольцом окружили здание театра; рабочих, пытавшихся проникнуть в район театра, арестовывали. К 10 часам утра число арестованных уже превышало сотню¹⁶². Видя, что провести намеченное собрание здесь не удастся, рабочие группами стали продвигаться в район улиц «Овче поле» и «Широтска». Здесь собралось, по утверждению пловдивской газеты «Борба», перепечатавшей сообщение из Софии, не менее 500—600 чел.¹⁶³ По другим сведениям, на этих улицах собралось не менее тысячи человек¹⁶⁴. Возглавлял демонстрантов секретарь ЦК РП Петко Напетов. Здесь на углу двух улиц состоялся митинг, развешалось красное знамя, демонстранты пели «Интернационал», «Молодую гвардию». С речью выступил депутат от Рабочей партии Христо Калайджиев, но в самый разгар митинга появилась полиция, окружившая собравшихся. Дав несколько холостых залпов, полицейские, орудуя прикладами, бросились на рабочих. Рабочие ответили пением «Интернационала», возгласами «Долой фашизм!», «Да здравствует 1 Мая!». Группа рабочих собралась вокруг знамени, пытаясь защитить его от полиции. Но силы были неравны — вооруженная полиция сумела рассеять безоружных демонстрантов. Несколько десятков человек было арестовано и среди них П. Напетов. В течение всего остального дня полицейские контролировали рабочие кварталы, не давая рабочим собираться группами¹⁶⁵.

Довольно организованно была проведена первомайская демонстрация в Пловдиве, особенно если иметь в виду, что из-за арестов, произведенных накануне, рабочие остались без всякого руководства. Кроме того, дезориентировать их могло и то обстоятельство, что власти сначала разрешили демонстрацию, а потом запретили ее¹⁶⁶.

Так же, как и в Софии, после неудачной попытки провести намеченное собрание, рабочие устроили демонстрацию по улицам города. Обманув

¹⁶⁰ «Работническо дело», 28.V 1929.

¹⁶¹ «Единство», 10.V 1929.

¹⁶² «Единство», 10.V 1929.

¹⁶³ «Борба», Пловдив, 3.V 1929.

¹⁶⁴ См. П. Цанев. Указ. соч., стр. 81—82.

¹⁶⁵ «Единство», 10.V 1929; «Борба», Пловдив, 3.V 1929.

¹⁶⁶ П. Цанев. Указ. соч., стр. 82.

полицию изменением маршрута, рабочие стройными колоннами, с пением «Интернационала», сумели пройти к центру города и провести митинг. К тому времени, когда подросла полиция, ряды демонстрантов выросли с 300 до 500—600 человек ¹⁶⁷.

В других городах провести демонстрации не удалось, по повсюду рабочие стремились отметить свой пролетарский праздник.

В Шумене полиция разогнала уже начавшееся в клубе РП первомайское собрание, устроило обыск. Рабочие вынуждены были покинуть клуб, но в знак протеста в течение всего дня носили на груди красные ленты ¹⁶⁸.

Город Русе в день 1 Мая был превращен в полицейский лагерь. Все улицы в районе клуба РП были блокированы конной и пешей полицией. Для рабочих и молодежи был закрыт вход даже в городской сад. Правда, весь город был украшен разноцветными обращениями, призывами, красными лентами, но провести массового выступления рабочих здесь не удалось, так же как и в Дупнице ¹⁶⁹.

Были сделаны попытки провести майские собрания в Бургасе, Тырнове, но они окончились неудачей ¹⁷⁰. Более успешно прошли майские собрания в Чирпане, Старой Загоре, Ески-Джумале и некоторых других местах ¹⁷¹.

В рабочую печать, весьма пострадавшую от майских конфискаций, проникли сообщения о праздновании 1 Мая и в деревне ¹⁷².

Как и зимой, активно откликнулись на майские события в стране политзаключенные. В центральной Софийской тюрьме они провели однодневную голодовку, пели революционные песни, украшали себя красными лентами ¹⁷³. В Пловдивской и Сливенской тюрьмах удалось провести даже демонстрацию и митинг в тюремном дворе ¹⁷⁴.

Празднование 1 Мая в 1929 г., несомненно, приняло более широкий характер, чем в предыдущем году. Попытки отметить праздник трудящихся, хотя и не всегда удачные из-за репрессий, были сделаны рабочими организациями всей страны. Положительным моментом было создание целой сети первомайских комитетов, возникавших в самых отдаленных уголках страны. Через эти комитеты в подготовку к празднованию 1 Мая были вовлечены широкие слои рабочих. Даже в тех местах, где выступление пролетариата в день 1 Мая не удалось (Дупница, Тырново), большая подготовительная работа имела важное значение для революционного воспитания трудящихся.

И все же первомайское выступление болгарского пролетариата в 1929 г. страдало рядом субъективных недостатков. Оно не удалось в полной мере не только из-за репрессий властей.

В ряде случаев причина неудачи была связана с недооценкой революционного настроения в массах со стороны руководства. Примером может служить положение в Русе. Здесь подготовка к 1 Мая была развернута достаточно широко. Но после ареста части руководящих товарищей и особенно после запрещения всяких собраний и демонстраций оставшиеся на свободе ничего не предприняли для продолжения работы. Один из руководителей местной организации РП в день 1 Мая отказался выступить

¹⁶⁷ «Единство», 10.V 1929.

¹⁶⁸ «Работническо дело», 16.V 1929.

¹⁶⁹ «Работническо дело», 22, 28.V 1929.

¹⁷⁰ «Борба», Пловдив, 3.V 1929.

¹⁷¹ «Единство», 10.V 1929.

¹⁷² «Работническо дело», 23, 27.V 1929.

¹⁷³ «Работническо дело», 4.VI 1929.

¹⁷⁴ «Работническо дело», 22.V, 21.VI 1929.

перед 40—50 собравшимися рабочими. Между тем, настроение у рабочих было боевое. Они собирались большими группами в разных концах города, но из-за отсутствия руководства и четкого плана действий полиции удалось легко рассеять их; русенские рабочие попытались организовать стачку, но было уже поздно ¹⁷⁵.

В Пловдиве среди руководителей также не было единства в вопросе о том, стоит ли проводить первомайскую демонстрацию; многие не были уверены, что рабочие выйдут на улицу ¹⁷⁶. Но события в конце апреля, когда пловдивские табачники в ответ на запрещение предмайского собрания, устроили манифестацию, заставили руководителей мобилизоваться и взять твердый курс на организацию первомайской демонстрации.

Недооценка революционных возможностей пролетариата со стороны руководства часто сковывала инициативу масс; рабочие организации не всегда выполняли свою роль руководителя и организатора, нередко оказываясь в хвосте революционно настроенных рабочих.

Кроме того, промышленный пролетариат и на этот раз не выступил в авангарде движения, о чем свидетельствовала неудача всеобщей массовой политической стачки. В Софии, по признанию официозной газеты «Слово», 1 Мая не вышло на работу около 40 рабочих различных предприятий ¹⁷⁷. В Пловдиве «большинство промышленных, ремесленных и торговых предприятий работы в этот день не прекращало» ¹⁷⁸. В Русе объявили забастовку лишь отдельные рабочие: на фабрике «Жити» прекратило работу четыре человека, на фабрике болтов Дычева-Московича — два человека, на «Зимнице» — свыше 40 чел.; из этих 40 чел. целый день бастовали 34, остальные, увидев, что бастующих меньшинство, после обеда вышли на работу ¹⁷⁹. В ремесленных мастерских наиболее активное участие в стачке приняли рабочие пошивочных мастерских. Такие разрозненные действия рабочих позволили хозяевам жестоко расправиться с забастовщиками: большинство из них было уволено с работы.

Сравнительно организованно выступили только табачники, которые все более определенно играли роль ведущего отряда болгарского пролетариата. В Пловдиве, несмотря на то, что повсюду имелись полицейские посты, на больших табачных складах производство было остановлено на 50—60% ¹⁸⁰. В Хаскове 1 Мая забастовало 300 табачников ¹⁸¹.

В целом же по стране массовая политическая стачка не удалась. Причина этого заключалась, с одной стороны, в известном хвостизме рабочих и профсоюзных организаций, не поспевавших за ростом революционного настроения пролетарских масс, с другой стороны, в слабом организационном охвате Рабочей партией и НРПС промышленного пролетариата, без участия которого массовая политическая стачка была обречена на провал.

Несмотря на отмеченные недостатки, первомайское выступление пролетариата, так же как и борьба болгарских трудящихся против белого террора, имело большое политическое значение, явившись свидетельством все более растущего революционного настроения масс, их готовности вести борьбу против фашистской диктатуры.

¹⁷⁵ «Работническо дело», 28.V 1929.

¹⁷⁶ «Работническо дело», 30.IV 1929.

¹⁷⁷ «Слово», 1.V 1929.

¹⁷⁸ «Борба», Пловдив, 3.V 1929.

¹⁷⁹ «Работническо дело», 28.V 1929.

¹⁸⁰ «Единство», 10.V 1929.

¹⁸¹ «Слово», 1.V 1929.

Фашистское правительство делало вид, что оно не придает серьезного значения движению трудящихся. В конце марта 1929 г. в интервью корреспонденту газеты «Neue Freie Presse» Ляпчев хвастливо заявлял, что внутреннее положение страны крепкое, что главная задача, которая стояла перед ним при вступлении его на пост премьер-министра, — умиротворение страны — достигнута¹⁸².

Между тем сопротивление существовавшему порядку быстро росло, и летом 1929 г. фашистское правительство было поставлено перед стачечным движением такого размаха, какого еще не знала Болгария за все время существования фашистской диктатуры.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ТАБАЧНИКОВ И СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЛЕТОМ 1929 г.

Стачечное движение стало парастать с весны 1929 г.

Прежде всего росло количество стачек: в одной только Софии в марте 1929 г. было проведено больше 10 стачек. Стачки все чаще принимали отраслевой характер: бастовали деревообделочники (фабрика Фр. Немечка, мастерская Берберяна, фабрика «Цитрон»)¹⁸³, обувщики (мастерские бр. Гулевых, «Лев», «Женева», «Орел», Д. Симеонова¹⁸⁴ и др.). Это обстоятельство свидетельствовало о назревании условий для совместной солидарной борьбы рабочих той или иной отрасли.

Преобладание в Болгарии мелкого производства, недостаточное организационное влияние РП и НРПС среди рабочих крупных промышленных объектов налагали свой отпечаток и на характер стачечной борьбы: стачки происходили в основном на мелких предприятиях. Нередко в газетах мелькали сообщения о забастовке восьми рабочих такой-то фабрики или четырех рабочих такой-то мастерской. Проведение стачки таким количеством рабочих требовало особого мужества и сплоченности.

Однако, несмотря на героизм рабочих, стачки на небольших предприятиях редко кончались победой: возникали они, как правило, стихийно, без предварительной подготовки, протекали недостаточно организованно.

С конца 1928 г. стачечное движение стало приобретать наступательный характер. Например, деревообделочники фабрики Фр. Немечка потребовали сокращения рабочего дня с 10 часов до 8 часов при сохранении прежней заработной платы, и после шестидневной стачки добились победы. С требованием повышения заработной платы выступили рабочие мастерской Берберяна, фабрики «Цитрон» и др.

В ряде случаев рабочим приходилось вести и оборонительные стачки.

Еще на более высокую ступень поднялось стачечное движение летом 1929 г., когда оно охватило самую передовую и многочисленную часть болгарского пролетариата — табачников и текстильщиков, — при массовой поддержке всего рабочего класса и в первую очередь наиболее организованного отряда ремесленных рабочих — обувщиков. Отличительной чертой этого движения было то, что его инициаторами явились именно промышленные рабочие, что оно затронуло в той или иной степени все районы страны.

14 мая 1929 г. рабочие комиссии восьми табачных складов Хаскова одновременно предъявили хозяевам требование о повышении заработной

¹⁸² «Neue Freie Presse», 1929, 31 März. — Досье Института истории АН СССР, Д-14, 1929, № 9.

¹⁸³ «Единство», 6.15, 31. III 1929; «Работническо дело», 6. III, 10. IV 1929.

¹⁸⁴ «Работническо дело», 14. III 1929; «Работничка», 20. III 1929; «Единство», 20, 31. III 1929.

платы на 15%¹⁸⁵. Хозяева отвергли это требование, и 17 мая 2 тыс. рабочих табачных складов объявили стачку. 23 мая в Хаскове бастовали уже табачники всех складов — 7 тыс. человек. Газета «Работническое дело» писала: «Все табачное производство в Хаскове остановлено. Бастуют мужчины, женщины и подростки; болгары, турки и армяне. Дух высокий. Особенно отличились женщины, которые бросились в борьбу очень смело, без особых призывов»¹⁸⁶. Из Хаскова пламя стачечной борьбы перекинулось в другие места.

24—25 мая предъявили требования о повышении заработной платы, а 28 мая забастовали 2,5 тыс. табачников Станимаки, 1 тыс. табачников Райкова¹⁸⁷. 25 мая рабочая печать сообщила о том, что стачка распространилась среди табачников Устова, Кошу Кавака, Дара-дере¹⁸⁸. 28 мая в борьбу вступили 12 тыс. табачников Пловдива — центра табачной промышленности Болгарии, — предъявив требования о повышении заработной платы на 40% для рабочих, получающих меньше 50 левов в день, и на 30% для рабочих, получающих больше 50 левов в день¹⁸⁹.

Стачечное движение продолжало нарастать: 4 июня забастовали 3 тыс. табачников Кырджали, 5 июня бастующих стало уже около 4 тыс.¹⁹⁰, 6 июня забастовало 900 табачников Шех-Джумаи¹⁹¹. Всего к 6 июня в стране бастовало одновременно более 30 тыс. табачников¹⁹². Волновались и табачники столицы. Чтобы предотвратить стачку, по распоряжению властей, вокруг складов была выставлена полицейская охрана. В городе были запрещены всякие собрания, клуб Рабочей партии и редакция газеты «Единство» были оцеплены полицией¹⁹³. Тем не менее брожение среди табачников росло; на некоторых предприятиях рабочие выработали требования. Но, когда 10 июня рабочая комиссия сигаретной фабрики «София» предъявила эти требования хозяевам, она сразу же в полном составе была арестована, а на следующий день аресты были произведены почти во всех складах¹⁹⁴. Готовились к стачке и табачники Дупница и Кюстендила, но из-за репрессий со стороны административных и военных властей организованное выступление табачников здесь, так же как в Софии, было сорвано¹⁹⁵. Не выступили и табачники Татар-Пазарджика, где рабочие, предъявив 3 июня свои требования, проявили колебания, поверили хозяевам, обещавшим и без стачки дать такое же увеличение заработной платы, как в Пловдиве и Хаскове¹⁹⁶.

Несмотря на указанные недостатки в организации стачки табачников в отдельных местах, ее с полным основанием можно назвать всеобщей: из 35 тыс. всех табачников страны в ней участвовало более 30 тыс. Важнейшей и характернейшей чертой было участие в стачке самых широких слоев табачников; это было поистине массовое выступление рабочих этой отрасли промышленности. На широкий, массовый характер стачки доста-

¹⁸⁵ Через несколько дней было предъявлено требование о повышении заработной платы на 25%.

¹⁸⁶ «Работническое дело», 27.V 1929.

¹⁸⁷ Бюлетин № 6 (о ходе стачечного движения. — Р. Г.) — «Единство», 2.VI 1929.

¹⁸⁸ «Работническое дело», 25.V 1929.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Бюлетин № 11 — «Работническое дело», 6. VI 1929.

¹⁹¹ Бюлетин № 14 — «Работническое дело», 10.VI 1929.

¹⁹² Бюлетин № 11 — «Работническое дело», 6.VI 1929.

¹⁹³ Бюлетин № 12 — «Работническое дело», 7.VI 1929.

¹⁹⁴ Бюлетин № 16—17 — «Единство», 16.VI 1929.

¹⁹⁵ Бюлетин № 11 — «Работническое дело», 6.VI 1929. Бюлетин № 12 — «Работническое дело», 7.VI 1929.

¹⁹⁶ Бюлетин № 10 — «Единство», 8.VI; Бюлетин № 11 — «Работническое дело», 6.VI 1929.

точно красноречиво указывало участие в борьбе совершенно забытых рабочих, по преимуществу турок, Кырджали, Устова, Райкова, Кошу-Кавака и др.¹⁹⁷

Массовость выступления составляла большую силу стачки табачников. Почувствовав поддержку товарищей, рабочие Хаскова 31 мая потребовали повышения заработной платы на 30% и 40% для получающих соответственно больше и меньше 50 левов в день, т. е. подняли свои требования до уровня пловдивских¹⁹⁸. Но если массовость стачки составляла ее сильную сторону, то недостаточная организованность и сознательность табачников — слабую сторону. Резолюция X пленума ИККИ отмечала, что «в Болгарии из 30 тыс. бастовавших табачников было 95% неорганизованных»¹⁹⁹. Конечно, преобладающая роль в стачке неорганизованных рабочих накладывала определенный отпечаток на ее ход и характер.

Прежде всего стачка в масштабе всей страны вспыхнула стихийно, без предварительной подготовки. Начавшись в Хаскове без ведома НРПС²⁰⁰, она охватила затем почти все пункты табачной промышленности, но из-за отсутствия предварительной работы на это потребовалось целых три недели. Поэтому, в то время, как новые группы табачников еще только подключались к борьбе, основные силы были уже в значительной мере истощены.

Стихийное и разновременное начало всеобщей стачки табачников при отсутствии централизованного руководства предопределяло несогласованность действий отдельных отрядов стачечников, их разновременный выход из борьбы. Поэтому такое важное значение приобретал вопрос о признании за НРПС руководящей роли в борьбе стачечников.

Уже на следующий день после стачки в Хаскове ЦК НРПС со страниц профсоюзной газеты «Единство» обратился к рабочим всей страны с призывом поддержать стачку²⁰¹. ЦК НРПС и ЦК РП разослали своим организациям циркуляры в связи со стачкой табачников, рекомендуя устраивать собрания в поддержку бастующих, протестовать против вмешательства полиции, против террора в отношении стачечников, оказывать им материальную помощь²⁰². «Стачка табачников — дело всего рабочего класса», — говорилось в циркуляре ЦК НРПС²⁰³.

ЦК НРПС направил в основные центры борьбы своих работников. С 18 по 23 мая в Хаскове находился посланец ЦК НРПС Стамат Иванов. Он участвовал во всех заседаниях стачкома. 22 и 23 мая в Хаскове был и Асен Бояджиев, также принимавший участие в работе стачкома. Затем в связи с назреванием стачки в Пловдиве эти товарищи переехали туда.

Однако попытки НРПС возглавить борьбу на первом этапе стачки были связаны с большими трудностями, причиной которых была недостаточная сознательность рабочих. Рабочие еще верили, что если стачка будет носить сугубо экономический характер, если они откажутся от руководства со стороны НРПС, то власти встанут на сторону рабочих, помогут

¹⁹⁷ Кырджалийский округ — «...край феодального рабства, — писала газета «Работническо дело», — где сопротивление и организованность почти исключены. Эксплуатация и капиталистическая рационализация здесь особенно жестокие» (25.V 1929).

¹⁹⁸ Бюлетин № 8 — «Работническо дело», 1.VI 1929.

¹⁹⁹ «X пленум ИККИ. «Тезисы, резолюции, постановления». М., 1929; стр. 35. По утверждению журнала «Красный интернационал профсоюзов» (1929, № 8—9, стр. 640), из 30 тыс. бастовавших табачников членами рабочих организаций было только около 2 тыс. человек.

²⁰⁰ «Работническо дело», 8. X 1929.

²⁰¹ «Единство», 18.V 1929.

²⁰² Окръжно ЦК РП № 20 — «Работническо дело», 27.V 1929.

²⁰³ «Единство», 27.V 1929.

им вырвать уступки у хозяев. Эти иллюзии всячески подогревались буржуазной прессой, которая стала поддерживать «законность» требований рабочих. Вот, например, что писала официальная газета «Слово»: «Общественное мнение, а вместе с ним до известной степени и власти, расположены скорее к рабочим [чем к предпринимателям. — Р. Г. I...²⁰⁴], ему вторила пловдивская «Борба»: «...Власти рассматривают борьбу рабочих как человеческую борьбу за хлеб»; «Правительственные и оппозиционные круги явно принимают сторону рабочих Хаскова...»²⁰⁵. Эти демагогические заявления были направлены на то, чтобы представить буржуазию защитницей интересов рабочих, подчинить их своему влиянию. Буржуазия называла и цену своей поддержки: сохранение «чисто профессионального» характера стачки, отказ от «коммунистического руководства». Ляпчев в ответ на запрос в Народном Собрании говорил: «Если коммунисты не вмешаются в стачку, рабочие только выиграют, так как правительство поддержит их в рамках возможного»²⁰⁶.

Такие авторитетные высказывания высокопоставленных лиц и органов печати не могли не воздействовать на сознание массы рабочих и не отразиться на действиях стачкомов. На приеме у Ляпчева 25 мая делегация из Хаскова заверяла премьер-министра в том, что стачка носит «чисто экономический характер»²⁰⁷. 30 мая Пловдивский стачком опубликовал заявление, в котором отмежевывался от НРПС и от призыва ЦК НРПС ко всем рабочим поддержать борьбу табачников. 31 мая в Софию прибыла делегация от стачечников Пловдива, добившаяся приема у Ляпчева и у министра иностранных дел Бурова, крупного табачного акционера. Некоторые члены делегации тайно встретились с другими министрами. Во время встреч делегаты вели себя недостойно, просили вместо того, чтобы требовать, выразили готовность приять арбитраж Бурова²⁰⁸.

Немалую роль в том, что стачка приняла такое направление, сыграло проникновение в стачечные комитеты оппортунистических элементов и даже прямых хозяйских ставленников. Как правило, формирование стачкомов происходило путем делегирования, а не выборов, что открывало путь для проникновения в руководство стачкой различных сомнительных элементов, тем более, что в состав стачкомов бастующие вначале старались вводить людей, не интересующихся политикой. Недаром, говоря о пловдивском стачкоме, буржуазная газета «Мир» писала: «Рабочие изолировали всех, кто пытался придать стачке политический характер»²⁰⁹. Вне стачкома оказался Г. Вангелев, член ЦК НРПС и Центрального правления профсоюза табачников, один из руководителей пловдивской профсоюзной организации. Чрезвычайно разношерстный по составу и многочисленный (в состав пловдивского стачкома входило 120 человек)²¹⁰, пловдивский стачком не мог наметить правильного курса борьбы и обеспечить оперативное руководство стачкой. Необходимо было решительно вмешаться и придать стачке единственно верное направление, и прежде всего в Пловдиве, где была сосредоточена наибольшая масса стачечников, по которым в значительной мере равнялись другие рабочие.

Через голову стачкома ЦК НРПС обратился к пловдивским табачникам, указывая на неправильность пути, избранного их руководством, и

²⁰⁴ «Слово», 3.VI 1929.

²⁰⁵ «Борба», Пловдив, 29.V 1929.

²⁰⁶ «Слово», 31.V 1929.

²⁰⁷ «Работническо дело», 28.V 1929.

²⁰⁸ Бюлетин № 9 — «Единство», 8.VI 1929.

²⁰⁹ «Мир», 29.V 1929.

²¹⁰ Бюлетин № 6 — «Единство», 2.VI 1929.

призывая к выборам нового стачкома, в состав которого вошли бы действительные представители табачников. В газете «Работническо дело» от 1 июня была опубликована передовая статья под заголовком «Ошибочная позиция», в которой острой критике подвергались действия пловдивского стачкома. В ней говорилось: «Пловдивские товарищи! Ваше руководство сделало ошибочный шаг, заняло неправильную позицию и, если вы быстро не вмешаетесь, чтобы исправить их ошибку, заплатите дорогой ценой за тяжелое поражение. Ваша борьба в опасности, пока руководство ею находится в руках людей, добровольно отказавшихся от помощи рабочего класса и пошедших на поводу у классового врага. Поставьте во главе своей борьбы достойных руководителей и контролируйте каждый их шаг»²¹¹.

Обращение ЦК НРПС нашло благоприятный отклик как среди передовых сознательных рабочих, с самого начала стоявших на позициях признания руководства со стороны НРПС, так и со стороны массы табачников, к тому времени уже на собственном опыте убедившихся в невозможности сугубо экономического характера стачки, убедившихся в том, что в условиях фашистской диктатуры любое экономическое выступление пролетариата приобретает политический характер. Они увидели воочию, что, несмотря на все свои заверения, власти держат сторону предпринимателей: переговоры с хозяевами, ведшиеся через посредников, не привели к положительным результатам. О том, чьи интересы защищают власти, достаточно красноречиво свидетельствовали и действия полиции, подвергавшей постоянным преследованиям стачечников, помогавшей хозяевам находить штрейкбрехеров, превратившей Хасково в военно-полицейский лагерь²¹². Непосредственный опыт рабочих был лучшей школой для них, именно он поднимал сознательность табачников на более высокую ступень.

2 июня в Пловдиве состоялось большое собрание стачечников, созванное по инициативе НРПС, на котором отчитывалась делегация, посылавшаяся в Софию. Собрание признало неправильным поведение членов делегации, не достойным тяжелой борьбы рабочих. Не менее резкой критике была подвергнута и деятельность стачкома, который «свел стачку с правильного пути»²¹³.

Собрание выразило недоверие стачкому, расформировало его и избрало новый стачком из 30 человек — «лучших рабочих деятелей, пользовавшихся симпатиями рабочих, доказавших, что они верно служат рабочим-табачникам и всему рабочему классу»²¹⁴.

С избранием нового стачкома в ходе стачки в Пловдиве наступил перелом, боевой дух стачечников значительно повысился. Газета «Работническо дело» 6 июня сообщала, что количество штрейкбрехеров с каждым днем уменьшается; стачком решил не принимать никакого арбитража и вести переговоры непосредственно с хозяевами. 10 июня в Пловдиве состоялось новое большое собрание стачечников. Больше 8 тыс. присутствовавших решили дополнить требования о повышении заработной платы требованиями об увольнении всех штрейкбрехеров; восстановлении на

²¹¹ «Работническо дело», 1.VI 1929.

²¹² 24 мая в Хаскове был издан приказ, фактически вводивший военное положение. Он гласил: «Запрещается передвижение рабочих группами больше трех человек. Никакого движения рабочих по улицам и особенно в районе табачных складов. Если кто-либо будет пойман при агитации в поддержку стачечников, будет подведен под ст. 48 закона» («Работническо дело», 25.V 1929).

²¹³ Бюлетин № 9 — «Единство», 8.VI 1929.

²¹⁴ Там же.

работе всех бастовавших, оплате всех дней забастовки; равной оплате труда зимой и летом; двойной оплате сверхурочной работы. В бюллетенях о ходе стачки в эти дни сообщалось, что «боевой дух рабочих выше, чем когда бы то ни было»²¹⁵. Новый стачком распространил призыв к табачникам, в котором говорилось: «Пусть каждый рабочий выбьет из своей головы мысль, что в его борьбе ему помогут какие-то другие люди и организации, чуждые его интересам... Табачники должны быть уверены, что помощь они получают только от организованного и неорганизованного рабочего класса...»²¹⁶.

Изменение характера стачки в Пловдиве вызвало злобную ярость властей: сразу резко усилился террор. Были запрещены собрания и движение по улицам группами больше трех человек. Полиция содействовала нападению на пикеты стачечников, разгоняла их, избивала и арестовывала пикетчиков. 14 июня произошло столкновение рабочих с полицейскими, пытавшимися «очистить» улицу от забастовщиков. Полицейские арестовали несколько человек, но когда повели их к участку, за ними двинулась такая огромная и возмущенная толпа, что полицейские сочли за лучшее отпустить арестованных²¹⁷.

Но не террор сломил силы бастовавших табачников.

Такого очищения от оппортунизма, как в Пловдиве, не произошло в других стачках, каждый из которых к тому же действовал самостоятельно на свой страх и риск. Только станимакские рабочие для координации действий присылали своих делегатов в Пловдив и Хасково. Правда, была сделана попытка создать Центральный стачком, который должен был непосредственно руководить общей стачкой табачников но эта попытка успехом не увенчалась²¹⁸.

Хасковский стачком, представлявший вторую по численности группу стачечников, не смог до конца очиститься от оппортунистических элементов, хотя в ходе борьбы массы табачников нередко выступали решительно и сплоченно.

Тактическая линия хасковского стачкома была очень неуверенной и неопределенной: стачком несколько раз повышал, а затем снижал свои требования о прибавке к заработной плате; то отказывался от арбитража властей, то вновь принимал его. А 14 июня неожиданно для бастующих табачников других городов хасковский стачком принял решение о прекращении стачки, согласившись на 12—15% увеличение заработной платы²¹⁹.

Сепаратный выход хасковчан из борьбы был тяжелым ударом для всего движения табачников и в особенности для стачечников Пловдива, борьба которых в то время находилась на подъеме и которым прекращение стачки в Хаскове буквально подрезало крылья. Нельзя не отметить, что большая доля вины в сепаратном прекращении стачки лежала не на самих стачечниках, которые первыми вступили в борьбу и были уже достаточно истощены голоданием и репрессиями (полицейские репрессии сильнее всего были именно в Хаскове), а на ЦК НРПС, не сумевшем правильно сориентироваться в сложной обстановке: вместо того, чтобы поддержать заколебавшихся хасковчан, оказать им непосредственную помощь,

²¹⁵ Бюлетин № 15 — «Работническо дело», 11.VI 1929; Бюлетин № 18 — «Работническо дело», 15.VI 1929.

²¹⁶ Бюлетин № 18 — «Работническо дело», 15.VI 1929.

²¹⁷ «Работничка», 22.VI 1929.

²¹⁸ «Работническо дело», 21.VI 1929; «Единство», 22.VI 1929.

²¹⁹ Бюлетин № 19 — «Единство», 16.VI 1929.

УК НРПС санкционировал прекращение стачки²²⁰. В первые дни центральное руководство не поняло даже, что произошло; газета «Работническо дело» писала о «большой победе» табачников Хаскова²²¹; газета «Единство» считала, что «эта победа даст сильный толчок поднимающейся большой борьбе рабочих»²²².

Толчок действительно был дан, но только в обратном направлении. В Пловдиве рабочим пришлось снизить свои требования, которые теперь казались непомерно высокими по сравнению с тем, на что согласились табачники Хаскова. Пловдивские табачники вновь приняли арбитраж властей, от которого отказались при переизбрании стачкома²²³.

В эти дни чрезвычайно усилился террор; теперь все силы властей были сосредоточены на подавлении пловдивской стачки.

ЦК НРПС уже понял, какую огромную ошибку представлял сепаратный выход Хаскова из борьбы. 22 июня в газете «Единство» была опубликована большая статья, в которой, в частности, говорилось: «В остальных местах стачка никоим образом не должна прекращаться сепаратно, как в Хаскове, ...Хасково должно выполнить огромный долг перед Пловдивом. Там надо устраивать демонстрации вплоть до новой стачки, но не допустить поражения в Пловдиве»²²⁴.

Но было уже поздно. Хотя переговоры еще не были закончены и вопрос об оплате труда самой низшей категории рабочих (чистильщиков) еще не был решен, рабочие в Пловдиве уже выходили на работу. 20 июня к работе приступило свыше 4 тыс. табачников в 46 складах²²⁵. 22 июня был подписан протокол о прекращении стачки при условии повышения заработной платы в среднем на 6—9%; сохранения летней заработной платы на зиму; безусловного принятия всех стачечников на работу²²⁶. Так окончилась 26-дневная борьба пловдивских табачников.

На более долгий срок затянулась борьба табачников в других местах: до первых чисел июля бастовали рабочие Кырджали, Шех Джуман, Егри Дере; только 9 июля кончилась стачка в Райково²²⁷. Особенно упорный характер борьба носила в Станимаке: свыше 50 дней бастовали здесь табачники. Наконец и они вынуждены были согласиться на частичное удовлетворение своих требований²²⁸.

Так закончилось одно из крупнейших выступлений болгарского пролетариата, в котором, как в капле воды, отразились основные черты, свойственные всему рабочему движению 1928—1929 гг.: массовость выступления, с одной стороны, и недостаточная организованность, недостаточная сознательность, с другой. Именно эта недостаточная организованность табачников и отдельные ошибки НРПС явились главной причиной того, что всеобщая стачка, носившая боевой наступательный характер, протекавшая в момент ферментации табака, когда хозяевам был дорог каждый час, имела только частичный успех.

Но значение этой стачки трудно переоценить. В ходе непосредственной борьбы табачники постепенно освобождались от оппортунистических иллюзий, всё больше и больше начинали понимать, что во всех классовых столкновениях власти защищают только интересы предпринимателей.

²²⁰ «Работническо дело», 17.VI 1929.

²²¹ Там же.

²²² «Единство», 16.VI 1929.

²²³ «Работническо дело», 20.VI 1929.

²²⁴ «Единство», 22.VI 1929.

²²⁵ «Мир», 21.VI 1929.

²²⁶ Бюлетин № 25 — «Работническо дело», 25.VI 1929.

²²⁷ Бюлетин № 38 — «Работническо дело», 10.VII 1929.

²²⁸ «Борба», Пловдив, 26.VII 1929.

Террор и репрессии против стачечников лучше всего показывали, что в условиях фашистской диктатуры экономическая борьба не может не иметь политического значения. Правда, не все табачники до конца изжили оппортунистические заблуждения, но наиболее сознательные среди них — пловдивские рабочие — не только сумели исправить свои ошибки, но поднялись в конце стачки до принятия резолюции, содержавшей политические требования, в частности, требования свободы слова, печати, собраний для рабочих; отмены Закона об охране государства; полной и безусловной амнистии политзаключенным, а также прекращения произвола властей в отношении бастующих табачников ²²⁹.

Значение всеобщей стачки табачников состояло в том, что рабочие поняли, что только НРПС и РП являются действительными защитниками их интересов, что признание руководящей роли НРПС является единственной гарантией успеха стачечной борьбы. Тысячные массы табачников поняли это на собственном опыте. Наконец, всеобщая стачка табачников, ход которой освещался на страницах рабочей печати, сыграла большую роль в деле воспитания всего болгарского рабочего класса, который учился у табачников стойкости и мужеству в борьбе.

Всеобщая стачка табачников, начавшаяся в условиях довольно оживленного стачечного движения весны 1929 г., в свою очередь явилась мощным толчком для развертывания стачечной борьбы болгарского пролетариата. Май, июнь, июль 1929 г. — время, когда забастовочная волна в Болгарии достигла невиданной до тех пор высоты. Буржуазная статистика зафиксировала 36 стачек в 1929 г. с 20 тыс. участников ²³⁰, но эти данные по крайней мере вдвое преуменьшены.

Очень большая роль в стачечном движении лета 1929 г. принадлежала ремесленным рабочим: рабочим пекарен, пошивочных и обувных мастерских. Рабочие пекарен повели наступление на хозяев, требуя ликвидации ночной работы, повышения заработной платы. Особенно упорной была борьба в Русе, где стачкой были охвачены рабочие всех пекарен. Стачка, проходившая под руководством НРПС, длилась две недели и закончилась победой рабочих ²³¹. В Варне рабочим и без стачки удалось добиться принятия хозяевами их требований ²³².

Широким было и движение рабочих пошивочных мастерских Варны, Хаскова, Софии, причем почти повсюду стачечники признавали руководящую роль НРПС ²³³.

Но самым замечательным среди ремесленных рабочих было движение сапожников, которым в отличие от промышленных рабочих и рабочих других ремесел, ведших по преимуществу наступательные стачки, пришлось вести тяжелую оборонительную борьбу. Обувное производство давно уже находилось в состоянии кризиса. Весной 1929 г. в связи с кризисом усилился нажим хозяев на рабочих: повсюду хозяева снижали рабочим заработную плату. Особенно упорно сопротивлялись наступлению хозяев рабочие обувных мастерских Софии. Их основным требованием, так же как и сапожников Варны, Русе, было сохранение прежней сдельной оплаты труда.

²²⁹ «Единство», 29.VI 1929.

²³⁰ «Статистически годишник на царство България. Год. XXIV». София, 1932, стр. 184—185. По данным статистики, в 1927 г. было 23 стачки с 2708 участниками, в 1928 — 21 стачка с 414 участниками.

²³¹ «Единство», 12.VII 1929; «Работническо дело», 4.VII 1929.

²³² «Единство», 12.VII 1929.

²³³ См. «Работническо дело», 23.V, 10, 11.VII, 1929; «Единство», 29.VI, 22.VII 1929.

Для борьбы сапожников было характерно большое чувство солидарности как со своими коллегами по профессии, так и со всем рабочим классом. Например, стачка в софийской мастерской «Сдружение» вспыхнула в ответ на попытку хозяев установить более низкую оплату вновь принятым рабочим²³⁴. Замечательным проявлением солидарности явилась однодневная стачка 550 рабочих 52 обувных мастерских Софии, проведенная 17 июня в поддержку бастующих табачников. Обувщики обратились с призывом к железнодорожникам и работникам почты и телеграфа, в котором говорилось: «Последуйте и вы примеру табачников, текстильщиков и других рабочих. Поднимайтесь на стачку! К вам, товарищи, обращены взгляды всего рабочего класса, потому что все рабочие смотрят на вас, как на авангард в борьбе...»²³⁵.

Однако эти когда-то передовые отряды рабочего класса и в этот раз почти никак себя не проявили. Правда, среди железнодорожников было отмечено большое брожение, но реформистское руководство БЖС сделало все возможное, чтобы не дать ему вылиться в стачку. Никакого участия не приняли в стачечной борьбе и шахтеры, рабочие рудников.

Более активно включились в борьбу металлисты. Самой крупной была стачка 180 рабочих бургасской фабрики «Верига», занятых изготовлением гвоздей, колючей проволоки и т. п. Недовольство рабочих начало проявляться еще в июне, а 5 июля рабочие дружно забастовали, требуя повышения заработной платы на 40%. Стачка проходила организованно под руководством НРПС²³⁶. Наступательный характер имела и стачка 50 металлистов софийской фабрики И. Леви²³⁷.

В стачечную борьбу включались рабочие различных строительных специальностей: каменщики, землекопы, рабочие по осушению болот и др.

Нельзя не упомянуть также о стачке кожевенников Старой Загоры, установивших связи с НРПС и действовавших согласно директивам последнего. Здесь произошла даже смена стачкома, который без согласия рабочих самовольно пошел на снижение требований о прибавке к зарплате²³⁸.

Стачечное движение охватило и текстильщиков. Победой закончилась стачка рабочих текстильной фабрики Мейнард в Софии, рабочих ковровой мастерской Николова в Варне²³⁹.

Наиболее крупным выступлением, выдвинувшим текстильных рабочих наряду с табачниками в ряды передовых борцов, была всеобщая стачка текстильщиков Сливена. Стачку с требованием повышения заработной платы начали 19 июня 2 тыс. текстильщиков и 200 трикотажников города²⁴⁰. Затем к борьбе присоединились остальные текстильщики, 200 табачников, 40 сапожников и несколько сотен рабочих других специальностей. «Никогда сливенские рабочие не проявляли такого единодушия», — писала газета «Работническо дело»²⁴¹.

Стачка сливенских текстильщиков отличалась высокой организованностью и сознательностью. Сливенцы, внимательно наблюдавшие за ходом стачки табачников, прислушивавшиеся к мнению ЦК НРПС по поводу

²³⁴ «Единство», 27.V 1929.

²³⁵ «Единство», 22.VI 1929.

²³⁶ Бюлетин № 35 — «Работническо дело», 6.VII 1929.

²³⁷ «Работническо дело», 10.VI 1929; «Политика», 16.VI 1929.

²³⁸ Бюлетин № 35 — «Работническо дело», 6.VII 1929; «Единство», 6.VII 1929.

²³⁹ См. «Работническо дело», 11, 15.VI 1929; «Единство», 16.VI 1929.

²⁴⁰ Бюлетин № 22 — «Работническо дело», 20.VI 1929.

²⁴¹ «Работническо дело», 25.VI 1929.

этой стачки, использовали опыт товарищей по борьбе и не повторяли уже тех грубых ошибок, которые были характерны для выступления табачников. Секретарь ЦК НРПС Асен Бояджиев с удовлетворением отмечал, что «...в Сливене стачка текстильщиков с самого начала встала на классовые позиции. Они доверили руководство НРПС...»²⁴².

Стачка сливенских текстильщиков выгодно отличалась от стачки табачников еще и тем, что, учитывая уже имевшийся опыт борьбы, сливенцы сразу же связали экономические требования с политическими. На собрании, предшествовавшем объявлению стачки, текстильщики приняли резолюцию с требованием всеобщей и полной амнистии политзаключенным, отмены Закона об охране государства²⁴³. В дальнейшем, в ходе стачки, текстильщики не раз поднимали гневный голос протеста против репрессивных мер фашистской диктатуры.

Стачком текстильщиков состоял примерно из 30 человек (в том числе девяти женщин)²⁴⁴. Правда, установить состав стачкома по имеющемуся материалу не представляется возможным, но, вероятно, в него входили в основном сознательные, организованные рабочие, что обеспечило стачке твердое и уверенное руководство²⁴⁵. Немалую помощь стачечникам Сливена оказали посланные туда члены ЦК НРПС Ас. Бояджиев и Дм. Върбанов.

Стачком, выражая мнение всех стачечников, заявил о своем решительном отказе от арбитража «незаинтересованных» властей и о намерении вести переговоры только с хозяевами. От этой линии стачком не отступил на протяжении всей стачки.

Твердой и непреклонной решимости стачечников бороться до победы противостояли объединенные силы хозяев и полиции, усиленной дополнительными отрядами из соседних городов. Стачечникам предстояло выдержать тяжелую борьбу. 19 июля было арестовано семь членов стачкома, но тысячная толпа рабочих, двинувшись вслед за арестованными, добилась их освобождения²⁴⁶. Через два дня вновь были арестованы четыре руководителя стачки за то, что на собрании высказывались против арбитража²⁴⁷.

Власти запретили вести какую-либо агитацию в пользу стачки. Стачечные пикеты, охранявшие фабрики от штрейкбрехеров, вынуждены были маскироваться, чтобы избежать ареста.

Чтобы спровоцировать рабочих, во двор фабрики Саравапова была брошена бомба. Однако провокация не удалась, рабочие на своем собрании осудили ее и разоблачили ее инициаторов²⁴⁸.

Хозяева делали все возможное, чтобы расколоть стачечников и провалить стачку. Они объявили, что 8 июля пустят фабричные машины, и рабочие, которые выйдут на работу, получат повышение заработной платы. Фабрики действительно были пущены, но рабочие на работу не вышли²⁴⁹. Через неделю хозяева повторили свою попытку: фабричные гудки гудели целый день, призывая рабочих; все дороги, ведущие к фабрикам,

²⁴² «Единство», 6.VII 1929.

²⁴³ «Работническо дело», 17.VI 1929.

²⁴⁴ «Текстилен работник», 3.X 1929.

²⁴⁵ Известно, что в составе всех фабричных рабочих комиссий, предъявлявших требования хозяевам, имелись члены НРПС, РП и РМС («Единство», 22.VI 1929). Конечно, часть членов рабочих комиссий вошла затем в стачком.

²⁴⁶ Бюлетин № 26 — «Работническо дело», 26.VI 1929.

²⁴⁷ Бюлетин № 25 — «Работническо дело», 25.VI 1929.

²⁴⁸ «Единство», 6.VII 1929.

²⁴⁹ «Единство», 12.VII 1929.

охранялись полицией, чтобы штрейкбрехеры могли свободно пройти, но таковых не оказалось и на этот раз ²⁵⁰.

Хозяева создали контрстачечные отряды, члены которых ходили из дома в дом и угрожали рабочим увольнением, если они не приступят к работе ²⁵¹.

Видя, что ничто не помогает, хозяева придумали новый трюк, заявив, что готовы вести переговоры, но со стачкомом другого состава. Немедленно «на помощь» рабочим пришли местные фашистские организации. «Родна защита», «Кубрат» и «Союз болгар» провели в присутствии представителя хозяев объединенное заседание и составили список членов нового стачкома, который рекомендовали рабочим ²⁵².

Борьба приобретала весьма напряженный характер. Стаечный комитет, роспуска которого требовали хозяева, обратился ко всем стачечникам города, призывая их поддержать руководство стачкой, объясняя, что требование хозяев преследует цель разоружить борющихся ²⁵³. Стачком опубликовал ясный и четкий «Ответ» на предложение хозяев, распространил 4 тысячи листовок среди стачечников. Газета «Работническо дело», разъясняя рабочим всей страны смысл требования сливенских предпринимателей, приводила слова «Ответа» сливенского стачкома: «...Требовать лишения доверия нынешнего стачкома равносильно нашему разоружению. Хозяева говорят: бросьте оружие, тогда будем вести переговоры... Скрытый замысел этого предложения — разъединить наши ряды, провалить стачку» ²⁵⁴.

Текстильщики поняли, чего хотят от них предприниматели, и еще теснее сплотились вокруг своего руководства. На состоявшемся 7 июля собрании стачечники выразили полное доверие стачкому, бурно приветствовали представителей ЦК НРПС. В городе царил возбуждение; на улицах появились новые обращения, листовки. Из уст в уста несло: «Будем бастовать целый год, но победим!». Свидетельством высокого духа стачечников, их готовности бороться до победы было и большое собрание 14 июля, когда стачечники, стоя, дали торжественную клятву, что не отступят, даже если в них будут стрелять ²⁵⁵.

Репрессии тем временем приобретали все большие размеры. В Сливене было объявлено своего рода карантинное положение: на дороге из Сливена в Ямбол были поставлены полицейские посты с тем, чтобы ни один стачечник не мог проникнуть из одного города в другой, чтобы огонь стачечной борьбы не распространился и на Ямбол. Полицейские посты также внимательно следили, чтобы в Сливен не проникали делегаты НРПС ²⁵⁶. Стачечники по нескольку дней оставались без связи с внешним миром, так как отделения почты и телеграфа отказывались отправлять какие-либо сообщения в центр или доставлять корреспонденцию в адрес стачкома.

Героическая борьба сливенских рабочих продолжалась до конца июля, когда она была подавлена «благодаря открытому полицейскому вмешательству» ²⁵⁷. Газета «Текстилен работник» несколько месяцев спустя

²⁵⁰ Бюлетин № 42 — «Работническо дело», 16.VII 1929.

²⁵¹ Бюлетин № 5 (Сливенского стачкома — Р. Г.) от 16 июля. — Фонды Государственного музея революции СССР, Л 384-4а, № 10688/26.

²⁵² «Работническо дело», 9.VII 1929.

²⁵³ Фонды Государственного музея революции СССР, Л 384-4а, № 16767/13.

²⁵⁴ Бюлетин № 37 — «Работническо дело», 9.VII 1929.

²⁵⁵ Бюлетин № 42 — «Единство», 20.VII 1929.

²⁵⁶ «Работническо дело», 5.VII 1929.

²⁵⁷ «Единство», 14.IX 1929.

после стачки писала: «...Рабочие выступили не на вооруженное восстание, а на стачку, но им противостояли вооруженные до зубов полиция и фашисты, которые хватили стачечников в домах, сажали в хозяйские грузовики и отвозили на фабрики, где их под дулами ружей и пистолетов заставляли работать. В конце концов Сливен был превращен в полицейский лагерь»²⁵⁸.

Но к тому времени уже вся страна была превращена в военно-полицейский лагерь, и сливенцам в самые тяжелые дни пришлось бороться одним, без поддержки других отрядов рабочего класса: клубы РП и НРПС были закрыты, деятели профсоюзов и Рабочей партии арестованы, связи ЦК НРПС с провинцией прерваны, так как отделения почты и телеграфа конфисковали всю подозрительную корреспонденцию; сбор средств в стачечный фонд стал невозможен.

Власти не видели иного средства справиться с затянувшимся стачечным движением, кроме много раз испытанного террора. И террор обрушился на рабочих с тем большей жестокостью, что положение в стране летом 1929 г. было весьма напряженным из-за развернувшейся ожесточенной интригополитической борьбы между группировками буржуазии в связи с вопросом об амнистировании одного из виновников участия Болгарии в Первой мировой войне — В. Радославова. Правительство Ляпчева подвергалось резким нападкам как со стороны партий буржуазной оппозиции, так и со стороны цанковистов — наиболее реакционной группы фашистской партии «Демократический сговор». Шаткость положения правительства Ляпчева усугублялась и новым обострением отношений с Югославией, что в свою очередь вызвало неодобрение болгарских «покровителей» в лице Англии и Франции.

В этой обстановке стачечное движение, охватившее огромные по болгарским масштабам массы рабочих, парализовавшее нормальную деятельность двух основных отраслей промышленности страны — табачной и текстильной — представляло большую угрозу для буржуазии, и фашистские власти сделали все, чтобы подавить это движение.

Стачечные бои болгарского пролетариата летом 1929 г. имели огромное значение для развития рабочего движения в Болгарии. Они явились показателем того, что «болгарский пролетариат под руководством компартии оправляется от тяжелых ударов и кровавых фашистских погромов, массовых избиений периода 1923—1925 гг., снова сплачивает свои главные силы, преодолевая в общем оппортунистические колебания и тенденции и приостанавливая свое временное отступление»²⁵⁹.

Стачечное движение летом 1929 г. явилось выражением накопившейся энергии масс, готовности пролетариата к открытой борьбе класса против класса. Никогда прежде за все время существования фашистской диктатуры в Болгарии рабочий класс не поднимался на такое массовое, боевое выступление.

Стачечная борьба имела огромное воспитательное значение для пролетариата. Школа непосредственной борьбы лучше всего поднимала сознательность рабочих, рассеивала их заблуждения и иллюзии, показывала, что только единые и сплоченные действия самих рабочих могут привести к победе.

Стачки болгарского пролетариата летом 1929 г. были в основном наступательными. Чаще всего они носили экономический характер, но благодаря большой разъяснительной работе профсоюзных и рабочих органи-

²⁵⁸ «Текстилен работник», 3.X 1929.

²⁵⁹ Г. М. Д и м и т р о в. Сочинения, т. 8, стр. 403.

заций в ряде стачек рабочие поднимались до выдвижения политических лозунгов (сливенские текстильщики, пловдивские табачники в конце стачки).

Характерным явлением для стачечной борьбы этого периода было почти повсеместное руководство стачками со стороны стачкомов. Хотя стачкомы не всегда проявляли твердость и принципиальность, тем не менее их воспитательную роль трудно преувеличить: для массы неорганизованных рабочих стачкомы становились как бы первой ступенью организации, приучая рабочих к дисциплине, к общим действиям.

Показателем возросшей сознательности рабочих являлось и оказание материальной помощи бастующим со стороны всего болгарского рабочего класса. По инициативе ЦК НРПС был создан стачечный фонд, пополнявшийся благодаря взносам рабочих организаций. При местных организациях НРПС, РП и РМС возникали комитеты помощи. Ход поступления сумм в стачечный фонд регулярно освещался на страницах рабочей печати. Только к 22 июня в стачфонд поступило свыше 108 тыс. левов²⁶⁰.

В ходе стачечной борьбы крепло и углублялось чувство братской солидарности болгарского пролетариата с пролетариатом других стран, который в ответ на призыв ЦК НРПС оказал болгарским забастовщикам большую моральную и материальную поддержку. Больше 40 тыс. левов поступило в общей сложности от МОПР²⁶¹. Табачники Греции прислали своим болгарским коллегам теплое письмо и несколько тысяч левов.

Проходивший в июне 1929 г. XII съезд компартии Германии принял специальное обращение к международному пролетариату в связи со стачкой болгарских табачников²⁶². Исполнительное бюро Профинтерна приняло обращение к рабочим всех стран, призвав их оказать болгарскому пролетариату широкую материальную и моральную поддержку²⁶³. Только реформистский Амстердамский интернационал отказал в помощи бастующим болгарским рабочим, что явилось поводом для выхода из Международного Униона пищевиков советского Союза пищевиков, считавшего такие действия несовместимыми с интересами классовой борьбы²⁶⁴.

Сильной стороной стачечного движения лета 1929 г. являлось то, что руководство им возглавил ЦК НРПС, которому оказывали большую помощь ЦК РП и РМС. Правда, ЦК НРПС были свойственны отдельные ошибки, известный хвостизм, особенно в начале стачечной борьбы, но он сумел преодолеть свои недостатки, признать ошибки и занять место руководителя стачечной борьбы.

ЦК НРПС проводил большую разъяснительную работу о характере стачечной борьбы, которая в условиях фашистской диктатуры не может оставаться чисто экономической. В «Призыве ко всему рабочему классу, ко всем трудящимся мужчинам и женщинам»²⁶⁵, в многочисленных циркулярах, в профсоюзной печати ЦК НРПС указывал на то, что экономические требования должны сочетаться с политическими, предлагал выдвигать в ходе стачек лозунг: «Долой фашистскую диктатуру»²⁶⁶.

Можно смело утверждать, что стачечное движение летом 1929 г. в большей своей части проходило под идейным руководством НРПС, которое

²⁶⁰ «Единство», 22.VI 1929.

²⁶¹ «Единство», 29.VI 1929.

²⁶² «Internationale Presse Korrespondenz», 1929, N 52, 18 Juni, S. 1274.

²⁶³ «Красный интернационал профсоюзов», 1929, № 7, стр. 571.

²⁶⁴ Там же, стр. 568.

²⁶⁵ Фонды Государственного музея революции СССР, Л 384-4з, № 10688/4.

²⁶⁶ Обращение ЦК НРПС к рабочему классу Болгарии от 30 мая 1929. — «Единство», 2.VI 1929.

получило наиболее полное воплощение в стачке сливенских текстильщиков. ЦК НРПС оказал непосредственную, конкретную помощь в руководстве наиболее крупными стачками. Члены ЦК НРПС и специальные уполномоченные, несмотря на террор и преследования, отправлялись на места для работы непосредственно в массах.

Однако при большом количестве стачек, возникавших в разных уголках страны, в различных отраслях промышленности, естественно, ЦК НРПС и руководящие органы отдельных профсоюзов физически не могли повсюду оказать непосредственную помощь, повлиять на ход стачки. При недостатке конкретной помощи на местах и при явном преобладании в движении неорганизованных рабочих только идейное руководство НРПС не могло уберечь широкую стачечную борьбу от целого ряда ошибок и недостатков.

Главными недостатками массовой стачечной борьбы оставались разновременное объявление и прекращение отраслевых стачек, иллюзии в отношении мнимого заступничества властей, почти полное игнорирование политических требований, что вело к тому, что настоящей победой рабочих кончилось очень небольшое количество стачек²⁶⁷.

В конечном счете основная причина всех этих недостатков заключалась в малой организованности болгарского пролетариата, в слабом охвате профсоюзами и рабочими организациями широких слоев рабочего класса, в том числе и промышленного пролетариата. Стаечная борьба летом 1929 г. воочью показала, что первоочередной задачей, стоявшей перед болгарским рабочим классом, была задача «внедрения классовых пролетарских организаций в гущу масс»²⁶⁸, задача постоянной работы среди неорганизованных рабочих для вовлечения их в организации.

* * *

Наступление буржуазии на экономические и политические позиции рабочего класса Болгарии после фашистского переворота 1923 г. привело к тому, что политические организации рабочего класса были разгромлены, а экономическое положение пролетариата значительно ухудшилось. Рабочее движение в Болгарии, понесшее огромные потери, в течение ряда лет оправлялось от нанесенных ему тяжелых ударов.

Оживление рабочего движения, начавшееся в 1927 г., в 1928—1929 гг. привело к новому подъему борьбы рабочего класса. Этот подъем выразился как в значительной активизации экономической борьбы пролетариата за улучшение условий своего существования, так и в организации ряда политических выступлений, носивших ярко выраженный антифашистский характер.

Чрезвычайно важное значение имела также борьба за организационное сплочение рабочего класса, за вовлечение пролетариата в рабочие организации.

Рабочее движение в Болгарии в 1928—1929 гг. достигло немалых успехов, в числе которых было вовлечение в борьбу широких слоев рабочего класса, включая ремесленных рабочих, что говорило о больших потенциальных возможностях движения. Однако борьба рабочих не приводила еще к большим конкретным результатам, так как степень организованности рабочего класса была низкой. Легальные рабочие организации

²⁶⁷ Из официальных данных, не являющихся вполне достоверными, но все же дающих представление о результатах стачечной борьбы, видно, что из 36 стачек 1929 г. закончились победой рабочих — четыре; частичным успехом — 13; поражением — 19. («Статистически годишник на царство България. Год. XXIV». София, 1932, стр. 184—185).

²⁶⁸ «Работническо дело», 8.X 1929.

были особенно слабы среди промышленного пролетариата, а нелегальная Болгарская коммунистическая партия, указывавшая в общем правильное направление борьбы, подвергалась непрерывным преследованиям, что затрудняло осуществление ею действенного и постоянного руководства.

Новый подъем рабочего движения показал, насколько относительной и частичной была стабилизация политической власти буржуазии. Хотя последняя сумела в 1929 г. отбить наступление рабочего класса, борьба на этом не кончилась. В 1930—1931 гг. она разгорелась с новой силой и в июне 1931 г. привела к очень важному результату — прорыву фронта фашистской диктатуры, поражению на выборах правительственной фашистской партии «Демократический сговор». Несомненно, немалую роль в этом сыграл опыт борьбы предыдущих лет и особенно опыт открытых классовых выступлений пролетариата в 1928—1929 гг.

Ф. И. Фирсов

**КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ —
ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ
ДВИЖЕНИЯ БЕЗРАБОТНЫХ
В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
1930—1933 гг.**

Борьба безработных Чехословакии в период экономического кризиса 1930—1933 гг. принадлежит к одной из наиболее славных страниц в истории рабочего движения Чехословакии. Сплачивая вокруг себя многотысячные массы пролетариата, Коммунистическая партия в эти годы сделала важный шаг на пути завоевания на свою сторону большинства пролетариата Чехословакии. Одним из главных достижений КПЧ в годы кризиса явилось развертывание мощного движения безработных. Организовав их на борьбу против голода и нищеты, в защиту жизненных интересов, партия сумела превратить движение безработных в действительно массовое движение, поднять его до политической борьбы против буржуазии и ее реформистской агентуры.

Изучение деятельности партии по организации этого движения, методов и форм борьбы имеет большое политическое и научное значение. Однако в исторической литературе до настоящего времени еще не появлялось более или менее обстоятельного исследования по истории движения безработных Чехословакии в годы экономического кризиса. Отдельные факты, а также наиболее общие оценки и указания на характер движения и его основные черты встречаются в работах чехословацких и советских историков, посвященных периоду экономического кризиса, революционным боям трудящихся и деятельности Коммунистической партии.

Это прежде всего брошюры Ж. Рихтовой¹ и Ф. Беера² по истории партии в период кризиса; работы по региональной истории рабочего движения в период кризиса: в Остравской области — В. Марианека³, в

¹ Z. R i c h t o v á. Bolševické zocelení Komunisticke strany Československa v boji za zájmy pracujícího lidu v době hospodářské krise. Praha, 1953.

² F. B e e r. Bolševické zocelení Komunistické strany Československa v boji proti hladu, fašismu a válce v období světové hospodářské krise (1930—1934). Praha, 1954.

³ V. M a r i a n e k. Krise na Ostravsku. Někteří fakta o hospodářských poměrech, letech 1929—1934. Ostrava, 1956.

Моравии — Я. Зикмундовой ⁴, М. Лайхмана ⁵; в Горегронье — Я. Млынарика ⁶ и др.

Краткий очерк истории партии в эти годы содержится в тезисах по истории КПЧ, изданных Институтом истории КПЧ, а также в учебнике «История Коммунистической партии Чехословакии»⁷.

Специально движению безработных посвящен ряд работ К. Коржалковой: небольшая статья «Движение безработных в Чехословакии (1930—1933 гг.)», статья «Отклик на движение безработных во внутривнутриполитической жизни Чехословакии в начале экономического кризиса (1930—31 гг.)», а также статья «Тенденции развития движения безработных в чешских областях в 1929—1933 гг.»⁸ Последняя представляет значительный интерес. На основе подсчета данных, опубликованных в прессе, а также архивных материалов, К. Коржалкова составила статистические таблицы выступлений безработных. Они показывают тенденции развития движения, формы и основные районы выступлений безработных. Однако эти статистические данные не являются исчерпывающими, они охватывают только часть территории Чехословакии и не раскрывают количества участников выступлений. Кроме того, на наш взгляд, автор подчас искусственно разделяет некоторые формы выступлений. Очень часто демонстрация или митинг безработных завершался посылкой депутации к местным властям. К. Коржалкова же помещает депутации под отдельной рубрикой (правда, иногда депутации являлись в муниципалитеты и т. п. и без специальной демонстрации, иногда же демонстрация разгонялась полицией и жандармерией раньше, чем посылалась депутация к властям). Часто переплетались вместе и другие формы выступлений. Поэтому приводимые автором данные нельзя считать абсолютно точными и исчерпывающими.

Некоторые вопросы движения безработных затрагиваются в исследованиях советских историков С. И. Прасолова ⁹, И. М. Гранчака ¹⁰ и др.¹¹, посвященных истории революционного движения в Чехословакии в период кризиса. Деятельность Закарпатской организации КПЧ в период кризиса и классовая борьба на Закарпатье освещаются в работах

⁴ J. Z i k m u n d o v á. Radikalisace dělnictva na Moravě v době počínající hospodářské krize v letech 1929—1931. «Sborník Vysoké školy státní v Brně», 1956.

⁵ M. L a i c h m a n. Politika KSČ a revoluční boj proletariátu na Moravě v letech 1930—1932. «Časopis Matice moravské», 1957, č. 1—2.

⁶ J. M l y n á r i k. Vzbura proti exekuciám v Polomke roku 1932. «Historický časopis», 1954, č. 4; е г о ж е. Triedne boje horehronského ľudu v rokoch svetovej hospodárskej krízy 1930—1933. Bratislava, 1956.

⁷ «Přehled dějin Komunistické strany Československa», Praha, 1957; Dějiny Komunistické strany Československa, Praha, 1961.

⁸ K. K o ř a l k o v á. Hnutí nezaměstnaných v Československu (1930—1933). «Dějepis ve škole», 1958, č. 1; е е ж е. «Ohlas hnutí nezaměstnaných ve vnitropolitickém životě Československa na počátku hospodářské krize (1930—1931). «Československý časopis historický», 1958, č. 3; е е ж е. Vývojové tendence hnutí nezaměstnaných v českých zemích v letech 1929—1933. «Příspěvky k dějinám KSČ». Praha, 1959, č. 9.

⁹ С. И. П р а с о л о в. Революционное движение трудящихся масс Чехословакии в годы мирового экономического кризиса (1929/1933). «Вопросы истории», 1954, № 3; е г о ж е. Чехословакия в годы экономического кризиса (1930—1933). «Ученые записки Института славяноведения», т. XII, 1956.

¹⁰ И. М. Г р а н ч а к. Революционная борьба трудящихся масс Чехословакии в годы мирового экономического кризиса, 1929—1933. Диссертация. Киев, 1955.

¹¹ Частично вопросы борьбы партии за организацию движения безработных освещаются в статье автора — Ф. И. Ф и р с о в. Борьба Коммунистической партии Чехословакии за завоевание большинства рабочего класса в 1930—1932 гг. «Ученые записки Московского городского педагогического ин-та им. В. П. Потемкина», т. ХСIII, вып. 5, 1959.

Ю. Ю. Сливки¹², И. Д. Дашкевича¹³, В. И. Белоусова¹⁴ и других.

В целом, однако, история движения безработных в годы экономического кризиса еще нуждается в серьезной разработке. Особое значение имеет исследование вопроса об организаторской и руководящей деятельности Коммунистической партии Чехословакии среди безработных, о применении ею на практике тактики единого фронта снизу. Освещение этих вопросов — задача данной работы. В ней делается также попытка наметить периодизацию движения безработных соответственно основным моментам его развития¹⁵.

Статья написана на основе документов и материалов КПЧ, опубликованных в различных сборниках, протоколах VI и VII съездов партии, работ ее руководящих деятелей — К. Готвальда, А. Запотоцкого, Я. Швермы и др. Большой фактический материал по движению безработных содержится в центральной и местной прессе КПЧ. Партийная печать в период кризиса была активным пропагандистом и организатором этого движения. Ряд материалов по движению безработных Чехословакии публиковался в периодических изданиях Коммунистического Интернационала и Красного Интернационала Профсоюзов. Парламентские протоколы показывают, как активно использовали коммунисты трибуну парламента для защиты интересов безработных и пропаганды необходимости революционной борьбы против капитала и его приспешников.

Исключительно важное значение для исследователя движения безработных имеют материалы Закарпатского областного государственного архива. Среди них директивы и циркуляры ЦК КПЧ, документы местных партийных организаций, рисующие непосредственную картину того, как партия организовывала и направляла движение безработных, различные листовки, воззвания и резолюции собраний безработных. Циркуляры буржуазного правительства, дописания полиции и жандармерии раскрывают антинародную политику чехословацкой буржуазии, стремившейся переложить последствия кризиса на плечи трудящихся масс и не останавливавшейся перед применением кровавого террора и насилия для подавления борьбы народных масс. В то же время они свидетельствуют о том, что буржуазия опасалась растущего возмущения народа и понимала, что в лице Коммунистической партии трудящиеся Чехословакии, в том числе безработные, имеют своего вождя.

* * *

Экономический кризис 1930—1933 гг., вызвавший резкое обострение классовой борьбы в буржуазной Чехословакии, поставил перед коммунистической партией как важнейшую задачу организацию отпора наступлению буржуазии на экономическое и политическое положение трудящихся, развертывание борьбы до масштабов общенародного движения и убеждение масс в необходимости свержения капитализма. Одним из спо-

¹² Ю. Ю. С л и в к а. Загострення революційно-визвольної боротьби трудящих Закарпаття в 1931 р. «З Історії Західноукраїнських земель». Київ, 1957, вип. 1; с г о ж е. Піднесення революційної боротьби на Закарпатті в кінці 1931 і на початку 1932 р. «З Історії західно-українських земель». Київ, 1957, вип. 2.

¹³ Д. Д а ш к е в и ч. Класова боротьба трудящих Закарпаття в роки світової економічної кризи 1929—1933. «Наукові записки Ужгородського державного університету», т. XXIX, 1957.

¹⁴ В. Б е л о у с о в. На шляху до перемоги. З історії комуністичної організації Закарпатської України 1928—1938 рр. Ужгород, 1958.

¹⁵ В работе не приводятся данные об экономическом положении безработных, о размерах безработицы и ее значении для чехословацкого пролетариата в период кризиса.

собов осуществления этих задач была организация борьбы в защиту **частичных** экономических и политических интересов трудящихся и создание единого пролетарского фронта под руководством коммунистической партии, для чего необходимо было добиться разрыва рабочих с реформистской верхушкой социал-демократии и профсоюзов, под влиянием которой находилась еще значительная часть рабочего класса. Путь к этому лежал также через развертывание массовой революционной борьбы против наступления капитала и его активного помощника — социал-реформизма.

В условиях экономического кризиса, несшего невыносимые мучения самым широким массам чехословацкого народа, и прежде всего рабочему классу, особое значение приобретала организация движения безработных. Безработица являлась жгучей и острой проблемой, затрагивавшей все слои трудящихся. В то время как буржуазия с помощью реформистов добивалась раскола между работающими и безработными, противопоставления одних другим и превращения массовой безработицы в мощное средство нажима на рабочих, исключительно важным было поднять массы на борьбу против безработицы, в защиту интересов безработных, сплотить их в этой борьбе, соединить их с движением рабочих на предприятиях, чтобы превратить безработных в один из боевых отрядов пролетариата.

«Великое боевое движение масс ставит перед нами великие задачи, — писала газета «*Rudé právo*», — *соединение рабочих на предприятиях, еще не уволенных, но ежедневно увольняемых, с массами рабочих, находящихся за воротами фабрик, в едином бою является самой большой и важной из них*»¹⁶.

К решению этой важнейшей задачи Коммунистическая партия Чехословакии подготовлена была всем предшествовавшим ходом развития. Исторический V съезд КПЧ в феврале 1929 г. открыл новый этап в истории партии. Съезд, на котором были разгромлены теории и взгляды оппортунистов в рядах КПЧ, совершил решительный поворот от оппортунистической пассивности к революционной активности, обеспечил победу марксизма-ленинизма и ленинских принципов в КПЧ. К руководству партии пришло ее большевистское ядро во главе с К. Готвальдом. V съезд создал предпосылки к тому, чтобы партия могла успешно осуществлять роль революционного вождя рабочего класса Чехословакии.

С появлением первых признаков экономического кризиса в стране партия начала организовывать безработных на борьбу в защиту их интересов. В парламенте и муниципалитетах коммунисты вносили конкретные предложения по оказанию помощи безработным и организовывали их массовые выступления, под нажимом которых местные власти нередко были вынуждены принимать различные меры, облегчавшие бедствия безработных.

12 декабря 1929 г. депутаты-коммунисты в парламенте выдвинули требование о введении государственного страхования от безработицы¹⁷. В поддержку предложений коммунистов немедленно выступили безработные в Брно, Моравской Остраве и других городах¹⁸. На местах начали возникать комитеты действия безработных, организаторами которых были коммунисты. Комитеты поднимали безработных на борьбу, доби-

Об этом см.: Ф. Н. Ф и р с о в. Положение рабочего класса Чехословакии в период экономического кризиса 1930—1933 гг. «Исторические науки. Научные доклады Высшей школы», 1959, № 3.

¹⁶ «*Rudé právo*», 12.II 1930.

¹⁷ «*Rudé právo*», 15.XII 1929.

¹⁸ «*Rudé právo*», 15—28.XII 1929.

вались их сплочения с рабочими на предприятиях. Так, 2 января 1930 г. в Праге, в районе Либень, состоялась демонстрация безработных у ворот текстильной фабрики Граб. К демонстрантам присоединились окончившие работу текстильщики. На импровизированном митинге выступил коммунист Й. Кроснарж. Подоспевшая полиция разогнала митинг и арестовала двух человек¹⁹.

3 января в «*Rudé právo*» было опубликовано обращение комитета действия безработных Праги, призывавшего создавать на местах комитеты действия, устанавливать связь с рабочими на предприятиях, добиваться организации общественных работ с заключением коллективных договоров, введения семичасового рабочего дня, признания властями комитетов действия и участия их представителей в совещаниях по безработице. Воззвание призывало безработных добиваться в муниципалитетах оплаты жилья, электричества и отопления, бесплатного проезда по железной дороге, снабжения пищей и т. д. В нем подчеркивалось, что требования безработных будут выполнены только при условии единого выступления всех пролетариев²⁰.

Пленум ЦК КПЧ, состоявшийся 5—6 января 1930 г. и определивший как важнейшую задачу партии на данном этапе энергичный поворот к массовой работе и подготовку условий для развертывания массовых боев пролетариата, особо отметил значение вопроса о безработных: «Партия должна энергично развернуть начавшуюся кампанию в защиту безработных, мобилизовать всех рабочих на выступление против гентской системы, за постоянные государственные пособия безработным. Нужно устраивать совещания и собрания безработных, создавать комитеты действия, в муниципальных советах вносить предложения в защиту безработных и добиваться их осуществления»²¹.

9 января 1930 г. Секретариат ЦК КПЧ разослал по партийным организациям циркулярное письмо. В нем были даны первые практические указания по организации митингов, собраний и демонстраций безработных, созданию комитетов действия, по развертыванию борьбы безработных в общинных представительствах²². Действия в общинах необходимо было связывать с выступлениями безработных вне и внутри муниципалитетов. ЦК особо подчеркивал важность соединения борьбы безработных и рабочих на заводах, придания движению политического характера. Особое значение имело разоблачение политики реформистов, содействовавших правительственному курсу снижений пособий, а популяризация предложений коммунистов об уничтожении гентской системы и введении государственного пособия для безработных.

Таким образом, уже в первых документах партии, относящихся к январю 1930 г., т. е. когда в Чехословакии начали обнаруживаться первые признаки экономического кризиса, партия ставила задачу организовать и возглавить движение безработных, намечались его формы и методы борьбы, особо подчеркивалась задача соединения движения безработных с борьбой рабочих на заводах.

В выработке правильной тактической линии КПЧ в период кризиса помог расширенный Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, который в феврале 1930 г. призвал компартии руководить повседневной борьбой трудящихся в защиту их интересов и

¹⁹ «*Rudý večerník*», 3.I 1930.

²⁰ «*Rudé právo*», 3.I 1930.

²¹ К. Готвальд. Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 151—152.

²² Лозунги борьбы, выдвинутые в циркуляре, совпадали с вышеназванными предложениями пражского комитета.

добиться превращения ее в организованную политическую борьбу: «Основные задачи коммунистических партий в обстановке развертывающегося кризиса, дальнейшего обострения классовой борьбы и нарастания революционного подъема заключаются в завоевании основных масс пролетариата, в мобилизации вокруг пролетариата и под его гегемонией широких трудящихся масс (крестьянство, разоряющаяся мелкая буржуазия городов, угнетенные национальности), в обеспечении руководства партии всеми массовыми выступлениями, в направлении этих выступлений (стачки, движение безработных, демонстрации), часто носящих стихийный характер, в русло организованной политической борьбы, особенно в форме массовых политических стачек, подводящих рабочий класс к задачам революционной борьбы за власть»²³.

В резолюции особо отмечалось значение движения безработных: «Наряду со стачечным движением ширится и движение безработных, влияющее в голодные походы, в политические демонстрации рабочего класса с предъявлением правительствам и парламентам требования работы и хлеба голодающим, социального страхования и помощи безработным за счет государства и капиталистов, в демонстрации, жестоко подавляемые соединенными усилиями буржуазии и социал-фашистов. Захватывая все более широкие массы как безработных, так и работающих пролетариев и приводя местами к созданию комитетов безработных и советов безработных, это движение прорывает буржуазную законность, осуществляет право рабочих масс на улицу и мобилизует широкие массы рабочего класса вокруг политических лозунгов коммунистической партии»²⁴.

На основе указаний партии коммунисты развернули активную деятельность среди безработных. 28 января 1930 г. в Биловце состоялся массовый митинг безработных. В принятой резолюции содержалось требование выплаты пособий за счет государства на весь период безработицы. В обращении к рабочим и безработным Остравского бассейна митинг призывал их начать борьбу за требования безработных и всего рабочего класса в целом²⁵. 30 января состоялись выступления безработных в Брно, Остраве и Роудницах²⁶.

Комитет действия безработных Брно 3 февраля созвал собрание, на котором член комитета Хейман рассказал о посещении делегацией безработных старосты города. По предложению коммуниста Барши, была единогласно принята резолюция, призывавшая соединить вместе борьбу рабочих и безработных. «Господствующему классу надо ясно сказать, — говорилось в резолюции, — что если он не даст хлеба и работы, то давно пора ему исчезнуть. Мы призываем к созданию единого руководства движением безработных Чехословацкой республики и к единой подготовке дальнейшей борьбы»²⁷. В этот день состоялись также демонстрации безработных в Кошице, Георгсвальде и Коетине²⁸. Выступления зачастую оканчивались столкновениями с полицией и жандармерией.

Буржуазия очень быстро усмотрела серьезную угрозу в растущем движении безработных. Против них была мобилизована вся мощь государственного аппарата, буржуазная пресса, а также реформистская агентура буржуазии. 5 февраля 1930 г. министерство внутренних дел отдало

²³ «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., 1933, стр. 924.

²⁴ Там же, стр. 923.

²⁵ «Rudé právo», 2.II 1930.

²⁶ «Rudý večerník», 31.I 1930.

²⁷ «Rudé právo», 5.II 1930.

²⁸ «Rudé právo», 6, 8.II 1930.

распоряжение о запрещении деятельности комитетов действия и предложено привлечь к суду их членов²⁹.

Огромное значение в разворачивании движения безработных в Чехословакии, в сплочении их вокруг коммунистической партии имели подготовка и проведение Международного дня борьбы с безработицей 6 марта 1930 г.

6 февраля в «*Rudé právo*» было опубликовано обращение конференции европейских коммунистических партий и Красных профсоюзов о проведении Международного дня борьбы против безработицы под лозунгами: «Против капиталистической рационализации, против увольнений! За семичасовой рабочий день! За пособие по безработице для всех безработных, рабочих и работниц на все время безработицы в размере заработной платы! Полную зарплату для частично безработных!»³⁰

Подготовка к 6 марта была поставлена как важнейшая задача партии на данном отрезке времени. В циркуляре № 5 секретариата ЦК от 5 февраля об этом говорилось следующее: «Проблема безработицы и движение безработных становится сегодня одним из центральных вопросов международного пролетарского движения и важнейшим фактором в подъеме новой революционной волны»³¹. ЦК предложил провести в ближайшие дни заводские собрания как на заводах, так и на территории перед заводами, привлекая к участию не только занятых рабочих, но и безработных, выбрать комитеты действия, а также повсюду созвать собрания безработных и выбирать на них комитеты безработных; в деревнях созвать собрания трудящихся крестьян и деревенской бедноты, превращать их в большие общественные выступления и демонстрации, превратив всю эту кампанию в могучую демонстрацию подготовки Международного дня борьбы с безработицей. «Этот день, — указывал ЦК, — должен стать первым этапом большого наступления единого фронта всего рабочего класса, всех трудящихся и всех эксплуатируемых города и деревни против голодного, фашистского и военного плана буржуазии и одновременно исходным пунктом новых дальнейших успешных битв, вплоть до победного завоевания власти»³².

Выступления 6 марта, исходя из повседневных частичных экономических требований рабочих и безработных, партия стремилась превратить в политическую демонстрацию, острине которой направлялось против правительства, полицейского террора, опасности империалистической войны и против всего капиталистического режима вообще. В то же время это движение имело интернациональный характер и сливалось с борьбой трудящихся во всем мире, ибо «армия безработных является наиболее слабым звеном во фронте буржуазии»³³. Центром подготовки всей кампании должны были стать заводы; особое внимание обращалось на то, чтобы демонстрации связывались с предварительным прекращением работы на заводах, с политической массовой стачкой. Вся подготовка кампании должна была строиться на основе тактики единого фронта снизу путем создания широких органов действия на заводах и среди безработных с участием занятых рабочих.

ЦК призывал партию отдать все силы для подготовки к 6 марта, чтобы превратить его в подлинно массовое выступление пролетариата против

²⁹ Закарпатский областной государственный архив (далее ЗОГА), ф. 9, оп. 2, л. 131, л. 77.

³⁰ «*Rudé právo*», 6.II 1930.

³¹ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 132, л. 67.

³² ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 132, л. 71.

³³ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. II, str. 269.

голода и нищеты. 6 марта, акция солидарности с Советским Союзом, движение за заработную плату и против рационализации, движение в деревне — это рычаги действительно массовой мобилизации, говорилось в одном из циркуляров ЦК. Обращаясь к функционерам партии, ЦК указывал, что коммунистическая партия держит государственный экзамен, что для нее наступил такой момент, правильно используя который, партия сможет сделать огромный шаг вперед по пути завоевания большинства рабочего класса. Какая-либо пассивность в такой момент роковым образом может отомстить за себя.

18 февраля в ЦК КПЧ была проведена конференция секретарей областных комитетов на которой обсуждались вопросы, связанные с 6 марта.

В подготовку к выступлениям 6 марта включились 173 районных комитета, 255 заводских, 248 уличных ячеек, 659 местных групп, всего 43% членов партии. На 168 заводах, где было занято 110 430 рабочих, прошли специальные собрания, посвященные борьбе с безработицей; в них участвовало 32 350 чел. или 29% от общего числа рабочих на этих заводах ³⁴.

На этих собраниях была принята резолюция, текст которой секретариат ЦК разослал партийным организациям. В ней говорилось: «Преступным планам буржуазии мы, пролетарии, противопоставим свою массовую силу, свою классовую солидарность, свою боевую решимость. Мы не позволим эксплуатировать нас еще больше, не дадим подавить нас фашистским террором, не позволим, чтобы нас погнали на бойню новой империалистической войны. Мы призываем с этого митинга всех трудящихся городов и деревень к единому отпору. Мы призываем безработных объединиться со своими товарищами на предприятиях. Мы сделаем все, чтобы создать на заводах единый пролетарский фронт во главе с выборными боевыми комитетами действия... Мы обещаем, что будем защищать отечество рабочих всего мира — Советский Союз против нападения империалистов. Мы обязуемся сделать все для большого демонстративного выступления рабочих на фабриках вместе с безработными в день Международной борьбы против безработицы» ³⁵.

Партии, таким образом, удалось мобилизовать некоторую часть занятых рабочих в поддержку движения против безработицы, и это безусловно явилось ее значительным успехом. Но, как показывают приведенные цифры, она еще не смогла привлечь к этому движению значительные слои занятых рабочих. Это объяснялось прежде всего тем, что многие из них еще не понимали необходимости совместной борьбы против последствий кризиса, против безработицы, а также малочисленностью и пассивностью заводских ячеек.

Активное участие в подготовке 6 марта приняли тысячи безработных, которые увидели в партии единственного защитника их интересов. Буквально в день опубликования Обращения конференции европейских компартий состоялись первые митинги и собрания безработных. В Беоуне 6 февраля на митинге рабочих и безработных, после выступления коммунистов Й. Штетки и Я. Водички, была принята следующая резолюция: «Мы приветствуем призыв Коммунистического Интернационала и КПЧ о проведении Международного дня, когда пролетарии всего мира как работающие, так и безработные, вступят в борьбу против враждебной капиталистической рационализации, против постоянного понижения

³⁴ В Остравской области состоялось 49 таких собраний, в Либерецкой области 24, в Усти на Лабе 15, в Праге 18, в Карловых Варах 16. «Коммунистический Интернационал», 1930, № 12, стр. 38.

³⁵ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 131, л. 85.

жизненного уровня рабочего класса и против фатистской и социал-фашистской диктатуры»³⁶.

Призыв готовиться к 6 марта еще больше подтолкнул безработных к активным действиям. 6 февраля выступления произошли в Георгсвальде, Фридлинте; 7 февраля — в Жиденицах³⁷ и Либерце. Когда в Либерце на толпу безработных напала полиция, им навстречу бросился старый рабочий. Распахнув пальто и обнажив грудь, он крикнул полицейским, чтобы те стреляли в него, так как ему нечего терять кроме своих цепей³⁸. 8 февраля демонстрации состоялись в Хабаржовицах и Хомутове; 11 февраля — в Яблонце и Мистке³⁹. Коммунисты в парламенте 10 февраля поддержали эти выступления безработных и предложили законопроект о выделении единовременного пособия безработным в размере 500 крон семейным и 300 — одиноким⁴⁰.

В газете «*Rudé právo*» с 12 февраля печатался план проведения митингов и собраний в городах и селах. На них с докладами выступали руководящие работники партии: К. Готвальд, А. Запотоцкий, В. Копецкий, Й. Кроснарж, Ф. Добровольный, П. Странский, Б. Новотный, Й. Штетка, Й. Ябуркова и др. Собрания эти часто выливались в показ единства рабочих и безработных. Так, 13 февраля на митинг безработных в Босковицах, где выступали коммунисты-депутаты Юран и Барша, пришли делегации рабочих с заводов, чтобы сказать безработным о своей солидарности с ними. Они заявили, что рабочие готовы прекратить работу, чтобы поддержать действия безработных⁴¹.

На этих собраниях принимались решения об участии в демонстрациях 6 марта и выдвигались конкретные требования безработных. Так, на митинге 22 февраля в Новом Быджове была принята резолюция с требованием, чтобы городской совет выдал немедленно безработным пособие в размере 5 тыс. крон, а районное представительство — 10 тыс. крон, а также чтобы немедленно были начаты общественные работы⁴². Нередко после митинга собравшиеся направлялись в муниципалитеты, где добивались принятия своих требований. В Усти на Лабе под давлением явившихся к зданию городской управы безработных муниципалитет принял решение о бесплатной выдаче им в столовой обедов, ужинов и завтраков, и кроме того, еженедельной выплате пособия по 20 крон и по 10 крон на каждого ребенка⁴³. В Праге, Яблонце, Хомутове, Теплице и других городах безработные буквально врываются на заседания муниципальных органов и добивались там принятия своих требований⁴⁴.

Всего в ходе подготовки 6 марта было проведено 104 собрания с 24140 рабочими, кроме того в 303 митингах и демонстрациях участвовало 46195 человек, в том числе в Пражской области было проведено 120 открытых и нелегальных собраний, в Кладненской области в 23 собраниях участвовало 18 тыс. рабочих; на Закарпатье при подготовке 6 марта прошло 29 собраний с 8460 участниками⁴⁵.

В ходе кампании партия развернула работу по созданию комитетов действия на заводах и среди безработных как подлинных органов боевого

³⁶ «*Rudé právo*», 9.II 1930.

³⁷ Там же.

³⁸ «*Rudé právo*», 11.II 1930.

³⁹ «*Rudé právo*», 12, 15.II, 1930.

⁴⁰ «*Rudé právo*», 16.II 1930.

⁴¹ «*Rudé právo*», 15.II 1930.

⁴² «*Pochodeň*», 26.II 1930.

⁴³ «*Rudé právo*», 23.II 1930.

⁴⁴ «Коммунистический Интернационал», 1930, № 11, стр. 41.

⁴⁵ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 253, л. 61.

пролетарского единого фронта. 13 февраля комитет действия безработных Праги призвал повсюду создавать комитеты действия безработных⁴⁶. В эти дни на заводах было создано 58 заводских комитетов действия, в которые входили 627 рабочих; среди безработных организовалось 162 местных комитета действия с 1435 членами. В 28 районах были учреждены районные комитеты действия. Кроме того, было проведено 65 местных конференций комитетов действия с 1534 участниками и 40 районных конференций с 2038 участниками.

Создание комитетов действия, ставших органами мобилизации и сплочения рабочих, было крупным успехом партии. Именно через эти комитеты, объединявшие рабочих и безработных без различия политической или профсоюзной принадлежности, являвшиеся подлинно демократическими рабочими организациями, выбираемыми на собраниях и митингах, партия лучше всего могла оказывать влияние на массы, сплачивать их вокруг себя, разоблачая реформистов и уничтожая их влияние, поднимать массы на борьбу с капиталом.

Но в зимние месяцы 1930 г. партия делала еще первые шаги по созданию комитетов, превратившихся вскоре в органы, объединявшие многие десятки тысяч людей. Вместе с тем, следует отметить, что этот процесс развивался неравномерно в различных местах, он зависел в огромной степени от активности партийных организаций. Так, в Остравской области, где в первой половине 1930 г. партийная организация действовала более энергично по сравнению с другими, было создано 40 заводских комитетов действия⁴⁷ из 58 по всей стране.

По инициативе комитета действия безработных Брно 22 февраля 1930 г. в Праге состоялась конференция с участием представителей комитетов действия Праги, Брно, Моравской Остравы, Усти, Хомутова, Лома, Чешске-Тршебове и Берегово. Конференция избрала общегосударственный комитет действия безработных и постановила создавать всюду комитеты безработных с привлечением представителей от заводских рабочих⁴⁸. Она призвала рабочих и безработных Чехословакии выйти 6 марта со своими требованиями на улицы.

В подготовке 6 марта большую роль играла партийная печать. Партия организовала издание на 107 заводах нелегальных заводских газет (на заводах Шкода и Витковицы заводские газеты выходили легально), посвященных Дню борьбы с безработицей. Тираж их достиг 21 120 экземпляров. Кроме того, было выпущено 20 местных нелегальных газет в количестве 3250 номеров. Помимо газет в массах распространялись листовки. В одиннадцати областных организациях было отпечатано 48 нелегальных листовок, общим тиражом в 95 100 экземпляров. ЦК партии издал 21 нелегальную листовку в количестве 360 тыс. штук.

В листовках в простой и убедительной форме объяснялось, почему безработным необходимо принять участие в демонстрациях 6 марта. В одной из таких листовок, распространявшихся в Каданьском районе, были изображены министр социальной опеки, социал-демократ Чех и безработные. Текст под рисунком гласил:

«Безработный: Господин-товарищ, мы уже очень давно пахотимся без средств к существованию и ничего не имеем на жизнь, наши жены и дети голодают.

Министр Чех: К сожалению, я ничего не могу дать вам, мы должны

⁴⁶ «Rudý večerník, 13.II 1930.

⁴⁷ «Rudé právo», 10.IV 1930.

⁴⁸ «Rudé právo», 25.II 1930.

оказать помощь Масарику в размере 20 миллионов, он ведь является более длительное время безработным, чем вы.

Безработный: Масарик получает жалование в размере 3 миллионов в год, т. е. ежедневно 10 тыс. крон! Мы получаем лишь 3 кроны в день — разве это демократия?

Министр Чех: Вы ничего не понимаете, идите домой и ведите себя тихо!

Безработный: Нет! Мы не будем вести себя тихо, 6 марта мы будем снова демонстрировать против вашей лживой демократии, мы должны вас прогнать! Мы зовем всех безработных на демонстрацию»⁴⁹.

Таким образом, с помощью заводских собраний и конференций, митингов и демонстраций безработных, с помощью легальной и нелегальной печати партии удалось привлечь к подготовке Международного дня борьбы с безработицей довольно значительные массы пролетариев. Это само по себе было уже крупным успехом партии, свидетельством роста активности ее членов и организаций.

Правительство запретило митинги, собрания и демонстрации 6 марта 1930 г.⁵⁰ В секретариатах партий, редакциях коммунистических газет, помещениях Красных профсоюзов прошли полицейские обыски. Были закрыты газеты: «Die Internationale», «Der Kämpfer» «Die Front», «Vorwärts»⁵¹. Полицейские врываются с обыском в жилища коммунистов, членов комитетов действия и арестовывали их. С 23 февраля до 5 марта было произведено 219 домашних обысков, арестовано свыше тысячи человек⁵². Для подавления массовых выступлений в боевую готовность были приведены войска⁵³.

Несмотря на террор и преследования, 6 марта улицы городов Чехословакии были заполнены демонстрантами. Демонстрации прошли в 91 городе (по 14 областям), кроме того состоялось 44 летучих демонстраций и 46 митингов перед заводами после окончания работы. В них участвовало 95 тыс. рабочих, работниц и безработных. Демонстранты отражали вооруженные нападения полиции и жандармов. Столкновения произошли в 23 городах.

В Яблонце рабочие ответили на нападение жандармов градом камней. В результате столкновения было ранено 17 демонстрантов, но пострадали и 22 жандарма, в том числе их начальник. Было арестовано 24 человека⁵⁴. То же произошло в Ходове и Шумбурке, где жандармы были встречены камнями и бутылками. В Праге, Хомутове и Моравской Острове демонстранты избили полицейских и провокаторов. В Босковицах рабочие сделали попытку взяться за оружие. В Хабаржовицах, когда жандармы готовились напасть на демонстрантов, женщины с детьми вышли в первые ряды шествия с криком: «Пусть жандармы убивают, если могут, сначала детей, потом нас самих, и только тогда наших мужей»⁵⁵.

⁴⁹ A. J a k š, J. F i a l a, J. K y n ě l. Hlad a práce. Kapitoly z dějin strany a pracujícího lidu na Kadaňsku. Karlový Vary, 1958, str. 40.

⁵⁰ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 131, л. 80.

⁵¹ «Rudé právo», 28. II — 11. III 1930. Těšnopisecké zprávy o službách poslanecké sněmovny Národního shromáždění Republiky Československé. III volební období, II zas., 28 sch., 11. III 1930, str. 18.

⁵² Těšnopisecké zprávy..., II zas., 46 sch., 8. V. 1930, str. 20.

⁵³ Так, в Моравскую Оставу 5 марта прибыл транспорт с несколькими отрядами солдат, которые заняли важнейший промышленный объект — Витковские заводы — в связи с ожидавшимся там выступлением рабочих. «Rudý večerník», 6. III 1930.

⁵⁴ «Правда», 8, 9. III 1930.

⁵⁵ Těšnopisecké zprávy..., II zas., 28 sch., 11. III 1930, str. 21—22.

За участие в демонстрациях в Праге полиция арестовала свыше ста человек, в Брненской области 54, в Берегове 14, в Ужгороде 15 и т. д.⁵⁶ Вымещая свою ярость на арестованных, полицейские и жандармы зверски избивали их. Коммунист-депутат Ш. Майор в своей речи в парламенте 22 мая 1930 г. привел следующий факт. Арестованного на демонстрации Эмиля Матыха отвели в помещение, где на него набросилось двое полицейских и избивали его. Затем окровавленного рабочего отвели в другую комнату, где уже другие полицейские били его дубинками, пинали сапогами до тех пор, пока он не потерял сознание⁵⁷.

Выступление безработных поддержали политическими стачками рабочие некоторых заводов и фабрик. На 20 предприятиях с количеством рабочих в 6409 человек 6 марта была проведена забастовка солидарности с безработными⁵⁸. Бастовали рабочие Карловой Гути, обувной фабрики в Триебиче, на предприятиях Босковиц, строители в Пиятяпах, в Мукачехе и т. д.

Всего в выступлениях 6 марта приняло участие свыше ста тысяч человек⁵⁹. Проведение Международного дня борьбы с безработицей, таким образом, явилось значительным успехом коммунистической партии. Партии удалось поднять стотысячную массу рабочих и безработных на политическую демонстрацию против планов буржуазии взвалить бремя кризиса на трудящиеся массы, за хлеб и работу для трудящихся. 6 марта показало, что значительная часть безработных готова объединиться во круг компартии, что создаются условия для превращения КПЧ в руководителя безработных, составлявших уже в этот период (по официальным данным) около 17% от общего числа рабочих⁶⁰.

Каковы же основные итоги кампании 6 марта? Прежде всего она положила массовый характер, охватив важнейшие промышленные районы страны. В демонстрациях, сопровождавшихся столкновениями с полицией и жандармерией, рабочие были настроены решительно, по боевому. При подготовке партия удачно сочетала легальные и нелегальные методы работы; в движении были тесно связаны экономические и политические лозунги, требования рабочих и безработных. Широко применялась тактика единого фронта снизу. Политбюро ЦК КПЧ отмечало, что выступление проводилось на основе более широкого единого фронта, чем прежде. Это выразилось и в значительном числе комитетов безработных. Партия, ее организации и комсомол Чехословакии в подготовке выступлений 6 марта действовали более активно, чем в предыдущих кампаниях. Это привело к значительному росту числа членов партии: если до 18 февраля 1930 г. в ней насчитывалось 20 914 членов, то к 15 марта их стало уже 29 742.

Вместе с тем в организации кампании имелся ряд серьезных недостатков, прежде всего слабая подготовка ее на предприятиях. Это было связано с тем, что центр тяжести партийной работы еще не был перенесен на заводские ячейки; массовая мобилизация мало увязывалась с внутрипартийными задачами, с борьбой против оппортунизма на практике. В некоторых местах партийные функционеры тормозили выступление масс и

⁵⁶ «Rudé právo», 8.III 1930; «Pravda» (Brno), 19.III 1930; ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 131, лл. 45, 112.

⁵⁷ «Těsnopisecké zprávy..., II zas., 52 sch., str. 11.

⁵⁸ «Коммунистический Интернационал», 1930, № 11, стр. 42.

⁵⁹ «Kronika», 10.IV 1930.

⁶⁰ Подсчитано на основании данных: «Statistická ročenka Republiky Československé». Praha, 1935, str. 200.

распространяли ликвидаторские настроения среди рабочих⁶¹. Недостаточное внимание уделялось организации пролетарской обороны; мало было создано комитетов действия на предприятиях.

Не удалось движение в ряде областей, в том числе в Словакии. Братиславский областной комитет КПЧ, оценивая результаты выступления в Словакии, отмечал, что слабость движения была «связана с недостаточной партийной работой, пренебрежением к организационной работе, с недостаточной подготовкой борьбы сельскохозяйственных рабочих и вообще с неправильной внутрипартийной линией. В Словакии не был проведен поворот в массовой работе; не были разбиты ультралевые взгляды, сектантско-фракционная точка зрения; здесь господствовала «левая фраза» вместо повседневной работы»⁶².

ЦК КПЧ указал на следующий серьезный недостаток в работе партии, как на основную причину недостатков акции 6 марта: «Как во всех предыдущих кампаниях, так и в акции 6 марта выявилось, что главная причина недостатков находится в организационной области, в области функциональных кадров, в оппортунизме на практике, против которого, как и против социал-фашизма, борьба проводится недостаточно»⁶³.

В целом же организация Международного дня борьбы с безработицей имела большое значение для партии, была ее крупным успехом, особенно в свете борьбы за влияние в массах, за завоевание большинства рабочего класса. В резолюции пленума ЦК КПЧ от 22—23 марта 1930 г. указывалось: «6 марта является доказательством того, что партия в широком масштабе преодолела свою изолированность от масс, что, освободившись от оков ликвидаторства и отклонив «левую» радикальную фразеологию, она избежала губительные последствия оппортунистической политики прошлых лет и вступила на широкий путь завоевания масс рабочего класса»⁶⁴.

Однако после проведения Международного дня 6 марта движение безработных падает. Это было вызвано прежде всего его слабостью; оно еще только организовывалось, не имело таких прочных органов, как впоследствии в виде большого числа комитетов действия. Недостатком его являлось также и то, что еще в малой степени был организован патис безработных на местные органы власти для получения пособия непосредственно на месте. Сказалась в этом и пассивность Красных профсоюзов, переживавших в тот период серьезные трудности в связи с раскольничьей деятельностью ликвидаторов. Вопрос о проведении выступления 6 марта обсуждался только в 96 местных группах Красных профсоюзов⁶⁵. К тому же в это время партия и Красные профсоюзы допустили серьезную ошибку, выставив лозунг бойкота гештской системы⁶⁶. Красные профсоюзы испытывали серьезные затруднения вследствие того, что их касса в 1929 г. была захвачена ликвидаторами и они не могли выплачивать пособия безработным в полном размере. В этой обстановке ЦК КПЧ и правление Красных профсоюзов в конце марта 1930 г. приняли решение о бойкоте

⁶¹ «Коммунистический Интернационал», 1930, № 11, стр. 43; «Rudý večerník», 5.IV 1930.

⁶² ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 133, л. 16. Циркуляр Братиславского комитета КПЧ от 16.IV 1930.

⁶³ Там же, д. 253, л. 37.

⁶⁴ Там же, л. 36.

⁶⁵ «Коммунистический Интернационал», 1930, № 11, стр. 39.

⁶⁶ По действовавшей в те годы в Чехословакии гештской системе выплаты пособий по безработице, их выплачивали из своих касс профсоюзы, которым затем государство частично их возмещало. Тем самым пособия получали только члены профсоюза, а выплата их ложилась тяжелым бременем на профсоюзы, опустошая профсоюзные кассы.

гентской системы и о прекращении выплаты пособий профсоюзам⁶⁷. Это была серьезная политическая ошибка. «Вместо массовой борьбы против гентской системы был выставлен лозунг «принципиального бойкота» гентской системы, который радикальными словами лишь прикрывает пассивность Красных профсоюзов в борьбе безработных против гентской системы и за полное государственное пособие»⁶⁸, — писал об этом позднее Я. Шверма.

Массам рабочих были непонятны этот шаг. Пособие по гентской системе, которое получали безработные, было хотя и небольшое, но единственное для значительной части безработных, да и те рабочие, которые не стали безработными, могли ждать в любое время увольнения.

Эта ошибка привела к некоторому отливу от профсоюзов. С марта по май 1930 г. Красные профсоюзы потеряли 12 тыс. членов. Несмотря на то, что позднее эта убыль была значительно покрыта за счет вступления в них новых членов, в целом за 1930 г. Красные профсоюзы потеряли 5 тыс. членов⁶⁹. Пленум ЦК КПЧ в мае 1930 г., вскрыв ошибки в вопросе о гентской системе, поставил задачу усиления массовой борьбы против гентской системы и за государственное пособие *всем* безработным⁷⁰.

Партия уделяла большое внимание сплочению безработных на основе общих требований. С этой целью весной и летом 1930 г., по указанию ЦК КПЧ, проводились на местах собрания безработных, на которых обсуждались и принимались их требования. На этих собраниях общие лозунги борьбы за всеобщее страхование от безработицы и отмену гентской системы и другие дополнялись местными требованиями. Это имело большое значение, так как, давая одновременно общую направленность движению, пацеливало безработных на достижение конкретных практических требований в данной общине, селе или городе.

Проект такой программы безработных был разослан в циркуляре Секретариата ЦК № 20 от 14 мая 1930 г. В этом документе разоблачались гибельные последствия кризиса для трудящихся, антинародная сущность капиталистического строя. Программа подчеркивала, что свои интересы трудящиеся могут отстаивать только в совместной борьбе против патиска буржуазии и ее реформистских подручных. Против фронта бабкиров, фабрикантов, помещиков, капиталистического государства и реформистских вождей должен был быть создан широкий единый фронт рабочих и безработных, коммунистических, социал-демократических, чешско-социалистических и неорганизованных рабочих, промышленных и сельскохозяйственных рабочих и трудящихся крестьян.

В программе были сформулированы конкретные лозунги движения безработных: против гентской системы, за государственное пособие от безработицы, против капиталистической рационализации и увольнений, за семичасовой рабочий день без сокращения зарплаты, за выдачу чрезвычайного пособия безработным в размере 300—500 крои каждому, обеспечение бесплатного питания, отмену квартирной платы на время безработицы и т. д.

Партия призывала обсудить эти требования и активно бороться за них, создавать комитеты действия и устанавливать боевой союз с рабочими на предприятиях.

Эта программа была принята на собрании безработных Праги 18 мая 1930 г. В течение июня-июля в Праге состоялось несколько демонстраций

⁶⁷ «Rudé právo», 23. V. III 1930.

⁶⁸ «Rudé právo», 8. VII 1930.

⁶⁹ «Rudé právo», 26. IV 1931.

⁷⁰ «Za chléb, práci pádu a svobodu». Praha, 1954, str. 33—34.

безработных. Так, 18 июля в Жижкове на собрание пришло свыше тысячи человек; на нем выступил К. Готвальд. Полицейский комиссар распустил собрание, после чего полиция набросилась на его участников. К. Готвальд был схвачен полицейскими, которые буквально поволокли его по улице в участок. 5 безработных было арестовано ⁷¹.

Программа, аналогичная пражской, была принята на собрании безработных в Брно 28 июня. Собрание потребовало усилить работу по организационному укреплению движения безработных, для того, чтобы лучше подготовить борьбу за осуществление их требований, и избрало новый комитет действия ⁷². Безработные в Горжицах на митинге 18 августа 1930 г., дополняя общие лозунги о введении государственного пособия и отмене гентской системы, требовали, например, оказания продовольственной помощи всем безработным, увеличения размеров пособия втрое, предоставления детям безработных бесплатного питания, уменьшения квартплаты безработным, живущим в общинных домах, и т. д. ⁷³

В результате этих выступлений правительство было вынуждено пойти на ряд уступок. В июне 1930 г. срок действия выдачи пособий по гентской системе был увеличен с 13 до 26 недель; в июле министерство социальной опеки объявило о начале так называемой продовольственной акции, т. е. о выдаче безработным продовольственных карточек ⁷⁴. По карточке стоимостью в 10 кроп (семейным выдавались в неделю две карточки) безработный получал продовольствие ⁷⁵.

Период с конца 1929 до осени 1930 г. в движении безработных составляет первый этап, во время которого партия, поставив задачу защиты интересов безработных, развивает большую деятельность по сплочению, организации и подъему движения. На этом этапе партия вырабатывает лозунги движения, определяет его формы и методы и добивается вовлечения в него самых широких масс безработных, а также рабочих на заводах. В то же время она прилагает большие усилия к тому, чтобы придать движению четкую политическую направленность, заострив его в целом против наступления буржуазии. Крупнейшим достижением этого периода явилось проведение Международного дня борьбы с безработицей 6 марта 1930 г.

В целом этот период в деятельности партии среди безработных можно определить как сосредоточение сил на подготовке движения и придание ему по всей стране политического характера борьбы против натиска капитала. Партия достигла в этом крупных успехов, создав на заводах условия для «решительного поворота в своей массовой политической работе» ⁷⁶.

* * *

Этот период был завершен пленумом ЦК КПЧ, происходившим 6—7 октября 1930 г. Обобщив накопленный опыт, пленум определил как ближайшую задачу партии всестороннюю и энергичную защиту повседневных интересов масс, развитие инициативы снизу и на этой основе

⁷¹ «Rudé právo», 20.VII 1930.

⁷² «Rudé právo», 1.VII 1930.

⁷³ «Pochodeň», 21.VIII 1930.

⁷⁴ K. K o ř a l k o v á. Ohlas hnutí nezaměstnaných ve vnitropolitickém životě Československa na počátku hospodářské krise (1930—1931). «Československý časopis historický», 1958, č. 3, str. 473—474.

⁷⁵ В чехословацком народе эти карточки получили название «жебраченок» (от слова žebrak — нищий).

⁷⁶ «Přehled dějin Komunistické strany Československa». These. Praha, 1957, str. 127.

развертывание широким фронтом борьбы против наступления буржуазии. Пленум конкретно обсудил вопросы проведения в жизнь этой тактической линии.

В отношении борьбы безработных в резолюции указывалось: «Выдвигая требование полного пособия безработным за счет государства и предпринимателей и борясь против гентской системы, мы должны одновременно, при помощи массовой мобилизации, проводить во всех местах — в общинных и районных представительствах, в парламенте и т. п. другие частичные требования безработных, как питание, пособия, льготы при уплате за жилье и т. п.»⁷⁷ Таким образом, пленум особо указал на необходимость борьбы на местах за повседневные нужды безработных и ориентировал партию на усиление борьбы именно в общинах и городах, что открывало перед движением большие возможности и способствовало его повому мощному подъему.

Учитывая эти указания, партийные организации совместно с красными профсоюзами сосредоточили свои усилия на развертывании движения непосредственно на местах. В Закарпатье Областной комитет партии и Совет Красных профсоюзов 14 октября 1930 г. разослали циркуляр, в котором призывали развернуть борьбу городских и сельских безработных за выдачу пособия и проведение продовольственной акции. В нем подчеркивалось, что «пособия надо отвоевать, что буржуазия только тогда даст, когда будет принуждена»⁷⁸, и разъяснялось, как составлять списки безработных: «Каждого безработного вписывайте в два списка. Один из них передавайте в районную управу, другой посылайте в область. Перед подачей списка в районную управу предложите подтвердить сельской управе, что указанные в нем крестьяне фактически являются безработными. Если староста не захочет его утвердить и поставить на нем печать, разъясните народу, как тот защищает интересы сельского населения. Список можете подать и без сельской печати. В ближайшее время, с самого начала акции необходимо созвать собрания безработных и выбрать из них комитет действия. В комитеты действия выбирайте также и беспартийных и членов других партий. Старайтесь, чтобы акция за пособие безработным была проведена также и в таких селах, где нет нашей организации»⁷⁹.

В Хустском районе к концу октября было переписано свыше 2 тыс. безработных. 3 ноября около 2 тыс. человек пришли в управу и потребовали пособия. Районный начальник вынужден был признаться, что на пособия выделялось 6 тыс. крон, но к безработным эти деньги не попали⁸⁰. К 9 ноября в районе было переписано уже 3 тыс. безработных⁸¹. В Свалявском районе безработные добились увеличения ассигнований с 6 до 10 тыс. крон. В Берегово в комиссии городского представительства было принято предложение коммунистов о выделении из городского бюджета 130 тыс. крон на пособия⁸², в Ужгороде 150 тыс.⁸³ и т. д.

6 ноября Мукачевский областной комитет снова призвал шире развернуть агитацию против налогового гнета и за государственные пособия безработным и проводить под этими лозунгами как можно больше выступлений и демонстраций. В циркуляре приводились данные о суммах, расходуемых на государственный аппарат в Закарпатье. Только на чиновников

⁷⁷ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. II, str. 137—138.

⁷⁸ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 253, л. 38.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, оп. 1, д. 109, л. 83; «Голос життя», 1.XI 1930.

⁸¹ ЗОГА, ф. 9, оп. 1, д. 109, л. 89; «Працююча молодь», 29.XI 1930.

⁸² ЗОГА, ф. 9, оп. 1, д. 109, л. 77; «Працююча молодь», 9.XI 1930.

⁸³ ЗОГА, ф. 9, оп. 1, д. 109, л. 95; «Голос життя», 1.XII 1930.

министерства финансов в год тратилось 33 206 тыс. крон, причем один чиновник приходился на каждые 230 человек населения. «Теперьшняя буржуазия имеет гораздо лучше построенный аппарат для угнетения трудящихся, чем старые паны. Поэтому трудящиеся обязаны собрать все свои силы для борьбы за свои требования, — говорилось в циркуляре. — Российский царь, помещики и фабриканты имели большую власть, но когда трудящиеся объединились, она была уничтожена, и уже 12 лет власть в Советском Союзе находится в руках трудящихся. Организованным выступлением и нам удастся достичь успеха в нашей борьбе против налогового гнета и за пособия безработным»⁸⁴.

20 ноября обком КПЧ разослал новый циркуляр, в котором призывал еженедельно устраивать митинги, создавать комитеты действия и вручать в районные управы списки безработных и протесты против налогов⁸⁵. В этот день в Ужгороде состоялось совещание коммунистов. На нем было решено послать в села 30 агитаторов для работы среди населения⁸⁶.

В Мукачево к середине ноября была переписана тысяча безработных. 22 ноября на митинге с участием 400 человек был избран комитет действия. 24 ноября депутация безработных в количестве ста человек, во главе с коммунистами И. Локотой и П. Тереком, пришла со своими требованиями в городскую управу. Они добились ассигнований из бюджета города на пособия 100 тыс. крон, немедленного распределения 10 тыс. крон и увеличения количества бесплатных обедов с 150 до 500. 26 ноября состоялось новое выступление безработных Хуста под руководством И. Локоты и Н. Сидоряка, добившихся предоставления пособий 300 безработным в Хусте и 25 — в Сокирницах⁸⁷.

Вот один из таких списков, врученных в районную управу 23 ноября: «Мы, нижеподписавшиеся, члены комитета действия безработных села Кайданово, подавая список безработных нашего села, добиваемся, чтобы нас включили в продовольственную акцию, начатую министерством социальной опеки циркуляром № 11—973/III-E-1930. На основании данного циркуляра мы требуем одновременно, чтобы к государственному пособию районное представительство также присоединило пособие из финансовых средств района»⁸⁸. В списке были приведены фамилии 27 безработных с указанием числа членов их семей, кормильцами которых они являлись⁸⁹.

Под давлением безработных правительство вынуждено было объявить об ассигновании на пособия безработным Закарпатья 60 тыс. крон. В связи с этим обком партии 4 декабря призвал бороться за то, чтобы безработные действительно получили эти деньги: «Надо идти к сельским и нотарьским управам и добиваться, чтобы сумма распределялась при участии комитета действия, и требовать, чтобы не только пара безработных, а и каждый безработный получил государственное пособие»⁹⁰.

Таким образом, своей решительной борьбой безработные Закарпатья, руководимые коммунистами, сумели добиться выдачи пособия от государства и из средств муниципалитетов. В последующие месяцы их активность возросла еще больше. Основными формами выступлений были мас-

⁸⁴ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 253, л. 26.

⁸⁵ Там же, д. 182, л. 56.

⁸⁶ Там же, л. 1.

⁸⁷ Там же, лл. 55—57; оп. 1, д. 75, л. 10; «Працююча молодь», 6.XII, 1930.

⁸⁸ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 182, л. 12.

⁸⁹ Там же, л. 9.

⁹⁰ Там же, д. 253, л. 47.

совые демонстрации возле сельских управ и в городах с вручением делегациями требований и списков безработных.

Боролись за свое существование и безработные Праги. Руководство движением здесь возглавил коммунист Й. Кроснарж. В течение декабря 1930 г. были проведены 71 демонстрация, собрания и конференции с общим участием в них 11 290 безработных; было создано 56 комитетов действия, в том числе 33 в самой Праге и 23 в ее окрестностях.

14 декабря состоялась первая конференция пражских безработных. В ней участвовало 190 человек, в том числе 3 национальных социалиста, 11 социал-демократов, 86 беспартийных. Были представлены также рабочие с заводов Кольбен, Ческоморавска, Граб и других. Конференция выдвинула требование ассигнования на пособия безработным 100 млн. крон и избрала комитет действия⁹¹.

Своей борьбой пражские безработные добились выдачи обедов, угля, снабжения одеждой, рождественского пособия, признания комитетов действия в Либеши, Жижкове, Высочанах и других районах, уплаты за жилища в Модржанах, Кийе, Тетине, Припбраме, Бероуне, Влашине, Суходоле и Дяблицях, организации общественных работ и др. При утверждении бюджета городским муниципалитетом под давлением руководимых коммунистами безработных в него включались и ассигнования на безработных. Так, в бюджете Бероуна на 1931 г. с этой целью был предусмотрен заем в 1,5 млн. крон.

Характерно, что против требований безработных яростно выступали реформисты. Так, в Пражском муниципалитете социал-демократ Лангер предложил вести переговоры по делам безработных только с представителями профсоюзных организаций, а не с «анонимными корпорациями, так называемыми «комитетами действия», за которыми скрывается компартия»⁹².

Особенно активный характер носило движение безработных в северной Чехии. В Хомутовской области в декабре 1930 г. было создано 83 местных и 6 районных комитетов действия. Из 60—70 тыс. безработных в области под их влиянием находилось свыше 20 тыс. человек. В течение декабря движение прошло три стадии. Сначала были поданы петиции в 100—150 общинах, затем было проведено около 300—400 собраний, демонстраций и митингов. Уже на этих стадиях безработные имели значительный успех. Так, в Оберлейтенсдорфе они добились устройства почлежки для бездомных, установления контроля комитета над муниципальной кухней, выдачи одежды и оплаты жилья за счет муниципалитета. В Индржиховицах для безработных выделялось 20 тыс. крон, а также 6 тыс. крон на продовольствие и одежду для их детей. После этого последовал новый натиск безработных на муниципалитет, и последний принял решение о выделении рождественского пособия в размере 80 крон одиноким и 150 крон семейным безработным, о бесплатном снабжении их дровами, признании комитета действия и т. д.⁹³

Движение быстро переросло рамки общин, и партийная организация провела районные демонстрации безработных. В 12 выступлениях по районам участвовало 8450 человек. Таким образом, движение, начавшееся с выдвижения требований в общинах, переросло в течение декабря в общерайонные манифестации безработных. К январю 1931 г. в

⁹¹ «Rudé právo», 16.XII 1930.

⁹² «Právo lidu», 8.XI 1930.

⁹³ «Rudé právo», 10.XII 1930.

Хомутовской области имелось уже 115 местных комитетов действия безработных, а к середине января — 152⁹⁴.

О росте движений свидетельствуют следующие данные: если в конце ноября 1930 г. по стране было создано 111 комитетов действия, в декабре их имелось уже 480. В конце ноября на собраниях присутствовало 20 тыс. безработных, к концу декабря — свыше 80 тысяч. На 31 декабря 1930 г. действовало уже 553 комитета, объединявших вокруг себя около 110 тыс. безработных. Исключительно важное значение имело то обстоятельство, что вокруг комитетов действия, руководимых коммунистами, сплачивались рабочие без различия партийной принадлежности. Об этом говорит состав участников конференций безработных, проходивших в ноябре-декабре 1930 г. Так, в Кладно 70% участников трех конференций не были коммунистами, в Кралоупе Градце на трех конференциях было 40% коммунистов, 35% социал-демократов и национальных социалистов, 25% беспартийных. В Либереце на восьми конференциях большинство не являлось коммунистами; то же самое было на конференциях в Пльзене, Закарпатской Украине. Показательным в этом отношении является состав двух местных комитетов действия в Хомутовской области. В одном из 10 членов два были коммунисты, три социал-демократы, один национальный социалист, один национал-демократ, три беспартийных. Из 17 членов другого комитета пять были коммунистами, четыре социал-демократы, три национальных социалиста, один фашист, четверо беспартийных. Это свидетельствует о том, что движение безработных действительно превращалось в движение единого фронта, что компартия удавалось сплотить вокруг себя широкие массы трудящихся без различия политической принадлежности и повести их на борьбу под своим руководством, вопреки реформистам. Это показывает, что партия находилась на верном пути завоевания масс на свою сторону.

Вопросы движения безработных стояли в центре внимания ЦК КПЧ. 3 декабря 1930 г. Политбюро ЦК обсудило план проведения мероприятий по дальнейшему развертыванию движения в январе-феврале 1931 г. Оно дало указание провести в январе большие районные конференции вместе с голодными походами в качестве подготовки общегосударственного съезда безработных. Секретариату ЦК вместе с руководством Красных профсоюзов предлагалось обсудить вопрос об издании органа безработных⁹⁵.

19 декабря в циркуляре Секретариата ЦК № 36 подчеркивалось, что «армия безработных становится одной из главных революционных сил, работа среди безработных является сегодня одной из главных задач»⁹⁶.

ЦК указал на недостатки движения, на его раздробленность и различную степень активности по областям. Выставляя местные требования и организуя выступления в их поддержку, партийные организации отодвигают на второй план общие требования (лозунги о выдаче государственного рождественского пособия, ликвидации геттской системы, сокращения рабочего времени), которые объединяют это движение, дают ему правильный политический характер. ЦК отметил слабую организационную подготовку выступлений, отсутствие связи движения безработных с заводами и вновь подчеркнул необходимость придать ему характер единого фронта: «Мы должны к этой акции привлечь социал-демократических и чешско-социалистических рабочих, — в этом случае мы имеем лучшую

⁹⁴ «Rudé právo», 18.I 1931.

⁹⁵ Такой орган под названием «Nezaměstnaný dělník» начал выходить в январе 1931 г., раз в две недели; «Rudé právo», 15.I 1931.

⁹⁶ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 183, л. 71.

возможность приблизиться к ним и противопоставить их вождям»⁹⁷, — говорилось в циркуляре. В течение января-февраля 1931 г. ЦК предложил провести массовые совместные конференции безработных, связанные с демонстрациями, заводскими собраниями и массовыми походами.

На основе этого указания областные организации выработали планы проведения различных мероприятий с целью еще больше усилить движение безработных. 28 декабря 1930 г. в Новых Замках прошла конференция словацких коммунистов. Она потребовала активизировать движение, постановила провести на местах собрания с программой «Требования безработных» и призвала готовить единое выступление в определенный день по всей стране⁹⁸. В рабочем плане Братиславского обкома на время с 1 января до 31 марта 1931 г. развитие и усиление борьбы безработных определялось как важнейшая задача организации. Обком предложил провести собрания с целью избрания комитетов действия, конференции представителей безработных и рабочих, до 31 января — районные конференции, а с 15 февраля до 1 марта — областные конференции безработных⁹⁹.

Выступления безработных часто заканчивались столкновениями с полицией и жандармерией. 31 декабря две тысячи безработных пришли из Цвикова в Немецкий Яблонец к районной управе. При столкновении с жандармами, разгонявшими демонстрантов, было тяжело ранено семь рабочих и работниц, но также пострадали и два жандарма¹⁰⁰. В Кошице 10 января во время демонстрации полиция арестовала 30 безработных¹⁰¹, 13 января в Усти были ранены три демонстранта¹⁰², 31 января в Моравском Шумперке полицейские нанесли тяжелые увечья двум демонстрантам¹⁰³ и т. д.

Таким образом, в первые месяцы 1931 г. движение безработных начало перерастать начальную стадию — частных выступлений — и развиваться в массовое движение, приобретающее характер массовых сосредоточенных ударов по капиталистическому строю и буржуазному государству. Тем самым вырастала роль безработных как активного фактора в борьбе всего рабочего класса, росло их значение как революционной силы в классовой борьбе.

Учитывая это, Политбюро ЦК КПЧ дало указание о подготовке Международного дня борьбы с безработицей 25 февраля, и обсудило вопрос о созыве съезда безработных. В циркуляре секретариата ЦК № 38 от 15 января были подвергнуты критике партийные организации и Красные профсоюзы, которые не уделяли должного внимания движению безработных и не учитывали его большого политического значения.

ЦК указал на главные проблемы движения безработных в тот период, которые заключались в организации планомерно проводимых выступлений безработных; подъеме движения на более высокую политическую ступень путем расширения основы требований, тесного соединения его с экономической борьбой рабочих и другими акциями рабочего класса и сознательного сосредоточения движения против всей капиталистической системы и ее государственной власти; в организационном оформлении движения. «На основе решения этих вопросов необходимо организовать борьбу безработных за их требования, Международный день безработных

⁹⁷ Там же, л. 72.

⁹⁸ Там же, д. 253, л. 175.

⁹⁹ Там же, л. 161.

¹⁰⁰ «Dělnický deník», 1. I 1931.

¹⁰¹ «Rudé právo», 13. I 1931.

¹⁰² «Rudé právo», 14. I 1931.

¹⁰³ «Dělnický deník», 4. II 1931.

и съезд безработных»¹⁰⁴. ЦК подчеркнул, что Международный день должен быть средоточием всех повседневных выступлений и провести его успешно можно лишь в том случае, если партийная организация будет уделять максимальное внимание разворачиванию самого движения, ведению повседневной экономической борьбы. Таким образом, ЦК ориентировал партию на то, чтобы при подготовке Международного дня была еще больше усилена борьба безработных на местах за их повседневные нужды.

В то же время необходимо было разъяснять массам политическое значение их борьбы. «Если 6 марта ударение было сделано на лозунге «За хлеб и работу», то 25 февраля трудовому народу должно быть разъяснено то обстоятельство, что если он хочет жить, хочет на длительное время иметь достаточно работы и хлеба, то капитализм должен умереть»¹⁰⁵. Таким образом, партия, опираясь на рост движения безработных в конце 1930 — начале 1931 г., ставит вопрос о подъеме его на более высокую ступень борьбы, выдвигая в качестве центрального лозунга: «Хлеб, работу и всю власть трудящимся!»

16 января в газете «*Rudé právo*» было напечатано обращение коммунистических партий Германии, Франции, Англии, Чехословакии и Польши и революционных профсоюзов Германии, Франции, Англии и Чехословакии о проведении 25 февраля Международного дня борьбы с безработицей.

Это обращение вызвало новую волну выступлений безработных. Большую популярность среди них в это время получило выдвинутое 9 декабря в парламенте предложение о распределении среди безработных и бедных крестьян 150 млн. крон¹⁰⁶.

18 января 1931 г. был опубликован призыв комитета действия безработных Праги о разворачивании борьбы за ассигнование правительством 150 млн. крон для распределения пособий безработным по 500—300 крон¹⁰⁷. В Праге начались собрания в поддержку этого требования. 20 января во время заседания городского представительства туда явилась депутация безработных и потребовала, чтобы из общей суммы в 150 млн. крон на Прагу было выделено 10 млн. крон. Такие же выступления проходили в Словакии, Закарпатье и других местах¹⁰⁸. Только за одну неделю к 24 января комитеты действия распространили среди безработных 13 тыс. бланков требований о распределении этих пособий¹⁰⁹.

21 января в Хомутове и 22 января в Ходове происходили областные конференции безработных северной и северо-западной Чехии. Конференции сопровождались двухтысячными демонстрациями безработных. На них было решено провести выступление в областном масштабе 4 февраля 1931 г. с требованием распределения 150 млн. крон среди безработных и замены гентской системы государственным страхованием¹¹⁰.

28 января в Градце Кралове партийная организация созвала митинг безработных района. Демонстрация прошла по всему городу; в столкновении с полицией и жандармами были ранены три демонстранта. Депутация во главе с коммунисткой Чижимской посетила районную управу, где предъявила свои требования. 1200 участников митинга постановили снова выйти на демонстрацию 2 февраля, чтобы добиться их осуществле-

¹⁰⁴ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 179, л. 21.

¹⁰⁵ Там же, л. 23.

¹⁰⁶ «*Rudé právo*», 12.XII 1930.

¹⁰⁷ «*Rudé právo*», 18.I 1931.

¹⁰⁸ «*Rudé právo*», 21.I 1931.

¹⁰⁹ «*Rudé právo*», 28.I 1931.

¹¹⁰ «*Rudé právo*», 22—27.I 1931.

ния. После этого они направились к заводу Шкода, где вместе с выходящими с завода рабочими был снова проведен митинг. 2 февраля безработные вышли на улицы. В этот день жандармы заняли все входы в город, несмотря на это демонстранты прорвали кордоны и прошли в центр города¹¹¹.

Всего за две недели, в конце января — начале февраля, в 13 районах было проведено 255 демонстраций, шествий и митингов с числом участников приблизительно в 68 тыс. человек. В 11 районах требования безработных были представлены в 494 муниципалитета¹¹².

Стремясь задуть развивающееся движение и не допустить выступления 25 февраля, буржуазное правительство решило перейти к запугиванию и прямому террору. 3 февраля 1931 г. в палате депутатов с большой речью выступил премьер Удржал. Он превозносил «заботу» государства о безработных и недвусмысленно угрожал расправой «нарушителям порядка». «Для проведения задач, направленных на уменьшение и устранение экономического кризиса и его последствий, государству требуется спокойствие и порядок, — говорил он. — Правительство поэтому будет всеми средствами ... добиваться того, чтобы были обеспечены необходимые спокойствие и порядок в государстве»¹¹³.

4 февраля 1931 г. по всей северо-западной Чехии безработные вышли на улицы. В этот день выступления состоялись в Кадани, где в них участвовало около 2 тыс. человек, в Хомутове — 1000, в Проснице 3500, в Краслице 2000, в Усти на Лабе — 1500, в Либерце 1800, в Ходове 2000, в Нидке 3000, в Хебе 1000, в Бржезнице 3200. На демонстрации вышли также рабочие, покинувшие в этот день свои предприятия. Ремесленники и мелкие торговцы в знак солидарности с безработными закрыли свои лавки. Правительство решило в этот день дать кровавый бой рабочему классу, чтобы подавить нарастающее движение, сорвать выступление 25 февраля. Жандармы в упор открыли стрельбу по демонстрантам около Духцова. От ран скончалось четыре человека и четверо были тяжело ранены¹¹⁴.

Буржуазия решила расправиться с безработными именно в северной части Чехии, где движение было наиболее сильным и массовым. В свою очередь работа партии среди безработных на севере Чехии была более активной, чем в других местах. В Хомутовской области в первые месяцы 1931 г. имелось 247 комитетов действия, тогда как по всей стране их насчитывалось 1000.

Реформисты после духцовских событий подняли крик по поводу якобы «авантюриной» политики коммунистов, выполняющих «предписания Москвы» и стремящихся «вызвать кровавые события за счет бедных и без того несчастных безработных»¹¹⁵. На коммунистов и безработных сваливали вину за это побоище и буржуазные партии вместе с правительством. Наглая ложь была разоблачена коммунистической партией. Выступая 5 февраля в парламенте, К. Готвальд раскрыл ужасные обстоятельства этого нового преступления буржуазии. Жандармы, вооруженные карабинами с разрывными пулями, встретили колонну демонстрантов, направлявшуюся из Ледвиц в Духцов, возле железнодорожного виадука, где шоссе делало поворот под прямым углом и было сжато с одной стороны железнодорожной насыпью, а с другой — деревянным забором. К тому

¹¹¹ «Pochodeň», 5.II 1931.

¹¹² «Коммунистический Интернационал», 1931, № 15, стр. 27.

¹¹³ Těsnopisecké zprávy..., III zas., 100 sch., 3.II 1931, стр. 9.

¹¹⁴ «Dělnická rovnost», 6.II 1931; «Dělnický deník», 6.II 1931; «Rudé právo», 6.II 1931.

¹¹⁵ «Právo lidu», 5.II, «České slovo», 6.II, «Socialní reforma», roč. XXIII, č. 4, стр. 63, 1931.

же позади колонны демонстрантов шел другой отряд жандармов, который не давал возможности безработным вернуться назад, когда те были остановлены цепью жандармов. Попавшие в ловушку демонстранты были с жестокостью расстреляны в упор жандармами, которые затем не позволили оказать помощь раненым. «Эти факты... — говорил К. Готвальд, — свидетельствуют о том, что здесь было совершенно подготовленное, организованное убийство»¹¹⁶. То, что духцовские события являлись звеном в подготовленной цепи преследований выступлений безработных, показывает также расправа жандармов с демонстрантами в Аше 5 февраля. В этот день жандармы ранили там 100 человек и арестовали 60¹¹⁷.

Расстрел демонстрантов в Духцове вызвал большое возмущение в рабочем классе. Демонстрации и митинги протеста прошли в Сланах, Богумине, Пршерове, Коширже, Горном Литвинове, Гостомице, Коштянах, Теплице-Шанове, Братиславе, Праге, Злине; на некоторых шахтах северной Чехии и на фабрике в Коштянах была объявлена стачка протеста. В похоропах убитых приняло участие 25 тыс. человек¹¹⁸. Местные власти в Духцове были до того напуганы возмущением масс, что поспешили предоставить работу всем безработным¹¹⁹.

Во время собраний протеста многие рабочие заявили о своей солидарности с безработными Духцова и вступили в КПЧ. Так, на собрании протеста в Петерсвальде у Хабаржовиц 15 рабочих и безработных, входивших до этого в социал-демократическую партию, вступили в КПЧ и создали местную организацию партии¹²⁰. После этого еще 17 человек вступили в ту же организацию¹²¹. В Хомутовской области после событий в Духцове резко возрос приток новых членов в партию. К середине февраля в нее вступило 665 чел., 369 в Красные профсоюзы и 436 в комсомол¹²². Это был ответ рабочих области на события в Духцове. Всего в начале 1931 г. в партию вступило 5 тыс. новых членов, 3 тыс. в комсомол; 10 тыс. стали подписчиками печатных изданий КПЧ¹²³.

Разоблачая истинных виновников расправы с рабочими, партия вскрывала предательскую роль реформистов. «Духцов снова указывает на классовый, антирабочий характер буржуазной государственной власти, — говорилось в резолюции Политбюро ЦК КПЧ от 10 февраля. — Духцов снова доказывает, что социал-демократия, которая полностью одобряет стрельбу жандармов, полна решимости защищать интересы капитала и через трупы рабочих»¹²⁴. Политбюро в связи с этим потребовало усилить работу среди рабочих-социалистов с целью отрыва их от реформистских лидеров: «Найти связь с соц.-дем. профсоюзными и политическими организациями, издавать к соц.-дем. рабочим специальные обращения и листовки, выступать на их митингах, звать их на наши собрания, проводить с ними особые собрания, ежедневно дискутировать и дебатировать с ними и т. д. — таковы методы, которыми мы оторвем соц.-дем. рабочих от их вождей, это должно стать необходимой, повседневной частью нашей массовой работы»¹²⁵. Политбюро отметило также, что в связи с духцовскими

¹¹⁶ К. Готвальд. Избранные произведения, т. I, стр. 165.

¹¹⁷ «Dělnický deník», 6.II 1931.

¹¹⁸ «Rudé právo», 7—13.II 1931.

¹¹⁹ «Dělnická rovnost», 3.VI 1931.

¹²⁰ «Rudé právo», 15.II 1931.

¹²¹ «Dělnický deník», 22.II 1931.

¹²² «Dělnický deník», 12.II 1931.

¹²³ «Mezinárodní tisková korespondence», 15.IV, č. 16, 1932, str. 287.

¹²⁴ ЗОГА, ф. 9, оп. 1, д. 84, л. 149.

¹²⁵ Там же, л. 151.

событиями партии не удалось в широком масштабе провести массовую политическую стачку. Это свидетельствовало о том, что еще не было достигнуто тесное соединение движения безработных с борьбой рабочих на заводах. Борьба запятых рабочих в то время еще отставала от движения безработных.

Стремясь во что бы то ни стало не допустить выступления 25 февраля, буржуазия мобилизовала все свои средства. Министр национальной обороны Вишковский заявил в парламенте, что правительство намерено самым решительным образом «принять все необходимые меры для сохранения порядка»¹²⁶. 25 февраля им был отдан приказ о приведении войск в состояние боевой готовности. Повсюду были расклеены предостерегающие объявления полиции, угрожавшие смертью даже зрителям демонстраций. Ежедневно по радио раздавались угрозы по адресу демонстрантов. По улицам городов маршировали военные подразделения с пулеметами и орудиями, в некоторых местах солдаты и жандармы открывали стрельбу для устрашения населения. Даже архиепископ выпустил пастырское послание против демонстраций, которое оглашалось во всех костелах. Улицы городов были заполнены тысячами полицейских и жандармов. Из «надежных» солдат формировались особые подразделения в помощь жандармерии, были подготовлены пожарные насосы, пулеметы, слезоточивые газы. «Чехословакия была превращена в лагерь вооруженной силы», — говорил об этом в парламенте коммунист Ч. Грушка¹²⁷. На заводах и фабриках были вывешены объявления: «В связи с предсказываемой демонстрацией рабочих, которая должна произойти 25 февраля 1931 г., мы предупреждаем всех рабочих и всех функционеров заводского комитета без различия, что на основании № 82 ремесленного закона¹²⁸ тот рабочий или работница, который в этот день преждевременно закончит свою работу или вообще не выйдет на работу, будет немедленно уволен»¹²⁹.

На помощь буржуазии поспешили и ее верные слуги — реформисты. В «Právo lidu» постоянно помещались угрозы по адресу тех, кто 25 февраля выйдет на демонстрации. Руководство реформистских партий категорически запретило своим членам принимать участие в демонстрациях и выступлениях, проводимых компартией¹³⁰. Не ограничиваясь угрозами, власти прибегли к репрессиям: было арестовано 1200 функционеров партии¹³¹, с 21 февраля была закрыта на месяц газета «Rudé právo».

Несмотря на это партия решительно готовила выступление 25 февраля. «Мы вам заявляем: 25 февраля в Чехословакии демонстрировать будут, даже если бы встали на голову»,¹³² — говорил в парламенте К. Готвальд, обращаясь к буржуазии и реформистам. В ответ на закрытие «Rudé právo» партия организовала ее нелегальное издание; газета выходила небольшим форматом, на одной странице с тиражом в 4000 экземпляров для Праги и 1000 — для провинции. Был увеличен тираж газеты «Dělnická rovnost» с 7000—8000 экземпляров до 23 500. Газету продавали не только в Брно, но и в Праге¹³³. Издавались также нелегальные листовки и газеты. После духцовских событий было издано 6 тыс. листовок на чешском, немецком и венгерском языках с оценкой Духцова и указанием

¹²⁶ «České slovo», 20.II 1931.

¹²⁷ Těsnopisecké zprávy..., IV, zas., 109 sch., 5.III 1931, str. 21.

¹²⁸ Закон 1859 г., по которому предприниматель мог бесприютственно увольнять рабочих.

¹²⁹ Těsnopisecké zprávy..., IV zas., 110 sch., 6. III 1931, str. 24.

¹³⁰ «Právo lidu», 15, 22.II 1931.

¹³¹ «Mezinárodní tisková korespondence», 15.IV, 1932, str. 287.

¹³² K. G o t t w a l d. Spisy, sv. II, str. 213.

¹³³ Těsnopisecké zprávy..., IV zas., 110 sch., 6.III 1931, str. 24.

на значение 25 февраля. В казармах распространялась специальная солдатская газета. Только в казарме 28 пехотного полка было роздано 250 экземпляров. В Хомутове для местного гарнизона была издана газета с тиражом в 400 экземпляров.

Большую агитацию в поддержку выступления 25 февраля компартия развернула и среди крестьян и мелкой буржуазии города. Так, в Праге было собрано 2500 подписей мелких торговцев в знак солидарности с демонстрацией¹³⁴.

Утром 25 февраля многие города Чехословакии выглядели так, будто бы там было введено осадное положение. В Праге, в районах Смихова и Высочан и в других местах сосредоточились воинские отряды; возле почтамта были выставлены два броневика. В казармах в готовности находились специальные вспомогательные роты. В Кралоуве Градце почта, ратуша и другие учреждения были заняты войсками. То же самое происходило и в Брно. Там возле городского театра были установлены два станковых пулемета, караулы были увеличены втрое, причем в них включались только «надежные» солдаты. Опасаясь ненадежности некоторых частей, правительство сменило отдельные гарнизоны. Так, в Хомутов были присланы части из Праги, а хомутовский гарнизон был переведен в Кадапъ. Войска были выведены на улицы также в Годонине, Бржецлаве, Трутнове, Яромерже и Пардубицах. Все это говорило о страхе буржуазии перед выступлением рабочего класса.

Несмотря на все принятые меры 25 февраля произошли выступления в ста городах страны. В Хомутовской области в них приняло участие 35 тыс. человек, причем в некоторых районах все безработные вышли на демонстрацию. Так, в Пршисечницком районе, где было 3500 безработных, в демонстрации участвовало 3500 человек. В Краслицком районе на 4 тыс. безработных было 4 тыс. демонстрантов. В восточной Чехии в выступлениях участвовало 25 тыс. безработных¹³⁵, в Праге — 10 тыс., в Брно — 10 тыс., в Усти на Лабе — 6 тыс., в Подмокли — 6 тыс., в Либерце — 3500, в Моравской Остраве — 7 тыс., в Теплицах — 3 тыс., в Фридке — 3 тыс., в Карвине — 3 тыс., в Годонине — 4 тыс. и т. д.¹³⁶ В выступлениях участвовали не только безработные, но и рабочие многих предприятий. Демонстративные стачки в этот день были проведены в Рапотине, Трнаве, Брно, Отроковицах, Злине, Млада Болеславе и в других городах, всего на 32 предприятиях. В этот день на улицы Чехословакии под лозунгами, выдвинутыми компартией, вышло 240 тыс. человек¹³⁷. В южной Моравии, средней Чехии, Словакии и Закарпатье в демонстрациях участвовали крестьяне¹³⁸. Во многих местах во время демонстраций происходили столкновения с полицией и жандармами. Свыше тысячи участников демонстраций было арестовано¹³⁹. В Оломоуце против демонстрантов была брошена кавалерия, но она была встречена градом камней и отступила под натиском рабочих¹⁴⁰. Несмотря на всю подготовку правительства не осмелилось в этот день применить огнестрельное оружие. Известную роль в этом сыграло и то, что, как выяснилось, солдаты отнюдь не желали выполнять роль наемных палачей. Так, в Брно после

¹³⁴ Těšnopisecké zprávy..., IV zas., 109 sch. 5, III 1931, str. 19; «Rudý dělník», 16.III, 1931, str. 90.

¹³⁵ Těšnopisecké zprávy..., IV zas., 109 sch., 5. III 1931, str. 18—19.

¹³⁶ «Dělnická rovnost», 1.III, 1931; «Dělnický deník», 26, 27.II 1931.

¹³⁷ «Mezinárodní tisková korespondence», 15.IV 1932, str. 287; Protokol VII sjezdu Komunistické strany Československa. Praha, 1936, str. 275.

¹³⁸ «Rudý dělník», 16.III 1931, str. 90; «Карпатська правда», 15.III 1931.

¹³⁹ «Rudé právo», 21.III 1931.

¹⁴⁰ Těšnopisecké zprávy..., IV zas., 109 sch., 5.III 1931, str. 20.

25 февраля было арестовано 25 солдат за отказ повиноваться приказаниям офицеров; 20 солдат было арестовано в Бржецлаве; то же произошло в Кралоупе Градце, Годонине, Оломоуце, Комарно, Ягерндорфе и Прешове.

Демонстрация 25 февраля была крупным успехом компартии. Она показала, что партии удалось объединить под своим руководством огромную массу безработных. Если в начале 1930 г. она только начала организовывать движение безработных, выдвигая их наиболее наболевшие требования, показывая массам конкретные формы и методы борьбы, выступая в защиту безработных в парламенте и муниципалитетах, то зимой 1931 г. это движение превратилось уже в массовое, могучее, создавшее свои органы единого фронта — комитеты действия. В марте 1931 г. их насчитывалось 1000 и они охватывали от 100 до 170 тыс. безработных¹⁴¹. Партия добилась этих успехов прежде всего потому, что мобилизовывала массы на борьбу за конкретные элементарные требования, такие, как бесплатное жилье и отопление для безработных, питание детей, выдача пособия общинами и др. С самого начала удалось добиться небольших успехов, которые, будучи широко популяризированы, способствовали дальнейшей мобилизации безработных.

Другой важнейшей причиной развития движения явилось правильное применение тактики единого фронта. Партии удалось охватить массы, сплотить их под своим руководством и осуществить на этом важнейшем участке классовой борьбы классовое единство. Наиболее полно единый фронт воплощался в комитетах действия безработных. Причем очень важно отметить, что если в низовых комитетах коммунисты находились в меньшинстве, — что свидетельствовало об активном участии в них рядовых членов других партий и организаций, а также беспартийных, — то в комитетах действия районного и областного масштаба процент коммунистов возрастает. Это показывает, что именно в коммунистах массы видели подлинных руководителей движения, так как районные и областные комитеты действия составлялись на конференциях низовых комитетов. Так, в Хомутовской области в местных комитетах действия коммунисты составляли 25% членов, в районных комитетах — 40% и в двух областных комитетах (в области существовали два областных комитета: один в Ходове для западной Чехии, другой в Хомуте для северо-западной Чехии) — 65—70% членов. Партия осуществляла руководство комитетами через свои фракции в них. В свою очередь комитеты руководили безработными посредством целой сети уполномоченных.

И, наконец, следует указать на то, что движение безработных быстро переросло рамки экономической борьбы, превратившись в серьезный революционный фактор классовой борьбы в Чехословакии. Говоря об этом в докладе на VI съезде КПЧ, Я. Шверма указывал: «На основе борьбы за частичные требования мы стали в последнее время единственной ведущей силой, гегемоном в движении безработных. А движение безработных в течение нескольких месяцев не только охватило широкие массы безработных, но очень быстро выросло политически, приобрело высшие политические формы... стало новой и большой революционной силой в этом государстве»¹⁴².

Важнейшее значение для руководства движением безработных имел VI съезд Коммунистической партии Чехословакии, происходивший 7—11 марта 1931 г. Съезд выдвинул лозунг «За пролетарский выход из кризиса» как конкретизацию общей линии борьбы за диктатуру пролетариата,

¹⁴¹ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. II, str. 252, 272; ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 178, л. 85.

¹⁴² J. Š v e r m a. Vybrané spisy. Praha, 1955, str. 123.

поставленную V съездом партии. В качестве непосредственной задачи съезд поставил задачу организовать и повести борьбу в защиту частичных экономических и политических интересов трудящихся города и деревни. Съезд высоко оценил достигнутые партией успехи по организации движения безработных: «Радикализация широчайших масс бурно проявляется в быстро нарастающем движении безработных, в революционном характере этого движения, которое находится почти исключительно под руководством партии. Бурные массовые демонстрации, во время которых безработные, борющиеся за хлеб и работу, сталкиваются со всей капиталистической системой и ее государственной властью, становятся повседневным явлением, проламывают любые запреты государственной власти, несут часто черты пролетарского контрнаступления»¹⁴³. Организацию борьбы безработных и соединение ее с борьбой рабочих на заводах съезд определил как один из главных вопросов классовой борьбы в Чехословакии.

Съезд подчеркнул, что необходимо, не ослабляя борьбы за частичные местные требования безработных, организовать массовое движение против гитлеровской системы, за полное государственное пособие для всех безработных, за сокращение рабочего времени без снижения зарплаты, пропагандируя одновременно пути революционного решения кризиса и безработицы борьбой за власть, за диктатуру пролетариата. Съезд выдвинул задачу прочно связать движение безработных с борьбой на заводах. Он предложил привлекать безработных в помощь забастовщикам, проводить совместные собрания и демонстрации безработных перед заводами и работающих перед биржами труда, организовывать взаимное представительство в органах единого фронта работающих и безработных.

На съезде развернулась дискуссия по вопросу о формах организации безработных. Выдвигались предложения об их организации в рамках Красных профсоюзов. Однако это привело бы к сужению массовой основы движения. Опираясь на имевшийся опыт, съезд определил на данном этапе как наиболее правильную организационную форму единого фронта безработных комитеты действия, которые избираются непосредственно на местах и посредством регистрации безработных и через систему уполномоченных руководят их борьбой. «Партия должна трудиться над тем, чтобы были укреплены существующие комитеты действия безработных, — говорилось в тезисах съезда, — чтобы сеть комитетов действия была расширена таким образом, чтобы она могла охватить широчайшие массы безработных, чтобы были созданы районные, областные комитеты действия безработных, избираемые на широких конференциях безработных, чтобы был создан Центральный комитет действия безработных, избранный на общегосударственном съезде безработных»¹⁴⁴. Правильное решение съездом вопроса о формах организации движения имело большое значение для его дальнейшего подъема и укрепления единого фронта безработных.

Безработные внимательно следили за работой VI съезда партии. Среди многочисленных делегаций, приветствовавших VI съезд, была делегация безработных из Ломы, явившаяся в Прагу пешком. Когда председательствующий объявил о прибытии этой делегации, она была встречена в зале бурной овацией. От имени северочешских безработных глава делегации заявил съезду: «Северочешский пролетариат, находящийся по обе стороны заводских ворот, с доверием следит за вашим съездом и выполнит ваши решения. Мы передаем вам приветствие ломских безработных и се-

¹⁴³ «Za chléb, práci, půdu a svobodu», str. 116.

¹⁴⁴ Там же, стр. 126.

натора Странского. Мы обещаем, что выполним клятву, данную на духовском и гостиницком кладбищах, обещаем, что на практике осуществим решения вашего съезда»¹⁴⁵.

Деятельность партии по сплочению безработных в единый фронт закрепил общегосударственный съезд безработных, состоявшийся 15 марта 1931 г. в Праге. На съезд прибыло свыше тысячи делегатов со всей страны. К этому времени движение уже приобрело такой размах, что безработные в Хомутовской и Либерецкой областях добились у общины денег на проезд в Прагу. В других местах они получили деньги на дорогу после проведения собраний торговцев и ремесленников. Показателем сам состав съезда: из зарегистрированных 957 делегатов 371 были членами Красных профсоюзов, 105 — реформистских и 481 не являлись членами профсоюзов¹⁴⁶. Таким образом, состав делегатов показывает, что съезд был настоящим органом единого фронта.

С большим докладом на съезде выступил А. Запотоцкий, который обрисовал положение безработных, разоблачил обман буржуазных и реформистских обещаний уменьшения безработицы. Запотоцкий предложил боевую программу движения безработных, призвал к активизации борьбы и к укреплению связи с рабочими на предприятиях. «Требования безработных могут быть решены только совместным боевым давлением всего рабочего класса, всех безработных и рабочих, — указывал он. — Вопрос организации единого фронта рабочих и безработных необходимо всюду поставить на обсуждение среди рабочих!»¹⁴⁷.

В своих выступлениях на съезде делегаты говорили о невыносимом положении безработных и полубезработных и их семей. «Толпы безработных ходят у нас от фабрики к фабрике и голодают, — рассказывал делегат от Фридка. — Текстильные работницы зарабатывают только 15—20 крон в неделю, а женщины с тремя-четырьмя детьми вынуждены довольствоваться недельным заработком в 30—40 крон»¹⁴⁸.

Съезд призвал укреплять боевой союз безработных с заводами, движение пролетарского единого фронта, организованное в местных, районных и областных комитетах действия в единое целое, привлекать новые массы из реформистских профсоюзов и неорганизованных рабочих под руководством комитетов действия. Съезд сформулировал боевую программу движения, потребовал: 1) немедленного распределения 150 млн. крон среди безработных в размерах 300—500 крон в зависимости от семейного положения; 2) ликвидации гентской системы и введения пособий по безработице за счет государства и предпринимателей; 3) прекращения увольнений, введения шести-семичасового рабочего дня без снижения заработной платы¹⁴⁹. На съезде был избран Центральный комитет действия безработных для руководства движением во всей стране.

Таким образом, к весне 1931 г. партии удалось завоевать руководящее положение среди безработных, в то время составлявших значительную часть рабочего класса¹⁵⁰, создать боевой единый фронт безработных на основе защиты их требований. Это было важным шагом на пути завое-

¹⁴⁵ «Pochodeň», 12.III 1931.

¹⁴⁶ «Pochodeň», 19.III 1931.

¹⁴⁷ А. З а п о т о ц к ý. Boj o jednotu odborů. Praha, 1950, str. 123.

¹⁴⁸ «Rudý dělník», 30.III 1931, str. 98.

¹⁴⁹ «Rudé právo», 21.III 1931; «Rudý dělník», 16.III 1931, str. 83.

¹⁵⁰ По данным страховых касс, безработица в феврале 1931 г. достигла 600 тыс. человек, или примерно 24% кадрового пролетариата страны. Statistická ročenka Republiky Československé. Praha, 1936, str. 199.

вания большинства рабочего класса. Но в этот период еще не удалось поддержать борьбу безработных массовыми выступлениями на предприятиях.

ЦК действия безработных выступал как представитель интересов многотысячной массы безработных Чехословакии. Когда весной 1931 г. началось сокращение расходов на выдачу пособий, он призвал усилить борьбу за немедленную организацию общественных работ и устройство всех безработных на работу, за увеличение пособий по продовольственной акции, за отмену гентской системы и введение государственных пособий. Комитет потребовал активизировать работу комитетов действия, которая ослабла весной, и организовать массовые выступления в городах и перед районными управами. Он призвал безработных выйти 1 мая на демонстрации под знаменами компартии. «Голодные батальоны сотен тысяч безработных выйдут вместе со своими товарищами по классу на улицы..., — заявлял комитет. — Мы обращаемся сегодня к сотням тысяч тех, которые не нашли еще своего места среди товарищей, борющихся под руководством своих комитетов действия, и говорим им: товарищи, идите с нами, заполните улицы городов и сел гневными криками голода и отчаяния, жгучей ненависти против господствующего режима. Помните решения нашего великого съезда безработных: в единстве сила, в силе — власть, а у кого власть, тому принадлежит и победа»¹⁵¹.

Обращение Центрального комитета действия вызвало новую волну выступлений безработных против попытки властей сократить пособия. В Усти-на-Лабе, где реформистское большинство муниципалитета постановило уменьшить выдачу пособий, в демонстрации 17 апреля приняло участие 1200 человек. Старосту города и районную управу посетили депутаты безработных. 25 апреля на новый митинг собралось 2 тыс. человек¹⁵². Комитет действия безработных Брно назначил на 27 апреля митинг против ликвидации пособия. Несмотря на запрещение, безработные вышли в этот день на улицы и провели два митинга. Их депутация посетила городской совет. В Братиславе после объявления городской управой о ликвидации пособий 23 апреля депутация безработных пришла туда с протестом. После этой демонстрации на внеочередном заседании городского совета было решено выделить 20 тыс. кроп на молоко для детей безработных¹⁵³.

Безработные принимали активное участие в борьбе рабочих. Во время проходивших летом 1931 г. многочисленных стачек строителей они активно помогали забастовщикам. Так, в Доудлебах во время стачки 80 строителей их поддержала тысяча безработных и рабочих округа. Огромная толпа демонстрантов двинулась в районный центр с требованием освободить арестованных забастовщиков. При активном содействии безработных стачка в Доудлебах окончилась победой строителей¹⁵⁴.

Партия указывала на необходимость соединения движения безработных не только с борьбой заводских рабочих, но и с борьбой мелких крестьян. В циркуляре Секретариата ЦК КПЧ № 7 от 25 августа 1931 г. предлагалось организовать комитеты действия в селах и с помощью сельского представительства мобилизовать безработных на борьбу за денежные пособия и получение работы. Их требования надо координировать с требованиями домкаржей и мелких крестьян. В сельских представительствах выставлять совместные требования, организуя при этом массовое посещение их депутациями. Партия ставила задачу организации массовых де-

¹⁵¹ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 178, лл. 78—79.

¹⁵² «Rudé právo», 19, 21, 29.IV 1931.

¹⁵³ «Rudé právo», 30.IV 1931.

¹⁵⁴ «Rudý dělník», 8.VI 1931.

путаций безработных и домкаржей в районные управы и призвала мобилизовывать безработных, домкаржей и мелких крестьян против насильственного взывания налогов¹⁵⁵.

Большое значение для борьбы безработных за свои права имела деятельность коммунистов в муниципальных органах. Коммунисты умело использовали трибуны муниципалитетов для отстаивания в них интересов безработных. Выдвигая ясные и четкие требования, они наглядно показывали массам, что буржуазно-реформистское большинство в муниципалитетах враждебно интересам трудящихся, что за свои требования надо вести упорную борьбу. В связи с тем, что осенью 1931 г. в большинстве общин проводились муниципальные выборы, партия активизировала деятельность своих фракций в муниципалитетах. Предвыборная программа партии была сформулирована в документе «Как обеспечить народу работу и хлеб», в котором конкретизировались основные требования трудящихся, указывались и те источники, за счет которых можно было удовлетворить интересы трудящихся.

Опубликование 6 сентября этой программы усилило борьбу коммунистов в муниципалитетах. 7 сентября коммунисты, депутаты пражского представительства, предложили обсудить на заседании следующие вопросы: 1) мероприятия города против ужасов голода, бесприютности и безработицы; 2) об увольнении рабочих с ряда пражских заводов; 3) о признании СССР Чехословакией как одном из средств уменьшения безработицы в Праге; 4) вздорожание продуктов питания в Праге; 5) требования безработных Праги, и другие вопросы.

В день заседания представительства площадь возле ратуши была оцеплена полицией, которая разгоняла многочисленные депутации рабочих и безработных. Предложения коммунистов были отвергнуты буржуазно-реформистским большинством¹⁵⁶. В районном представительстве Фридка под давлением безработных было принято предложение коммунистов о выделении на пособия 400 тыс. крон¹⁵⁷.

Выборы в муниципалитеты показали, что в массах растет доверие к коммунистам. Особенно большой прирост голосов был в Словакии, где компартия получила 115 тыс. голосов вместо 95 тыс. в 1929 г.; в Закарпатской Украине 25 тыс. голосов вместо 17 тыс. в 1929 г., а также в северной Чехии, то есть в местах наиболее интенсивных боев безработных, рабочих и трудящегося крестьянства¹⁵⁸.

Опыт компартии Чехословакии по развертыванию борьбы безработных имел большое значение для международного рабочего движения. Показателем этого явилось то, что именно в Праге в августе 1931 г. происходила международная конференция представителей коммунистических партий, Красных профсоюзов и оппозиции реформистских профсоюзов Франции, Англии, Германии, Чехословакии, Австрии, Польши, Голландии, Скандинавии, Дании, Бельгии и Болгарии, которая обсуждала вопросы борьбы рабочего класса с безработицей. Обобщив опыт движения безработных в различных странах, конференция наметила задачи компартий и Красных профсоюзов по дальнейшему подъему движения, подчеркнув необходимость применения тактики единого фронта, самого тесного боевого союза между занятыми рабочими и безработными¹⁵⁹.

¹⁵⁵ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 181, л. 56.

¹⁵⁶ «Rudé právo», 9.IX 1931.

¹⁵⁷ «Rudé právo», 22.X 1931.

¹⁵⁸ «Rudé právo», 14.X 1931; ЗОГА, ф. 9, оп. 1, д. 115, л. 4; «Карпатська правда», 11.X 1931.

¹⁵⁹ «Mezinárodní tisková korespondence», 4, 11.X 1931.

Период с осени 1930 до осени 1931 г. представляет собой второй этап движения безработных в годы кризиса. Организовав повсеместную борьбу в защиту экономических и политических интересов безработных, компартия сумела добиться превращения этой борьбы в подлинно массовое движение, развернувшееся по всей стране. На практике партия установила единый пролетарский фронт в движении безработных и посредством системы комитетов действия объединила массы безработных. Экономическая борьба безработных переросла в политическую. Крупнейшим событием этого периода явилось проведение 25 февраля 1931 г. Международного дня борьбы с безработицей. Однако, развернув мощное движение безработных, партия еще не сумела поддержать его массовыми выступлениями на заводах, слить воедино борьбу безработных и заводских рабочих для контрнаступления пролетариата против натиска буржуазии.

* * *

Осенью 1931 г. в рабочем движении Чехословакии начался новый этап. Он был связан с резким обострением экономического кризиса в стране и усилившимся наступлением буржуазии на рабочий класс. Буржуазия уже не довольствуется натиском на рабочих отдельных предприятий и по отдельным вопросам заработной платы, интенсификации труда и т. п. Начинается фронтальный натиск на рабочих целых промышленных отраслей и областей. В связи с этим резко обостряется борьба на заводах и фабриках. Забастовочное движение начинает догонять движение безработных по своему размаху. Создаются условия соединения борьбы рабочих на предприятиях и безработных в единое русло пролетарской борьбы против наступления капитала. В свою очередь новые черты появляются и в движении безработных.

Уже в октябре 1931 г. ЦК КПЧ снова поставил вопрос о новом подъеме движения безработных. 21 октября в циркуляре Секретариата ЦК КПЧ № 19 выдвигалась задача: в течение ноября развернуть выступления безработных на местах и восстановить комитеты действия, чтобы к декабрю их было не менее тысячи. В начале декабря предлагалось приступить к проведению более широких акций в районном масштабе¹⁶⁰.

III пленум ЦК КПЧ, состоявшийся 31 октября — 1 ноября 1931 г. и разработавший детально формы и методы мобилизации масс против наступления буржуазии, подробно обсудил вопросы движения безработных. ЦК призвал «все организации немедленно бросить силы на этот участок пролетарского фронта»¹⁶¹. Выдвинув лозунг боевого единства безработных и их боевого сотрудничества с рабочими на предприятиях, пленум указал на формы этого сотрудничества рабочих и безработных: «Координация движения безработных с заводами должна выражаться не только в формальном участии представителей заводов в комитете действия безработных, но главным образом в общих мероприятиях: заводы поддерживают требования безработных, одобряя их на заводских собраниях, посылают своих представителей в массовые делегации в официальные учреждения, участвуют в демонстрациях безработных, а, где это возможно, прибегают и к забастовке. Это объединение с заводами в высшей степени актуально, особенно там, где сокращена рабочая неделя, где происходят увольнения и где рабочие заняты на общественных работах. При этом необходимо выдвигать общие требования безработных и частично безработных, а так-

¹⁶⁰ Dokumenty k akcím KSČ na oslavu výročí Velké říjnové socialistické revoluce v letech 1925—1935. «Sborník archivních prací», č. 1, roč. VII. Praha, 1957, str. 50.

¹⁶¹ К. Готвальд. Избранные произведения. т. I, стр. 245

же требования запятых на общественных работах. С другой стороны, необходимо также, чтобы безработные поддерживали борьбу заводских рабочих не только отказом быть штрейкбрехерами во время забастовок, но и активным сотрудничеством: участием в стачечных пикетах, в собраниях и демонстрациях бастующих, помощью в мобилизации других заводов и всей пролетарской общественности»¹⁶². Указание партии о необходимости соединения борьбы рабочих и безработных было необычайно важным, и в развернувшихся вскоре событиях в Чехословакии оно было осуществлено на практике.

Стремясь подорвать позиции компартии и руководимых ею Красных профсоюзов в массах, особенно среди безработных, правительство в ноябре 1931 г. лишило Красные профсоюзы права на получение государственных субсидий по гентской системе под предлогом того, что Красные профсоюзы не выплачивают полностью пособий безработным. Подписал это постановление министр социальной опеки социал-демократ Чех¹⁶³. Это был серьезный удар по партии, по всему рабочему классу страны.

13 ноября секретариат ЦК КПЧ разослал циркуляр, в котором разъяснялось значение борьбы против этого постановления правительства. В нем говорилось, что со времени путча ликвидаторов это самое важное и опасное нападение на Красные профсоюзы. Быстрое и решительное отражение этого натиска являлось жизненным вопросом красного профсоюзного движения. Партия и Красные профсоюзы стояли в подлинном смысле слова перед государственным испытанием. Нападение можно было отразить только в том случае, если бы удалось быстро, безотлагательно и в масштабе всей страны развернуть бурю массовых протестов. ЦК предложил посылать телеграммы протеста, проводить заводские собрания, митинги, демонстративные стачки и демонстрации.

Партия подняла массы на борьбу против натиска буржуазии. Удар по Красным профсоюзам затрагивал не только членов этих союзов. Это была попытка буржуазии ухудшить и без того ограниченное страхование от безработицы, которое имели члены профсоюзов. Тем самым затрагивались интересы самых широких рабочих масс, прежде всего безработных, но также и рабочих, еще занимавших свое место на производстве. В отпоре натиску реакции под руководством компартии произошло сплочение в единой борьбе рабочих и безработных.

Уже 12 ноября прошли собрания протеста рабочих и безработных в Пардубице и Усти-на-Орлице; 13 ноября в Ломе, Глинске и на Витковицком заводе. 14 ноября состоялись три массовые демонстрации в Либерецком и Храстявском районах. По предложению безработных Немецкого Яблонца к Чеху была послана депутация с требованием отмены постановления. В этот день собрания произошли также в Варисдорфе, Биттербахе, Осоковице, Мышловице, Жабнице, Кржепове и других местах¹⁶⁴. С каждым днем лавина протестов охватывала все большее число предприятий и городов. 17 ноября в Праге прошла пятитысячная демонстрация безработных. Полиция тщетно пыталась не допустить демонстрантов на Вацлавскую площадь, но ее кордоны были сняты¹⁶⁵. На многочисленных митингах в городах и на предприятиях единодушно выносились резолюции протеста, отовсюду посылались телеграммы в адрес правительства. Вот одна из телеграмм:

«Министерство социальной опеки в Праге.

¹⁶² К. Готвальд. Избранные произведения, т. I, стр. 246.

¹⁶³ «Rudé právo», 14.XI 1931.

¹⁶⁴ «Rudé právo», 17.XI 1931.

¹⁶⁵ «Rudé právo», 18.XI 1931.

Министру д-ру Чеху.

Мы, строительные рабочие, собравшиеся на митинг... в Бороградке, постановляем и требуем:

1. Пособия всем безработным без различия членства в профсоюзной организации и неорганизованным в виде единовременного пособия в размере 500 крон для семейных и 300 крон для одиноких.

2. Признания всех прав Красных профсоюзов, объединенных в Промышленных союзах ЧСР.

3. Выплаты возмещения Красным профсоюзам, которое указанное министерство задержало.

Далее мы требуем, чтобы вышеназванное министерство ликвидировало закон о пособиях безработным по гентской системе и ввело пособия в размере последней зарплаты за счет государства и предпринимателей.

Мы требуем введения 40-часовой рабочей недели при зарплате, которая равнялась бы зарплате за 48 рабочих часов.

Мы категорически настаиваем на выполнении этих требований»¹⁶⁶.

В стороне от борьбы не смогли остаться и некоторые реформистские организации. Реформистские профсоюзы плотников и шоферов заявили о поддержке Красных профсоюзов¹⁶⁷.

В этот момент по стране прокатилась весть о расстреле демонстрации рабочих и безработных в Дольнем Липове у Фривальдова. Там в начале ноября под руководством Красного профсоюза строительных рабочих была успешно проведена забастовка камепотесов¹⁶⁸. Однако предприниматели повторили удар и уволили более 40% рабочих¹⁶⁹. Это совпало с наступлением правительства на Красные профсоюзы и вызвало большое возмущение трудящихся.

22 ноября в Фривальдове состоялась совместная конференция представителей 38 предприятий района и безработных. В ней участвовали члены Красных союзов, социал-демократических организаций и беспартийные. Конференция постановила провести 25 ноября однодневную стачку протеста и митинг против увольнения, снижения зарплат, прекращения выдачи государственных пособий Красным профсоюзам и против захвата Китайско-восточной железной дороги японскими империалистами¹⁷⁰. Таким образом, 25 ноября в Фривальдове готовилось совместное выступление рабочих и безработных, причем экономические требования тесно переплетались с политическими, и стачка и демонстрация должны были носить политический характер.

Власти запретили проведение митинга, и когда рабочие и безработные направлялись к Фривальдову, жапдармы в упор открыли стрельбу по демонстрантам: 20 человек было тяжело ранено, 8 убито¹⁷¹. Коммунист, член Красного профсоюза, социал-демократ, три национал-социалиста и два беспартийных, — все они требовали права на жизнь, а вместо этого получили пулю от режима «демократической» масариковской республики. В те дни тяжело раненый безработный В. Шуберт, находясь в больнице, просил передать товарищам: «Мы, которые теперь лежим здесь ранеными, боролись за свои права. Мы — жертвы отнюдь не коммунист

¹⁶⁶ «Pochodeň», 19.XI 1931.

¹⁶⁷ «Rudé právo», 24.XI 1931.

¹⁶⁸ «Rudé právo», 13—15.XI 1931.

¹⁶⁹ «Rudé právo», 23.XI 1936.

¹⁷⁰ J. F u č í k. Reportáž z buržoasní republiky z let 1929—1934. Praha, 1954. str. 85.

¹⁷¹ «Za chléb, práci, půdu a svobodu», str. 293.

ческого авантюризма, а жандармских винтовок. Они поставили их нам на пути, потому что знают, что это наш единственно правильный путь»¹⁷².

Коммунистическая партия призвала рабочий класс к стачке протеста, к массовым демонстрациям солидарности с рабочими Фривальдова. «Правительство, которое песеносбно дать рабочим хлеб и работу, позволяет себе лишать безработных пособий по безработице и спокойно наблюдает, как предприниматели выбрасывают на улицу сотни тысяч рабочих и работниц. За то, что рабочие не хотят позволить лишить себя права на жизнь, за то, что они протестуют против своего обнищания и против ограбления пособий по безработице, только за это в рабочих стреляют. Правительство, в котором заседает семь социалистических министров, дает рабочим вместо хлеба и работы залп из винтовок. Вместо пособий по безработице — порохов и свинца»¹⁷³, — говорилось в телеграмме ЦК КПЧ, разосланной по организациям.

События в Дольнем Липове вызвали в рабочем классе такой сильный отклик, какого не было до этого раньше. В Фривальдовском районе с 26 по 29 ноября бастовали каменотесы, а в день похорон всеобщая политическая стачка охватила все предприятия. В ней участвовали все рабочие без различия политической и профсоюзной принадлежности. В это время государственная власть в Фривальдове была буквально парализована. Я. Шверма об этом рассказывал так: «На второй день стачки представитель местной районной власти заявил нам по телефону: «Я отзываю жандармерию, и вы, коммунисты, отвечаете за безопасность и порядок в Фривальдове»... В течение трех дней мы пользовались полной свободой, созывали митинги и демонстрации без оповещения властей»¹⁷⁴.

На похоронах К. Готвальд произнес клятву у могил жертв кровопролития: «Павшие товарищи, друзья и подруги, братья и сестры! От имени Коммунистической партии, от имени всего рабочего класса я прощаюсь с вами. Вы пали в бою. Вы хотели человеческой, радостной жизни, — а вас заставляли голодать. Вы хотели трудиться — у вас отобрали работу. Вы хотели свободы, — а вас поработили. Вы хотели жить, — а вас убили. Вас убили, чтобы могли жить другие — богатые, капиталисты. Вас убили, но в сердцах рабочих вы будете жить вечно. Мы склопаем свои боевые знамена над вашей братской могилой и клянемся: За каждую каплю вашей крови палачи заплатят страшной ценой. Мы отомстим за вас! Мы не успокоимся до тех пор, пока не будет прикончен ваш убийца — капитализм!»¹⁷⁵.

Демонстрации, митинги и стачки протеста прошли по всей стране. До 12 декабря состоялось свыше 120 бурных и многочисленных демонстраций и выступлений. В массовой политической стачке участвовало 30 тыс. рабочих 150 предприятий, на заводских собраниях протеста — 10 тыс. и в публичных митингах — 100 тыс. пролетариев¹⁷⁶. Движение протеста охватило и прогрессивную интеллигенцию. Под резолюцией протеста поставили свою подпись 1689 представителей трудовой интеллигенции¹⁷⁷.

Впервые после 1920 г. пролетариат Чехословакии использовал оружие массовой политической стачки. Партии удалось связать борьбу рабочих и безработных за свои экономические интересы с политической

¹⁷² J. Fučík. Указ. соч., стр. 93.

¹⁷³ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 186, л. 185.

¹⁷⁴ Я. Шверма. От экономической борьбы к массовой политической стачке «Красный интернационал профсоюзов», 1932, № 1—2, стр. 138.

¹⁷⁵ К. Готвальд. Избранные произведения, т. I, стр. 257.

¹⁷⁶ «Rudý dělník», 18.I 1932, str. 26.

¹⁷⁷ «Rudé právo», 1.I 1932.

борьбой за свободу стачек и демонстраций, с протестом против буржуазного террора. Важнейшее значение имело то, что в борьбе против натиска на Красные профсоюзы и против фривальдовского поборника партии удалось слить воедино массовую борьбу безработных с нарастающим массовым движением на заводах.

Кампания протеста против кровопролития в Фривальдове была тесно связана с движением в защиту Красных профсоюзов. Сообща выступали рабочие и безработные, коммунисты, члены Красных профсоюзов, члены реформистских организаций и неорганизованные рабочие. В этой обстановке буржуазия была вынуждена отступить. 3 декабря правительство постановило выплатить Красным профсоюзам задерживаемую часть государственных субсидий¹⁷⁸. Рабочему классу удалось отразить удар, направленный на подрыв влияния революционных профсоюзов. План буржуазии провалился потому, что партии удалось поднять воедино рабочих и безработных против этого натиска. Движение переросло в массовую политическую стачку, которая сыграла решающую роль в победе рабочих. Поставленная ЦК КПЧ задача по мобилизации масс для отражения натиска буржуазии была успешно выполнена. В ходе ее удалось слить воедино движение безработных с борьбой заводских рабочих.

Борьба против натиска на Красные профсоюзы и движение протеста в связи с фривальдовским кровопролитием подняли массы на еще более активные выступления. Вновь развернулась борьба безработных за получение от муниципалитетов пособий, питания, одежды, дров и т. д. Безработные активно поддерживали забастовки на предприятиях, принимали участие в демонстрациях, в стачечных пикетах. Так было в Нимбурке, Румбурке, Скутече и других местах.

Когда в Мафферсдорфе в начале января 1932 г. было объявлено о закрытии фабрики Гипзкей, рабочие объявили стачку протеста и призвали всех оказать им помощь. 7 января в восьми местах Либерецкого района безработные вышли на демонстрацию солидарности. В пяти местах с протестом выступили ремесленники. В этот день со всего района колонны демонстрантов рабочих, безработных и ремесленников направились в Мафферсдорф, где собралось около 7—9 тыс. человек¹⁷⁹. В свою очередь рабочие забастовками помогали безработным добиваться осуществления их требований.

В движении безработных все большее значение начинали приобретать такие активные формы борьбы, как голодные походы, когда безработные со всего района массами приходили к районной управе с едиными требованиями. Такой поход, например, состоялся 29 ноября из Костелца в Рыхнов¹⁸⁰, 21 декабря в Фридке, где демонстрация длилась в течение четырех часов¹⁸¹.

30 декабря 1931 г. в Хомутове состоялась совместная демонстрация безработных, рабочих и мелких ремесленников, она была тщательно подготовлена. В 17 местах были проведены предварительные собрания и созданы комитеты действия. В день демонстрации мелкие ремесленники и торговцы закрыли свои лавки. В шествии участвовало более 1500 человек, в том числе много членов реформистских организаций, хотя это было запрещено их руководством. На площади, где проводился митинг, собралось свыше 4 тыс. человек. Депутация безработных посетила районную

¹⁷⁸ «Rudé právo», 13.XII 1931.

¹⁷⁹ «International Press Correspondence», 28.I 1932.

¹⁸⁰ «Rudé právo», 1.XII 1931.

¹⁸¹ «Rudé právo», 25.XII 1931.

управу, где напуганные выступлением власти дали обещание до 10 января распределить среди безработных пособия на сумму 79 тыс. крон¹⁸².

Партия вновь организовала выступления с требованием выдачи рождественских пособий. В Усти-на-Лабе в декабре 1931 г. распространялась листовка следующего содержания: «В полном блеске празднуют богатые и сытые рождество!... В то время как богачи не знают, какими роскошными и прекрасными подарками одарить друг друга, сотни тысяч безработных мерзнут и не знают, как добыть себе кусок хлеба!... Безработным грозит призрак голода. Таково их рождество! Комитет действия безработных Устецкого района организует в четверг 24 декабря, в три часа дня, на Устецкой площади голодный поход безработных с демонстративным шествием по улицам города. Весь трудовой народ Устецкого района мы призываем к солидарному участию! Осуществим единый фронт без различия партийной принадлежности. Судьба безработных — это наша судьба. Демонстрируйте за немедленную выплату рождественского пособия безработным»¹⁸³.

Голодные походы и другие выступления безработных были эффективны. Так, в Трпаве после демонстрации 15 декабря муниципалитет принял решение об ассигновании 200 тыс. крон на общественные работы, 90 тыс. крон на пособия; кроме того, среди безработных было распределено 1000 кг свинины, 4 вагона угля¹⁸⁴.

В Брно, после того как 23 и 24 декабря там состоялись демонстрации с участием 5 тыс. человек, муниципалитет решил выделить из городского бюджета 2 млн. крон на безработных. Каждому безработному выплачивалось по 30 крон в неделю, кроме того, для них готовилось 3 тыс. обедов¹⁸⁵. Во всех общинах Хомутовской области безработные добились пособий, на которые было израсходовано около 5 млн. крон¹⁸⁶.

Борьба безработных сопровождалась ростом числа комитетов действия. В Хомутовской области 15 ноября 1931 г. их насчитывалось 72, 1 декабря уже 119, 15 декабря 179, а в двадцатых числах декабря — свыше 200¹⁸⁷. В течение ноября в Остравской области было создано 80 комитетов действия, в декабре их число достигло 100¹⁸⁸. В целом по стране в декабре 1931 г. имелась тысяча комитетов действия, в которые входило 15 тыс. активистов движения безработных. К началу января было создано уже 1200 комитетов действия¹⁸⁹.

Подводя итоги бурного 1931 г., К. Готвальд в статье «Рабочие, узнайте друг друга» писал: «В Чехословакии начинает веять новый ветер. Рабочие узнают друг друга — коммунисты и социалисты, организовавшие и неорганизованные, безработные и работающие. Начинают познавать друг друга и объединяться в борьбе против общего врага, в борьбе против наступления капитализма. И при этом они добиваются успехов. Буржуазные и «социалистические» депутаты в парламенте сорвали перед рождеством проект коммунистов о выплате рождественского пособия безработным. Но безработные выступили во главе с коммунистами и членами Красных профсоюзов и в сотнях общин добились выдачи рождественского пособия. Начинается движение на заводах. А там, где рабочие выступают

¹⁸² «Rudé právo», 8.I 1932.

¹⁸³ «Sborník výstavy dějin revolučních bojů». Praha, 1949, str. 51.

¹⁸⁴ «Rudé právo», 20.XII 1931.

¹⁸⁵ «Rudé právo», 1.I 1932.

¹⁸⁶ «Rudé právo», 25.XII 1931.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ «Rudé právo», 1.I 1932.

¹⁸⁹ «Rudé právo», 14.I 1932.

сообща и решительно, им нередко удается отразить натиск предпринимателей. Буржуазия запрещает рабочим улицу. Но там, где рабочие сообща поднимаются на борьбу, они завоевывают себе улицу. И так возрастает число примеров того, что можно кое-что сделать. Да, можно что-то сделать, можно много сделать, можно сделать все, если рабочие будут едины, если безработные объединятся с работающими и если рабочие соединятся с трудящимися крестьянами»¹⁹⁰.

Соединение борьбы безработных и работающих в единое движение в этот период выражалось также в развернувшихся, начиная с осени 1931 г., районных и областных конференциях трудящихся. В них участвовали представители заводов, комитетов действия безработных, мелких крестьян и ремесленников. На конференциях вырабатывались программы трудящихся, в которых формулировались требования всех слоев трудящихся данной области или района. Такая конференция трудящихся Оставской области, например, происходила 29 ноября 1931 г. в Моравской Оставе. В ней участвовало свыше 1200 человек. На конференции были представлены рабочие 68 предприятий, безработные, мелкие крестьяне, ремесленники, торговцы, служащие. Конференция приняла боевую программу оставских трудящихся и обратилась с открытым письмом к рабочим-социалистам с призывом к совместным действиям. Необходимость единства рабочего класса была особо подчеркнута в выступлении К. Готвальда¹⁹¹. Конференции сыграли важную роль в организации единых выступлений рабочего класса в первые месяцы 1932 года.

3 января в Фридлиште состоялась такая конференция с участием 110 делегатов от комитетов действия безработных и рабочих заводов Клиггер, Маутнер, Прибш и других. Конференция приняла резолюцию с требованиями безработных и рабочих области и обратилась с призывом к рабочему классу Чехословакии провести общегосударственный день борьбы безработных в защиту своих требований¹⁹². Партия немедленно поддерживала предложение трудящихся Фридлишта. На призыв Фридлишта первыми откликнулись трудящиеся Градца Кралова. 17 января там проходила конференция заводских комитетов, делегатов от рабочих и комитетов действия безработных. 52 делегата от 21 завода и пяти комитетов действия представляли различные политические партии и профсоюзы. Но все они единодушно призывали провести по всей стране 10 февраля единым фронтом выступление в защиту требований рабочих и безработных, сопровождая его демонстративными стачками¹⁹³. Конференции единого фронта прошли по всей стране. В течение января и в первых числах февраля 1932 г. их состоялось около 30. В Либереце на конференцию помимо безработных явились делегаты с 13 предприятий, в Усти на Лабее 102 делегата представляли безработных и 24 завода, и т. д.

Конференции сопровождалась новой волной массовых выступлений, в которых наряду с безработными активно участвовали заводские рабочие. Так, в Яблонце 16 января в демонстрации участвовало 10 тыс. рабочих и безработных со всего района. В Нидке на демонстрацию вышло 4 тыс. человек и на всех предприятиях была объявлена стачка в поддержку безработных. В Вейпртах рабочие прекратили работу и присоединились к демонстрации безработных, которая насчитывала 3500 человек¹⁹⁴. 22 ян-

¹⁹⁰ «Rudé právo», 1.I 1932.

¹⁹¹ «Rudé právo», 1.XII 1931.

¹⁹² «Rudé právo», 8.I 1932.

¹⁹³ «Rudé právo», 19.I; «Pochodeň», 21.I 1932.

¹⁹⁴ «Rudé právo», 19.I 1932.

варя в Краслицах на улицы вышло 6 тыс. демонстрантов, к которым примкнули бедные крестьяне и ремесленники района¹⁹⁵. В течение одной недели в середине января в северной и северо-западной Чехии в таких демонстрациях под руководством компартии участвовало 30 тыс. человек¹⁹⁶. Только с 3 по 9 февраля прошло 56 демонстраций с 97 150 участниками, а также 34 собрания на заводах и 50 открытых собраний, на которых присутствовало 27 640 человек. Всего за две недели до 10 февраля демонстрациями было охвачено 150 тыс. человек. Проведено было также 25 стачек солидарности с безработными. Число комитетов действия безработных в феврале составило уже 1500¹⁹⁷.

Несмотря на строжайшее запрещение министерством внутренних дел всех собраний и выступлений 10 февраля¹⁹⁸, в этот день прошли выступления в 151 городе. В них участвовало 97 220 человек. Состоялось 23 собрания на заводах с 7 640 участниками. Демонстрации были поддержаны 65 стачками на предприятиях. Бастовало 10 545 рабочих. Демонстрации сопровождались столкновениями с полицией, во время которых были ранены 191 демонстрант и 29 полицейских; 942 человека было арестовано¹⁹⁹.

Особенно активный характер движение носило в Либерецкой и Хомутовской областях, Словакии и Закарпатской Украине. В Либерецком районе бастовало 10 предприятий, в Брно — пять фабрик, в том числе «Кемка», «Шеллер» и другие. Стачки прошли также на некоторых шахтах Остравского, Мостецкого и Фалькновского угольных бассейнов, на 52 стройках²⁰⁰.

Выступления безработных продолжались и после 10 февраля. В отчете ЦК КПЧ VII съезду партии говорится, что 10 февраля и в последующую неделю произошло выступление 400 тыс. безработных и занятых рабочих²⁰¹.

12 февраля 1932 г. Политбюро ЦК КПЧ дало предварительную оценку кампании 10 февраля. Политбюро отметило, что в большинстве областей 10 февраля подготовлялось и проводилось не как изолированная кампания, — она вытекала органически из повседневной борьбы. В ходе подготовки удалось развернуть широкое движение трудового народа на основе тактики единого фронта снизу, а в результате этого и само выступление 10 февраля во многих областях опиралось на широкую основу единого фронта. С другой стороны, можно видеть, что участие масс в выступлении 10 февраля не было достаточным и не отвечало тому влиянию, которое партия приобрела в последних акциях. Причину этого Политбюро усматривало

¹⁹⁵ «Rudé právo», 26.I 1932.

¹⁹⁶ «International Press Correspondence», 28.I 1932, p. 70.

¹⁹⁷ «Правда», 18.III 1932.

¹⁹⁸ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 247, л. 61.

¹⁹⁹ «Правда», 18.II 1932 г.; «Красный интернационал профсоюзов», 1932, № 5, стр. 33; «Интернациональный маяк», 1932, № 9, стр. 9.

²⁰⁰ «Mezinárodní tisková korespondence», 19.II 1932, str. 145; «Rudý dělník», 23.V 1932, str. 171; «Красный интернационал профсоюзов», 1932, № 5, стр. 35; «Rudá zřít», 12.II 1932.

²⁰¹ Protokol VII sjezdu Komunistické strany Československa. Praha, 1936, str. 309. В связи с этим следует указать, что в некоторых работах советских историков данные о 400 тыс. демонстрантов связываются только с выступлениями в день 10 февраля. См., например, С. И. П р а с о л о в. Революционное движение трудящихся Чехословакии в годы мирового экономического кризиса (1929—1933). «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 52; е г о ж е. Чехословакия в годы экономического кризиса (1930—1933). «Ученые записки Института славяноведения», т. XII, М., 1956, стр. 57; Ю. Ю. С л и н-в к а. Піднесення революційної боротьби на Закарпатті в кінці 1931 і на початку 1932 р. «З історії Західноукраїнських земель». Вип. 2. Київ, 1957, стр. 241. Однако это не подтверждается источниками.

прежде всего в том, что партия слишком надеялась на стихийное выступление масс и в результате этого недостаточно энергично подготовляла и организовывала само выступление 10 февраля. Вторая причина заключается в слабости единого фронта. Часть трудящихся масс, которая шла вместе с партией в частичных боях накануне 10 февраля, не была привлечена партией к выступлению в этот день.

Политбюро подчеркивало, что важнейшая задача партии после 10 февраля состояла в том, чтобы не дать ослабнуть массовому движению, наоборот, надо было его усилить путем применения форм и методов, выработанных III пленумом ЦК.

Особенно активный характер в конце 1931 — начале 1932 г. носили выступления безработных Закарпатья, где положение трудящихся было поистине невыносимым. Еще 26 октября 1931 г. Областной комитет КПЧ призвал вновь развернуть массовую кампанию за хлеб, пособие безработным и прекращение реквизиций имущества крестьян за долги и налоговые недоимки²⁰².

С этой целью снова составлялись списки необходимого количества продовольствия для голодающих крестьян и рабочих (перепись проводилась повсеместно из дома в дом), составлялись списки безработных и создавались комитеты действия для руководства движением. Собирались также подписи под петициями с требованием немедленно прекратить всяческие реквизиции имущества у населения²⁰³. Под такого рода петициями было собрано свыше 100 тыс. подписей²⁰⁴. Выступления безработных были более массовыми и организованными по сравнению с 1930—1931 гг. Движение быстрее переросло этап подачи петиций, собраний и отдельных демонстраций и в гораздо большем размере приняло характер голодных походов.

4 января 1932 г. голодные походы состоялись в Воловом, Баркасове и Велькем Бочкове²⁰⁵. 11 января в Хуст пришло свыше 2 тыс. безработных со всей округи. Несмотря на то, что жандармы не пропускали их в город, они прорвались через жандармские кордоны. В знак солидарности с безработными ремесленники закрыли лавки. В районную управу явилась делегация комитетов действия безработных и крестьян и предъявила свои требования. Перед зданием финансовой управы на демонстрантов напали полиция и жандармы, которые стреляли в толпу, но никого не ранили²⁰⁶. Лавина демонстраций и голодных походов по всему Закарпатыю росла с каждым днем.

Важнейшей чертой движения на Закарпатской Украине было то, что в нем неразрывно соединялась борьба крестьян против налогового гнета, взимания реквизиций и борьба безработных за хлеб, пособия и работу. Крестьяне и безработные вооружались дубинами и топорами и выгоняли из сел экзекуторов (чиповников, проводивших реквизиции) вместе с охранявшими их жандармами. Нередко перед входом в село вывешивалась табличка, на которой было написано: «Здесь запрещается реквизиция под угрозой смерти»²⁰⁷.

Крестьяне активно участвовали в походах безработных, и властям предъявляли их объединенные требования. Так, 22 января свыше тысячи человек из Турянской Верховины совершили голодный поход к кон-

²⁰² ЗОГА, ф. 9, оп. 1, д. 124, л. 16.

²⁰³ Там же, оп. 2, д. 255, л. 20.

²⁰⁴ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. IV, str. 78.

²⁰⁵ «Rudé právo», 12.I 1932.

²⁰⁶ «Rudá zř», 13.I 1932; «Rudé právo», 13. I 1932.

²⁰⁷ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 249, л. 108, 139; д. 247, л. 213.

торе нотари в Порошково. Представители комитета действия вошли в контору. Нотарь пытался угрожать им, но заслышав возмущенные крики собравшихся демонстрантов, вынужден был принять списки с требованиями. Требования были следующие: 1) государственное пособие безработным; 2) бесшотлинный ввоз зерна из-за границы; 3) немедленное прекращение реквизиций у трудящихся крестьян; 4) списание долгов трудящихся крестьян; 5) предоставление детям одежды и школьных принадлежностей; 6) бесплатная выдача дров для отопления; 7) снижение стоимости земельной аренды; 8) предоставление за низкую цену в аренду крестьянам земель, арендуемых фирмой Бантлин; 9) распределение зерна среди населения только комитетами действия. Нотарь запротоколировал требования и обещал переслать их в районную управу²⁰⁸. Подобные совместные требования вручались и во многих местах Закарпатья²⁰⁹.

Стремясь подавить растущее движение трудящихся, власти проводили аресты активных участников движения и прежде всего, конечно, коммунистов²¹⁰. На территории Закарпатской Украины в феврале 1932 г. были запрещены собрания, митинги и демонстрации²¹¹. Власти распустили руководимый коммунистами Союз трудового крестьянства, насчитывавший 10 тыс. членов²¹². Однако несмотря на все принятые меры, 10 февраля в 15 местах Закарпатья на демонстрацию вышло свыше 15 тыс. человек. Во время столкновения с жандармами и полицией было ранено 98 демонстрантов и 20 полицейских. Только в Перечине за участие в походе 10 февраля 125 человек были приговорены в общей сложности к 122,5 месяцам тюремного заключения и 10 940 кронам штрафа²¹³. 18 февраля жандармы расстреляли демонстрацию рабочих и крестьян села Турия Пасика, протестовавших против арестов за участие в демонстрации 10 февраля²¹⁴.

Компартия организовала мощное движение солидарности с угнетенным населением Закарпатья. 17 января было опубликовано обращение ЦК КПЧ к трудящимся страны с призывом помочь голодающим Закарпатской Украины. В обращении выдвигалось требование немедленной выплаты всем безработным пособий, прекращения реквизиций у мелких крестьян и ремесленников и ассигнования 20 млн. крон для покупки и распределения среди голодающих хлеба и кукурузы. Партия призывала выступить на защиту политических прав закарпатских трудящихся²¹⁵. В Праге, Брно, Богумше, Моравской Остраве, Теплицах, Градце Кралове, Карвине и других городах рабочие на митингах и собраниях заявляли о своей солидарности с украинскими трудящимися; на некоторых предприятиях и стройках Брно, Товачева, Босковиц прошли демонстративные стачки²¹⁶.

Комитет Международной рабочей помощи призвал помочь умирающему от голода украинскому народу и провел сбор средств для закупки продовольствия²¹⁷. Правительство запретило деятельность Межрабпома и Красной помощи на территории Чехословакии и конфисковало собранные

²⁰⁸ «Карпатська правда», 31.I 1932.

²⁰⁹ ЗОГА, ф. 9, оп. 1, д. 124, лл. 74, 75.

²¹⁰ Там же, оп. 2, д. 247, л. 47; д. 255, л. 91.

²¹¹ Там же, д. 495, л. 21.

²¹² «Rudé právo», 4.III 1931.

²¹³ «Rudé právo», 17.VI 1934.

²¹⁴ «Rudé právo», 21.II 1932.

²¹⁵ «Rudé právo», 17.I 1932.

²¹⁶ «Rudé právo», 21.II — 2.III 1932.

²¹⁷ «Rudý delník», 29. II 1932, str. 79.

в помощь трудящимся средства, которые составляли 36 тыс. крон²¹⁸. Вместе с тем под давлением революционного движения трудящихся Чехословакии и выступлений солидарности по всей стране правительство было вынуждено на время прекратить проведение в отдельных районах реквизиций; было признано право крестьян использовать лес и на время приостановлена уплата процентов за аренду земли и долги²¹⁹. В область было ввезено 848 вагонов кукурузы и 192 вагона пшеницы для посева. На организацию общественных работ выделили 1121 тыс. крон, 1120 тыс. крон на пособия безработным в виде продовольственных карточек, 180 тыс. крон на кухни для безработных²²⁰. Этого удалось добиться лишь потому, что рабочие, трудящиеся крестьяне, мелкие ремесленники и торговцы Закарпатья под руководством компартии сплотились в могучий единый революционный фронт и сообща боролись за свои требования.

Борьба масс Закарпатской Украины приобретала характер народного революционного движения. Оно развернулось на основе борьбы за непосредственные насущные требования трудового крестьянства и безработных. «В ходе движения, — отмечал IV пленум ЦК КПЧ в марте 1932 г., — был создан широкий единый фронт крестьян и их тесное содружество с безработными, единый фронт, опирающийся на комитеты действия крестьян и безработных... Движение в целом, отмеченное рядом серьезных реальных успехов, имеет остро политический характер и вполне сознательно направлено против империалистической оккупации Закарпатья и против оккупантов»²²¹.

Руководящую роль коммунистической партии в движении вынуждены были с тревогой признать даже представители властей, которые доносили, что компартия приобрела большое влияние не только среди рабочих, но и мелких крестьян, ремесленников и торговцев, а влияние социал-демократической партии ослабло. Приведем выдержки из некоторых документов.

В отчете управления полиции Ужгорода за первый квартал 1932 г. говорилось: «Безработица и нищета ложится на население средних слоев, помогая усилению и росту коммунизма. Руководители партии активно старались использовать это обстоятельство, часто организовывали демонстрации безработных перед городской нотариальной управой и городским домом... При проведении акций безработных большое внимание уделяется организации мелких ремесленников, что коммунистам в здешнем районе по большей части удавалось»²²².

В отчете районного начальника Волового читаем: «В этом квартале коммунистическая партия, извлекая пользу из экономического кризиса здешнего населения, в большинстве своем домкаржей и мелких земледельцев, добилась большого влияния. Напротив, социал-демократическая партия не попыталась действовать здесь, хотя бы даже из партийных оснований»²²³.

В этих отчетах мы встречаем некоторые признания, показывающие, как хорошо буржуазия понимала подлинную роль своей реформистской агенты, как заботливо помогала реформистам осуществлять их гнусное дело

²¹⁸ «Rudé právo», 24.III, 10.VIII 1932.

²¹⁹ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. IV, str. 79.

²²⁰ «Хто ми такі і куди належимо?» Прилога до «Карпатської правди», № 50. Ужгород, 1932, стр. 4; «Полум'яне слово. Статті та промови комуністичних діячів Закарпаття». Ужгород, 1957, стр. 16.

²²¹ К. Г о т т в а л ь д. Избранные произведения, т. I, стр. 280.

²²² ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 192, л. 34.

²²³ Там же. л. 52.

по расколу рабочего движения и использовала их против революционного движения.

В отчете мукачевского районного начальника за первый квартал 1932 г. говорится: «Было бы очень желательно, чтобы социал-демократическая партия из государственных целей основала здесь организацию строительных рабочих, так как привлекла бы много членов и ослабила влияние коммунистической партии»²²⁴. В другом донесении он писал: «Теперь все зависит от того, чтобы у социал-демократической партии в Мукачево был способный секретарь, а также помещение, где ее члены могли бы собираться, греться в зимние месяцы и развлекаться чтением журналов и играми. Тогда можно было бы говорить о массовом переходе коммунистов в социал-демократическую партию»²²⁵.

Однако ни поддержка буржуазией и ее государственным аппаратом реформистов, ни террор и преследования не могли оторвать закарпатских трудящихся от компартии, в которой они увидели своего настоящего друга и вождя.

Борьба коммунистической партии против национального и социального порабощения трудящихся Закарпатской Украины содействовала превращению крестьянства Закарпатья в союзника рабочего класса. Партия на территории Закарпатья опиралась уже не только на рабочих, но и на значительные массы крестьянства. В ходе движения был создан широкий единый фронт рабочих, крестьян и безработных Закарпатья. Борьба трудящихся Закарпатской Украины приобрела характер политического движения, направленного против империалистического угнетения Закарпатья.

Поддержка безработными борьбы занятых рабочих сыграла особенно большую роль во время знаменитой Мостецкой стачки горняков весной 1932 г. Безработные активно участвовали в конференциях забастовщиков, помогали пикетам охранять шахты от штрейкбрехеров, выходили на демонстрации по призыву центрального стачечного комитета. Ни один безработный не стал штрейкбрехером. В связи с попыткой властей заставить безработных стать штрейкбрехерами, 8 апреля в Горни Литвинове состоялась конференция, в которой участвовали 162 делегата от безработных всего северочешского бассейна. Несмотря на угрозы властей лишить безработных пособия, конференция постановила поддерживать борьбу горняков всеми способами²²⁶.

«В чем заключается тайна успехов северочешских горняков? — говорил К. Готвальд. — Она заключается главным образом и прежде всего в их единстве... Объединялись все без различия, коммунист и неорганизованный, социал-демократ, чешский социалист и другие. Все они находятся в едином фронте... На севере оказалось, что безработный горняк так же, как и его занятые братья, стоит в едином фронте... И в этом единстве всех горняков, в этом единстве занятых и безработных, в этом единстве, в котором стоят женщины и дети, заключается тайна успехов северочешских горняков»²²⁷.

Активно помогали безработные строителям во время многочисленных стачек весной и летом 1932 г. В Словакии в июне безработные поддерживали стачку строителей железной дороги Червена Скала — Маргепцаны. Здесь произошло несколько столкновений с жандармами. 8 июня безработные строители направлялись в районный центр Голич, где они

²²⁴ Там же, л. 18.

²²⁵ Там же, ф. 9, оп. 2, д. 192, оп. 1, д. 128, л. 153; см. также д. 166, л. 119.

²²⁶ L. V e b r. M o s t e c k á s t á v k a 1932. Praha, 1955, str. 233.

²²⁷ K. G o t t w a l d. Spisy, sv. III, str. 221—222.

собирались потребовать предоставления работы. По дороге они были обстреляны жандармами, причем один безработный был тяжело ранен ²²⁸. В тот же день в Тельгарте, где бастовали строители, жандармы арестовали двух рабочих. 2 тысячи демонстрантов преградили дорогу жандармам. Последние начали избивать рабочих, затем стреляли в них. Один рабочий был убит и четверо ранено. В свою очередь рабочие ранили 18 жандармов. Арестованных забастовщиков повезли в поезде, и когда на станции Погорелое рабочие потребовали освободить их, жандармы снова стреляли в собравшихся ²²⁹. В связи с этим тройным кровопролитием Братиславский обком КПЧ призвал организовать стачки протеста и демонстрации безработных ²³⁰.

Многочисленные собрания и митинги протеста прошли в Праге, Брно, Братиславе, Хомутове и других городах. Демонстративными стачками в Рапотине, Пардубицах, Жилине, Баньской Быстрице, Зволене, Дносе-ге, Трнавце, Шале, Прешове рабочие проявили свою солидарность с безработными и рабочими Голича и Тельгарта, забастовка которых окончилась победой ²³¹.

Так в совместной борьбе крепло боевое единство рабочих и безработных Чехословакии, обеспечившее им серьезные экономические и политические победы в отражении натиска буржуазии.

В целом период с осени 1931 по лето 1932 г. представляет собой новый важный этап в движении безработных. Партия сумела в основных классовых боях слить в единое русло безработных и рабочих, что было важнейшим ее достижением в период экономического кризиса. В свою очередь само движение безработных достигло в это время своей вершины как по массовости, так и по своим результатам. Безработные, как отмечал IV пленум ЦК КПЧ, «своей борьбой под руководством Коммунистической партии и Красных профсоюзов в ряде случаев на практике сломили принцип гентской системы и добились для себя определенных пособий» ²³².

Движение приобретало все более острый политический характер, безработные боролись не только за хлеб и работу, но и за свои права. Движение сопровождалось демонстрациями с политическими лозунгами, лозунгами борьбы против всего буржуазного режима и многочисленными политическими стачками на заводах. На Закарпатской Украине борьба безработных слилась с борьбой крестьянства в народно-революционное движение против социального и национального порабощения трудящихся Закарпатской Украины.

* * *

Новый подъем движения безработных происходил в условиях, когда экономический кризис достиг наибольшей глубины и остроты. В марте 1933 г. промышленное производство в стране упало до 56,1% от уровня 1929 г. ²³³. По явно преуменьшенным данным официальной статистики, в феврале 1933 г. число безработных составляло 920 182 человека ²³⁴, в действительности их было гораздо больше. Буржуазия в этот период производит новый бешеный натиск на трудящихся. Сменившее в октябре 1932 г.

²²⁸ «Rudé právo», 10.VI 1932.

²²⁹ «Rudé právo», 11.VI 1932.

²³⁰ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 258, л. 1.

²³¹ «Rudé právo», 12—21.VI 1932.

²³² К. Г о т т а л ь д. Избранные произведения, т. I, стр. 266.

²³³ «Za chléb, práci, půdu a svobodu», стр. 411.

²³⁴ Ročenka sociálně-pojišťovních a zdravotních ústavů v Republice Československé. Praha, 1935, стр. 321.

правительство Удржала повое правительство, во главе с ярым реакционером Маллипетром, усилило курс на фашизацию страны, на ликвидацию и без того суженных и ограниченных демократических прав, на подготовку фашистской диктатуры. Это наступление сопровождалось сокращением расходов на пособия по безработице, снижением зарплаты рабочим и служащим, увеличением налогового гнета и т. п. Все это делало и без того отчаянное положение безработных масс совершенно невыносимым. Перед рабочим классом, коммунистической партией еще более остро вставала задача организовать отпор повому наступлению буржуазии, сочетая его с борьбой против растущей угрозы фашизации страны. Задача борьбы за единство рабочего класса в этих условиях становилась еще более важной и актуальной.

Стремясь сократить расходы на безработных и использовать их как орудие для нового натиска на заработную плату работающих, буржуазия с конца 1932 г. начинает вводить принудительный труд для безработных. Начало этому положил пражский муниципалитет, принявший 8 ноября 1932 г. предложение национального социалиста Зенкла об организации так называемых «трудовых колонн». Безработный получал пособия только при условии, если он отработывал три дня в неделю. Члены «трудовых колонн» не оплачивались по тарифной ставке, с ними не заключались коллективные договоры, они были лишены страхования по болезни и т. д.²³⁵ «Трудовые колонны» использовались на самых тяжелых работах, а те, кто состоял в них, получали за это лишь похлебку да немного хлеба и несколько крон. Это мероприятие начало проводиться и в других городах²³⁶.

Надо было мобилизовать массы против этой новой попытки еще более ухудшить положение безработных. Уже в середине октября 1932 г. VI пленум ЦК КПЧ подчеркнул, что «углубляющийся экономический кризис, новая волна голодного наступления буржуазии, катастрофа голода, перед которой стоят сегодня сотни тысяч пролетарских семей, опасность брюнинговщины и империалистической войны ставят Коммунистическую партию Чехословакии перед ответственной задачей всесторонней мобилизации трудящихся масс»²³⁷. Пленум в качестве одной из важнейших задач подчеркнул необходимость приступить к возрождению движения безработных во всех областях.

Выступая 4 ноября в парламенте, К. Готвальд разоблачил антинародные планы чешской буржуазии, программу голода и террора нового правительства, и обратился ко всем трудящимся с призывом объединиться для борьбы, «чтобы черные планы этой черной реакции не стали действительностью»²³⁸.

В тот же день ЦК КПЧ дал указание о проведении во всех важнейших центрах страны собраний на тему: «Новое правительство, грозящая катастрофа и боевое объединение трудового народа». ЦК предложил на этих собраниях обсуждать и принимать местную программу обеспечения хлебом и работой, содержащую конкретные требования безработных, рабочих, а также других слоев трудового народа (мелких ремесленников и крестьян). Такая программа должна создать основу для подъема борьбы в данном месте. Таким образом, опираясь на имевшийся к осени 1932 г. опыт и развивавшуюся борьбу масс, ЦК КПЧ осенью 1932 г. ставит уже

²³⁵ «*Za novou a lepší Prahu. Dokumenty o činnosti komunistického klubu na pražské radnici 1923—1938*». Zpracoval V. Hlavsa. Praha, 1957, str. 268.

²³⁶ «*Rudé právo*», 17.XII 1932; Těšnovické zprávy... VII zasedání, 224 schůze, 6.XII 1932, str. 16.

²³⁷ К. Г о т т в а л д. Spisy, sv. IV, str. 91.

²³⁸ Там же, стр. 113.

в качестве конкретной задачи соединение вместе не только борьбы безработных и рабочих за свои интересы, но и слияние этой борьбы с движением других слоев трудящегося населения.

ЦК дал указание к концу ноября воссоздать не менее тысячи активных комитетов действия безработных. В связи с введением принудительного труда для безработных ЦК поставил следующие лозунги борьбы: 1) безработные хотят работать за полную зарплату; 2) там, где нет такой работы, там требовать достаточного пособия, которое не должно основываться на принудительном труде; 3) зарплата занятых на общественных работах должна выплачиваться в деньгах, жебраченки же выдавать тем, кому нельзя предоставить работу. ЦК предложил на собраниях выдвигать лозунг конфискации запасов богатей в пользу бедных.

Партия учила коммунистов связывать общие лозунги движения с конкретными нуждами и требованиями на местах. В журнале «Volševik» (№ 12 за 1932 г.) были опубликованы «Практические указания для организаций и коммунальных фракций КПЧ по организации борьбы безработных». В них подчеркивалось, что «важнейшими лозунгами для всего государства в движении безработных остаются следующие: первое — сокращение рабочего времени при полном выравнивании зарплаты, и второе — регулярные пособия всем безработным за счет капиталистов и государства. За эти требования мы боремся всегда и везде. Кроме того, мы выставляем еще до осуществления этих главных требований ряд различных частичных требований, которые могли бы изменяться соответственно месту и времени, но которые, однако, в целом воплощают лозунг «Взять у богатых, дать бедным!» Нельзя выставлять всеохватывающую схему этих мелких и мельчайших требований. Искусство заключается в том, чтобы наши товарищи сумели в любой обстановке и в любом месте сформулировать такие требования, которые соответствуют интересам безработных, понятны каждому безработному, а потому их мобилизуют. В этом направлении наши организации имеют уже большой опыт и, можно сказать, что большая часть их сегодня уже более или менее умеет по-большевистски решать вопрос частичных требований»²³⁹.

Коммунисты и члены Красных профсоюзов провели большую агитацию среди безработных. Они обходили их жилища, выясняли нужды и потребности безработных. После этого составлялись требования, которые принимались на общих собраниях, и избирались комитеты действия. Через них партия, используя каждый пример жестокого обращения властей с безработными, мобилизовывала их на новые выступления. Так, в Крчи, близ Праги, когда семья безработного с двумя маленькими детьми была выселена из жилища, комитет действия выпустил листовку, в которой клеймил это преступление и призывал к демонстрации протеста.

Партия организовала новый массовый штурм муниципалитетов. 5 декабря 1932 г. в Либерце, Градке и Храстяве в демонстрации против голода, введения принудительных работ, за требования безработных участвовало свыше 9 тыс. человек. Вместе шли безработные, рабочие, мелкие ремесленники и крестьяне²⁴⁰. 6 декабря в Теплицах на такую же демонстрацию вышло 3 тыс. человек²⁴¹. Многочисленные выступления проходили по всей стране. С 1 ноября по 15 декабря выступления состоялись в 110 городах и селах, в том числе 40 в северо-западной Чехии и

²³⁹ См. «Wie organisieren wir den Kampf der Arbeitslosen für Brot und Arbeit?». Prag, 1932, S. 4.

²⁴⁰ «Rudé právo», 7.XII 1932.

²⁴¹ «Rudé právo», 10.XII 1932.

30 — в Оставской области. В 40 местах требования безработных были частично или полностью удовлетворены. Под давлением безработных в северо-западной Чехии правительство было вынуждено выделить этим общинам ассигнования на безработных в размере 6 млн. крон в декабре 1932 г. и 5 млн. крон в январе 1933 г. В 160 общинах северной Чехии муниципалитеты ассигновали на пособия 1100 тыс. крон.²⁴²

Успех, достигнутый безработными в каком-либо городе, тотчас становился известным повсюду и служил стимулом для новых выступлений. Так, когда стало известно о выдаче 6 млн. на пособия в северо-западной Чехии, 12 декабря секретариат Мукачевского обкома КПЧ призвал усилить натиск на управы и добиться ассигнований и для закарпатских безработных²⁴³. В Закарпатье прокатилась новая волна выступлений. Из Тячево в начале 1933 г. районный начальник сообщал: «В селе Дубовое в последнее время очень усилилось коммунистическое движение. Сторонники коммунистов развернули рьяную деятельность среди жителей, находящихся в очень тяжелом положении, без работы и без хлеба. Они составляют списки и требуют, чтобы 415 безработным была предоставлена работа, а до этого — пособие по безработице. Они требуют 26 вагонов кукурузы и 23 вагона картофеля, для детей — обувь, одежду и питание. Требуют списать ростовщические долги банкам, которые в селе составляют 729 тыс. крон. Пособия же распределять через комитеты действия. Коммунисты призывают население к демонстрации. Свои требования они передали в нотариальную управу и староста подписал их»²⁴⁴.

Быстро росло число комитетов действия. Правительство прибегло к их роспуску. 9 декабря полиция распустила все комитеты действия в Оставе. 6 января они были запрещены в Мостецком районе, Усти на Лабее, Духцове, Ческе Липе и в других местах²⁴⁵. Несмотря на это, помешать их возникновению буржуазия была не в силах. Вместо запрещенных комитетов немедленно создавались новые, к концу декабря их насчитывалось 1400, а к концу февраля 1933 г. их число возросло до 2 тыс.²⁴⁶ Проходили районные конференции безработных (в ноябре-декабре 1932 г. состоялось девять таких конференций).

Нарастание борьбы безработных вынуждено было отметить министерство внутренних дел, в циркуляре которого от 28 декабря 1932 г. говорилось следующее: «В последнее время коммунистической партии удалось овладеть движением безработных и привлечь безработных к участию в акциях, планомерно организованных коммунистической партией. Коммунисты организуют демонстрации перед зданиями районных управ, проводят депутации с требованиями безработных»²⁴⁷.

В парламенте коммунисты выдвинули проект о единовременной выдаче пособия безработным в размере 100 крон для одиноких и 200 крон для семейных и постоянном пособии по 30 крон в неделю²⁴⁸. В январе-феврале 1933 г. движение безработных перерастает местные рамки. Начинаясь выступления, охватывающие одновременно целые районы.

14 января 1933 г. В Пршисечнице состоялся голодный поход безработных всего района, а также вейпртского и шмидеберкского районов. Из 35 тыс. жителей в голодном походе приняло участие 7 тыс. чел., в том

²⁴² «Rudé právo», 18.I 1933.

²⁴³ ЗОГА, ф. 9, оп. 1, д. 166, л. 92.

²⁴⁴ Там же, оп. 2, д. 308, л. 4.

²⁴⁵ «Rudé právo», 10.XII 1932; 20, 28.I 1933.

²⁴⁶ «Красный интернационал профсоюзов», 1933, № 9, стр. 20.

²⁴⁷ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 298, л. 24.

²⁴⁸ «Rudé právo», 25.XII 1932.

числе рабочие, крестьяне и ремесленники. На всех предприятиях района в этот день была проведена стачка солидарности, а также были закрыты все лавки. Демонстранты требовали продовольствия, топлива и одежды для безработных, организации общественных работ и прекращения палоговых реквизиций. Безработные призвали провести 24 февраля в Нидке массовый конгресс безработных Рудогорья одновременно с демонстрациями и стачками по всей области²⁴⁹. 200 общинных старост ультимативно заявили, что если власти не помогут против нужды и голода, то они откажутся от своих должностей. Управы вынуждены были выделить 500 вагонов ржи на три голодающих района²⁵⁰. В Либерецком районе безработные принудили сельских старост и членов сельских представительств протестовать против принудительного труда. Старосты явились в районную управу и районный начальник был вынужден подписать протокол, в котором старосты требовали проведения общественных работ за полную зарплату, и одновременно, что эти работы не будут оплачиваться жebraченками. Все старосты, принадлежавшие к различным политическим партиям, подписали этот протокол²⁵¹.

В Яблонце на Нисе Красный профсоюз стекольных рабочих призвал провести 30 января единое выступление. Под давлением масс к этому присоединились даже реформистские профсоюзы. Несмотря на запрещение властей были организованы походы в Яблонец из окружающих сел. Так, из Локте явилось 2 тыс. человек. В Грюнвальде две женщины были тяжело ранены жандармами. В Яблонец в этот день пришло 8 тыс. демонстрантов. В Ческе Теплице одновременно в демонстрации участвовало 4 тыс., в Яблункове — 3 тыс. человек²⁵².

29 января 1933 г. в «*Rudé právo*» был напечатан проект КПЧ, как обеспечить народу хлеб и работу, под заголовком: «Взять у богатых, дать бедным!» В проекте говорилось: «В Чехословакии, особенно в землях угнетенных национальностей, в Закарпатье, Словакии, немецком пограничье, имеются целые районы и области, где большинство населения голодает в подлинном смысле слова, их можно назвать голодными краями».

Проект выдвигал требование предоставления работы или пособия всем безработным и полубезработным. Каждому безработному предоставлять за счет капиталистов и государства пособие в размере больничного страхования. Право на пособие имеют также домкаржи, мелкие крестьяне и ремесленники, которые также фактически являются безработными. Проект выступал против ухудшения гентской системы, т. е. против исключения из нее сезонных рабочих, и планов правительства о снижении государственных субсидий на одну треть.

Неорганизованным безработным надо предоставлять минимальные еженедельные пособия по 30 крон и по 10 крон на каждого ребенка. В проекте выражался протест против введения принудительных работ для безработных и требование выплаты лицам, занятым на общественных работах, полной зарплаты и заключение с ними коллективного договора. Временно увольняемым предоставлять пособие за счет предпринимателя в размере больничного пособия. Проект предлагал расширить общественные работы, запретить сверхурочные работы и ввести 40-часовую рабочую неделю с выравниванием зарплаты. Особо важным было предложение о принудительном выкупе общинами у капиталистов запасов продовольствия

²⁴⁹ «*Rudé právo*», 17.I 1933.

²⁵⁰ «*Карпатська правда*», 5.II 1933.

²⁵¹ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 310, л. 146.

²⁵² «*Rudé právo*», 1.II 1933.

и продаже его населению по сниженным ценам. Проект содержал также протест против реквизиций²⁵³.

Лозунг «взять у богатых и дать бедным» был понятен безработным. Он конкретизировался в самых различных формах. В Хабаржовицах, откуда вышла инициатива «самообложения капиталистов», было выдвинуто требование ассигнования на пособия 160 тыс. крон. Общинное самоуправление не имело таких денег, тогда коммунисты предложили взыскать эти деньги с десяти капиталистов. Во время обсуждения в муниципалитете этого предложения безработные вышли на демонстрацию. Под ее давлением предложение было принято. После этого они направились к капиталистам и добились выплаты этих денег²⁵⁴. Примеру хабаржовицких безработных последовали безработные Мафферсдорфа, где они получили от предпринимателей 50 тыс. крон²⁵⁵, и Варнсдорфа; в Мукачево они разгромили хлебную лавку и разделили между собой хлеб²⁵⁶.

Движение приняло такие размеры, что пришлось вмешаться и Союзу промышленников. Союз предложил своим членам отказываться от подобных взносов, так как они означают посягательство на частную собственность. Вместе с тем Союз советовал фабрикантам добровольно выделять на безработных столько, сколько им позволяют средства. Под нажимом безработных ряд фабрикантов внес эти отчисления, что способствовало еще большей активизации безработных. Лозунг «взять у богатых и дать бедным» выражался также и в том, что безработные организовывали массовую заготовку дров в лесу, реквизировали уголь из скопившихся в шахтах запасов, реквизировали картофель на полях и т. д.²⁵⁷

Особенно большой отклик в стране получило выступление безработных в пригороде Праги — Кбелях. Там еще в октябре 1932 г. комитет действия представил муниципалитету и районному начальнику свои требования — выдавать каждому безработному ежедневно 10-круповые пособия, кормить обедом их детей и оплатить жилища безработных.

15 января 1933 г. в Чаковицах прошло районное совещание безработных, на котором были выработаны общие требования, представленные 18 января в районную управу и министерство социальной опеки. Но когда не удалось добиться от районной управы их выполнения, то 23 января безработные собрались у сельской управы и потребовали созвать сельское представительство. 25 января они ходили по домам богатей и собирали у них продовольствие. Вечером они разделили его между собой. 29 января они снова обошли богатей и собрали 280 кг белой муки, 70 кг ржаной, 16,5 ц картофеля и т. д. 30 января безработные района пошли в села Саталице и Виноржи; 31 января — в Летняны и Чаковицы. Число демонстраций возросло с 35 до 300, во главе их шли коммунисты, но в демонстрациях участвовали и беспартийные и члены реформистских организаций. В Кбели было стянуто 15 жандармов с соседних жандармских станций и 30 — из Праги²⁵⁸.

В первые дни февраля аналогичные голодные походы прошли и в других пражских селах — Дольни Почернице, Свеправице, Беховице,

²⁵³ «Rudé právo», 29.I 1933; «Den Reichen nehmen — den Armen geben. Anträge der Kommunistischen Partei der Tschechoslowakei, wie dem Volke Brot und Arbeit zu verschaffen». Reichenberg, 1933, S. 3—6.

²⁵⁴ «Красный интернационал профсоюзов», 1933, № 9, стр. 21—22.

²⁵⁵ «Rudé právo», 18.II 1933.

²⁵⁶ «Красный интернационал профсоюзов», 1933, № 8, стр. 42—43.

²⁵⁷ Там же, стр. 50.

²⁵⁸ V. Hlavsa. O hladových pochodech pražských nezaměstnaných. «Nová Praha», 25.II 1954, č. 4, str. 56.

Гоставице, Лисолайи, Горни Почернице, Дяблице, Винорже, Росток, Репоржийе, Збраславе.

Пражская полиция ожидала 9 февраля участников похода безработных на Прагу. 8 февраля Прага была окружена жандармскими постами, были проведены аресты и обыски. В Кбели стянули 200 жандармов, «вымогание продуктов у населения» было запрещено. 11 февраля жандармы напали на собрание безработных в Рабочем доме и избили собравшихся там рабочих. Было ранено более 40 человек. 17 безработных в наказание было исключено из продовольственной акции ²⁵⁹.

В циркуляре Секретариата ЦК КПЧ от 18 февраля 1933 г. об этом говорилось: «Кбельские безработные шли всей массой к местным богачам, капиталистам и спекулянтам и добивались у них довольно значительного денежного и материального пособия. Тот способ, каким на это реагировала буржуазия (немедленная мобилизация огромного аппарата государственной власти и попытка жестоко воспрепятствовать этому движению), показывает, что она хорошо почувствовала опасность, которая ей грозит от этого способа борьбы... Необходимо, чтобы по способу кбельских были организованы походы безработных и голодающих и во всех остальных городах к тамошним богачам. Необходимо очень внимательно следить за тем, чтобы это не коснулось мелких ремесленников и торговцев, которым и без того тяжело, чтобы не оттолкнуть их, вместо того, чтобы превратить в своих союзников».

В циркуляре ставилась задача организации походов в районных масштабах, борьбы в сельских представительствах за работу, за увеличение жебраченки, за выполнение требований, предъявляемых в районные управы, за связь движения безработных с рабочими на предприятиях и т. д. ²⁶⁰

Всего в течение января-февраля 1933 г. по стране прошло более 200 боевых демонстраций безработных; 80% этих выступлений закончилось успешно. Борьба безработных принимала все более ясно выраженный политический характер. Они выступали против роспуска комитетов действия, за свободу собраний, освобождение политических заключенных, против национального гнета и т. д. За это время было арестовано 300 рабочих, 160 демонстрантов были ранены или покалечены полицией и жандармами, один демонстрант убит. В общей сложности во всех этих кампаниях участвовало более 300 тыс. человек. В это же время прошло 27 конференций безработных с 6 тыс. делегатов, в которых активное участие принимали представители заводов ²⁶¹. Так, конференция Либерецкого, Храстявского и Градецкого районов была созвана завкомами предприятий Либиг, Нейман и Гинзкей. Из 419 делегатов конференции 67 были членами КПЧ, 84 — Красных профсоюзов, остальные — беспартийные и члены реформистских и других организаций ²⁶².

Все более тесной становилась связь безработных с рабочими на предприятиях. Безработные активно поддерживали стачку горняков Росицкого бассейна в ноябре 1932 — феврале 1933 г. Они входили в стачечные пикеты и помогали охранять шахты от штрейкбрехеров. Безработные активно помогали и забастовке на бумажной фабрике в Крумлове. В свою очередь и рабочие все чаще выступали в поддержку безработных. Особенно тесное сотрудничество между ними было создано в Либерецкой и Остравской областях. Когда в январе 1933 г. полиция запретила поход

²⁵⁹ V. Hlavská. Указ. соч., стр. 57.

²⁶⁰ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 308, л. 96.

²⁶¹ «Красный интернационал профсоюзов», 1933, № 9, стр. 22.

²⁶² «Rudé právo», 26.I 1933.

безработных Либерца, рабочие фабрики Гинзкей в Мафферсдорфе немедленно объявили стачку протеста. Создавались совместные органы борьбы. В Немецкой Либени, например, на общем собрании рабочих текстильной фабрики и безработных был избран единый комитет действия ²⁶³.

Важным достижением компартии в этот период было то, что во многих местах страны удалось привлечь в поддержку борьбы безработных не только рабочих с предприятий, но и ремесленников и крестьян. Голодные походы безработных превращались в выступления самых широких масс трудящихся.

В Кадани комитет безработных 31 января созвал массовый митинг. Районный крестьянский комитет действия призвал крестьян к участию в этом митинге. На городскую площадь явилось свыше 2 тыс. человек; в этот день все лавки и магазины были закрыты. В резолюцию митинга были включены требования крестьян и ремесленников. Демонстранты направились к районной управе, где депутация предъявила властям принятые на митинге требования ²⁶⁴. 7 февраля во всей Остравской области состоялись многотысячные демонстрации, митинги и конференции безработных, мелких крестьян и ремесленников ²⁶⁵.

11 февраля 1933 г. в Гемерске Горке у Плепивца (Словакия) произошло кровавое столкновение с жандармами. Там на 30 января и 2 февраля были назначены реквизиции у 120 мелких крестьян. Одновременно дирекция целлюлозного завода объявила о закрытии 13 февраля завода, на котором работало 250 человек. Безработным были уменьшены жебраченки. Трудящиеся избрали депутацию, которая предъявила требования в районную управу. Одновременно происходила демонстрация против реквизиций и в защиту безработных. Удалось добиться 300 жебраченок. 11 февраля перед заводом собралось около тысячи человек — рабочих, безработных и мелких крестьян. Ворота охраняли 60 жандармов. В столкновении с демонстрантами жандармским штыком был смертельно ранен Ян Русо-Варга, 8 человек были арестованы ²⁶⁶. В районе было объявлено чрезвычайное положение и произведены аресты участников демонстрации. В ответ на это в Словакии, в Силице и других местах прошли демонстрации протеста безработных ²⁶⁷. В похоронах участвовало более двух тысяч человек ²⁶⁸.

В партийных документах большое внимание уделялось вовлечению в борьбу против голода, нищеты и бесправия самых широких слоев трудящихся. В циркуляре Брненского обкома КПЧ от 16 февраля 1933 г. сообщалось о проведении 2 февраля в ряде мест выступлений и демонстраций со следующими требованиями: 1) до конца года не увольнять ни одного рабочего, не снижать зарплаты; 2) систематически распределять жебраченки среди всех безработных; 3) распределение продовольственных карточек среди домкаржей, мелких крестьян и мелких ремесленников; 4) выплата зимнего пособия безработным; 5) отмена всех реквизиций и списание налоговой задолженности; 6) отмена увольнений и снижения зарплаты в Росницко-Ославанском бассейне.

Обком подчеркивал, что задача коммунистов состоит в том, чтобы помочь трудящимся понять, «как надо выйти из сегодняшних условий, встать во главе этих обеспокоенных эксплуатируемых домкаржей, рабочих, мелких крестьян. Необходимо руководить рабочими, домкаржами, мелкими

²⁶³ «Красный интернационал профсоюзов», 1933, № 9, стр. 22.

²⁶⁴ «Rudé právo», 3.II 1933.

²⁶⁵ «Rudé právo», 8.II 1933.

²⁶⁶ «Rudé právo», 14.II 1933; «Правда», 15.II 1933.

²⁶⁷ «Rudé právo», 15.II 1933.

²⁶⁸ «Rudé právo», 18.II 1933.

крестьянами и вместе с ними добиваться выполнения их требований... Наша задача заключается в том, чтобы эти отдельные акции, выступления, демонстрации, депутации сконцентрировать в одну неделю, чтобы продемонстрировать силу и решимость бороться за выполнение требований рабочих, домкарей и мелких крестьян»²⁶⁹. Циркуляр предписывал созывать собрания, проводить демонстрации и депутации в городах, 2 марта организовать походы из сел в районные города, массовые депутации в районные управы с участием представителей всех слоев трудящихся.

Также и Братиславский обком КПЧ разослал в феврале 1933 г. по организациям циркуляр. В нем говорилось, что в Словакии выделяется 500 тыс. крон на продовольствие и соль для голодающих семей. Обком призвал составить списки безработных, проводить совещания с безработными и голодающими крестьянами. В списках указывать, сколько необходимо продовольствия, сколько человек требует прекращения реквизиций и т. д. После этого организовать массовые депутации в нотариальные управы и добиваться, чтобы все шли демонстрировать за свои требования. От местных выступлений затем переходить к районным, созывать районные конференции делегатов безработных и мелких крестьян и устраивать депутации в районные управы, сопровождая их одновременными походами из всех сел района²⁷⁰.

Крупным событием в эти дни было проведение компартией 19 февраля 1933 г. в Либерце голодного конгресса северной Чехии. Состав конгресса показывал, что он являлся подлинным конгрессом трудящихся без различия политической или профсоюзной принадлежности. Из 1788 зарегистрированных делегатов 546 — рабочие с заводов, 956 — безработные, 38 — мелкие крестьяне, 79 — мелкие ремесленники, 7 — представители интеллигенции, 162 — служащие и домашние хозяйки.

Социал-демократическая партия объявила конгресс «коммунистической махинацией» и запретила своим членам участвовать в нем под угрозой исключения. Однако воспрепятствовать прибытию на конгресс членов реформистских организаций не удалось. Об этом свидетельствуют данные о профсоюзной принадлежности делегатов конгресса: 479 человек являлись членами Красных профсоюзов, 245 — реформистских организаций, 7 — профсоюзов немецких служащих, 8 — христианских союзов, 12 — немецко-социальных профсоюзов, 532 делегата не входили в профсоюзы²⁷¹. Всего на конгресс прибыло 2300 делегатов и 200 гостей. Ввиду того, что все не уместилось в одном зале, параллельно шло два заседания.

От коммунистической партии конгресс приветствовал К. Готвальд. Полиция распустила конгресс, однако он успел принять обращение «К трудовому народу северной Чехии». В нем говорилось: «Вы переносите ужасные страдания. Ваши бедствия растут день ото дня. В промышленных областях северной Чехии сегодня не менее 200 тыс. безработных. Нельзя ожидать, что станет лучше. Завтра — послезавтра новые рабочие будут выброшены с завода на мостовую. У вас, крестьяне, с помощью налогов отнимают последние остатки того, что вы имеете. Вы мелкие ремесленники, разоряетесь, так как некому у вас покупать. Угрожает еще большая нужда, еще большая нищета. Трудовому народу не помогут никакие просьбы, никакие депутации и обращения в районные управы и министерства. Правительственные деятели в ответ на ваши страдания пожимают плечами. Богачи из своих огромных капиталов, которые они скопили за счет

²⁶⁹ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 307, л. 154.

²⁷⁰ Там же, д. 308, л. 47.

²⁷¹ «Rudé právo», 22.II 1933.

вашего труда, не дают даже геллера в вашу пользу. Единственным выходом является совместная борьба. Голодный конгресс северной Чехии призывает всех вас, страдающих от голода и нищеты, к могучему походу голода всей северной Чехии 2 марта!»²⁷²

«Голодный конгресс в северной Чехии,— писала газета «Rudé právo»,— был не только демонстрацией боевой воли и боевой готовности северочешских рабочих, он был, кроме того, большим политическим событием для всего рабочего движения Чехословакии, действительной боевой демонстрацией пролетарского единого фронта, которая должна стать примером рабочим во всех остальных областях того, каким способом следует вести борьбу против голода и нищеты»²⁷³.

Либерецкий конгресс напугал правящие слои Чехословакии. Все собрания в Либерецком районе были запрещены вплоть до 19 марта²⁷⁴. Власти запретили также проведение голодного конгресса западной Чехии в Нидке, назначенного на 24 февраля²⁷⁵. Особенно встревожены были они тем, что движение развивалось в ряде мест в подлинно общенародную борьбу против голода и нищеты, принимало характер политического движения против правящего режима и господствующих классов. Министерство внутренних дел с тревогой отмечало, что КПЧ снова готовит «Красный день против безработицы» в общегосударственном масштабе, причем ожидается, что в этом году под лозунгом единого фронта пролетариата, домаржей, мелких крестьян и мелких ремесленников Красный день будет иметь еще больший размах²⁷⁶. Все выступления 2 марта были запрещены. Правительство распорядилось усилить жандармские патрули и привести их в полную готовность. Предписывалось арестовывать всех, готовящих выступления; там, где необходимо, запрещать собираться в общественных местах, а также привести войска в казармах в боевую готовность²⁷⁷.

Несмотря на все эти меры, 2 марта состоялось 46 голодных походов, причем не только в северной Чехии, но и в других местах. В них приняло участие около ста тысяч демонстрантов. Выступления носили очень бурный характер. В Либерце были мобилизованы конная и пешая жандармерия и войска, над городом летали самолеты, следившие за шествием безработных. 12 тыс. демонстрантов все же прорвались в город и организовали там бурные митинги²⁷⁸. В Шемиле в демонстрации участвовало 3 тыс. безработных, в Млада Болеславе — 2 тыс., в Мукачеве — 800²⁷⁹, в Ржичанах у Праги — 2 тыс., Брандыс на Лабе — 1500, Пльзень — 1500, Ческе Будейовице — 2 тыс., Румбурке — 6 тыс., Братиславе — 1500, Пршерове 2 тыс. и т. д. На предприятиях Либерца, Всетина, Румбурка и в других местах рабочие оставили работу и примкнули к демонстрантам²⁸⁰.

Кровавые события разыгрались в этот день в закарпатском селе Воловец. 200 демонстрантов из четырех сел пришли туда к нотариальной управе с требованием освободить из тюрьмы сенатора-коммуниста И. Локоту, предоставления безработным работы, пособий, свободы собраний, против

²⁷² «Rudé právo», 21.II 1933.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ «Rudé právo», 28.II 1933.

²⁷⁵ «Rudé právo», 23.II 1933.

²⁷⁶ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 307, л. 138, Циркуляр МВД от 7.II 1933.

²⁷⁷ Там же, лл. 163—164.

²⁷⁸ «Красный интернационал профсоюзов», 1933, № 9, стр. 23.

²⁷⁹ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 321, л. 33. Прилога до «Працюючої молоді», 15.X 1933.

²⁸⁰ «Rudé právo», 4, 5.III 1933.

реквизиций и т. д. Демонстранты выражали протест против военных преступлений японского империализма и зверств фашизма в Германии. Жандармы схватили членов депутации во дворе управы, связали и избили их. Тогда на улице поднялось возмущение собравшихся. В ответ жандармы открыли стрельбу, был убит безработный Ф. Селехман и три человека ранено. После этого, разгоняя демонстрантов дубинками и прикладами, жандармы очистили площадь перед управой ²⁸¹.

В выступлении 2 марта партия, правильно применяя тактику единого фронта снизу, сумела тесно связать социальный вопрос с вопросом национальным, т. е. с борьбой против национального гнета в областях, населенных национальными меньшинствами. Благодаря этому кампания развилась в народное движение широкого масштаба. Вместе с тем недостатком проведения 2 марта было то, что не удалось преодолеть разрозненность движения, организовать выступления во всех важнейших центрах страны.

Всего в течение февраля-марта 1933 г. в 250 демонстрациях безработных участвовало около 180 тыс. человек. Выступления безработных происходили и в последующие месяцы. Так, с 15 апреля до 20 мая состоялось около 110 демонстраций с участием свыше 85 тыс. человек. В этих боях безработных наряду с экономическими требованиями все большее значение приобретали лозунги борьбы против всего господствующего капиталистического режима, против растущей фашизации страны. Приход к власти в Германии фашизма еще более обострил классовую борьбу в Чехословакии. В стране все шире начинает разворачиваться борьба за единство рабочего класса против опасности фашистской диктатуры. В этой борьбе активное участие принимали и безработные Чехословакии ²⁸².

Таким образом, в период наибольшего обострения экономического кризиса в Чехословакии движение безработных в стране достигло новой, еще более высокой ступени. Итоги борьбы подвел VII пленум ЦК КПЧ в марте 1933 г., отметивший, что временный застой движения, на который указывал VI пленум ЦК, преодолен. «С начала 1933 г. снова растет сопротивление трудового народа под руководством КПЧ. Снова развернулось широкое движение безработных, которому новый толчок дали план обеспечения хлеба и работы и новые методы проведения лозунга «взять у богатых, дать бедным»... В ряде областей разворачивается широкое движение против голода, руководимое пролетариатом и включающее в себя все слои трудового населения (Валашско, Либерецко, Рудогорье, в меньших размерах Росицко, Страконице, Крумлов) ²⁸³ ... Демонстрации в день 2 марта и в другие дни этой недели, проведенные вопреки запрещению и террору, не останавливавшимся перед провокациями а ла Гитлер, усилили и подвели итог этому движению, а соединение с борьбой против фашизма, у нас и против фашистской диктатуры в Германии придало ему общегосударственный характер и высший политический уровень» ²⁸⁴.

Важнейшей чертой движения в этот период являлось также и то, что оно приняло наиболее резкие и отчетливые формы. Именно в этот период голодные походы приобретают характер наиболее действенных и массовых форм

²⁸¹ ЗОГА, ф. 9, оп. 2, д. 357, лл. 1, 21, 47; «Карпатская правда», 12.III 1933.

²⁸² Вопросы антифашистской борьбы рабочего класса Чехословакии в период экономического кризиса в данной статье не разбираются, так как им будет посвящена специальная работа.

²⁸³ «Rozvíjíme veliký zápas za sjednocení dělnictva proti hladu, fašismu a válce». Resoluce VII pléna Ústředního výboru Komunistické strany Československa ze dne 11, 12 a 13 března roku 1933. Praha, 1933, str. 36.

²⁸⁴ Там же, стр. 38.

борьбы безработных. То, что в период наибольшего обострения кризиса, когда страдания и нищета народа приняли катастрофические размеры, коммунистическая партия смело мобилизовала на борьбу безработные массы, поддерживая их не только выступлениями заводских рабочих, но и присоединяя к движению пролетариата беднейшее и мелкое крестьянство, городскую мелкую буржуазию, явилось исторической заслугой коммунистической партии перед всем чехословацким народом. В суровой борьбе партия выковывала союз рабочего класса с крестьянством, поднимала трудящиеся массы на защиту их жизненных интересов, на практике доказывая необходимость свержения капиталистического строя.

* * *

В движении безработных в период экономического кризиса 1930—1933 гг. в Чехословакии таким образом можно явственно проследить несколько периодов. *Первый период* — конец 1929 — осень 1930 г. На этом этапе партия приступает к организации движения, вырабатывая его формы и методы борьбы, проводит целый ряд выступлений безработных, придавая им политический характер борьбы против натиска капитала. *Второй период* — осень 1930 — осень 1931 г. Руководя борьбой в защиту повседневных экономических и политических интересов безработных, партия сумела превратить ее в подлинно массовое движение, создала единый фронт среди безработных. *Третий период* — осень 1931 — лето 1932 г. На этом этапе движение безработных и заводских рабочих сливается в единую борьбу. Оно носит наиболее массовый характер, перерастая в политическую борьбу за права трудящихся, против буржуазного террора и насилия. На Закарпатской Украине оно выливается в общенародную борьбу против социального и национального угнетения трудящихся. *Четвертый период* — осень 1932 — весна 1933 г., когда кризис достигает наибольшей глубины. К выступлениям безработных примыкают новые массы трудящихся. Эти выступления носят острый характер, в ряде областей страны они перерастают в общенародное движение против голода, сливаясь с развивающейся борьбой рабочего класса против усиления реакции и фашистской опасности. Движение, таким образом, приобретает наиболее четкий политический характер.

В период кризиса движение безработных развивалось по восходящей линии. От первых одиночных выступлений в конце 1929 — начале 1930 г. оно в 1932—1933 гг. выросло в могучее массовое движение, которое активно поддерживали заводские рабочие. К нему примыкали все новые слои трудящегося населения. В то же время в отдельные месяцы, прежде всего летом, вследствие некоторого сезонного уменьшения безработицы и ухода безработных в деревни в поисках работы, наступал некоторый спад движения. В это время распадались многие комитеты действия безработных. Однако осенью каждого года в связи с новым ростом безработицы и резким ухудшением положения безработных, движение активизировалось, восстанавливались в еще большем количестве комитеты действия. Борьба безработных в зимние месяцы (январь — март) каждого года достигала новой, еще более высокой ступени.

Создание единого фронта в движении безработных было одним из наиболее важных достижений Коммунистической партии Чехословакии. В 1934 г. К. Готвальд указывал, что в Чехословакии был проведен ряд массовых акций пролетариата. «Так, например, в 1930—1932 гг. было единое движение безработных, в котором под руководством КПЧ участвовали сотни тысяч рабочих, сомкнувшихся вокруг 1500 комитетов действия.

Затем здесь был ряд крупных экономических и политических стачек, вершиной которых в 1932 г. явилась известная стачка северочешских горняков. Далее, здесь было широкое народное революционное движение крестьян и безработных, которое в 1931—1932 гг. потрясло Закарпатскую Украину. Можно сказать, что в период 1930—1932 гг. в Чехословакии было осуществлено единство действий пролетариата под руководством КПЧ, несмотря на бешеные атаки «социалистических» партий во все большем масштабе»²⁸⁵. Сплотив вокруг себя многотысячные массы пролетариата, партия сумела поднять их на борьбу против наступления буржуазии, сумела отразить многие ее удары и вырвать у правящих классов значительные уступки. Тем самым трудящимся массам была наглядно доказана необходимость революционной борьбы с буржуазией, правильность политики коммунистической партии.

Многочисленные уступки, которых добились безработные, лучше всего показывали массам, что в их единстве и руководящей роли компартии заключается залог успеха в борьбе с эксплуататорами. В этом отношении опыт движения безработных в период кризиса 1930—1933 гг. был особенно важным. Необходимость пролетарского единства, единства трудящихся масс, необходимость революционного союза рабочего класса и крестьянства и руководящей роли коммунистической партии — таковы были важнейшие уроки движения безработных. На практике подтверждалась правота ленинских слов: «Безработица является главнейшим бедствием передовых стран. Иного выхода из этого положения, как прочный союз крестьянства и рабочего класса, прошедшего тяжелую, но единственно солидную и серьезную школу, как фабрика, фабричная эксплуатация, фабричное объединение, — иного выхода нет»²⁸⁶.

Коммунистической партии удалось превратить безработных в подлинно боевой отряд пролетариата. Опыт движения безработных лучше всего подтвердил правильность проводимой в годы экономического кризиса тактики единого пролетарского фронта снизу. Организовав движение безработных, сплотив его под своим руководством, Коммунистическая партия Чехословакии сделала важный шаг на пути завоевания большинства пролетариата на сторону пролетарской революции и диктатуры пролетариата.

²⁸⁵ К. G o t t w a l d. Spisy, sv. VI, str. 32.

²⁸⁶ В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 33, стр. 130.

Г. П. Мурашко

К ВОПРОСУ
ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
ЧЕХОСЛОВАКИИ
И ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧЕГО КЛАССА
В 1921—1923 гг.

В истории рабочего движения в Чехословакии период 1921—1923 гг. был своеобразным переходным этапом от бурного послевоенного революционного подъема к оборонительным боям пролетариата. Перед молодой Коммунистической партией Чехословакии в этих условиях вставали новые важные проблемы и задачи по изучению новой обстановки в стране в связи с развитием послевоенного экономического кризиса. Отдельные вопросы послевоенного экономического кризиса в Чехословакии получили правильное марксистское толкование в трудах современных чехословацких историков и экономистов¹. В данной статье сделана попытка на основании вышедших в Чехословакии работ с привлечением статистических публикаций, материалов рабочей и буржуазной прессы, документов Центрального Архива Октябрьской революции (ЦГАОР), Архива Института истории Коммунистической партии Чехословакии (Archiv Ústavu Dějín KSČ), Архива Канцелярии президента республики (Archiv KPR) и Архива революционного профсоюзного движения (VOA URO, Praha) рассмотреть экономическое развитие Чехословакии в 1921—1923 гг., показать особенности послевоенного экономического кризиса и его последствия для рабочего класса и трудящихся масс страны.

¹ А. D o b r ý. Hospodářská krise ve vztahu k Mnichovu. Praha, 1959.

Ј. К р а м е р. К dějinám priemyslu na Slovensku za prvej ČSR. Bratislava, 1955.

Ј. К р а м е р. Niektoré otázky vývinu priemyslu na Slovensku u predmnichvské republiky, ČČН, 1958, № 4.

У. О л и в о в á. Postavení dělnické třídy v ČSR v letech 1921—1923. ČČН, 1954, № 2.

Ғ. S t o č e s. Postavení zemědělské malovýroby za kapitalistické ČSR. Praha, 1958.

М. U b r i a, В. К а д л е c, Ј. М а т а s. Penežní a úvěrní soustava ČSR za kapitalismu. Praha, 1959.

Р. W a g n e r. Panství kapitalistických monopolů v Československu. Praha, 1958.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЧЕХОСЛОВАКИИ, УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ЧЕШСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ЭКОНОМИКЕ СТРАНЫ

Первые год существования Чехословакии были временем становления самостоятельной экономики страны, отделения ее хозяйства от бывших австро-венгерских областей и приспособления к новым внутренним и внешним условиям. Унаследовав при распаде Австро-Венгерской империи большую часть ее промышленного потенциала, Чехословакия сосредоточила в своих областях 60% металлургической промышленности, 64% машиностроения, 87% добычи каменного угля, 75% производства химической промышленности, 91% сахароварения, 85% хлопчатобумажного производства, все производство стекла и фарфора и т. д.²

Таким образом, экономический потенциал ($\frac{4}{5}$ всего промышленного потенциала Австро-Венгрии) на душу населения (население Чехословакии насчитывало около 13 млн. человек) увеличился по сравнению с довоенным почти в четыре раза. Естественно, что внутренний рынок страны был не в состоянии поглотить такое количество производимой продукции.

Перед чехословацкой промышленностью, рассчитанной на потребление 56-миллионного населения Австро-Венгрии, с момента образования самостоятельного государства весьма остро встала проблема рынков сбыта, поскольку $\frac{3}{4}$ основных потребителей ее продукции остались за пределами страны. В результате этого многие отрасли промышленности, ранее работавшие на внутренний рынок, теперь должны были превратиться в экспортирующие и искать для своих товаров сбыта на внешних рынках. Некоторые отрасли промышленности оказались в очень большой зависимости от внешнего рынка: они вынуждены были ввозить сырье из-за границы и вывозить большую часть готовой продукции на внешние рынки. Новая обстановка обусловила серьезные перемены в структуре промышленности и привела к сокращению одних отраслей промышленности и расширению и возникновению других. Стремление несколько расширить резко сузившийся после 1918 г. рынок нашло свое проявление в политике деиндустриализации Словакии. Словакия и Закарпатская Украина были превращены в аграрный придаток промышленно-развитых чешских областей.

Для создания единого хозяйства с устойчивым внутренним рынком и достижения экономического равновесия была необходима известная структурная перестройка, развитие в первую очередь тех отраслей хозяйства, которые отвечали насущным нуждам формирующегося экономического целого.

Период становления чехословацкой экономики совпадает в известной мере со временем послевоенного оживления в торговле и в промышленности, связанного, главным образом, с тем, что во всех воюющих странах за годы войны были израсходованы основные запасы сырья и товаров и внутренний рынок стран испытывал значительный товарный голод. «Подъем 1919—1920 гг., — отмечалось в решении III конгресса Коминтерна, — являлся в основе своей не началом возрождения капиталистического хозяйства после войны, а продолжением того искусственного состояния торговли и промышленности, какое было создано войной и которое подорвало капиталистическое хозяйство»³.

В Чехословакии оживление промышленности начинается с конца 1919 г., происходит в 1920 г., а в некоторых отраслях наблюдается и в

² K. G a j a n. Příspěvek k vzniku KSČ. Praha, 1954, str. 74

³ «Коминтерн в документах и резолюциях». М., 1933, стр. 167.

1921 г. Статистические данные показывают, что оживление и подъем производства в Чехословакии охватывает добывающую промышленность и те отрасли легкой промышленности, которые работали на местном сырье. Однако даже в период наибольшего послевоенного подъема (1919—1920 гг.) промышленность Чехословакии не достигла уровня предвоенного производства. Об этом наглядно свидетельствуют данные о добыче каменного и бурого угля, железной руды и производства стали и чугуна в 1919—1921 гг. по сравнению с 1913 и 1918 гг.⁴ (см. табл. 1).

Таблица 1

Вид продукции	1913, в тыс. т*	1918, в тыс. т	1919, в тыс. т	1920, в тыс. т	1921, в тыс. т
Каменный уголь	14 087	11 969	10 254	11 380	12 023
Бурый уголь	23 137	16 349	17 324	19 958	21 335
Железная руда	2 176	1 255	947	1 008	801
Чугун	1 228	—	685	748	614
Сталь	1 237	—	786	972	917

* Данные относятся к Чехии, Моравии, Силезии.

В 1919 г., как видно из таблицы, все еще происходит падение добычи каменного угля и железной руды по сравнению с 1918 г. и лишь в 1920—1921 гг. она несколько возрастает, не достигнув, однако, довоенного уровня. При этом надо иметь в виду, что в стране в 1919—1920 гг. ощущался резкий недостаток угля, оказавший стимулирующее воздействие на увеличение его добычи⁵.

Увеличения добычи железной руды в 1919—1921 гг. по существу не произошло. Некоторое увеличение ее добычи по сравнению с уровнем 1919 г. отмечалось в 1920 г., но в 1921 г. произошло новое падение. Аналогичная картина наблюдалась, как видно из таблицы, в производстве чугуна. Большая часть произведенного чугуна в этот период потреблялась и перерабатывалась внутри страны.

Из 684,6 тыс. т полученного в 1919 г. чугуна было переработано на заводах страны 589,9 тыс. т, а 48,2 тыс. т продано за границу, в 1920 г. из 747,8 тыс. т 670,2 тыс. т было переработано в стране и 31,8 тыс. т продано за границу⁶.

Некоторое увеличение спроса на продукцию черных металлов в 1919—1920 гг. на внутреннем рынке объясняется переоборудованием предприятий в связи с их перестройкой на мирное производство и частичным обновлением постоянного капитала, а также расширением предприятий отдельных отраслей легкой промышленности, деревообрабатывающей, целлюлозной, бумажной, работавших в основном на местном сырье.

Основная масса продукции этих отраслей промышленности шла на внешний рынок, где она могла успешно конкурировать благодаря более низким издержкам производства, чем в странах-экспортерах. Иное поло-

⁴ «Statistická příručka Republiky Československé». Praha, 1932, d. IV, str. 90; d. II, str. 580.

⁵ Газета «Народни листы», разбирая хозяйственное положение в стране, писала: «В 1919—1921 гг. мы имели недостаток угля, в 1921 г. этот недостаток продолжался до апреля 1921 г. С апреля 1921 г. положение в угольной промышленности изменилось». «Národní listy», 1.I 1922.

⁶ «Statistická příručka...» Praha, 1925, d. II, str. 580.

жение складывалось в такой отрасли промышленности, как текстильная.

Характеризуя обстановку, создавшуюся здесь в 1919—1920 гг., один из депутатов Национального собрания говорил: «У нас есть текстильная промышленность, ее сбыт внутри страны составляет не больше 20% нормального производства... Сразу же после возникновения государства, при его зарождении мы не имели сырья, был кризис из-за недостатка сырья. Вопрос о сырье был решен очень убого. Кризис сырья сменился угольным кризисом. Когда мы имели немного сырья, промышленность не имела угля. Теперь мы имеем уголь, но не имеем рынков сбыта»⁷.

Фактически текстильная промышленность в 1919—1920 гг. находилась в застое, здесь не наблюдалось никакого оживления производства. Это объясняется, прежде всего, двойной зависимостью от внешнего рынка: с одной стороны, — привозное сырье, с другой стороны, — потеря старых австро-венгерских областей как рынков сбыта и превращения их во внешние рынки. Если раньше, до войны, немногим менее 30% продукции текстильной промышленности вывозилось за границу, а 70%⁸ продавалось в Чехии, Австрии, Галиции и других землях Австро-Венгрии, то теперь 70—80% продукции⁹ чехословацкой текстильной промышленности должно было искать внешних рынков сбыта.

Отрасли промышленности, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции (сахарная, пивоваренная, мукомольная, спиртовая), не испытывали сколько-нибудь значительного оживления в период 1919—1920 гг., поскольку они находились в прямой зависимости от состояния сельского хозяйства. Заметное оживление в этих отраслях хозяйства наблюдалось лишь в 1921 г.

Несмотря на ограниченность послевоенного оживления в чехословацкой промышленности, дивиденды промышленных предприятий в этот период достигали огромных размеров. Например, «Чешское торговое общество в Усти на Лабее» в 1914 г. выплачивало 6%, в 1920 г. — 16,25%; Чешско-моравский машиностроительный завод в предвоенный период выплачивал 10—20% дивидендов, в военные годы — 25%, в 1920 г. его дивиденды достигли 45%. При этом его прибыль составила в 1920 г. 5 925 730 крон при акционерном капитале 6 млн. крон¹⁰. Это свидетельствует о спекулятивном характере послевоенного подъема.

Перестройка ряда отраслей на мирное производство, затруднения с ввозом сырья, недостаток угля в стране, потребность в конкурентноспособных товарах для внешнего рынка требовали дополнительных вложений капитала. Роль банков как кредиторов в этот период очень усилилась. В стране создалась благоприятная обстановка для расширения сфер деятельности и укрепления позиций банков в экономике страны. 1919—1920 годы были временем быстрого увеличения числа акционерных банков. Если к 31 декабря 1918 г. в чешских землях было 14 чешских акционерных банков¹¹ с капиталом 391 млн. крон и восемь немецких банков с капиталом 138 млн. крон, то в 1920 г. в Чехии, Моравии и Силезии насчитывалось 37 акционерных банков с капиталом 1329 млн. крон¹². Только в 1920 г. возникло

⁷ «Těsnoписecké zprávy o schuzích Národního Shromáždění Československého». Praha, sch. 67, 19.V 1921, str. 63.

⁸ Там же, sch. 142, 30.V 1922, стр. 661.

⁹ «Národní listy», 28.II 1922.

¹⁰ «Rudé právo», 7.XI 1922.

¹¹ «Almanach československého peněžnictví v prvním desetiletí Československé republiky». Praha, 1928, str. 108.

¹² «Zprávy Státního Úřadu Statistického Republiky Československé». Praha, č. 1, 1922. str. 1.

девять акционерных банков, акционерный капитал которых составлял 99,5 млн. крон. При этом явно обнаружилась тенденция роста чешских банков: из 37 банков 26 было чешских, семь немецких, четыре смешанных. Смешанные банки создавались на основе закона о нострификации на базе ликвидированных филиалов австрийских банков. Как правило, смешанные банки имели своими патронами известные крупные чешские банки, частично акции смешанных банков продавались иностранным, главным образом, французским, бельгийским, голландским банкам.

Деятельность акционерных банков в этот период была чрезвычайно экспансивной. В 1918—1920 гг. ими было основано 204 акционерных общества с общим капиталом 2,1 млрд. крон¹³, из них 142 акционерных общества с акционерным капиталом в 780 млн. крон в 1920 г., т. е. большая часть основанных обществ приходится на период оживления в промышленности. Чешский банковский капитал стремился усилить свои позиции в промышленности страны, главным образом, за счет вытесняемого австрийского капитала, используя так называемую систему реорганизации обществ. Отделение чехословацкой валюты от общеавстрийской создало большие трудности с кредитом у предприятий и концернов, финансируемых австрийскими банками, и создало условия для подчинения их чешским банкам.

Крупнейший чешский Живностенский банк участвовал в 1919 г. в реорганизации 13 обществ с акционерным капиталом 92 млн. крон. В 1920 г. Живностенский банк принял участие в повышении акционерного капитала в 30 акционерных обществах¹⁴, главным образом, в промышленных предприятиях. В числе их были Устецкое химическое объединение, Полдинские заводы, Ринггофферовские заводы, общество «Телеграфия» и другие предприятия, которые находились раньше под контролем австрийских банков.

Послевоенное экономическое оживление способствовало интенсивному увеличению акционерного капитала в банках. Акционерный капитал Живностенского банка, составлявший к началу 1919 г. 120 млн. крон, к концу 1919 г. возрос до 20 млн. крон. Чешский промышленный банк в 1919—1920 гг. увеличил свой акционерный капитал с 80 млн. до 120 млн. крон. Акционерный капитал Моравского аграрного и промышленного банка возрос с 36 млн. до 60 млн. крон¹⁵. При этом необходимо отметить как характерное явление, что в увеличении акционерного капитала широкое участие принимают иностранные банки, главным образом, французские, бельгийские, голландские, английские.

Статистические данные 1919—1920 гг. свидетельствуют об увеличении дивидендов у абсолютного большинства банков: из 28 акционерных банков Чехии, Моравии и Силезии, существовавших в 1919—1920 гг., увеличили свои дивиденды 18 банков, сохранили дивиденды на уровне 1919 г. семь банков¹⁶. Причем, как правило, наибольшие дивиденды выплачивали банки, возникшие в условиях послевоенной конъюнктуры. Для словацких банков 1919—1920 годы были временем существенных изменений, вызванных усилившимся процессом концентрации банковского капитала. В 1919 г. из 214 акционерных банков Словакии лишь 56 банков имели капитал свыше 1 млн. крон. Акционерный капитал остальных

¹³ A. P i m p e r. České obchodní banky za valku a po valce. Nastín vyvoje z let 1914—1928. Praha, 1929, str. 182.

¹⁴ Там же, стр. 184.

¹⁵ «Zprávy Statního Úřadu Statistického...», č. 10, 1921, str. 69.

¹⁶ Там же.

банков составлял от 100 тыс. до 1 млн. крон. В течение 1920 г. в Словакии сложилась группа банков, располагающая акционерным капиталом свыше 10 млн. крон¹⁷. Несмотря на это, банки Словакии по сравнению с банками чешских земель продолжали оставаться слабыми, к тому же в них преобладал венгерский капитал. В 1919 г. из 214 банков Словакии было только 49 словацких, 72 венгерских, 10 немецких, а остальные смешанные. Недостаток словацких капиталов и вытекающая из этого зависимость промышленности Словакии от венгерских и немецких банков крайне ослабляли экономические позиции словацкой буржуазии в обострившейся конкурентной борьбе на внутреннем рынке.

* * *

Относительный экономический подъем в Чехословакии в первые послевоенные годы продолжался недолго и был прерван начавшимся падением промышленного производства, переросшим в экономический кризис. Экономический спад и признаки наступления кризиса стали проявляться в капиталистическом мире уже в начале 1920 г. В январе в США наблюдалось некоторое понижение цен, с марта 1920 г. кризис охватывает Японию, затем распространяется на США и Англию, несколько позже на страны континентальной Европы. Такая последовательность втягивания капиталистических стран в кризис объясняется прежде всего тем, что в государствах, менее пострадавших от войны, где разрушения промышленного потенциала были незначительны или их вообще не было, раньше закончилось восстановление промышленности и перестройка ее на мирное производство. Когда континентальная Европа еще активно поглощала промышленную продукцию, склады США и Японии были заполнены нереализованными товарами. Реализация их на рынках Европы была чрезвычайно затруднена из-за обесценивания валюты европейских стран. Товары тех стран, в которых происходило падение курса валюты в этот период, могли выбрасываться по ценам ниже мировых, что крайне затрудняло экспорт из стран с устойчивой валютой.

В колониальных и полуколониальных странах, являвшихся в довоенный период широким рынком для империалистических держав, за годы войны активно развивалась своя промышленность. Развитие национальной промышленности этих стран стало источником новых торговых затруднений для капиталистического мира. Выход Советской России из экономической системы империализма и сужение сфер его влияния безусловно усилили этот кризис.

Индекс развития промышленности в Чехословакии и в целом по капиталистическому миру за 1913, 1920—1924 гг. раскрывает картину послевоенного экономического кризиса (за 100 принимается уровень 1929 г.)¹⁸

Годы	Капиталистический мир в целом	Чехословакия
1913	68,2	70,9
1920	66,9	51,5
1921	58,9	60,1
1922	70,1	54,7
1923	76,6	57,6
1924	78,5	76,0

¹⁷ Подсчитано на основе «Zprávy Statního Úřadu Statistického...», č. 10, 1921, str. 69; č. 1, 1922, str. 2—3.

¹⁸ «Мировое хозяйство». Ежегодник, 1937/1938 гг. Соцэкгиз, стр. 378.

Эти цифры показывают, что для капиталистического мира в целом падение производства в послевоенный период наблюдалось лишь в 1921 г. С 1922 г. капиталистическое производство, взятое в целом, переживало процесс подъема. Однако это лишь общая тенденция развития кризиса в капиталистическом мире. Каждая страна имела свои специфические черты и особенности. Послевоенный экономический кризис в Чехословакии в отличие от других капиталистических стран начался позднее и приобрел затяжной характер. Его кульминационный пункт приходится на 1922 г., тогда как в других капиталистических странах в этот период начался подъем и в целом по капиталистическому миру производство достигло довоенного уровня.

Эти особенности послевоенного экономического кризиса в Чехословакии были обусловлены исторически сложившейся узостью внутреннего рынка и исключительной зависимостью экономики страны от внешнего рынка.

В Чехословакии в 1921 г. ряд отраслей промышленности испытывал серьезные трудности, связанные с реализацией готовой продукции, хотя объем промышленного производства в целом все еще увеличивался и индекс его составил 68,1 (за 100 принимается уровень 1913 г.), тогда как в 1920 г. он был лишь 65,8¹⁹. Потребление руды в стране сократилось в течение 1921 г. на 3 734 848 ц, чугуна на 1 605 831 ц²⁰. Сокращение производства в горнорудной и металлургической промышленности не могло не сказаться на развитии угледобывающей промышленности. Правда, статистические данные свидетельствуют о продолжении роста добычи угля. Однако они не отражают положения, которое сложилось в стране со сбытом угля.

Внутреннее потребление угля в это время заметно сократилось. В январе 1921 г. оно составляло 1730 вагонов, а в августе уменьшилось более чем на одну треть²¹. Частные буржуазные источники отмечают ухудшение конъюнктуры в угольной промышленности с апреля 1921 г. Официальная статистика засвидетельствовала первое сокращение добычи угля в июне 1921 г.; в декабре было добыто угля уже на 54 155 390 ц меньше²², чем в мае этого же года.

Сокращение объема производства произошло также в химической промышленности. К ноябрю 1921 г. она была занята только на 45% своей производственной мощности²³.

В легкой промышленности в 1921 г. спад производства, да и то в очень незначительной степени, наблюдался лишь в отдельных отраслях. Например, стекольная промышленность была занята в ноябре 1921 г. на 70% своей производственной мощности, в бумажно-целлюлозной промышленности сокращение производства по сравнению с 1920 г. колебалось в пределах 15—14%, в сахарной и пивоваренной промышленности падения производства вообще не наблюдалось, в текстильной промышленности потребление хлопка возросло с 617 174 ц до 885 426 ц²⁴.

Расчеты индексов А. Доброго позволяют сравнить состояние легкой и тяжелой промышленности в 1921 г.²⁵

¹⁹ «Politická ekonomie», 1959, N 9, str. 827.

²⁰ «Statistická příručka...», d. IV, str. 103.

²¹ ЦГАОР, ф. 413, оп. 4, д. 426, л. 22.

²² S. P e t e r s. Statistische Handbuch Kohlenindustrie in der ČSR», Praha, 1925, S. 211.

²³ ЦГАОР, ф. 413, оп. 4, д. 426, л. 83.

²⁴ «Statistická příručka...», d. IV, str. 140.

²⁵ «Politická ekonomie...», N 9, 1959, str. 827.

Год	Индекс тяжелой промышленности	Индекс легкой промышленности
1913	100	100
1919	60,5	30,8
1920	79,6	45,4
1921	76,9	55,1

Таким образом, из этих данных видно, что спад производства, наблюдаемый в чехословацкой промышленности в 1921 г., коснулся, главным образом, тяжелой индустрии и крайне незначительно отдельных отраслей легкой промышленности. По-видимому, причину этого различия следует искать в разной степени зависимости отраслей Чехословацкой промышленности от внешнего рынка ²⁶ и от состояния курса кроны на иностранных биржах. Для легкой промышленности, работавшей в основном (за небольшим исключением) на местном сырье, инфляция и связанное с ней падение курса кроны создавали весьма благоприятные условия для реализации своей продукции на внешних рынках. Низкий уровень кроны был выгоден для добывающей промышленности, вывозящей сырье и полуфабрикаты. Отдельные круги чехословацкой буржуазии, связанные с легкой и добывающей промышленностью, видя основную причину затруднений сбыта в падении германской марки и венской кроны, искали выход из тяжелого положения за счет дальнейшего снижения курса кроны на внешних рынках. Газета «Богемия» 28 августа 1921 г. писала: «Кокс не может быть продан, так как вагон в 10 т продается за 7300 крон, в то время как в Германии он продается за 3500 крон. ... Единственный выход для угольной промышленности — это дальнейшее падение чешской валюты на иностранном рынке».

Падение курса кроны на внешнем рынке в течение 1921 г. ²⁷ позволило определенным кругам чехословацкой буржуазии за счет интенсивного увеличения экспорта затормозить спад производства в отдельных отраслях промышленности и в известной степени ослабить действие развертывающегося кризиса. В 1920 г. количество вывезенных товаров составило 69 022 139 ц и 2 646 868 штук, а в 1921 г. возросло до 97 425 051 ц и 4 305 122 штук ²⁸. При этом намечается тенденция увеличения удельного веса сырья и полуфабрикатов в общей сумме экспорта. Установить удельный вес продукции легкой промышленности и тяжелой промышленности в общем объеме экспортируемых товаров не представляется возможным.

²⁶ А. Добрый приводит следующие данные о зависимости отдельных отраслей промышленности от внешнего рынка к началу 20-х годов: в стекольной промышленности 82% произведенной продукции шло на экспорт, в текстильной промышленности — 40%, в фарфоровой — 85%, в отдельных отраслях конфекционной промышленности — 80%. Тяжелая промышленность зависела от внешнего рынка в гораздо меньшей степени. Например, доля экспорта в металлургической промышленности составляла 35% всего производства, в химической промышленности — 21%, в цементной — 20% (А. Dobrý. Hospodářská krise československého průmyslu ve vztahu k Mnichovu. Praha, 1959, str. 23—24).

²⁷ Курс кроны на цюрихской бирже в 1921 г. (по месяцам) был равен в (швейцарских сантимах):

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
8,5	7,5	7,55	7,75	8,35	8,25	7,65	6,95	6,05	5,10	5,6	7,6

(«Tisky k těsnopiseckým zprávám o schůzích poslanecké sněmovny Národního Shromáždění. Praha, 1922, sv. XX. Tisk 4300).

²⁸ Чехословацкая статистика ведет исчисление экспорта и импорта в двойном измерении: одна часть товаров исчисляется по весу, другая — поштучно. («Statistika československá. Zahraniční obchod Republiky Československé v roce 1921». Praha, 1922, str. 7).

Сильное сокращение производства, охватившее все отрасли чехословацкой промышленности, началось в 1922 году. Оно совпало с проводившейся с конца 1921 г. дефляцией, имевшей целью поднять курс кроны внутри страны и на внешних рынках. Некоторые чехословацкие буржуазные экономисты видели причины наступившего кризиса в 1922 г. только в политике дефляции, считая падение производства результатом политических действий определенных кругов чехословацкой буржуазии, заинтересованных в повышении курса кроны. Они не понимали, что кризис был подготовлен всем предшествующим развитием капиталистического производства и усилен особым положением Чехословакии на мировом рынке. Разумеется, дефляция оказала известное влияние на развитие экономического кризиса, осложнила его течение, сказалась на глубине и характере тех явлений, которые были порождены кризисом.

Первые попытки поднять курс кроны были предприняты еще в 1919 г., в период создания самостоятельной чехословацкой валюты.

В то время в стране находилось в обращении большое количество бумажных денег, оставшихся в наследство от Австро-Венгрии, почти не имевших золотого покрытия. Если в 1913 г. в Австро-Венгрии покрытие банкнот золотом, не считая остальных видов бумажных денег, составляло 42,2%, то в 1918 г. оно упало до 0,7%²⁹. Министр финансов Рашин, проводя отделение валюты при штемпелевании денежных знаков, пытался часть их задержать в виде государственного займа. Из общей суммы 9630 млн. крон было задержано 2447 млн. и снято с текущих счетов в банках 413 млн. крон. В обращении осталось 6770 млн. крон³⁰. Были проведены и другие мероприятия, направленные на укрепление валюты. Все это привело к тому, что в мае 1919 г. курс кроны достиг приблизительно 34% золотого паритета³¹. Однако уже с середины 1919 г. начинается вновь наводнение рынка бумажными деньгами и падение курса кроны. К октябрю 1921 г. количество бумажных денег в обороте страны достигло 12 327 млн. крон³², и стоимость бумажной кроны составляла лишь 5% номинальной величины. Это сопровождалось падением курса кроны на международных биржах. Курс кроны на Цюрихской бирже упал с 31,30 сантимов за 1 крону 30 апреля 1919 г. до 5,10 сантима 31 октября 1921 г.³³

Падение курса кроны было выгодно тем группам буржуазии, которые держали в своих руках промышленность, связанную с изготовлением товаров из отечественного сырья на экспорт (главным образом отрасли легкой промышленности). Но это было не выгодно для буржуазии, сосредоточившей в своих руках промышленность, работавшую на импортном сырье. Они решительно выступали за проведение дефляции. Их интересы в значительной степени совпадали с интересами банковского капитала, поскольку инфляция приводила к обесцениванию вкладов в банках и выдаваемых ими кредитов. Например, во время войны банковские вклады в кронах выросли, но реальная стоимость их отнюдь не являлась большей, чем перед войной. Повышение курса кроны сулило увеличение реальной стоимости банковских вкладов. Поэтому вокруг вопроса о курсе кроны в течение 1919—1921 гг. развернулась ожесточенная борьба³⁴. Начавшееся

²⁹ М. Н а х м с о н. Валютные реформы на Западе. Госиздат, 1925, стр. 20.

³⁰ Там же, стр. 58.

³¹ J. K o z a k. Československá finanční politika. Praha — Brno, 1932, str. 19.

³² «Statistická příručka...» Praha, 1925, d. II, str. 237.

³³ «Tisky k těsnopiseckým zprávám...», sv. XX, T. 4300.

³⁴ Отражением этой борьбы была быстрая смена министров финансов в республике. За период с 1918 по 1921 гг. в Чехословакии сменилось шесть министров финансов.

с ноября 1921 г. проведение дефляции фактически означало, что инициативу в экономической жизни страны захватила буржуазия, связанная с тяжелой индустрией, с банковским капиталом и заинтересованная в высоком курсе чехословацкой кроны. К тому времени сложились необходимые политические и экономические предпосылки для проведения финансовой реформы и укрепления валюты. Политические позиции чехословацкой буржуазии значительно укрепились после поражения всеобщей декабрьской стачки пролетариата в 1920 г. Экономические предпосылки дефляции были связаны с улучшением платежного баланса, что сократило вывоз золота из страны для покрытия пассивного сальдо. Улучшение платежного баланса в огромной степени зависело от активности торгового баланса³⁵, которая в Чехословакии в рассматриваемые годы была обеспечена, с одной стороны, сокращением ввоза продуктов питания (т. е. в конечном счете за счет ухудшения снабжения населения), а с другой стороны, высокими ввозными пошлинами, позволившими поддерживать высокие цены внутри страны и выбрасывать по низким ценам товары на внешний рынок.

Средства, необходимые для проведения дефляции, Министерство финансов Чехословакии изыскивало, главным образом, за счет увеличения налогового обложения населения. Официальная статистика отмечает очень сильный рост налогов: если в 1920 г. на каждого жителя страны приходилось прямых и косвенных налогов в общей сумме 413,7 крон, то в 1922 г. сумма составляла 749,5 крон³⁶. Налоги с населения были одним из основных источников повышения курса кроны. В докладе советской торговой делегации от 8 апреля 1922 г. отмечалось: «Благодаря тому, что налоги поступают со значительными избытками против сметных предложений, благодаря тому, что проведенный недавно через палату единовременный налог дал уже до выработки детальной инструкции о способах его уплаты свыше миллиарда крон — денежное обращение удалось сократить за время с конца октября 1921 г. по 23 марта 1922 г. с 12 327 млн. крон до 9 958 млн. крон»³⁷.

В качестве другого источника следует назвать иностранные займы, предоставленные Чехословакии в этот период. Следует сказать, что иностранный капитал, в особенности английский, проявил необычайный интерес к проведению дефляции в Чехословакии. Уже в 1921 г. английские банки предоставили заем в размере 10 млн. фунтов стерлингов (что по тогдашнему курсу означало около 2,5 млрд. крон) для проведения операций по подъему курса кроны на внешнем рынке. Вслед за этим займом поступило предложение от группы швейцарских банков на заем в размере 60 млн. золотых франков. Наряду с государством оферты на займы от двух английских банков получила Прага³⁸. В 1922 г. Чехословакия заключила внешний заем в Англии, Голландии и в США общим размером в 50 млн. долларов.

Большое значение в проведении дефляции имела политика правящих классов в области кредита. Если с октября 1919 г. по октябрь 1921 г. статистика как правило регистрирует рост ссуд, то с октября 1921 г. отме-

³⁵ Превышение вывоза над ввозом в Чехословакии составляло в 1920 г. — 63,2 млн. долларов, в 1921 г. — 61,4 млн. долларов, в 1922 г. — 126,6 млн. долларов и в 1923 г. — 70,7 млн. долларов (М. Н а х и м с о н. Валютные реформы на Западе. М., 1925, стр. 56).

³⁶ «Statistický přehled republiky Československé». Praha, 1930, str. 276.

³⁷ ЦГАОР, ф. 413, оп. 17, д. 235, л. 16.

³⁸ Там же, лл. 14, 15.

чается резкое их сокращение. Только за ноябрь-декабрь 1921 г. общая сумма выданных под залог ссуд уменьшилась примерно на 30%³⁹.

Изъятие бумажных денег из внутреннего обращения страны шло быстрыми темпами: с октября 1921 г. по январь 1923 г. количество денег, обращающихся в стране, сократилось с 12 327 млн. крон до 9222 млн. крон⁴⁰, т. е. почти на одну треть. В то же время растет золотое обеспечение кроны⁴¹. Если в июне 1921 г. обращение банкнот в стране при пересчете по курсу доллара исчислялось в 770,2 млн. золотых крон, то в декабре 1922 г. оно увеличилось до 1548,3 млн. золотых крон⁴². Стоимость одной бумажной кроны, составлявшая в октябре 1921 г. 5% номинальной величины, выросла к концу 1922 г. до 15,85%⁴³ и на этом уровне стабилизировалась.

На внешних рынках курс кроны увеличился в 2,2 раза по сравнению с долларом, который в то время являлся наиболее устойчивой валютой на мировом денежном рынке. При этом следует иметь в виду, что быстрый подъем курса кроны на международных биржах нельзя объяснить только ростом ее обеспечения золотом, необходимо принять во внимание и политику банков, строго регулировавших торговлю девизами.

Политика дефляции оказала большое влияние на состояние экономики Чехословакии в этот период. Она обострила и углубила экономический кризис. Повышение курса чехословацкой кроны на внутреннем и международном рынках отрицательно сказалось на экспорте товаров. Ввиду этого в 1922 г. наблюдалось снижение экспорта. Если в 1921 г. было вывезено из страны 97 427 354 ц и 4 505 120 шт. товаров общей стоимостью 27 311 млн. крон, то в 1922 г. это количество уменьшилось до 94 902 625 ц и 4 119 526 шт., а стоимость их составила 18 087 млн. крон⁴⁴.

Особенно тяжелые последствия повышение курса кроны имело для отраслей легкой промышленности, товары которых сбывались в основном на внешних рынках. Оборот текстильной промышленности за I—III кварталы 1922 г. уменьшился на 32%⁴⁵. Сокращался и экспорт товаров тяжелой промышленности.

В бюллетене советской торговой делегации сообщалось о состоянии экспорта металлургической промышленности: «В 1921 г. Чехословакия экспортировала изделия металлургической промышленности в довольно крупных размерах. Начиная с ноября прошлого года, т. е. с момента стремительного повышения чешской валюты, экспорт металлургических изделий постоянно уменьшается. Так, например, экспорт железа и железных изделий за период январь — март 1922 г. упал с 216 000 ц до 110 000 ц, т. е. на 50%⁴⁶. Большие массы товаров в тот период оставались нереали-

³⁹ Подсчитано по данным работы М. Нахимсона «Валютные реформы на Западе...», стр. 59.

⁴⁰ «Statistická příručka...», d. II, str. 287.

⁴¹ В этот период правительство проводит скупку благородных металлов и иностранной валюты. Для этой цели были пущены в оборот к концу 1920 г. 859 млн. крон, в октябре 1921 г. 1178 млн. крон, в декабре 1922 г. 1365 млн. крон, к концу 1923 г. 2159 млн. крон. В результате этого запас золота и серебра в кассах банка к концу 1923 г. достиг 1033 млн. крон.

⁴² М. Н а х и м с о н. Указ. соч., стр. 60.

⁴³ Там же, стр. 59.

⁴⁴ Необходимо учесть, что исчисление экспорта по стоимости в этот период, когда курс кроны непрерывно менялся, не дает точной картины. Если сравнить экспорт по стоимости в кронах и долларах, результаты будут противоположные. В 1921 г. стоимость экспорта из Чехословакии оценивалась в 336 млн. долларов, а в 1922 г. в 406 млн. долларов, хотя по объему в 1922 г. палило сокращение экспорта.

⁴⁵ «Národní listy», 18.VII 1923.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 413, оп. 3, д. 918, л. 102.

зованными на складах. В этих условиях особенно острым становился вопрос о кредите. Сокращение кредита, связанное с проведением дефляции, в первую очередь ударило по мелким и средним предприятиям. Крупные монополистические объединения, опираясь на финансовую поддержку банков, могли без большого ущерба снижать цены на товары. За счет разорения мелкой и средней промышленности они расчищали себе поле деятельности. «Банкротством охвачены главным образом средние и мелкие предприятия, — подчеркивалось в «Руде право» 27 января 1923 г. — В первых месяцах прошлого года (т. е. 1922 г. — Г. М.) было 50—90 случаев банкротств ежемесячно, а в декабре 568... Большое число банкротств было в текстильной, кожевенной и конфекционной промышленности»⁴⁷. Официальная статистика тоже отражает нарастание числа банкротств к концу 1922 г.

Подъем курса чехословацкой кроны значительно усилил позиции крупного банковского капитала в экономике страны. Это привело к повышению реальной стоимости вкладов, сосредоточенных в банках. Одновременно с этим положение акционерных обществ и предприятий, являвшихся должниками банков, резко ухудшилось, поскольку стоимость их долга теперь увеличилась. Дефляция была средством перераспределения богатств среди капиталистов в пользу крупного финансово-монополистического капитала. Она усилила роль банков в экономической жизни страны, способствовала дальнейшему слиянию банковского капитала с промышленным. Вместе с тем дефляция в руках чешской финансовой буржуазии была орудием борьбы против ее главного экономического соперника — немецкого капитала. В первые годы после создания самостоятельного Чехословацкого государства (1918—1920 гг.) наблюдался чрезвычайно быстрый рост чешского банковского капитала по сравнению с немецким⁴⁸. Однако важнейшие отрасли промышленности по-прежнему оставались в руках немецкого капитала. Отделение чехословацкой валюты от австрийской оторвало многие предприятия от своих финансовых центров, а кризис и политика дефляции фактически поставили немецких промышленников перед дилеммой или свертывать свое производство, или в поисках кредитов и дополнительных капиталов вступать в контакт с чешскими банками.

«Финансовая политика Рашина сломала шею немецкому финансовому капиталу, установила гегемонию Живнобанка и проводилась за счет немецкой экспортной промышленности, попавшей в долговое рабство к чешским банковским магнатам», — писала «Арбайтер Ярбух» о положении, сложившемся к концу 1923 г. в чехословацкой промышленности⁴⁹.

Финансовая буржуазия Чехословакии широко использовала созданные дефляцией благоприятные условия для вывоза капитала за границу и укрепления своих позиций в Центральной Европе. Именно в этом плане следует рассматривать чехословацкий заем, предоставленный в 1922 г. Австрии на сумму 500 млн. крон⁵⁰. В рассматриваемый период наблюдался значительный приток чешского капитала на Балканы. Среди банков, поместивших свои капиталы в страны Балканского полуострова, можно назвать Пражский кредитный банк, участвовавший в основании Славянского банка в Любляне и повышении акционерного капитала; в «Банк

⁴⁷ «Rudé právo», 27. I 1923.

⁴⁸ К концу 1921 г. немецкий банковский капитал составлял лишь 38% всего банковского капитала в стране. — «Národní listy», 17. II 1922.

⁴⁹ Цит. по кн.: И. Д. Левин. Национальный вопрос в послевоенной Европе, М., 1934, стр. 261.

⁵⁰ «Zbirka zákonů a nařízení státu Československého». Praha, 1922, č. 228, č. 1008.

коммерс эл-Эндустрии» в Бухаресте; Живностенский банк, который совместно с другими банками создал «Чешско-румынское акционерное общество в Бухаресте», участвовал в повышении акционерного капитала в «Австрийском кредитном учреждении для торговли и промышленности», «Нижнеавстрийском учетном обществе», «Унион Еуропен», «Компани Рояль Астуриен де Мин»; Аграрный банк, вложивший свой капитал в создание «Чешско-румынского коммиссионерного банка» и др.

Таким образом, политика дефляции, проводившаяся за счет усиления налогового гнета в стране и привлечения иностранных займов и отвечавшая прежде всего интересам крупной финансово-монополистической буржуазии, была средством укрепления ее позиций в экономике страны, поскольку содействовала быстрому разорению мелкой и средней промышленности и расчищала поле деятельности для монополий-гигантов. С помощью политики дефляции чешской буржуазии в известной мере удалось ослабить позиции немецкого капитала в стране.

Экономический кризис к концу 1922 г. охватил все основные отрасли промышленности. Производство чугуна по сравнению с довоенным уровнем упало на 75%, стали — на 68%; каменного угля на 27%, бурого угля на 18,3%, кокса на 66%⁵¹. Секретарь союза промышленников Чехословакии Годач отмечал, что в декабре 1922 г. в стране работало лишь 3 домы⁵².

Период резкого сокращения производства продолжался и в первые месяцы 1923 г. и лишь в марте началось некоторое улучшение положения. Оно было теснейшим образом связано с так называемой «Рурской конъюнктурой». Оккупация Рура Францией лишила мировой рынок дешевого немецкого угля и железной руды и привела к повышению спроса на уголь и продукцию металлургической промышленности.

В марте 1923 г. тот же Годач констатировал начавшееся улучшение в сбыте чехословацкого угля, кокса, в производстве железа, стали и проката. Несколько ответов на анкету газеты «Народни листы» ярко вскрывают причину повышения спроса на упомянутые товары. В одном из ответов говорилось: «В результате прекращения поставок Рурского угля в неоккупированную Германию к нам поступали заказы, которыми и можно было компенсировать недостаточный сбыт на внутреннем рынке. До оккупации Рура мы работали с большим ограничением четыре дня в неделю. Внутри страны сбыт был незначительный, а за границей нельзя было конкурировать с дешевым горносилезским, саарским и английским углем. После оккупации Рура положение резко изменилось. За границей спрос на уголь сильно вырос... С начала февраля стал расти сбыт кокса, что привело к расширению его производства»⁵³.

Ответ администрации остравского металлургического завода также чрезвычайно показателен. «Только оккупация Рура дала достаточно заказов по ценам более высоким, чем цены на внутреннем рынке, и статистические данные нашего вывоза в летние месяцы являются рекордными»⁵⁴.

Если сравнить статистические данные по производству чугуна, то окажется, что в 1923 г. оно достигло $\frac{3}{4}$ довоенного производства и по сравнению с 1922 г. возросло на 127%⁵⁵.

Большая часть продукции каменноугольной и металлургической промышленности идет на экспорт. И главными потребителями выступают, по

⁵¹ «Rudé právo», 27.I 1923.

⁵² «Národní listy», 9.III 1923.

⁵³ «Národní listy», 1.I 1924. Příloha. Hospodářský rok 1923, str. 9.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

сведениям газеты «Народни листы», Германия, на которую приходилось 70% всего вывезенного из Чехословакии железа, и Франция, куда вывозилось очень много остравского кокса. Но оживление в чехословацкой промышленности, вызванное «Руреконъюнктурой», было крайне односторонним. Оно коснулось лишь угольной и металлургической промышленности. Состояние других отраслей по-прежнему оставалось напряженным и улучшение отмечалось крайне незначительное. Текстильная промышленность на протяжении 1923 г. находилась в крайне стесненном положении: заказов, как отмечали газеты, было очень мало, потребление хлопка по сравнению с 1922 г. увеличилось всего лишь на 41 807 ц в год. Официальные статистические материалы не позволяют проследить состояние таких отраслей, как обувная, конфекционная, химическая. Лишь отдельные отрывочные сведения прессы и заявления депутатов в Национальном собрании дают некоторое представление о положении в этих отраслях. Чешский буржуазный экономист Пимпер подчеркивал, что в 1923 г. «тяжелый кризис пережили мукомольная, стекольная, фарфоровая, пивоваренная, деревообрабатывающая, бумажная, автомобильная, конфекционная отрасли промышленности»⁵⁶. В начале 1923 г. производство пивоваренной промышленности составляло лишь 40% производственной мощности, солодовых заводов 25%, мебельных фабрик — 10%. Машиностроительная промышленность, хотя и получила некоторые заказы из-за границы, но по таким ценам, которые едва покрывали производственные издержки. Многие машиностроительные заводы работали по-прежнему неполную рабочую неделю, при ограниченном числе рабочих.

Так, по сведениям, сообщенным на заседаниях Национального собрания 11 декабря 1923 г., на заводах фирмы Ринггоффер, где обычно было занято в производстве 3000 человек, в 1923 г. находилось лишь 1200, причем работа продолжалась только четыре дня в неделю. Почти такое же положение было и на Чешско-моравском машиностроительном заводе, где при сокращении рабочих на 50% работа продолжалась лишь четыре дня в неделю.

В химической промышленности на крупнейших предприятиях с марта 1923 г. отмечалось некоторое расширение производства. Но в большинстве мелких химических заводов заметного улучшения не наблюдалось.

Экономический кризис, в течение трех лет господствовавший в хозяйстве Чехословакии, чрезвычайно усилил процесс концентрации капитала и дальнейший рост монополий. Он сопровождался обострением конкурентной борьбы, разорением одних капиталистических фирм и неслыханным обогащением других.

В числе первых жертв кризиса оказались главным образом предприятия и фирмы, возникшие и развернувшие свою деятельность в военные и послевоенные годы. Статистика банкротств в Чехословакии за 1921 г. отмечает, что из 356 банкротств 28,5% приходилось на фирмы, основанные до войны, и 77,5%⁵⁷ — на новые предприятия, возникшие в годы войны и послевоенного подъема.

Одновременно с этим быстро росли монополии. Этот процесс был ускорен в Чехословакии тем, что здесь в первые годы после образования самостоятельного государства прекратили свое существование многие австрийские монополии.

В металлургической промышленности в самый разгар кризиса, когда особенно остро встал вопрос о сбыте продукции, 15 крупнейших метал-

⁵⁶ «Národní listy», 25.XII 1923. Příloha «Národní hospodářství».

⁵⁷ ЦГАОР, ф. 413, оп. 3, д. 918, л. 96.

лургических предприятий создали объединение сроком на 10 лет⁵⁸, главной задачей которого была «организация совместной продажи изделий с целью устранения взаимной конкуренции»⁵⁹. Ведущая роль в этом объединении принадлежала трем крупнейшим фирмам: Пражскому металлургическому обществу, Горнопромышленному и металлургическому обществу и Витковицким заводам. Эти три фирмы уже раньше вступили в соглашение между собой о совместном сбыте продукции⁶⁰.

Создание металлургического картеля сразу почувствовали предприятия, не вошедшие в объединение. Так, из западночешских районов сообщалось, что здесь из 21 металлургического завода 16 заводов работали с загрузкой в 20—50%, пять в 50—75% производственной мощности. «Причина этого заключается в том, — указывалось с трибуны Национального собрания, — что концентрация металлургического производства, проведенная металлургическим картелем, уничтожает мелкие и средние заводы»⁶¹.

В машиностроительной промышленности складывается монополистическое объединение, куда входили заводы Шкода, «Рустоп Бромовский», «Ринггоффер на Смихове». С начала 1923 г. перестало существовать как самостоятельное предприятие акционерное общество «Кольбен», которое присоединилось к Чешско-моравскому машиностроительному заводу.

В льнообрабатывающей промышленности был создан синдикат для покупки сырья и продажи готовых изделий под названием «Объединенные прядильные льна в Трутнове». Этот синдикат объединял 25 прядильных фабрик, располагавших 300 тысячами веретен⁶².

Приведенные выше факты являются наглядной иллюстрацией происходившего процесса концентрации. Данные статистики акционерных обществ, которые являлись одним из основных видов монополистических объединений в Чехословакии, подтверждают активизацию концентрации производства в годы послевоенного экономического кризиса. Если в период послевоенного оживления 1919—1920 гг. в среднем на одно акционерное общество (промышленное и торговое) приходилось примерно по 4,18 млн. крон акционерного капитала, то, начиная с 1921 г., средняя сумма акционерного капитала на одно акционерное общество возрастает. В 1921 г. он составил 4,51 млн. крон, в 1922 г. — 4,65 млн. крон, в 1923 г. — 4,96 млн. крон, в 1924 г. — 5,4 млн. крон⁶³.

Аналогичный процесс усиления концентрации происходил в этот период и в банках.

Если в чешских землях 1919—1920 годы характеризовались чрезвычайно быстрым ростом числа банков, то с наступлением кризиса происходит замедление этого процесса. В 1920 г. по сравнению с 1919 г. количество банков возросло на одну треть (с 27 до 36 банков), в 1921 г. прирост составлял лишь 3 банка, в 1922 г. — 1 банк, а в 1923 г. наблюдалось уже сокращение числа банков с 40 до 34, в то время как акционерный капитал в них продолжал возрастать.

Только в 1923 г. наблюдается некоторое уменьшение акционерного капитала, что было связано с банкротством трех крупных банков.

Если в 1919 г. в среднем на каждый акционерный банк приходилось примерно по 33,8 млн. крон, а в 1920 г. по 36,9 млн. крон, то начиная с

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 13, оп. 3, д. 918, л. 103.

⁵⁹ Там же, лл. 96—97.

⁶⁰ Там же, оп. 4, д. 426, л. 118.

⁶¹ «Těsanopisecké zprávy...», sch. 230, 23.XI 1923, str. 522.

⁶² ЦГАОР, ф. 413, оп. 4, д. 386, л. 31.

⁶³ Подсчитано на основе данных «Statistická příručka...», d. IV, str. 150.

1921 г. темпы прироста акционерного капитала быстро возрастают. В 1921 г. в среднем на один банк приходилось 39,6, в 1922 г.—46,1 и в 1923 г.—53,5 млн. крон⁶⁴.

Процесс концентрации банковского капитала сопровождался слиянием ряда банков и поглощением одних другими, а также банкротством и крахами. В 1921 г. произошло объединение Промышленного банка с Экономическим кредитным банком. Созданный на основе их объединения банк получил название «Чешский промышленный и экономический банк». Он сосредоточил в своих руках 200 млн. крон акционерного капитала и выдвинулся в ряды крупнейших банков. Затем ему удалось присоединить Торговый банк в Градце Кралева. Пражский кредитный банк поглотил Северочешский банк в Литомержицах. Моравский аграрный и промышленный банк окончательно присоединил к себе находившийся с 1919 г. под его патронатом Торговый и промышленный банк в Колине. Особенно активно происходили всякого рода «объединения» и «присоединения» в 1923 г.

В период послевоенного экономического кризиса окончательно оформляются три банковских концерна, борьба между которыми во многом определяла хозяйственную и политическую жизнь страны. К концу 1923 г. вокруг Живностепского банка сложился крупнейший банковский концерн, в который входили Живностепский банк с акционерным капиталом 200 млн. крон, Чешский учетный банк и Кредитное учреждение в Праге с акционерным капиталом, составлявшим в 1923 г. 200 млн. крон, и Чешский банк с акционерным капиталом 60 млн. крон.

Второй по величине банковский концерн возглавил Чешский промышленный экономический банк, акционерный капитал которого составлял 210 млн. крон. В него вошли банк «Унион» с акционерным капиталом 160 млн. крон и Чешский коммерческий банк с капиталом 75 млн. крон⁶⁵.

В третий банковский концерн входили Пражский кредитный банк с акционерным капиталом 120 млн. крон, Чехословацкий аграрный банк, акционерный капитал которого насчитывал 60 млн. крон, Моравский аграрно-промышленный банк с акционерным капиталом в 120 млн. крон, Всеобщее чешское банковское объединение, Банк для торговли и промышленности с акционерным капиталом 80 млн. крон.

Вышеназванные объединения входили в союз банков, который вел активную борьбу с необъединенными, зачастую возникшими только в послевоенный период, банками. Поэтому отнюдь не случайно в начале 1923 г. была сделана попытка в противовес этому союзу создать новое объединение из недавно основанных и некоторых ранее существовавших банков. По сообщению газеты «Народни листы», в этот новый союз вошли 12 банков, в том числе Легиобанк, Моравский народный банк, Моравско-словацкий банк, Северочешский банк в Литомержицах, Среднечешский банк в Прижибраме. Однако этот новый банковский союз не сумел противостоять более сильным конкурентам и через несколько месяцев часть его членов была поглощена крупными банками.

Наряду с растущей концентрацией капитала годы кризиса ознаменовались усилением позиций банков в экономике страны, активным проникновением их во все отрасли хозяйства и особенно в промышленность.

⁶⁴ Подсчитано на основе данных «Statistická příručka...», d. IV, str. 259.

⁶⁵ Все цифровые данные приводятся на 1923 г. по «Zprávy Statního Úřadu statistického», 1924, č. 37, str. 302—303.

⁶⁶ «Чешский коммерческий банк» возник на основе пострификации филиалов австрийского банка «Меркурий» под патронатом «Чешского промышленного и экономического банка».

Спад производства, вызванный кризисом, трудности сбыта неизбежно требовали от предпринимателей дополнительных кредитов, найти которые можно было только в банках. С началом кризиса статистика фиксирует рост долговых обязательств банкам. Если в 1919 г. общая сумма долга чешским банкам составляла 6191,9 млн. крон, в 1920 г. — 7680,8 млн. крон, то в 1921 г. она возросла до 9799,2 млн. крон ⁶⁷.

В этот же период статистические данные показывают дальнейшее усиление проникновения банковского капитала в промышленные объединения. Если в 1920 г. Живностенский банк вкладывал в промышленные предприятия 13,6 млн. крон, то в 1922 г. эта цифра возросла до 26,7 млн. крон. Участие Чешского промышленно-экономического банка составляло в 1920 г. 47,4 млн. крон, а в 1922 г. 73,4 млн. крон. Причем интересно отметить, что такие темпы наблюдались, главным образом, у банков, связанных с концерном Живностенского банка. У банков, объединенных в концерне Пражского кредитного банка, наблюдалось известное сокращение капиталов: например, сумма капиталов Аграрного банка, вложенная в предприятия, уменьшилась с 84,2 млн. крон в 1920 г. до 50,5 млн. крон в 1922 г. ⁶⁸ Это наглядно подтверждало рост влияния в годы кризиса Живностенского банка и возглавляемого им концерна. Группе Живностенского банка удалось установить связь почти со всеми отраслями тяжелой промышленности: в его руках были акции Ринггофферовских заводов, Шкодовских заводов, Акционерного общества «Лауриш и Клемец», Устецкого химического союза. Через патронируемый Чешский учетный банк и кредитное учреждение (55% акций были у Живностенского банка) он контролировал большую часть металлургической промышленности. В текстильной промышленности Живностенскому банку принадлежали акции Маутнеровых заводов, в керамической — Западно-чешских каолиновых заводов, Карловарских цементных заводов и т. д.

Концерн Пражского кредитного банка (куда входили Моравский аграрно-промышленный банк и Аграрный банк) распространил свое влияние, главным образом, на отрасли промышленности, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции.

Моравский аграрно-промышленный банк был связан прежде всего с предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции в Моравии и имел сильные позиции в пивоваренной и сахарной промышленности. В текстильной промышленности ему принадлежали фабрики с акционерным капиталом в 3,5 млн. крон и «Чехокоффекион» — акционерное общество коффекионной промышленности.

Аграрный банк имел прочные позиции в сахарной промышленности, где ему принадлежали ряд крупных предприятий: «Акционерное общество сахароваренной промышленности в Годонине», «Агроцукр», «Акционерное общество спиртовой промышленности в Моравской Остраве». В текстильной промышленности ему принадлежали акционерные текстильные фабрики «Ян Генрих и Сын в Усти на Орлице».

Влияние Аграрного банка в тяжелой промышленности распространялось главным образом на заводы, производящие сельскохозяйственные машины: «Агроферн» — завод по производству плугов, «Рольницы строппы и слеварны в Младе Болеславе» и т. д.

Через патронируемый Банк для торговли и промышленности Аграрный банк контролировал также ряд автомобильных и станкостроительных заводов, наряду с другими банками участвовал в основании пражской

⁶⁷ А. P i m p e r. *České obchodní banky...*, str. 257

⁶⁸ Там же, 232, 258.

Збройевки. Это наглядно свидетельствовало об активном проникновении аграрного капитала в отрасли тяжелой промышленности.

Интересы концерна Чешского промышленно-экономического банка лежали как в легкой, так и в ряде отраслей тяжелой промышленности. Через входящий в объединение банк Унион он контролировал ряд предприятий металлургической промышленности.

Итак, оформившиеся в период кризиса банковские группировки были тесно связаны с промышленным капиталом и осуществляли контроль над многими крупнейшими промышленными предприятиями.

К концу 1923 г. в Чехословацкой республике из 1243 акционерных обществ (в промышленности и торговле) с акционерным капиталом в 5777,6 млн. крон в той или иной степени от банков зависели 955 обществ с акционерным капиталом 5250 млн. крон.

Представители банков входили в правления большинства акционерных обществ. Так, например, Ярослав Прейс, директор Живностенского банка, был членом правления Ринггофферовских заводов, Объединенных машиностроительных заводов Шкода, Чешского общества сахарной промышленности, Чешского торгового общества и еще 14 акционерных обществ. Аналогичные данные можно привести и о других банках.

Образовавшаяся финансовая верхушка имела тесные связи с государственным аппаратом страны. По данным Бергера, опубликованным в приложении к чешскому изданию книги В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», в начале 20-х годов в Чехословакии каждый четвертый депутат и каждый второй министр были членами правления акционерных обществ. Министр финансов инженер Бечка являлся членом правления Живностенского банка, «Акционерного общества по использованию леса», «Чешского пльзенского пивовара», «Текстильных заводов Ян Генрих и Сын», «Пражской акционерной типографии», «Акционерного общества молочной промышленности» и т. д.

Бывший министр финансов Энглиш являлся членом правления Англо-чешского банка, Шкодовских заводов, министр Каплан был членом правления Словацкого банка, Шробар — членом правления Американо-словацкого банка, Удржал — членом правления Аграрного банка и т. д. Список можно было бы еще продолжить десятком имен.

В одном из запросов, поданных в парламент, прямо указывалось, что правления акционерных обществ и банков «часто выбирали председателями влиятельных политиков, поскольку полагали, что тем самым им удастся войти в тесные связи с правительством и правящими партиями»⁶⁹.

В годы послевоенного экономического кризиса особенно сильно обострилась борьба чешской буржуазии за укрепление своих позиций в экономике страны. В этом она широко использовала государственный аппарат и свое господствующее положение в республике, вытесняя своих конкурентов и соперников в лице австрийской, венгерской и словацкой буржуазии. Для ослабления позиций венгерского и немецкого капитала и укрепления роли чешской буржуазии в хозяйстве страны большое значение имел закон о пострификации предприятий, центры которых находились за границей⁷⁰. Закон обязал все предприятия перенести свои центры из-за границы в Чехословакию. В случае невыполнения этого за-

⁶⁹ «Tisky k těsnopiseckým zprávám...», sv. XVIII, t. XII/4048.

⁷⁰ Закон о пострификации был издан в 1919 г., но активное проведение его в жизнь началось лишь в 1921 г., когда буржуазии после разгрома рабочего класса в декабрьской стачке 1920 г. удалось закрепить свое господство в государстве и перейти к активному укреплению своих экономических позиций.

копа административные органы могли запретить деятельность данного предприятия.

В 1920 г. был издан закон, острие которого направлялось против иностранных обществ и банков, имеющих центры за пределами республики. Отныне они лишались права вести операции и создавать филиалы на территории Чехословакии от имени своей фирмы.

Перенесение центров предприятий в Чехословакию уже само по себе ослабляло позиции немецкого и венгерского капитала, а запрещение вести операции от имени своей фирмы заставляло австрийскую и венгерскую буржуазию, имеющую капиталы в Чехословакии, устанавливать тесные связи с чешскими банками и акционерными обществами.

Но главная задача нострификации заключалась в том, чтобы руководство нострифицированных предприятий передать из рук австрийской и венгерской буржуазии в руки чешской. Сильная инфляция австрийской валюты, развернувшаяся в послевоенный период, привела к увеличению валютной разницы между курсовой стоимостью австрийской и чехословацкой кроны ⁷¹. Она сделала для венских и будапештских банков практически невозможным финансирование предприятий на территории Чехословацкой республики. Акции этих предприятий на международных биржах стали падать, и все это вместе взятое позволило чешскому финансовому капиталу по низкому курсу скупать акции подлежащих нострификации предприятий. Уже к концу 1921 г. было нострифицировано 117 акционерных обществ с общим капиталом 1005 млн. крон ⁷².

Откуда же чешская буржуазия черпала капитал для скупки акций предприятий, подлежащих нострификации? Прежде всего, следует отметить, что годы войны и два послевоенных года ознаменовались быстрым ростом капитала чешских банков. Если к началу войны сумма капитала в них составляла 900 млн. крон, то в 1920 г. банки имели вкладов на 60,5 млн. крон, а их собственный капитал исчислялся в 1,25 млрд. крон ⁷³.

Политика дефляции, начавшаяся с конца 1921 г., увеличила возможности чешского капитала в проведении нострификации. Во-первых, в результате стремительного подъема курса кроны на международных рынках еще больше возрастала разница между курсом австрийской и чешской валют. Во-вторых, дефляция, увеличив реальную стоимость вкладов чехословацких банков, позволила чешской финансовой буржуазии более активно участвовать в проведении нострификации. К началу 1928 г. всего было нострифицировано 231 акционерное общество с общим капиталом 1.948,36 млн. крон ⁷⁴.

Формы нострификации были разнообразны. Из одних филиалов создавались самостоятельные акционерные общества, где большая часть акций была у чешских капиталистов; другие филиалы вливались в ранее существовавшие предприятия, третьи ликвидировались.

⁷¹ Таблица валют Австрии, Венгрии и Чехословакии в % к паритету наглядно иллюстрирует сложившуюся обстановку:

Страна	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г. (IV кв.)
Австрия	0,81	0,5	7,01	0,0070
Венгрия	1,29	0,45	0,082	0,0071
Чехословакия	6,20	11,93	14,59	14,61

⁷² А. Раšíн. Finanční a hospodářská politika Československa do konce 1921 г. Praha, 1922, стр. 128.

⁷³ «Národní listy», 17.II 1922.

⁷⁴ «Masaríkův slovník naučný». Praha, 1931, т. 5, стр. 217.

Правительство, стремясь охватить нострификацией возможно большее число предприятий, широко применяло практику концессий с привлечением иностранного капитала, главным образом, английского и французского. Так, например, при нострификации чешских филиалов Венского банковского объединения и создании Всеобщего чешского банковского объединения концессия была дана Моравскому Аграрно-Промышленному банку в Брно, «Сосьете жeneralь де Бельжик» в Брюсселе, «Банк Бельне нур л'Етранже, филиаль де ля сосьете жeneralь де Бельжик» в Брюсселе и Венскому банковскому объединению⁷⁵.

При нострификации филиалов Лендербанка концессию на создание нового банка получили Чехословацкий аграрный банк, «Банк де Пари э де Пайи ба» в Париже и Банк для австрийских земель в Вене. Подобная же картина наблюдалась и в ряде других случаев.

Некоторым исключением из этого правила явилась пострификация Англо-австрийского Банка. 12 апреля 1922 г. на основе филиалов выше-названного банка был создан Англо-чешский банк. Разрешение на его основание было дано только английскому «Банк оф Ингленд» в Лондоне. В результате 120 млн. крон акционерного капитала фактически перешло в руки английской финансовой группы⁷⁶. Этот банк имел в Чехословакии 30 филиалов и в первый же год завоевал прочные позиции в промышленности.

Система концессий, получившая большое распространение при пострификации, облегчала чешской буржуазии вытеснить своего экономического соперника в лице немецкого и венгерского капитала, но в то же время широко открывала двери для притока в страну иностранного (английского и французского) капитала. Чешскому финансовому капиталу благодаря пострификации в значительной степени удалось укрепить свои позиции. Особо следует подчеркнуть, что в этой борьбе активное участие принимали английский и французский капиталы, стремившиеся за счет вытеснения немецкого капитала укрепить свое влияние в Чехословакии.

Политика пострификации привела к изменению соотношения сил в словацкой промышленности, ранее находившейся в руках будапештских и венских банков. С пострификацией доля венгерского капитала в экономике Словакии стала заметно уменьшаться.

Если в 1919 г. из 247 банков, имевшихся в Словакии и Закарпатской Украине, 49 были словацкими, 102 венгерскими, 11 немецкими, а остальные смешанными, то в 1922 г. из 200 банков 48 были словацкими, 78 венгерскими, 15 немецкими, а остальные смешанными.

Вытеснение венгерского капитала сопровождалось экспансией крупнейших чешских банков, которые стремились укрепиться в новых районах. В этот период капитал Живностенского банка проникает в текстильную, бумажную, целлюлозную, мукомольную промышленность Словакии, оп ставит в зависимость от себя крупнейшее металлургическое предприятие «Римомуранское акционерное общество», пропитает в государственные заводы в Подбрезовой. В руки Моравского аграрно-промышленного банка переходят бумажно-целлюлозные заводы с Славовицах, Гурке, Гармонце. Большая часть акций заводов по производству патронов «Братиславского акционерного общества» попадает в руки Чешского учетного банка и Живностенского банка. Однако в Словакии политика чешской буржуазии не исчерпывалась только вытеснением венгерского капитала и усилением удельного веса чешских и словацких банков в промышленности. Экономическая ситуация, сложившаяся в

⁷⁵ «Almanach československého peněžnictví...», str. 106.

⁷⁶ A. P i m p e r. České obchodní banky za valku..., str. 507.

стране после потери старых австро-венгерских рынков, поставила перед чешской буржуазией вопрос о расширении внутреннего рынка. С началом экономического кризиса проблема рынков стала для чехословацкой промышленности особенно болезненной, и чешская буржуазия стремилась разрешить этот вопрос в первую очередь за счет своих конкурентов. Немецкая промышленность, имевшая связи с немецкими банками и более богатая капиталами, была серьезным противником и уничтожить ее было не так-то просто.

Более слабым конкурентом была промышленность Словакии, развивавшаяся до первой мировой войны в несколько тепличных условиях при охранной таможенной политике и государственных субсидиях венгерского правительства, стремившегося этими мерами стимулировать развитие промышленности в венгерских землях. С созданием Чехословацкой республики условия изменились, и промышленность Словакии, лишившись этих преимуществ, должна была выступать на равных условиях с более сильными конкурентами: немецкой и чешской промышленностью.

Слабость промышленности словацких областей в значительной степени обуславливалась узкой энергетической базой. Из собственных запасов угля она покрывала лишь 10%⁷⁷ всего необходимого потребления, что ставило ее в полную зависимость от привозного угля и ослабляло позиции в конкурентной борьбе.

Потеря старых венгерских рынков сбыта для словацкой промышленности неизбежно ставила вопрос о завоевании новых, что было немыслимо без реорганизации и усовершенствования производства, вложения новых капиталов и т. д. Для этого были необходимы дополнительные капиталы, кредиты. Но с установлением самостоятельной чехословацкой валюты промышленность Словакии, ранее финансируемая будапештскими и частично венскими банками, оказалась в чрезвычайно тяжелом положении, поскольку словацкие банки были очень слабы и не могли в достаточной степени компенсировать потерю будапештского кредита. Создавались благоприятные условия для проникновения чешского капитала в хозяйство словацких областей.

Все эти обстоятельства делали словацкую промышленность чрезвычайно уязвимой в развернувшейся конкурентной борьбе. Поэтому отнюдь не случайны стремления чешского финансового капитала разрешить трудности, связанные с узким внутренним рынком, за счет уничтожения промышленности Словакии. Это стремление нашло свое законченное выражение в политике деиндустриализации, проведение которой фактически началось с момента окончательного присоединения Словакии и в полную меру развернулось в годы послевоенного экономического кризиса, создавшего благоприятные условия для осуществления планов чешской буржуазии.

С 1919 г. используя слабость энергетической базы словацкой промышленности, чешская буржуазия, захватив с помощью государственного аппарата распределение угля в стране в свои руки, создает искусственно нехватку угля в Словакии. Статистические данные раскрывают картину снабжения словацкой промышленности углем лишь с 1920 г., но отдельные документы показывают, что начиная с 1919 г. словацкие фабрики не получали достаточного количества угля, необходимого для работы. С Гармапской бумажной фабрики в 1923 г. сообщалось: «...Чешские фабрики полностью в 1919 г. снабжены углем и могли непрерывно работать, наша

⁷⁷ J. K r a m e r. K dějinám přemyslu na Slovensku za prvej ČSR. Bratislava, 1955, str. 25.

фабрика использовала до октября 1919 г. только 10% своей производственной мощности, при этом платили всем рабочим. Мы уже тогда потерпели убытки в несколько миллионов»⁷⁸.

Подобные же сведения поступали и с других предприятий Словакии. В 1920 г. в Словакию из чешских земель было доставлено лишь 32,3% необходимого каменного угля, 53,3% бурого угля, а в 1921 г. поставки каменного угля достигли 45,1%, а бурого угля уменьшились до 32,2%⁷⁹.

Если недостаточные поставки угля в 1919 — 1920 гг. можно в известной степени объяснить общей нехваткой угля в стране, то к 1921 г. такого объяснения было бы далеко недостаточно, поскольку известно, что угледобывающая промышленность чешских областей начиная с середины 1921 г. (а отдельные предприятия с конца 1920 г.) испытывала трудности сбыта угля. Это было скорее всего целенаправленное мероприятие чешских буржуазных кругов, рассчитанное на ослабление конкуренции словацкой промышленности. Хронический недостаток угля в 1919—1921 гг. неизбежно привел к тому, что даже в период относительного послевоенного оживления словацкая промышленность находилась в стадии застоя, и многие предприятия работали с большими перерывами.

С наступлением экономического кризиса, широко используя находившуюся в ее руках политическую власть, чешская буржуазия приступила к новому нажиму на промышленность Словакии. Одним из активных средств чешской буржуазии, рассчитанным на уничтожение конкурента, была налоговая политика. Налог на капитал, которым облагались так называемые промышленные предприятия (его платили промышленники, ремесленники и т. д.) составлял для чешских земель 3%, а для словацких земель 10%⁸⁰. Если в Чехии, Моравии и Силезии на 100 000 крон чистой прибыли предприниматель уплачивал по этому налогу с некоторыми дополнениями 19 000 крон, то в Словакии 66 000 крон⁸¹. Банки в словацких землях были тоже поставлены в очень невыгодное положение. Они должны были платить более высокие налоги. Например, налог на вложенные сбережения в Чехии, Моравии и Силезии составлял 6%, а в Словакии 10%⁸². Это неизбежно делало кредиты словацких банков более дорогими. Такая налоговая политика основательно затрагивала интересы словацкой буржуазии, делая ее промышленность неконкурентноспособной. Поэтому не случайно в Национальном Собрании депутаты словацких буржуазных партий выдвигают как одно из основных требований уравнивание налогов.

Другим мероприятием, рассчитанным на подрыв и ослабление промышленности Словакии, было введение с 1921 г. новой системы железнодорожных тарифов, предусматривавшей более высокие тарифы на частных железных дорогах. Введение такой системы ставило в крайне невыгодное положение словацкие области, где было на менее 36 дорог в частном владении, т. е. из всей железнодорожной сети свыше 50% приходилось на частные дороги. По заявлению немецкого депутата Виттиха, в 1922 г. железнодорожные тарифы в Словакии были на 40% выше, чем в чешских землях⁸³. Для словацкой промышленности, находившейся в полной зависимости от привозного топлива, вздорожание железнодорожных пере-

⁷⁸ J. K r a m e r. Niektoré otázky vývinu priemyslu na Slovensku v predmnichovej republike. ČCH N 4, 1958, str. 694.

⁷⁹ J. K r a m e r. K dějinám priemyslu na Slovensku..., str. 27.

⁸⁰ «Těsнописecké zprávy...», sch. 93, 18.XI 1922, str. 518.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, sch. 160, 25.X 1922, str. 211.

⁸³ Там же, sch. 123, 20.I 1922, str. 2308.

возок, означавшее вздорожание производства, было вопросом жизни и смерти.

«Словацкая металлургическая промышленность была бы жизнеспособной, если бы была реорганизована перевозка, если бы железные дороги, которые в Словакии до сих пор находятся в руках иностранных капиталистов, были бы нострифицированы, если бы правительство имело бы на них влияние и могло бы диктовать единые тарифы»⁸⁴. «Центр проблемы жизнеспособности словацкой промышленности заключается в вопросе о перевозках»⁸⁵. Эти заявления словацких депутатов в парламенте весьма красноречиво отражают положение, создавшееся в Словакии после введения новых железноподорожных тарифов.

Что касается вопроса о распределении государственных субсидий и размещении государственных заказов в промышленности, то он полностью решался в интересах чешской буржуазии. По словам депутата Национального собрания Поциска, словацкая промышленность получила только 5% государственных заказов, тогда как должна была получить не менее 27%⁸⁶.

Таким образом, ряд мероприятий, проведенных чешскими буржуазными кругами в годы кризиса, в соединении с политикой дефляции, ставил словацкую промышленность в чрезвычайно тяжелое положение. Неси ущерб в связи с увеличенным налогом, железнодорожным тарифом, простаивая из-за недостатка угля и не получая государственных заказов, не находя рынка сбыта для имеющейся готовой продукции, словацкие предприятия вынуждены были ограничивать производство или полностью прекращать работу. Большую роль в этом сыграли крупнейшие чешские концерны, которые, подчинив себе то или иное предприятие или акционерное общество Словакии, преднамеренно свертывали производство. При этом интересно отметить, что прежде всего начали свертывать производство предприятия, оснащенные новейшим оборудованием.

Например, в металлургической промышленности наиболее технически оснащенными были Кромпашские заводы, давшие в 1913 г. 44,7% всей валовой продукции металлургической промышленности Словакии, и заводы Римомуранской компании, на долю которых в 1913 г. приходилось 31,5%⁸⁷ валовой продукции. Уже с 1920 г. эти заводы начали ограничивать производство, а с ноября 1922 г. полностью его прекратили, при этом государственный заказ, полученный ими, был перепродан за 40 млн. крон Витковицким металлургическим заводам⁸⁸.

Многие предприятия Словакии, прекратившие или сократившие свое производство в этот период, отнюдь не показывали пассивных балансов, а наоборот, в их балансах отмечались миллионные прибыли. Среди таких заводов были горное и металлургическое предприятия в Кетербахе, горный завод в Мариап Гуте, спичечная фабрика в Борежске, Кромпашские металлургические заводы, завод ножей в Штосе⁸⁹.

Причину свертывания производства в таких случаях нужно искать в нажиме чешских монополистических кругов, которые развернули борьбу за получение квот отдельных крупных предприятий, расположенных в Словакии. Например, Витковицкие металлургические заводы и Горнопромышленное общество намеревались получить квоту заводов Филиппа

⁸⁴ Там же, sch. 167, 14.XI 1923, str. 412.

⁸⁵ Там же, sch. 123, 20.I 1922, str. 2308.

⁸⁶ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 167, 14.XI 1923, str. 413.

⁸⁷ J. K r a m e r. K dějinám priemyslu na Slovensku..., str. 13.

⁸⁸ «Rudé právo», 24.IV 1923.

⁸⁹ «Tisky k těsnopiseckým zprávám...», sv. XIII, T. XIV, 3410.

Кобурга в Трнаве, квоту Горнотальских железоделательных заводов и т. д. За квоту последних Витковицкие металлургические заводы и Горно-промышленное общество обязывались выплатить 40 млн. крон с тем, чтобы Горнотальские заводы приостановили производство на 10 лет⁹⁰.

В этот же период наблюдалось перемещение ряда заводов и фабрик из Словакии за границу и, главным образом, в Венгрию. С мая 1922 г. в прессе появились сообщения о том, что некоторые венгерские банки ведут переговоры со словацкими предприятиями о перевозке их в Венгрию. В числе таких банков указывались Будапештский банк, «Унгария», ведущий переговоры с Гельницкими заводами, и Пештский торговый банк, ведущий переговоры с Шилипскими текстильными фабриками⁹¹.

10 августа 1922 г. газета «Руде право», ссылаясь на известия из Будапешта, сообщала, что 76 предприятий Словакии пахотятся на пути в Венгрию (среди них были текстильные, бумажно-целлюлозные и химические заводы). Это перемещение предприятий за границу проводилось с ведома и при поддержке правительства, о чем ярко свидетельствует ответ министра по делам Словакии на запрос коммунистов от 15 июня 1922 г., в котором прямо указывалось, что «вывоз машин и текстильных станков, с 1 октября 1921 г. является полностью свободным, предприятиям не требуется никаких особых разрешений, если они вывозят свое оборудование за границу»⁹². Положение, создавшееся в словацкой промышленности к началу 1923 г., свидетельствовало о том, что чешскому капиталу в значительной степени удалось провести в жизнь свой план деиндустриализации Словакии. По данным протоколов заседаний Национального Собрания, за период с 1918—1922 гг. в Словакии было закрыто 203 предприятия, на которых раньше работало 127 тыс. рабочих⁹³.

В этом отчетливо проявились стремления чешской буржуазии переложить разрушительные последствия кризиса на национальные окраины республики и за счет уничтожения промышленности этих районов расширить внутренний рынок для сбыта своей продукции.

Таким образом, во время послевоенного экономического кризиса, когда особенно острой стала конкурентная борьба на внутреннем рынке, чешский капитал, активно используя государственный аппарат, сумел в значительной степени потеснить немецкий и венгерский капиталы, ослабить их влияние и укрепить свои позиции в экономике страны.

В годы экономического кризиса хозяйство Чехословакии испытывало весьма интенсивный прилив иностранного капитала. Он происходил в основном в двух формах: во-первых, в форме государственных и коммунальных займов, которые в отличие от займов 1919 г. предназначались не на военные, а на хозяйственно-экономические нужды; во-вторых, в форме швенствирования частных капиталов по договору с правительством или путем основания новых предприятий и кредитования существующих.

Из числа займов, полученных Чехословакией в рассматриваемый период, следует прежде всего указать на уже упоминаемый английский заем на 10 млн. фунтов стерлингов, сроком на 25 лет. Этот заем носил довольно кабальный характер, поскольку тяжесть процентирования, ложившаяся на Чехословацкую республику после вычета всех расходов, составляла 8,89%⁹⁴.

⁹⁰ Archiv KPR. Prezidium zemske zpravy politické v Opavě. Tydenní zpráva ze Slezsku od 10—17 prosince 1922.

⁹¹ «Tisky k těsnopiseckým zprávám...», sv. XV, T. 3690/XIII.

⁹² «Tisky k těsnopiseckým zprávám...», sv. XVIII, T. 4033.

⁹³ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 193, 28.II 1923, str. 2337.

⁹⁴ ЦГАОР, ф. 413, оп. 17, д. 235, лл. 16, 17.

В это же время Чехословакия получила предложение от группы Швейцарских банков на заем в размере 60 млн. золотых франков при 6% годовых.

Из коммунальных займов, интерес представляет заем английского банковского концерна Праге в размере 3 млн. фунтов стерлингов, который Прага обеспечивала ипотекой на ряд земельных участков⁹⁵.

Однако более широкой формой проникновения иностранного капитала были частные инвестиции.

Концессии, широко предоставляемые Чехословацким правительством в связи с проведением нострификации, создавали благоприятные условия для внедрения иностранного, главным образом, английского, французского, бельгийского капиталов в экономику страны. Так, например, в этот период в сферу влияния французского банка «Банк де Пари э де Пайи ба» попадает «Банк для торговли и промышленности», а вместе с ним под контроль французского капитала попадает и часть промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья, в том числе 21 сахароваренный завод. Влияние английского капитала осуществлялось через Англо-чешский банк, возникший также на основе нострификации, который контролировал предприятия стекольной, текстильной, электротехнической и химической промышленности.

Аналогичным образом проводниками влияния иностранного капитала оказывались почти все возникшие в период нострификации так пазываемые чешско-немецкие банки.

Кроме концессий, связанных с нострификацией, государство в этот период заключает несколько крупных соглашений с иностранными фирмами.

Одно из таких соглашений сроком на 30 лет было заключено с американским нефтяным трестом «Стандарт Ойл Компани» через французскую фирму «Стандарт Френкес Америкен». Соглашение предусматривало создание акционерного общества в Праге с акционерным капиталом в 100 млн. крон, которому будет предоставлено монопольное право разведки и эксплуатации всех нефтеносных земель страны, при этом общество получает все исключительные права, принадлежащие государству, включая и право отчуждения частных владений⁹⁶.

В этот же период Чехословацкому правительству было сделано предложение от группы финансистов США, желающих инвестировать свои капиталы в государственные железные дороги страны⁹⁷.

Особенно активно приток иностранного капитала в экономику страны происходил в форме соглашений между частными чехословацкими и иностранными фирмами. Однако сведения об этих соглашениях крайне отрывочны и поэтому дать полную картину связей отдельных чехословацких предприятий с иностранным капиталом крайне сложно. Но имеющиеся материалы совершенно определенно говорят о наличии этих связей.

Через концерн заводов Шкода, акции которого еще в 1919 г. были приобретены фирмой «Шнейдер-Крез», через Живостенский банк, с которым в 1920 г. банк «Де л'Юннан Паризьен» подписал договор о сотрудничестве, французский капитал проникал в отрасли тяжелой промышленности; с 1920 г. он устанавливает контроль над одним из гигантов металлургической промышленности «Горнопромышленным металлурги-

⁹⁵ Там же, л. 15.

⁹⁶ ЦГАОР, ф. 413, оп. 17, д. 235, л. 13.

⁹⁷ ЦГАОР, ф. 413, оп. 3, д. 918, л. 94.

ческим обществом»⁹⁸. Он проникает в химическую и электротехническую промышленность, участвует наряду с английским капиталом в создании «Чехословацкого акционерного общества по производству взрывчатых веществ», в «Акционерном обществе по очистке минеральных масел» и т. д.

Английский капитал делает свои вложения в предприятия химической, лесной, текстильной, сахарной, электротехнической промышленности.

При этом интересно отметить, что чехословацкие промышленники и финансисты, направляя основное острие борьбы против немецкого капитала, зачастую в этой борьбе прибегали к помощи французских и английских банков. Например, в керамической промышленности, где позиции германского и австрийского капитала были весьма значительны (их контролю подлежали общества «Порцелян Унион», «Гучерайт», «Мальерсгрун»), чехословацкие промышленники, опасаясь захвата этой отрасли австро-германским капиталом, решили создать акционерный банк с капиталом 40 млн. крон и предоставить право участия в его создании наряду с чешским французскому капиталу⁹⁹.

Косвенным свидетельством растущих связей чехословацких монополий с монополиями Англии, Франции и некоторых других государств в этот период является проникновение чехословацких товаров на рынки этих стран. Например, если в 1920 г. в Англию и ее африканские и азиатские владения было вывезено 0,39%¹⁰⁰ от общего веса всех экспортируемых чехословацких товаров, то в 1923 г. вывоз в Англию и ее владения поднялся до 2,47%¹⁰¹, при этом обращает на себя внимание проникновение чехословацких товаров в азиатские и африканские колонии (в 1920 г. вывоз в английские колонии составлял 0,01% общего вывоза товаров, в 1923 г. — 0,14%).

Таким образом, влияние антантовского капитала в экономике Чехословакии в годы послевоенного кризиса увеличивается.

Кроме всякого рода займов, концессий и соглашений иностранный капитал в экономике Чехословакии к концу 1923 г. был представлен 139 акционерными обществами (исключая банки и другие финансовые учреждения). В числе этих обществ было 46 венгерских с акционерным капиталом 532 млн. венгерских крон, 37 австрийских с акционерным капиталом 900 млн. австрийских крон, 32 германских с акционерным капиталом 707,5 млн. марок, семь английских с акционерным капиталом 27,7 млн. фунтов стерлингов, четыре американских с акционерным капиталом 463 млн. долларов, три бельгийских с акционерным капиталом 73 млн. бельгийских франков, два итальянских с акционерным капиталом 88,8 млн. лир, два голландских с акционерным капиталом 30 млн. голландских злотых, два французских с акционерным капиталом 86,5 млн. франков, одно югославское с акционерным капиталом 20 млн. югославских крон, одно датское с акционерным капиталом 50 млн. крон¹⁰².

Помимо этого в Чехословакии существовало 59 иностранных обществ с ограниченной ответственностью, из которых 43 было австрийских, 15 немецких и одно югославское.

Общая сумма иностранного капитала, представленного в акци-

⁹⁸ А. Х. К л е в а н с к и й. К экономическому положению Чехословакии в годы революционного подъема (1918—1921). «Ученые записки Института славяноведения», т. XV, 1957, стр. 289.

⁹⁹ ЦГАОР, ф. 413, оп. 4, д. 426, л. 102.

¹⁰⁰ «Statistická příručka...», d. II, str. 172.

¹⁰¹ Там же, стр. 614.

¹⁰² В. И. Л е н и н. «Imperialismus dnešní období kapitalizmu». Populární poznámky o poměrech v Československu sestavil O. E. Berger. Praha, str. 145—146.

онерных обществах и обществах ограниченной ответственности, составляла 22 млрд. крон ¹⁰³.

Чехословацкая экономика в рассматриваемые годы стала ареной борьбы между английским и французским капиталом, с одной стороны, австрийским и германским, — с другой. Некоторые крупнейшие банки Чехословакии превратились в проводников английского и французского влияния в бывших владениях австрийского и германского капитала. Например, через Живностенский банк, имевший под своим контролем ряд банков и предприятий в Югославии, Румынии, Венгрии, Болгарии, французский капитал усилил свое влияние на Балканах.

Таким образом, в рассматриваемый период в хозяйственной жизни Чехословакии произошли значительные изменения. Послевоевропейский экономический кризис и обострившаяся в связи с ним конкурентная борьба, политика дефляции, проводившаяся в интересах крупного капитала, активизировали разорение мелкой и средней буржуазии и усилили концентрацию производства и капитала. В эти же годы чешской буржуазии при поддержке государственного аппарата и активной помощи иностранного капитала, главным образом английского и французского, удалось в значительной степени ослабить роль немецкого и венгерского капитала и овладеть основными позициями в экономике страны. Используя свое возросшее влияние в хозяйственной жизни, чешские финансово-монополистические круги стремились разрешить исторически сложившуюся диспропорцию между развитым промышленным потенциалом и узким внутренним рынком за счет национальных окраин, перекладывая на них все разрушительные последствия кризиса, уничтожая промышленность Словакии и Закарпатской Украины, превращая их в аграрно-сырьевые придатки промышленноразвитых чешских областей.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА И ТРУДЯЩИХСЯ МАСС ЧЕХОСЛОВАКИИ

в 1921—1923 гг.

Наступивший экономический кризис привел к ослаблению боевых позиций пролетариата. Он повлек за собой резкое увеличение безработицы, в результате чего миллионные массы пролетариата Западной Европы влились в резервную армию труда. Простая возможность привлечения капиталистами безработных рабочих в случае столкновения с рабочими, занятыми на производстве, ослабляла боевую готовность пролетариата, делала его позиции в борьбе с капиталом более уязвимыми.

В Чехословакии, где и в период некоторого послевоенного подъема имелась постоянная резервная армия безработных, с началом экономического кризиса, усиленного политикой дефляции и деиндустриализацией в Словакии, количество безработных стало расти чрезвычайно быстро.

Официальная статистика, составленная на основе данных биржи труда в 1921 г., отмечает, что уже в феврале было 105 904 безработных ¹⁰⁴. Буржуазный экономист Густав Рейф указывает, что в первой половине 1921 г. количество безработных превышало число вакантных мест в 10 раз ¹⁰⁵. В металлургической промышленности остановка была еще более напряженной: если в январе 1921 г. число желающих получить работу

¹⁰³ Там же, стр. 146.

¹⁰⁴ «Statistický přehled republiky Československé». Praha, 1930, str. 215.

¹⁰⁵ «Československý statistický věstník», roč. III, seš. 2—4, str. 125.

превышало число вакантных мест почти в 40 раз, то в июне 1921 г. количество безработных превышало число вакантных мест в 78 раз ¹⁰⁶.

С начала 1922 г. официальная статистика регистрирует непрерывное нарастание безработицы. На биржах труда в январе 1922 г. было зарегистрировано 113 015 человек, желающих получить работу, к январю 1923 г. цифра возросла до 441 075 человек ¹⁰⁷. Это был кульминационный пункт. С января 1923 г. намечается уменьшение безработицы в стране. Но оно идет крайне медленно: в декабре 1923 года все еще насчитывалось 191 978 человек безработных, и лишь к июлю 1924 г. число безработных достигает докризисного состояния — 79 376 человек ¹⁰⁸.

Однако картина, представленная официальной статистикой, не полностью отражает действительное положение: она лишь отмечает тенденцию развития, т. е. уменьшение или увеличение числа безработных, но не дает и не может дать ответ на вопрос о действительном количестве безработных в стране. Материалы коммунистической прессы, а также протоколы заседаний парламента в известной степени дополняют и корректируют официальную статистику, что позволяет составить более полное представление о действительном масштабе безработицы.

Газета «Руде Право» в сентябре 1922 г. писала, что в республике действительное количество безработных достигает свыше полумиллиона человек. В важнейших отраслях промышленности значительная часть ранее занятых рабочих к этому времени уже лишилась работы: в металлургической промышленности 39% рабочих, в текстильной 43%, в стекольной промышленности 50%, в обувной промышленности 90% рабочих оказались за воротами фабрик и заводов ¹⁰⁹.

Эти данные рабочей печати подтверждаются сообщениями с мест. По сведениям Брненской торговой палаты в этом крае работало только 20—50% ранее занятых рабочих ¹¹⁰.

На Полдинском металлургическом заводе из 996 рабочих, занятых на производстве на 1 января 1920 г., к 30 августа 1922 г. осталось лишь 280, причем из этого количества только $\frac{2}{3}$ работали 48 часов в неделю, а остальные 42 и 30 часов в неделю. На Витковицких заводах, где в 1920 г. работало 22 тыс. человек, к сентябрю-октябрю 1922 г. занято было только 13 тыс., на заводах Пражского металлургического общества из 7736 рабочих в 1920 г. в сентябре 1922 г. работало только 2680 человек ¹¹¹. В отчете краевого профсоюзного совета в Пардубице за 1922 г. отмечалось: «В промышленности обувной и текстильной кризис был настолько силен, что производство во многих случаях было приостановлено. В текстильной промышленности совсем прекратили производство 8 заводов, на них было занято 2527 рабочих. Подобная же картина была и в обувной промышленности» ¹¹².

В кульминационный период кризиса в декабре 1922 — январе 1923 г., когда официальная статистика насчитывала 441 075 безработных, не учитывая, как правило, сезонных, сельскохозяйственных рабочих и занятых не полную рабочую неделю, коммунисты с трибуны Национального

¹⁰⁶ «Československý statistický věstník», roč. III seš. 2—4, str. 125.

¹⁰⁷ «Statistický přehled republiky Československé». Praha, 1930, str. 215.

¹⁰⁸ Там же, стр. 215.

¹⁰⁹ «Rudé právo», 6.IX 1922.

¹¹⁰ «Těsnořisecké zprávy...», sch. 160, 25.XI 1922, str. 77.

¹¹¹ «Těsnořisecké zprávy...», sch. 161, 26.X 1922, str. 221.

¹¹² VOA ÚRO Praha OSČ 6331. Zprávy krajské odborové rady Pardubice.

собрания заявили, что действительное число безработных в Чехословакии достигло 800 тыс. человек ¹¹³.

Особенно большая безработица охватила Словакию, Закарпатскую Украину и Западные районы Чехии, заселенные немцами.

В Словакии в начале 20-х годов по данным страховых касс количество промышленных рабочих исчислялось в 210—250 тыс. человек ¹¹⁴, к февралю 1923 г. по данным, оглашенным в парламенте, 127 тыс. ¹¹⁵, из них лишилось работы в связи с тем, что 203 промышленных предприятия совершенно прекратили производство. Оставшиеся предприятия работали при ограниченном количестве рабочих (подобно Кобурговым заводам, сократившим $\frac{2}{3}$ рабочих).

Огромную часть словацкого пролетариата составляли сельскохозяйственные рабочие, лесорубы, сезонные рабочие, которые зачастую не попадали ни в какую статистику и о положении которых имеются весьма скудные и отрывочные сведения. Коммунистическая пресса приводит цифру в 120 тыс. безработных среди сельскохозяйственных рабочих и строителей. Однако в других источниках эта цифра не находит подтверждения.

Одним из доказательств того, что безработица в Словакии была сильнее, чем в остальных землях республики, служит статистика эмиграции (см. табл. 2) ¹¹⁶.

Таблица 2

Год	Число эмигрирующих по индивидуаль- ному паспорту					На каждые 10 тыс. жителей приходится эмигрантов				
	Чехия	Моравия и Силе- зия	Словакия	Закарпат. Украина	Всего из республи- ки	Чехия	Моравия и Силе- зия	Словакия	Закарпат. Украина	Всего из республи- ки
1922	12 638	6 778	11 660	1 202	32 278	18,8	20,1	38,2	19,4	23,4
1923	9 583	6 699	18 084	346	34 712	14,1	19,6	58,6	5,5	25
1924	7 773	3 553	13 771	586	25 683	11,4	10,3	44,1	9,1	1,4

Из этих данных видно, что в Словакии на каждые 10 тыс. человек приходилось большее число эмигрирующих, чем в других районах республики. Особенно усилился поток эмигрантов из Словакии в 1923 г., тогда как в остальных землях Чехословацкой республики наблюдалось сокращение эмиграции. По всей видимости, это связано с быстрым свертыванием словацкой индустрии и интенсивным ростом безработицы.

В немецких районах Чехословакии, особенно в Западной Чехии, в течение всего 1922 г. увеличение числа безработных идет очень быстрыми темпами. По сообщению Хебской торговой палаты, в начале января 1922 г. на предприятиях этого края было занято 8297 рабочих, к августу число их сократилось до 4283 человек. Текстильная промышленность Аша в начале января насчитывала 300—500 безработных, к августу 1922 г. 24 тыс. безработных ¹¹⁷.

¹¹³ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 191, 23.II 1923, str. 2197.

¹¹⁴ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 167, 17.XI 1923, str. 411.

¹¹⁵ Там же, sch. 193, 28.II 1923, str. 2337.

¹¹⁶ «Statistický přehled republiky Československé...», str. 46.

¹¹⁷ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 160, 25.IX 1922, str. 77.

По сообщению социал-демократического депутата Пика, в 1923 г. занятость на предприятиях в западно-чешских землях сократилась примерно на 40%, а в отдельных случаях и на $\frac{2}{3}$ ¹¹⁸. К сожалению, мы не располагаем официальными статистическими материалами, которые позволили бы выяснить количество безработных в период кризиса в областях, заселенных немцами.

В общем можно сказать, что в кульминационный момент послевоенного кризиса в Чехословакии каждый пятый рабочий был зарегистрирован на бирже труда в качестве безработного.

В сложившейся в Чехословакии к началу 20-х годов обстановке характеризовавшейся укреплением классовых позиций буржуазии после разгрома всеобщей декабрьской стачки пролетариата в 1920 г. и развернувшимся в хозяйственной жизни страны экономическим кризисом, интенсивный рост безработицы в значительной мере сковывал руки рабочему классу в его борьбе и давал возможность господствующим кругам, перейдя в активное наступление против трудящихся масс и в первую очередь против пролетариата, переложить тяжесть послевоенного кризиса на их плечи.

Провозглашение премьер-министром Черным «стабилизации» заработной платы послужило сигналом к началу наступления предпринимателей. Если в течение 1919—1920 гг. статистика и данные рабочей печати, как правило, отмечали рост номинальной заработной платы, то в 1921 г. статистика показывает в большинстве отраслей прекращение подъема. Данные, составленные Г. Рейфом на основе изучения коллективных договоров в Брно и Праге, показывают, что договоры, регистрирующие повышение почасовой оплаты, относятся, главным образом, к середине и концу 1920 г. и лишь в отдельных случаях к 1921 г. Например, у рабочих кирпичных заводов Праги последний коллективный договор, зарегистрировавший повышение почасовой оплаты, относился к 27 мая 1920 г.¹¹⁹, у кузнецов на металлообрабатывающих заводах — к 12 августа 1920 г.¹²⁰, у рабочих машиностроительной промышленности — к 10 мая 1921 г., а на отдельных крупных машиностроительных заводах — к 4 октября 1920 г.¹²¹, у рабочих текстильной промышленности — к 1 января 1921 г.¹²² В Брно наблюдалась примерно та же картина: здесь у рабочих кирпичных заводов последнее увеличение зарплаты было зарегистрировано договором от 2 июня 1920 г.¹²³, в машиностроительной промышленности — 1 июля 1921 г.¹²⁴ В 1921 г. материалы коллективных договоров, как правило, отмечают сохранение заработной платы на одном уровне.

Однако уже в 1921 г. были сделаны попытки провести снижение заработной платы в отдельных отраслях производства. Они, главным образом, коснулись металлургической и угледобывающей промышленности. Весной 1921 г. газета «Право лиду» писала о ситуации, сложившейся в металлургии: «Металлургическая промышленность в Чехословацкой республике переживает время тяжелого экономического кризиса. На некоторых заводах при ограничении производства возникла необходимость снизить заработную плату рабочим, эти стремления проявились при об-

¹¹⁸ «Těsnopisecký zprávy...», sch. 230, 23.XI 1923, str. 522.

¹¹⁹ G. R e j f. «Mzdová hladina v hlavním městě Praze za leta 1919—1926 v srovnání s roku 1914. Praha, 1928, str. 13.

¹²⁰ Там же, стр. 14.

¹²¹ Там же, стр. 22.

¹²² Там же, стр. 29.

¹²³ G. R e j f. Mzdová hladina v Brně za dobu od 1919 do května 1930. Praha, 1930, str. 15.

¹²⁴ G. R e j f. Указ. соч., стр. 20, 24.

суждений коллективных договоров»¹²⁵. В мае 1921 г. предприниматели металлургических заводов Средней Чехии при заключении нового коллективного договора сделали попытку снизить выплату пособий на дороговизну. 6 тыс. рабочих объявили забастовку. «Союз предпринимателей» прибегнул к локауту, призвав своих членов ограничить рабочее время на 10%¹²⁶. В ответ на этот маневр буржуазии в борьбу вступили 26,5 тыс. рабочих 47 заводов. Предприниматели вынуждены были уступить. Однако на ряде отдельных металлургических предприятий заработная плата в течение весны и лета 1921 г. была снижена. На Полдинском металлургическом заводе расценки были снижены на 10%, на заводах Филиппа Кобурга в Словакии заработная плата была снижена на 15%. В это же время аналогичные попытки предприняли шахтовладельцы Раковницкого бассейна, снизившие заработную плату шахтерам на 20%¹²⁷. Со второй половины 1921 г. началось наступление на заработную плату шахтеров в Остравском бассейне, где к концу 1921 г. денежные надбавки семейным и надбавки на питание были снижены. 11 октября было проведено снижение расценок в Росицком бассейне, и совершенно отменены надбавки на хлеб и муку¹²⁸. Отменены были надбавки к заработной плате и в ряде других отраслей промышленности. 1922 год, особенно его вторая половина, был временем сильного нажима капиталистов на рабочий класс. Одна из резолюций, принятых в 1922 г. в Центральном Комитете промышленности¹²⁹, красноречиво раскрывает стремление буржуазии выйти из кризиса и трудностей, связанных с проведением дефляции за счет пролетариата: «...Предприниматели из-за валютных отношений вынуждены немедленно приступить к пересмотру вопросов заработной платы в коллективных договорах. Несомненно, что при этом дело идет к дальнейшему увольнению рабочих и пересмотру рабочего времени... Необходимо будет поднять производительность труда, что повело бы к удешевлению производства....»¹³⁰.

Этот период ознаменовался пересмотром коллективных договоров почти во всех отраслях промышленности. При этом следует отметить уменьшение числа заключенных в 1922 г. договоров. Если в 1920 г. по всей республике статистика зарегистрировала 1228 договоров, охватывающих 46 462 промышленных предприятия с 807 614 рабочими, то в 1922 г. число договоров сократилось до 335, и они распространялись лишь на 18 560 предприятий с 394 837 рабочими¹³¹. Это явление нельзя объяснить только уменьшением общей занятости пролетариата Чехословацкой республики в производстве. Здесь проявилось стремление капиталистических кругов ограничить систему коллективных договоров, которая в значительной степени связывала руки буржуазии в ее наступлении на жизненные права и интересы трудящихся.

Результатом пересмотра договоров было снижение заработной платы в большей или меньшей степени во всех отраслях промышленности.

¹²⁵ «Právo lidu», 17.IV 1921.

¹²⁶ Archiv KPR. Situační zprávy z Čech. 123 politická zpráva situační za dobu od května 15—21 1921 r.

¹²⁷ «Rudé právo», 5.X 1921.

¹²⁸ «Rudé právo», 14.X 1921.

¹²⁹ Возник в результате слияния в июне 1922 г. «Центрального союза чехословацких промышленников» и «Немецкого центрального союза промышленности».

¹³⁰ Archiv Ústavu Dějín KSČ, 1922/298. Opis k číslu 30754.

¹³¹ «Statistický věstník republiky Československé», roč. 1923—1924, č. 3—6, str. 120.

Материалы отчета краевого совета Чехословацкого объединения профсоюзов¹³² в Пардубицах раскрывают следующую картину падения номинальной заработной платы. В течение 1922 г. у рабочих металлургической промышленности заработная плата понизилась на 10—30%; у рабочих кожевенной промышленности — на 20—40%, у текстильщиков — на 18—30%, у химиков — на 15—25%, у рабочих деревообрабатывающей промышленности — на 10—30%, у сельскохозяйственных рабочих — на 25%¹³³. Почти такие же цифры и в отчете краевого совета Чехословацкого объединения профсоюзов в Хрудиме¹³⁴. Заработная плата шахтеров в большинстве бассейнов республики в течение 1922 г. была снижена на одну треть¹³⁵. По данным социал-демократических профсоюзов, в целом заработная плата в течение 1922 г. была снижена на 20—40%¹³⁶ и потери чехословацкого пролетариата при этом составили приблизительно 2—2,5 млн. кроп ежемесячно¹³⁷.

«Народни листы» определили 1922 г., как эру «нормализации и всеобщего снижения заработной платы»¹³⁸; эта эра продолжалась и в 1923 г. По данным коллективных договоров, заработная плата у квалифицированных рабочих-металлистов в 1923 г. по сравнению с 1922 г. снизилась примерно на 27%, у подсобных рабочих — на 15%. В текстильной промышленности у ткачей снижение зарплаты за то же время составило 15%, у придильщиков — 16%. У рабочих сахароваренной промышленности наблюдалось падение заработной платы на 23%, у рабочих стекольной промышленности — на 13%, у рабочих кожевенной промышленности — на 25%¹³⁹. Таким образом, в ходе наступления капиталистов на заработную плату рабочих можно выделить два периода. Первый период охватывает 1921 г. Для него характерным было проведение «стабилизации» заработной платы и в некоторых отраслях снижение (главным образом, в металлургической и угольной промышленности). Следует иметь в виду, что стабилизация носила весьма относительный характер, поскольку именно в этот период почти во всех отраслях были отменены надбавки к заработной плате. Второй период охватывает 1922—1923 гг. Для него характерно проведение снижения заработной платы во всех отраслях промышленного производства и повсеместный пересмотр коллективных договоров. К концу 1923 г. снижение заработной платы достигло максимума. Данные о степени снижения весьма разнообразны; они не дают единого ответа на этот вопрос. По подсчетам Международного бюро труда в Женеве, общее снижение заработной платы к концу 1923 г. составило у квалифицированных рабочих 25%, у подсобных рабочих — 20%, у молодых рабочих — 25%¹⁴⁰.

Однако буржуазная пресса в самой Чехословакии приводит, как правило, больший процент падения заработной платы. По данным газеты «Народни листы», на Остравском металлургическом заводе заработная

¹³² Это объединение находилось под влиянием чехословацкой социал-демократической партии.

¹³³ VOA ÚRO Praha OSČ 6331. «Zprávy krajské odborové rady Pardubice 1922».

¹³⁴ У металлургов снижение составило 15—25%, у рабочих кожевенной промышленности 20—30%, у текстильщиков 20—30%, у рабочих деревообрабатывающей промышленности 10% (VOA ÚRO Praha OSČ 6329).

¹³⁵ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 175, 29. XI 1922, str. 1378.

¹³⁶ VOA ÚRO Praha OSČ 6305 Pamětný spisy, rezoluce a různá podání.

¹³⁷ VOA ÚRO Praha OSČ 6329 Zprávy krajské odborové rady Chrudim 1922.

¹³⁸ «Národní listy», 28. V 1922.

¹³⁹ Подсчитано на основе данных, приведенных в «Zpráva o činnosti Mezinárodního Všeodborového Svazu v Československé republice. Za zprávním období 1923—1924» Archiv Ústavu Dějin KSČ IX/1—1/260.

¹⁴⁰ Mezinárodní ústav práce v Ženevě «Přehled průměrných mezd v Československu». Praha, 1924, str. 5.

плата в течение 1923 г. была снижена на 29% по сравнению с 1922 г. и на 40% по сравнению с 1921 г.; на шахтах Чехии снижение к концу 1923 г. составило 40% по сравнению с 1921 г.; на машиностроительном заводе в Праге заработная плата рабочих по сравнению с 1921 г. упала на 22% ¹⁴¹. Буржуазный экономист Пимпер при обзоре экономического развития в 1923 г. отмечает падение заработной платы на 20—30%. По заявлению секретаря Чехословацкого объединения профсоюзов Таэрле снижение заработной платы в 1923 г. по сравнению с 1921 г. достигло 30% и более ¹⁴².

Таким образом, можно считать, что в течение 1921—1923 гг. капиталистам в результате пересмотра коллективных договоров удалось снизить заработную плату в среднем на 30—40%.

Но если учесть, что в тот период рабочая неделя была на значительной части промышленных предприятий страны не полной, то станет ясно, что фактическое падение номинальной заработной платы было гораздо больше. Например, на машиностроительном Чешско-моравском заводе Кольбен в 1923 г. квалифицированный слесарь за 48 часов работы в неделю должен был получить 330,96 крон, но поскольку рабочая неделя в 1923 г. исчислялась в 35 часов, то фактически он получал 237,30 крон ¹⁴³.

При полной рабочей неделе забойщик Остравского бассейна согласно коллективному договору зарабатывал бы 294,24 крон, но так как работа на шахте бывала 3—5 дней в неделю, то его заработная плата фактически составляла 140—240 крон. Согласно пересмотру коллективных договоров снижение заработной платы в Остравском бассейне по сравнению с 1 января 1921 г. к апрелю 1923 г. составляло 37,17%, а на самом деле, учитывая не полную рабочую неделю, заработная плата за этот период упала примерно на 49% ¹⁴⁴.

Таким образом, действительное падение номинальной заработной платы у основной массы рабочего класса в годы послевоенного экономического кризиса, принимая во внимание неполную рабочую неделю, составляло около 50%.

Среди пролетариата в этот период имелись и определенные категории рабочих, заработная плата которых снижалась значительно медленнее, чем у основной массы пролетариата. Так, материалы коллективных договоров показывают, что на электро-технических заводах падение зарплат за годы кризиса составило лишь 12% ¹⁴⁵, у подсобных рабочих типографии — 4% ¹⁴⁶. В аналогичном положении находились рабочие крупнейших военных заводов и отдельные категории железнодорожников.

Наряду с наступлением на заработную плату рабочих, капиталисты предпринимали ряд атак на восьмичасовой рабочий день, завоеванный пролетариатом республики еще в 1918 г., узаконенный в конституции и получивший подтверждение в решениях Вашингтонской конференции Международного Бюро Труда при Лиге Наций в 1919 г. В удлинении рабочего дня предприниматели видели одно из средств повышения производительности труда и сокращения производственных издержек, являвшихся

¹⁴¹ «Národní listy», 1.I 1921.

¹⁴² «Těsnoписecké zprávy...», sch. 234, 29.XI 1923, str. 951.

¹⁴³ Подсчитано на основе данных «Těsnoписecké zprávy...», sch. 142, 30.V 1922, str. 633.

¹⁴⁴ Подсчитано по материалам «Rudé právo», 18.II 1923.

¹⁴⁵ Подсчитано по материалам: G. R e j f. Указ. соч., стр. 25, 52.

¹⁴⁶ «Zpráva Odborového Sdružení Československého k VIII sjezdu za leta 1921—1925 v Praze 1926 r.», str. 12.

главным тормозом в увеличении конкурентоспособности чехословацких товаров на международном рынке.

Меры в этом направлении были приняты еще весной 1921 г., когда в парламент был внесен проект, § 7 которого фактически отменял восьмичасовой рабочий день не только у сельскохозяйственных рабочих, но и у рабочих отраслей промышленности, связанных с переработкой сельскохозяйственного сырья¹⁴⁷. Это давало возможность предпринимателям вышеуказанных отраслей удлинить рабочий день. Уже в 1921 г. «Руде право» писала, что сельскохозяйственные рабочие работают, как правило, по 10 часов.

Большую остроту вопрос о восьмичасовом рабочем дне приобрел в 1922—1923 гг. После отмены восьмичасового рабочего дня в Германии в капиталистических кругах Чехословакии стали раздаваться голоса об угрозе «социального демпинга» со стороны Германии. В парламент начали поступать заявления от буржуазных партий с требованием отмены восьмичасового рабочего дня. Прикрываясь демагогическими фразами о необходимости сохранения экономического и финансового равновесия, которое якобы подрывалось социальными реформами, проводимыми в стране, они указывали, что «восьмичасовой рабочий день как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, уменьшает национальную продукцию»¹⁴⁸. И хотя правительство в этот период не пошло на официальную отмену восьмичасового рабочего дня, ничто не мешало предпринимателям устанавливать рабочий день по своему усмотрению.

Так, на комбинате Бати в Злине уже в 1921 г. несмотря на явное и бесспорное предписание о восьмичасовом рабочем дне рабочие были запяты свыше восьми часов, «как будто закон не касался названной фирмы. Как правило, работа на заводе продолжается от 7 часов утра до 7 часов вечера»¹⁴⁹.

На заводах Филиппа Кобурга в Словакии в 1922 г. $\frac{2}{3}$ рабочих работали по 10 часов в день¹⁵⁰. На кирпичных заводах рабочий день продолжался по 10—11 часов, а в 1923 г. по 12 часов¹⁵¹; на Збройовке — по 16 часов. В течение 1922—1923 гг. были предприняты попытки увеличить рабочий день шахтеров, которые в марте 1923 г. увенчались отменой шестичасовой смены в субботу¹⁵².

К сожалению, отсутствуют официальные данные о росте рабочего дня в период экономического кризиса, поэтому приходится при рассмотрении данного вопроса ограничиваться лишь частными сведениями с отдельных предприятий. Косвенным статистическим свидетельством об удлинении рабочего дня являются данные Международного бюро труда в Женеве о количестве сверхурочной работы, входящейся на каждого принимавшего в ней участие рабочего. Если в 1921 г. на одного рабочего приходилось приблизительно по 115 часов сверхурочной работы в год, то в 1922 г. (когда экономический кризис охватил все отрасли промышленности) эта цифра возросла до 139 часов¹⁵³. Возрастание сверхурочной

¹⁴⁷ «Tisky k těsnopiseckým zprávám...», sv. VIII, T. 2060.

¹⁴⁸ «Tisky k těsnopiseckým zprávám...», sv. XIII, T. 1/3351.

¹⁴⁹ «Tisky k těsnopiseckým zprávám...», sv. XII, T. XI/3190.

¹⁵⁰ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 167, 14.XI 1922, str. 413.

¹⁵¹ V. Olivo v á. Postavení dělnické třídy v ČSR v letech 1921—1923, ČČH. č. 2, 1954, str. 207.

¹⁵² Archiv Ústavu Dejín KSČ, IX/1—1/260, str. 80.

¹⁵³ Подсчитано на основе «Mezinárodní ústav práce v Ženevě. Pracovní doba v Československé republice», Praha, 1924, str. 16. При этом следует иметь в виду, что статистикой регистрировались только так называемые «законные» нарушения восьмичасового рабочего дня, на которые давалось специальное разрешение властей.

работы было связано с растущим кризисом и попытками буржуазии за счет сокращения одних рабочих и введения сверхурочных работ для других снизить производственные издержки.

Об этом наглядно свидетельствуют сообщения живностенских инспекторов. В одном из них говорилось: «Рабочие работают охотно... работают не согласно постановлению закона, а сверхурочно без разрешения властей, но молчат из опасения остаться без работы...»¹⁵⁴.

К 1923 г. даже на тех предприятиях, где работали неполную рабочую неделю, сверхурочная работа была обычным явлением, так как предприниматели (особенно в текстильной промышленности) раскладывали «всю рабочую неделю в 48 часов на несколько дней, ссылаясь на то..., что в противном случае завод должен быть закрыт, поскольку не является конкурентоспособным»¹⁵⁵.

В теснейшей связи с проблемой сокращения заработной платы и увеличением рабочего дня стоит вопрос о росте интенсификации труда. Материалы о развитии угледобывающей промышленности позволяют раскрыть картину роста производительности труда шахтеров в республике в годы кризиса. В 1921 г. в среднем по республике на каменноугольных шахтах сменная норма шахтера составляла 5,83 ц угля, а в 1923 г. — 7,41 ц¹⁵⁶. т. е. производительность увеличилась на 28%¹⁵⁷, в буроугольных шахтах прирост производительности составлял приблизительно 22%.

Наибольший подъем производительности труда наблюдался в Остравском бассейне, где с января 1921 г. по июнь 1923 г. производительность возросла с 6,25 ц угля до 8,58 ц, приблизительно на 37,3%¹⁵⁸. При этом следует учитывать, что повышение производительности далеко не всегда сопровождалось техническим усовершенствованием, а происходило за счет расходования мускульной энергии рабочих. Так, например, в Остравском бассейне в 1921 г. между рабочими (шахтерами) и предпринимателями было достигнуто соглашение, по которому первые обязались поднять производительность труда при сохранении старой заработной платы в ноябре на 10%, а в декабре еще на 10% при условии, если предприниматели проведут рационализацию и усовершенствования на ряде шахт. Однако, когда наступил ноябрь, капиталисты просто снизили расценки на 10%, и рабочие вынуждены были для сохранения старого уровня заработной платы работать более интенсивно.

Аналогичная картина наблюдалась и в других отраслях промышленности: косвенным отражением роста интенсивности труда в промышленности республики являлось увеличение несчастных случаев на производстве. Если в 1920 г. среди рабочих и заводских служащих было зарегистрировано 14066 несчастных случаев, то в 1923 г. эта цифра возрастает до 18421. Особенно быстро увеличивается число увечий на производстве среди молодых рабочих: в 1920 г. по этой категории было зарегистрировано 930, а в 1923 г. — 1935 увечий¹⁵⁹.

При этом следует особенно отметить, что в период кризиса увеличение интенсивности труда не приводило даже к малейшему подъему заработной платы. Например, заработная плата шахтеров за годы кризиса снизилась с 78,06 крон в 1921 г. до 49,04 крон в 1923 г. И следовательно, если раньше, в январе 1921 г., за каждый добытый центнер угля шахтер

¹⁵⁴ Archiv Ústavu Dějín KSČ IX/1—1/260, str. 81.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ I. P e t e r s. Statistische Handbuch Kohlenindustrie in der ČSR, S. 207.

¹⁵⁷ Подсчитано на основе: I. P e t e r s. Указ. соч., стр. 207.

¹⁵⁸ «Národní listy», 18.VII 1923.

¹⁵⁹ «Statistická příručka...», d. IV, str. 277.

получал 12,4 кроны, то в июне 1923 г. только 5,7 кроны, т. е. за равный труд шахтер получал в 1923 г. на 64% меньше, чем в 1921 г.¹⁶⁰

Таким образом, усиление интенсивности труда, являясь скрытой формой удлинения рабочего дня, оказывало значительное влияние на понижение заработной платы пролетариата. Какова же была эволюция реальной заработной платы чехословацкого пролетариата в период 1921—1923 гг. Для ответа на этот вопрос прежде всего следует сравнить состояние номинальной заработной платы с состоянием розничных цен на внутреннем рынке на продукты питания и предметы первой необходимости. В табл. 3 дается наглядное представление о степени падения цен в рассматриваемый период в различных областях республики. За 100 принимаются цены июля 1914 г. В первую группу включены цены на продукты питания, топливо, мыло, керосин; во вторую — текстильные товары, обувь¹⁶¹.

Таблица 3

Земли	1921 г.		1922 г.		1923 г.	
	I гр.	II гр.	I гр.	II гр.	I гр.	II гр.
Чехия	1556	2322	1305	1589	944	933
Моравия						
Силезия	1527	2438	1261	1599	844	1053
Словакия	1627	2681	1348	1744	930	1096
Закарпатская Украина	1845	3093	1445	1882	1025	1127
Чехословакия (в целом)	1550	2402	1289	1618	918	1023

Исходя из среднегодовых индексов, приведенных в таблице, можно установить, что в 1923 г. в целом по республике падение цен по I группе составило 41%, по II группе — 58%. При этом нужно учитывать, что индексы I группы, включающие цены на продукты питания, в 1921 г. составлялись на основе цен свободного рынка, тогда как большая часть рабочего класса получала хлеб, муку, крупу, сахар по карточкам (всего в республике в 1921 г. по карточкам снабжалось 8,5 млн. человек¹⁶²). Следовательно, для этой категории населения снижение цен не было в действительности таким большим, как показывает статистика. Например, цены на муку по данным официальной статистики к концу 1922 г. упали на 63%¹⁶³. Однако для тех, кто получал муку по карточкам, никакого снижения цен не было, поскольку в 1922 г. после введения свободной торговли стоимость муки возросла почти в 2 раза, и даже в 1923 г. она еще превышала государственные цены 1921 г. на 13%.

Таким образом, к концу 1923 г. для основной массы занятых на производстве рабочих степень снижения номинальной платы (особенно, если принять во внимание, что значительная часть предприятий работала не полную рабочую неделю) превышала в большинстве случаев степень падения цен на продукты питания и предметы массового потребления.

Правда, в начале кризиса, в 1921 г. и начале 1922 г., когда для большинства отраслей была характерна стабилизация заработной платы, а

¹⁶⁰ Подсчитано на основе данных «Národní listy», 18.VII 1923.

¹⁶¹ Составлено по данным: «Statistická příručka», d. II, str. 200—201.

¹⁶² «Právo Lidu», 12.VI 1921.

¹⁶³ «Statistická příručka...», d. II, str. 200—201.

цены уже начали снижаться¹⁶⁴, создалось действительно известное улучшение положения и реальная заработная плата рабочих, занятых на производстве, несколько повысилась. Но наступление предпринимателей, развернувшееся в 1922—1923 гг., привело к понижению номинальной заработной платы у большей части пролетариата. Особенно резко снижается жизненный уровень у рабочих Словакии и Закарпатской Украины, где заработная плата всегда была ниже, чем в Чехии, Моравии и Силезии¹⁶⁵, а цены, как видно из вышеприведенной таблицы, падали гораздо медленнее.

Что касается коммунальных услуг и в первую очередь квартплаты, которые также следует принимать во внимание при определении состояния реальной заработной платы, то в рассматриваемый период наблюдалась тенденция к их вздорожанию. Уже в ноябре 1921 г. «Руде Право» сообщала об ожидаемом повышении квартплаты, стоимости электроэнергии и почтовых услуг¹⁶⁶. В апреле 1922 г. парламент приступил к обсуждению вопроса о повышении платы за снимаемые квартиры. 27 апреля был принят закон, предусматривающий к ноябрю 1922 г. повышение платы на 40%¹⁶⁷. Этот закон всей тяжестью лег на плечи трудящихся, увеличив расходы рабочей семьи.

Следует добавить, что период экономического кризиса характеризовался резким возрастанием прямых и косвенных налогов, особенно в 1922 г. В 1922 г. по сравнению с 1921 г. доход государства от прямых налогов возрос на 58%, а от косвенных на 49%. Рост налогового бремени в годы кризиса в Чехословакии ярко характеризуется следующими цифрами. Подоходный налог возрос с 138 200 тыс. крон в 1919 г. до 633 600 тыс. крон в 1922 г., т.е. на 458%; налог на мясо за этот же период увеличился на 1243%; акциз (налог, которым облагаются предметы массового потребления: соль, чай, сахар, кофе, спички) возрос с 361 472,2 тыс. крон в 1919 г. до 2 519 855 тыс. крон в 1922 г.¹⁶⁸ В этот год налоги были самыми высокими за весь период кризиса. Причем следует отметить, что прямые налоги возрастали медленнее, чем общая сумма налогов. Если в 1922 году прямые налоги возросли по сравнению с 1920 г. в 2,2 раза, то общая сумма за этот же период увеличилась в 5,2 раза.

По данным парламентских отчетов, в 1920 г. из всей суммы налогов 25% приходилось на прямые, 75% на косвенные налоги, в 1922 г. соотношение их представлялось уже в следующем виде: 15% составляли прямые налоги и 85% косвенные¹⁶⁹. Это означало перекладывание большей части налогового бремени на плечи трудящихся масс. Таким образом, все приведенные данные позволяют сделать вывод, что в рассматриваемый период, несмотря на падение цен и повышение покупательной способности кроны, реальная заработная плата основной массы занятых на производстве рабочих не повысилась. Если же взять рабочий класс в целом, включая и безработных, то станет совершенно очевидным, что она резко снизилась. Нужно иметь в виду, что пособие по безработице получали лишь немногие, только те, кто был застрахован по болезни или демобилизован из

¹⁶⁴ За период от 1 января 1921 г. до 1 января 1922 г. снижение цен на продукты питания составило 26%, на текстиль и обувь 35%.

¹⁶⁵ Примерная дневная заработная плата рабочего в Чехии составляла в 1922 г. 32,24 кроны, а в Словакии и Закарпатской Украине 27,77 кроны («Zprávy Statního Úřadu Statistického», 1927, r., č. 71, str. 535).

¹⁶⁶ «Rudé právo», 24.XI 1921.

¹⁶⁷ «Sbírka zákonů a nařízení ČSR», 1922 r., č. 130, str. 655.

¹⁶⁸ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 96, 22.XI 1921, str. 285.

¹⁶⁹ Там же, sch. 168, 16.XI 1922, str. 417.

армии. Рабочие, принимавшие участие в забастовке, уволенные во время стачки или локаута, лишались этого права. Закон о помощи в случае безработицы не распространялся на сельскохозяйственных и сезонных рабочих и тех, кто работал на дому. Таким образом, огромная масса пролетариата Чехословакии лишалась права получать пособие.

Кроме того, следует иметь в виду, что органы, ведавшие распределением пособий, изыскивали всякие причины для сокращения размера пособия или вообще отказа. Например, согласно сведениям, приведенным на заседаниях Национального собрания, шахтеру Коглику было отказано в получении пособия на том основании, что он играет раз в месяц в оркестре и при этом зарабатывает 30—50 крон. Рабочему Якубу Крофте из Бероуна, имеющему четырех детей, было назначено пособие 8 крон в день. Основывалось это решение на том, что у Крофты работает дочь. В действительности же работала она лишь 2,5 дня в неделю и получала за это 40—50 крон ¹⁷⁰.

Полный произвол в отношении распределения пособий царил в Словакии. «Рабочим, уволенным с пахты в Дубнике, в помощи вообще было отказано, так же как рабочим в Микулаше и других местах. Если кто-нибудь имеет глиняную халупу или козу, то помощи по безработице не получает на том основании, что имеет достаточное имущество» ¹⁷¹, — говорилось с трибуны Национального Собрания.

Материалы официальной статистики показывают, что за весь период кризиса количество рабочих, получающих пособие, в редких случаях превышало половину тех, кто был зарегистрирован на бирже труда: например, в январе 1922 г. из 113 015 безработных, состоявших в списках бирж, пособие получали 54 422 человека, в декабре того же года из 437 841 безработных, зарегистрированных на биржах труда, пособие получало лишь 248 322 ¹⁷².

Принимая во внимание, что официальная статистика, как правило, занижала в два раза действительное число безработных, можно считать, что пособие по безработице получала лишь 1/4 всех в них пуждающихся.

При этом нужно иметь в виду, что размеры пособий были весьма ограничены: в местах с населением до 7 тыс. человек пособие составляло 8 крон в день, свыше 7 тысяч размер пособия увеличивался до 10 крон. Кроме того, на членов семьи выдавалось по 1—3 кроны в день. Однако в январе 1923 г., в самый разгар кризиса, размер пособия был снижен до 3 крон.

Совершенно ясно, что при такой системе социального страхования по безработице основная масса безработных находилась на содержании работающих членов семей. Таким образом, наличие огромной армии безработных снижало жизненный уровень пролетариата всей страны. Однако из этого не следует делать вывод, что положение всех групп работающих изменилось в одинаковой степени. В годы кризиса четко можно проследить выделение привилегированной категории рабочих, номинальная заработная плата которых снижалась очень медленно или не снижалась вообще. В создавшейся обстановке, в условиях быстрого падения цен на предметы первой необходимости и продукты питания и подъема покупательной способности кроны, их реальная заработная плата повышалась, повышался их жизненный уровень. Это нельзя назвать случайным. Здесь нашла свое проявление политика господствующих классов,

¹⁷⁰ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 183, 18. XII 1922, str. 1841.

¹⁷¹ Там же, sch. 183, 18. XII 1922, str. 1839.

¹⁷² «Socialní politika v Československé republice». Praha. 1924 (přilch).

стремившихся закрепить раскол в рабочем движении, усилить классовую опору социал-реформизма и ослабить революционное течение в рядах чехословацкого пролетариата. Несомненно, рост прослойки рабочей аристократии в годы кризиса наложил отпечаток на развитие рабочего движения в стране в этот период.

* * *

Экономический кризис не прошел бесследно и для таких категорий городского населения, как мелкие чиновники, частные и государственные служащие, учителя, врачи и т. д. Рост прямых и косвенных налогов, вздорожание квартирной платы и коммунальных услуг не могли не отразиться на состоянии жизненного уровня, тем более если учесть, что период 1921—1923 гг. был периодом наступления государства и капиталистов на заработную плату рабочего класса. В этот период в парламенте началась кампания за стабилизацию платы труда государственных служащих и чиновников. Эта кампания завершилась принятием закона от 21 декабря 1921 г., утвердившего в завуалированной форме снижение 25% ставок чиновников и государственных служащих; кроме того, предусматривался вычет 8% пенсионных взносов¹⁷³. Учителям школ на основании этого закона снижались надбавки к заработной плате на 20—30%, в зависимости от категории оплаты.

Особенно пагубно экономический кризис сказался на положении многочисленных слоев мелкой буржуазии, представленной в Чехословакии, главным образом, ремесленниками. Эта категория составляла значительную часть населения городов и сел.

Капиталистические монополии, занятые борьбой за расширение своих позиций на внутреннем рынке, проводили открытую политику удешевления мелких производителей. В огромной степени этому способствовала политика дефляции.

Уже с середины 1922 г. в парламенте начинают раздаваться голоса о массовом разорении ремесленников, пополняющих резервную армию труда: «Словацкие сапожники, портные, столяры — поработочены. Батя задушил несколько тысяч сапожников-кустарей»¹⁷⁴. «Безработица, кроме рабочих в узком смысле, захватывает много других слоев, особенно ремесленников, мелких предпринимателей разных отраслей»¹⁷⁵. Тяжелое положение создалось в северо-западных областях, где значительная часть населения занималась полукустарным промыслом. В так называемом «яблонецком промысле» было занято около 50 тыс. человек, при этом 30 тыс.¹⁷⁶ работали дома, являясь фактически полукустарями-ремесленниками. С наступлением кризиса, когда спрос на товары этого промысла резко упал, огромная масса ремесленников была обречена на разорение. Налоговая политика, проводимая государством, в значительной мере содействовала разорению мелкой буржуазии. Мелкий торговец, ремесленник, платили налог гораздо больший, чем крупные предприниматели. Например, в Липтовском Святом Микулаше сапожник-ремесленник платил около 10 тыс. крон налога, тогда как владелец фабрики только 3200 крон¹⁷⁷.

¹⁷³ «Sbirka zákonů a nařízení ČSR». 1921 r., č. 495, str. 1819—1820.

¹⁷⁴ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 150, 21.VII 1922, str. 1190.

¹⁷⁵ Там же, sch. 183, 18.XII 1922, str. 1845.

¹⁷⁶ Там же, sch. 160, 25.X 1922, str. 97.

¹⁷⁷ Там же, sch. 72, 14.VII 1921, str. 470.

Нередки были случаи, когда установленные нормы налогов для ремесленников превышали стоимость всего их имущества. Поэтому не случайно главную причину своего бедственного положения эта категория населения видела в несправедливом распределении прямых налогов. Их требование сводилось к урегулированию этого вопроса. «Чиновники, собирающие налоги, — говорилось на одном из собраний живностепской партии, — не выполняют своих обязанностей беспристрастно. Неужели ремесленники должны нести всю тяжесть налогов, тогда как спекулянты и люди, обогатившиеся на войне, не обложены налогом»¹⁷⁸.

* * *

Сельское хозяйство, теснейшим образом связанное с остальными отраслями экономики, не могло остаться изолированным от процессов, происходящих в промышленности. Промышленный кризис начала 20-х годов наложил свой отпечаток на развитие сельскохозяйственного производства и оказал большое влияние на положение трудящихся масс чехословацкой деревни.

Наблюдаемое в 1922—1923 гг. известное сокращение сельскохозяйственного производства ударило прежде всего по сельскохозяйственным рабочим, составлявшим 43 %¹⁷⁹ всех занятых в сельском хозяйстве.

Особенно тяжелое положение сложилось в Словакии, где раньше большая часть сельскохозяйственных рабочих уходила на работы в Венгрию, но с установлением границы и изменением денежного обращения этот источник получения работы оказался для них почти закрытым. В 1922 г. по заявлению словацкого депутата Стодолы 30 тыс. сезонных рабочих не могли найти работу¹⁸⁰.

Те же, кому удалось сохранить источник заработка, испытали в годы кризиса резкий нажим хозяев на заработную плату.

Если в 1920 г. почасовая плата труда рабочего мужчины, занятого обработкой сахарной свеклы, составляла 2 кроны, то в 1922 г. она сократилась до 1,45 кроп; аналогичный труд женщины оценивался в 1920 г. 1,60 кроп, в 1922 г. — 1,15 кроп¹⁸¹. В 1922 г. депутат Виттих, характеризуя положение сельскохозяйственных рабочих в Словакии, заявил: «Когда аграрии утверждают, что цены на их продукцию поднялись вследствие увеличения зарплаты рабочих..., то это является открытой ложью, поскольку нынешний дневной заработок словацких рабочих в поле колеблется между 5 и 8 кронами, это зарплата, на которую рабочий не может жить, при ней он может только голодать»¹⁸².

1923 г. принес сельскохозяйственным рабочим дальнейшее падение заработной платы. Как показывают материалы коллективных договоров, недельная заработная плата рабочих, занятых на обработке сахарной свеклы, в 1923 г. по сравнению с 1922 г. у мужчин упала на 48 %, у женщин на 50 %; у занятых обработкой картофеля соответственно на 45 % и 47 %¹⁸³. Эти цифры наглядно свидетельствуют о снижении жизненного уровня сельскохозяйственных рабочих, одной из причин которого несомненно был послевоенный экономический кризис.

¹⁷⁸ Archiv KPR. Situační zprávy z Čech. 132 uhrna zpráva. 1921.

¹⁷⁹ А. И. Н е д о р е з о в. Аграрные преобразования в пародно-демократической Чехословакии. М., 1954, стр. 19.

¹⁸⁰ «Těsnopisecké zprávy...», sch. 160, 25.X 1922, str. 211.

¹⁸¹ «Rudé právo», 8.XII 1922.

¹⁸² «Těsnopisecké zprávy...», sch. 231, 26.XI 1923, str. 611.

¹⁸³ Archiv Ústavu Dějin KSČ, IX/1—1/260, str. 72—73.

Экономический кризис в промышленности повлек за собой ухудшение положения мелкого и среднего крестьянства.

Влияние кризиса на эту категорию населения чехословацкой деревни прежде всего связано с падением цен на сельскохозяйственную продукцию в 1922—1923 гг. Мелкие и средние крестьянские хозяйства на обработку земли затрачивали почти в два раза больше живого труда, чем крупные хозяйства помещиков¹⁸⁴. И хотя затраты труда в крестьянских хозяйствах были больше, доходы с 1 га значительно меньше, чем в крупных хозяйствах. Примерная стоимость проданной с 1 га сахарной свеклы (по данным «Руде право» за 1923 г.) составляла в хозяйствах от 2—5 га — 65 крон; от 5—20 га — 79 крон; от 100 и выше — 183 кроны¹⁸⁵. Ясно, что при таком положении вещей падение цен на сельскохозяйственную продукцию в первую очередь ударило по мелкому и среднему хозяйству, фактически поставив его на грань разорения. Не случайно годы кризиса характеризуются быстрым ростом крестьянской задолженности: если в 1920 г. в Чехии, Моравии и Силезии общая ипотечная крестьянская задолженность составляла 4 548 407 тыс. крон, то в 1923 г. эта цифра возросла до 7 742 647 тыс. крон¹⁸⁶.

Тяжким бременем на его плечи ложилась возросшая в годы кризиса диспропорция между ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Если сравнить степень падения цен в период 1922—1923 гг., то окажется, что цены на промышленные товары упали на 26%, а на сельскохозяйственную продукцию на 29%¹⁸⁷. В быстром падении цен на продукцию сельского хозяйства были заинтересованы финансово-промышленные круги чехословацкой буржуазии. Во-первых, они оказывались в более выгодном положении при покупке сельскохозяйственного сырья, а во-вторых, падение цен на основные продукты питания позволяло им активно проводить снижение заработной платы рабочих, т. е. за счет усиления эксплуатации широких масс крестьянства удешевлять издержки производства, ища выход из экономического кризиса.

* * *

Таким образом, послевоенный экономический кризис, посивший в Чехословакии особенно затяжной и глубокий характер, оказал огромное влияние на хозяйственную жизнь страны. Обострив конкурентную борьбу, активизировав происходящий процесс концентрации, он усилил экономическую мощь крупных монополий и финансового капитала. В ходе кризиса чешскому капиталу с помощью государственного аппарата и капитала Англии, Франции и Америки удалось в значительной степени подорвать влияние немецкого капитала и овладеть основными позициями в экономике страны. Чешский финансовый капитал, стремясь ликвидировать исторически сложившуюся диспропорцию между промышленным потенциалом и узким внутренним рынком и переложить разрушительные последствия кризиса на плечи национальных меньшинств, проводил, используя трудности, вызванные ходом кризиса, политику деиндустриализации Словакии и Закарпатской Украины, обрекая эти области на роль аграрно-сырьевого придатка для промышленно-развитых чешских земель.

¹⁸⁴ См. F. St o č e s. Указ. соч., стр. 97.

¹⁸⁵ «Rudé právo», 11.V 1923.

¹⁸⁶ «Statistická příručka...», d. II, str. 824, d. IV, str. 379

¹⁸⁷ F. St o č e s. Указ. соч., стр. 227.

В послевоенные годы экономика чехословакии стала широким полем деятельности иностранного капитала, особенно английского и французского, проникавшего во все сферы хозяйственной жизни страны, что несомненно накладывало отпечаток на политику чехословацких правящих кругов.

Буржуазия Чехословакии использовала годы послевоенного экономического кризиса (1921—1923 гг.) для усиления наступления на жизненные права и интересы трудящихся, в первую очередь пролетариата. Если в декабре 1920 г. она нанесла поражение пролетариату и прочно утвердилась у государственной власти, то в годы кризиса буржуазия стремилась за счет снижения заработной платы большей части рабочего класса, удлинения рабочего дня, повышения интенсивности труда сократить издержки производства и найти выход из кризиса, перекладывая его последствия на плечи рабочего класса.

В годы кризиса резко ухудшилось положение значительной части сельского населения — сельскохозяйственных рабочих, малоземельных и части средних крестьян. В чехословацкой деревне образовалось большое количество излишней рабочей силы, не находящей себе применения.

Экономический кризис 1921—1923 гг. болезненно сказался на положении многих ремесленников. Тысячи мелких производителей разорялись, лишались средств производства и, не находя работы, пополняли и без того растущую резервную армию труда.

Таким образом, в годы послевоенного экономического кризиса в Чехословакии имелись налицо объективные причины, обусловившие обострение борьбы трудящихся против буржуазии в защиту своих экономических интересов. Несмотря на то, что после поражения всеобщей декабрьской стачки наметился отлив революционного движения, классовая борьба продолжала развиваться. Она приняла по преимуществу форму массового забастовочного движения пролетариата, которое имело целью защитить рабочих от наступающей буржуазии.

Писарев Ю. А.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮГОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ АВСТРО-ВЕНГРИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН (1909—1913)

Вопрос о национально-освободительной борьбе югославянских народов монархии Габсбургов накануне и в период балканских войн 1912—1913 гг. не изучен еще с достаточной полнотой в исторической литературе.

Историография Балканских стран занималась главным образом анализом причин и последствий балканских войн, сравнительно полно осветила собственно военную историю и положение государств Балканского союза и Турции, но меньшее внимание уделила характеристике внутриполитической обстановки в соседних южнославянских землях Австро-Венгрии и тех народных движений, которые там происходили. В советской историографии по этой проблеме пока еще не было специальных работ, и исследование истории национально-освободительного движения югославянских народов было доведено только до периода боснийского кризиса 1908-1909 гг.¹ Частично советским историком Н. П. Полетикой был изучен период кануна первой мировой войны 1914-1918 годов², а период с 1909 по 1913 г. остался вне поля зрения исследователей. Между тем это очень интересный и важный период в жизни и истории югославянских народов Австро-Венгрии и его освещение может помочь уяснению многих последующих событий.

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ ПОСЛЕ БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА (АПРЕЛЬ 1909 — ДЕКАБРЬ 1910)

В апреле 1909 г. непосредственная угроза австро-сербской войны миновала. Правительства Сербского королевства и Черногорского княжества, не получив военной помощи России, которая не была готова к войне с Австро-Венгрией и Германией³, и не встретив поддержки со стороны

¹ См. В. И. Фрейдзон. Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян Хорватии в конце XIX — начале XX в. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. X, 1954; Ю. А. Писарев. Национальное движение в Хорватии и Воеводине в 1908—1909 гг. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XV, 1957.

² Н. П. Полетика. Сараевское убийство. Л., 1930.

³ Ф. И. Нотович. Эпизод Боснийского кризиса 1908—1909. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. IV, 1947. № 1.

Англии и Франции, также не выразивших намерения вступить в войну с державами Тройственного союза из-за аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, сделали формальное заявление об отказе от своих территориальных притязаний в виде компенсации за аннектированные земли и в конце-концов признали акт аннексии⁴.

В самой Австрии в это время победила точка зрения сторонников проведения более замаскированной экспансии, а не открытой военной акции, последствия которой трудно было предугадать.

Представители этого направления во главе с императором Францем-Иосифом отнюдь не были противниками империалистической войны вообще. Но в отличие от военной партии, возглавляемой наследником престола Францем Фердинандом и начальником генерального штаба имперской армии Конрадом фон Гетцендорфом, высказавшейся за немедленную превентивную войну с Сербией, «пока не окрепнет Россия»⁵, они считали, что для войны не наступил еще благоприятный момент.

В основе этой точки зрения лежали соображения как внутреннего, так и внешнеполитического характера.

Во-первых, для императора и его окружения была очевидна неподготовленность Австро-Венгрии к большой войне, которая могла вспыхнуть с державами Антанты из-за Сербии. Австрийская армия находилась лишь в стадии реорганизации: предстояло оснащение ее новейшими видами современного оружия и прежде всего артиллерии и не закончен был переход на новую систему военного обучения на основе двухлетнего срока воинской повинности. Боевые качества австрийской армии, как показали осенние маневры 1908 г., оставляли желать много лучшего⁶.

Во-вторых, — и это обстоятельство оказало решающее влияние на определение позиции правительства, — правящие круги должны были учитывать внутреннюю обстановку в стране: нарастающее недовольство масс, подъем национального движения угнетенных народов, усиление антиавстрийских и антивоенных настроений.

Даже обычно послушные монархии австрийский и венгерский парламенты, и те стали выходить из повиновения и саботировали утверждение новых военных кредитов. «Общее внутреннее положение в стране осложнилось, — сообщал в донесении в Петербург от 2 февраля 1909 г. русский военный представитель в Вене полковник Марченко, — ни австрийский, ни венгерский парламенты не дали еще своей санкции на аннексию; сессия австрийского парламента уже прервана из-за обструкции чехов, венгерский парламент вот-вот будет распущен. Недовольство населения в Боснии и Герцеговине достигло своего апогея. Очень сильною также недовольство имперских сербов...»⁷.

Неблагоприятным было также и международное положение Австро-Венгрии. Аннексия Боснии и Герцеговины вызвала ухудшение ее отношений с Балканскими государствами⁸ и пагубно отразилась на состоянии австрийской внешней торговли. В ответ на аннексию в Турции, Сербии и Черногории была проведена кампания бойкота австрийских и венгерских товаров, в результате чего торговые компании Австро-Венгрии по-

⁴ В. Ђ о р о в и ћ. Односи између Србије и Аустро-Угорској. Београд, 1936.

⁵ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2000, оп. 1, д. 674, л. 101 об.

⁶ Там же, л. 18.

⁷ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 674, л. 18.

⁸ На 121 заседании XVIII сессии рейхсрата от 16.XII 1908 г. в выступлениях ряда депутатов-чехов и других была вскрыта недальновидность внешней политики Эренберга (См.: «Haus der Abgeordneten — 121 Sitzung der XVIII Session am 16. Dezember 1908», S. 8094).

терпели значительный ущерб. От одного лишь бойкота в Турции они потерпели убытков на сумму свыше 100 млн. крон⁹.

Еще более неприятными для австрийских и венгерских монополий было то, что ухудшением австро-сербских и австро-турецких отношений воспользовались их основные конкуренты на Балканах — монополии России, Франции, Италии, Румынии, а также союзница Австро-Венгрии — Германия. Последняя, подстрекая Австро-Венгерскую монархию к агрессии, охотно пользовалась ее внешнеполитическими затруднениями для того, чтобы за счет Австрии расширить свои собственные позиции на Балканах¹⁰.

Наконец, аннексия и военные усилия, предпринятые Австро-Венгрией, болезненно отразились на состоянии финансов и экономики страны. Ассигнования на армию, на выплату Турции компенсации и другие чрезвычайные расходы превысили в общей сложности 560 млн. крон и вызвали невиданный дефицит в государственном бюджете¹¹. Положение усугублялось пассивным балансом внешней торговли страны¹². В результате, в 1909 г. в Австро-Венгрии произошел сильнейший финансовый кризис, повлекший за собой общие экономические трудности. Сократилось промышленное производство, особенно в текстильной и железнорудной промышленности, обслуживавших внешний рынок¹³.

Тяжелым было положение и в сельском хозяйстве. Нехватка рабочих рук в деревне из-за призыва в армию, с одной стороны, и сильный неурожай зерновых в Венгрии и Воеводине, с другой, привели к продовольственному кризису¹⁴.

В такой обстановке правящие круги сочли за лучшее временно отказаться от планов военной кампании. 25 апреля 1909 г. Франц Иосиф подписал рескрипт об отзывании из Боснии и Далмации войск, предназначенных для вторжения в Сербию и Черногорию¹⁵. Австро-Венгрия попыталась восстановить утраченные позиции в Турции, Сербии и Черногории и с этой целью повела переговоры с правительствами этих государств об отмене таможенной войны и заключении торговых договоров на основе принципа наибольшего взаимного благоприятствования¹⁶.

В области внутренней политики правительство Бинерта предприняло ряд маневров с целью смягчить напряженное положение в национальных районах.

⁹ ЦГИАМ, ф. 601, оп. 1, д. 755, л. 23.

¹⁰ Объем австрийской торговли с 1889 по 1909 г. сократился с 60 до 23%, а объем германской торговли, напротив, возрос с 12 до 40% (ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1728, л. 254).

¹¹ Архив внешней политики России (АВПР), МИД, Канцелярия, 1909, д. 136, л. 287; «Musavat», 30.III 1910.

¹² Австрийский экспорт в 1909 г. составлял 2 314 млн. крон, а импорт — 2 781 млн. крон (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 15, л. 2).

¹³ Доля внешней торговли монархии на мировом рынке стала снижаться еще в конце XIX в. — обстоятельство, отмеченное В. И. Лениным в «Тетрадах по империализму» (М., 1939, стр. 415). Но внешнеторговый баланс Австро-Венгрии продолжал оставаться активным вплоть до 1908 г., когда сказались пагубные последствия таможенной войны с Сербией. С 1908 г. приходило непрерывное падение активности баланса внешней торговли империи.

¹⁴ О размере продовольственных трудностей можно судить по импорту хлеба. В 1909 г. Австрия импортировала хлеба на 193 млн. крон против 18 млн. крон в 1908 г. (ЦГИАЛ, ф. 23, д. 15, л. 2).

¹⁵ АВПР, Политархив, д. 582, ч. II, л. 48.

¹⁶ Австро-Венгрия дала согласие на отмену стеснений Черногории в использовании порта Антивари. Князю Николаю были обещаны кредиты (АВПР, Политархив, д. 1589, л. 48). С Сербией отношения налаживались значительно хуже. Таможенная война в 1909 г. была лишь несколько смягчена, но не прекращена.

Так, в Далмации, где в апреле 1909 г. произошли многочисленные антиавстрийские демонстрации хорватского и словенского населения¹⁷; правительство мелкими уступками югославянам попыталось приостановить дальнейшее развитие событий. 26 апреля оно опубликовало особое распоряжение о признании на территории Далмации сербо-хорватского языка в качестве официального наряду с немецким и итальянским¹⁸.

Это была жалкая подачка со стороны правительства. Югословянское население мало что получило в результате «языковой реформы», ибо ничего не было сделано для установления подлинного равенства между австрийцами и югославянами¹⁹.

Реформа не была дополнена мероприятиями по созданию народных органов самоуправления в Далмации и увеличению нормы представительства от земли в рейхсрате. На местах остался старый австрийский чиновничье-бюрократический управленческий аппарат и в него не были допущены югославяне. В государственном аппарате и в официальной переписке местных властей с имперским правительством сербо-хорватский язык введен не был.

Вслед за Далмацией правительство осуществило две реформы местного самоуправления в Боснии и Герцеговине, о которых будет сказано ниже, а также дало обещание расширить права церковной и школьной автономии сербского населения Воеводины. В то же время оно отказалось пойти на какие-либо уступки в Чехии, Галиции и словенских землях, что привело к повому обострению национального вопроса в этих районах. Большое возмущение у населения Чехии вызвало решение австрийских ландтагов Верхней и Нижней Австрии, Зальцбурга и Форальберга о запрете преподавания в имевшихся в этих землях чешских школах на родном языке, а также усилившаяся деятельность пангерманистов в самой Чехии²⁰. В Словении новый взрыв национальных чувств был вызван попыткой властей запретить проведение юбилея по поводу исполнившейся в сентябре 1909 г. первой годовщины со дня полицейских расстрелов словенских патриотов в Любляне.

В обоих районах национальное движение приняло очень широкий характер. В Чехии дело дошло до многотысячных антиавстрийских демонстраций²¹, в Словении — до массовой кампании сбора средств в фонд «памяти жертв кровавых событий сентября 1908 г.»²², явившейся своеобразной формой протеста против национального гнета.

Инициатором этой кампании в Словении была радикальная интеллигенция и прогрессивная учащаяся молодежь. Словенскими типографиями к годовщине сентябрьских событий 1908 г. были выпущены специальные марки, которые наклеивались на письма, книги, почтовые посылки и т. д. В память о погибших от полицейского террора марки были обведены траурной рамкой. Вырученные средства шли в пользу словенского культурно-просветительного общества «Кирилл и Мефодий». Накануне юбилея и в течение долгого времени после него учащаяся молодежь, несмотря на запрет властей, демонстративно носила траурные ленты.

¹⁷ Демонстрации состоялись в связи с приездом в Далмацию бургомистра Вены Луэгера. В Сплите в демонстрации участвовало свыше 1 тыс. чел. Раздавались крики: «Долой Австрию!», «Свободу народу!» Полиция арестовала свыше 60 чел. («Самоуправа», 30.IV 1909).

¹⁸ «Застава», 27.IV 1909.

¹⁹ «Brzopisna izvješća dalmatinskog Sabora u Zadru». Zadar, 1910, str. 584.

²⁰ ЦГИАМ, ф. 541, оп. 1, д. 22, л. 14.

²¹ События в Чехии являются предметом специального исследования.

²² «Застава», 1.IX 1909.

Осенью 1909 г. после краткого затишья снова обострилось положение в Далмации и Истрии, где наряду с движением прогрессивной интеллигенции и учащейся молодежи, начало разворачиваться крестьянское движение в землях и имениях католической церкви и монастырей, а также в поместьях светских феодалов. С 26 сентября по 4 октября 1909 г. происходили крестьянские волнения в окрестностях города Сплит²³, в середине и конце октября — целый ряд выступлений монастырских крестьян против жестокой феодальной эксплуатации в монастырях и других церковных поместьях в ряде районов Далмации²⁴.

О размахе крестьянского движения косвенно свидетельствует ряд фактов: неоднократные упоминания о выступлениях крестьян в югославянских газетах «Застава», «Србобран», «Покрет», «Обзор» и других, издание специальной брошюры (к сожалению, до нас не дошедшей) о требованиях крестьян, а также сообщения венской прессы о многочисленных сходках крестьян в г. Задар в октябре 1909 г. и переговорах крестьянской делегации с депутатами рейхсрата 20 октября 1909 г.²⁵

Очень широкий характер в Далмации и других югославских районах приняло в 1909 г. народное движение против усиления налогового гнета.

В конце 1909 г. правительство Бинерта внесло в рейхсрат проекты государственного и местного бюджетов на 1910 г. Согласно этим проектам планировалось дальнейшее увеличение непроизводительных расходов на содержание громоздкого административно-чиновничьего государственного аппарата, армии, полиции и жандармерии. В рейхсрат были внесены 7 законопроектов о новых налогах: подоходном, двух пенсионных, налоге на холостяков, налоге на водку и вина, налоге на спички и налоге на наследство. Одновременно возрастали старые налоги.

Основные налоговые тяготы перекладывались на трудящиеся массы. Больше всего увеличивался подворный налог, уплачиваемый крестьянами²⁶. Для крестьян многих южнославянских земель, где одним из основных видов сельского хозяйства было виноградарство, очень обременительными были также вновь введенные налоги на вино и водку²⁷. Пенсионные налоги затрагивали интересы рабочих и служащих, налоги на спички, соль, продукты питания вели к росту и без того высоких цен и больно ударили по карману всего трудящегося населения.

В конце 1909 г. в крупных рабочих центрах страны состоялись выступления пролетариата под лозунгом борьбы против законопроектов о новых налогах и общего ухудшения положения трудящихся масс.

В Вене в течение целой недели (с 12 по 18 декабря) у здания рейхсрата во время обсуждения бюджета и законопроектов о налогах происходили массовые демонстрации рабочих²⁸.

В Сараеве 22 декабря состоялся массовый митинг рабочих²⁹, а в г. Нови Саде произошла десятидневная стачка³⁰. В г. Суботице в декабре было проведено 14 народных собраний, на которых присутствовали не только рабочие, но и крестьяне окрестных сел; собрания приняли

²³ «Vrhbosna», Сарајево, 1909, broi 19, str. 309—310.

²⁴ «Застава», 30.X 1909.

²⁵ Социальные требования крестьян, как свидетельствуют имеющиеся материалы, были выражены недостаточно четко.

²⁶ Подворный налог увеличивался на 3.224 299 крон. В то же время подоходный налог, выплачиваемый промышленниками и помещиками, уменьшался на 5312 крон (АВПР, МИД, Канцелярия, 1909, д. 136, лл. 290, 291).

²⁷ «Brzopisna izvešća dalmatinskog Sabora...», Zadar, 1910, str. 514.

²⁸ АВПР, Посольство в Вене, 1909, д. 592, л. 359.

²⁹ «Новое время», 23.XII 1909.

³⁰ «Застава», 1.XII 1909.

резолюции протеста против реакционных законопроектов правительства³¹.

Недовольство широких слоев населения оказало известное воздействие на депутатов парламента. Обсуждение бюджета в рейхсрате, венгерском парламенте и местных ландтагах проходило в исключительно бурной обстановке. Острота прений усугублялась выдвижением чешскими, хорватскими, украинскими и другими депутатами от национальных районов требований о предоставлении угнетенным нациям политических прав. Правительству Биперта из-за сопротивления рейхсрата так и не удалось добиться принятия бюджета. В такой обстановке монархия Габсбургов вступила в трудный для себя 1910 г.

В Транслейтании 1910 год начался с изменений в составе правительства. 5 января вместо Векерле Франц-Иосиф назначил министром-президентом Венгерского королевства графа Куэна-Хедервари. Новый глава правительства отличался исключительной реакционностью взглядов и верноподданическими чувствами. Он зарекомендовал себя как верный слуга династии Габсбургов во время своего управления Хорватией с 1883 по 1903 г., когда он ввел в этой земле самый разнузданный террористический режим и вел беспощадную борьбу с малейшим проявлением неповиновения монархии. Приход к власти палача хорватского народа означал усиление курса правящих кругов на великодержавие.

Перед Куэном-Хедервари была поставлена также задача сломить оппозицию в самой Венгрии и вернуться к политике австро-венгерского соглашения 1867 г. Сформировав правительство, Куэн-Хедервари решил сначала разрешить вторую задачу — укрепить положение правящих кругов в самой Венгрии и только после этого приступить к наведению «абсолютистских порядков» в национальных районах.

На первых порах он попытался даже заигрывать с хорватскими и румынскими депутатами, делая им всяческие посулы с тем, чтобы добиться их поддержки в парламенте против оппозиционных партий Юста и Кошута³². С этой целью он повел переговоры с хорватской фракцией в парламенте, а в Хорватию назначил 5 февраля нового бана — Николая Томашича, славившегося за либерала и противника «диктаторских замашек» Рауха, по па самом деле являвшегося законченным реакционером и не менее, чем Раух, любившего власть. Томашич пользовался известностью среди интеллигенции Хорватии как профессор Загребского университета и автор ряда работ по гражданскому праву, т. е. как «человек науки», и поэтому многие наивно рассчитывали, что он будет далек от политики, предоставит заниматься ею хорватскому Сабору и что вообще с его приходом к власти наступят перемены к лучшему³³.

Новый бан всячески подогревал эти иллюзии. Он начал с того, что обещал коалиции в случае, если она будет его поддерживать, расширить избирательные права в Хорватии. Это обещание было частично выполнено: количество избирателей было увеличено с 45 тыс. до 185 тыс. и был понижен имущественный избирательный ценз³⁴. Но и после этой реформы избирательное право в Хорватии не стало всеобщим. По-прежнему его не имели женщины, низкооплачиваемые рабочие, беднейшее крестьянство.

³¹ «A magyarországi szocialisztikus munkaszervezetek az 1909 évben». Budapest, 1910, стр. 419—420.

³² АВИР, Политархив, д. 583, лл. 13, 14, 17.

³³ См. «Slavisches Tagblatt», 7.XI 1910.

³⁴ Устанавливался следующий имущественный избирательный ценз: в городах избирательные права предоставлялись гражданам, уплачивавшим 10 крон прямых налогов, в Среме и Славонии — 15 крон, в Лике и Загорье — 6 крон. (V. K o r a č. Povijest radničkog pokreta u Hrvatskoj i Slavoniji. Zagreb, 1929, knj. 1, стр. 219).

Томашич и Куэн-Хедервари обещали также пересмотреть «железнодорожную прагматику» и созвать для этого специальные регниколярные (согласительные) комиссии из представителей хорватского Сабора и венгерского парламента ³⁵.

Сербо-хорватская коалиция поверила Томашичу и заявила о поддержке его режима, т. е. попросту говоря капитулировала перед ним ³⁶.

18 марта 1910 г. после двухлетнего перерыва открылся хорватский Сабор ³⁷. Коалиция представила это событие как важный «конституционный шаг» нового правительства и поддержала программу бана. Только один наиболее дальновидный член коалиции, руководитель радикальных элементов Франо Сунило высказал недоверие повому бану, указав на необходимость получить от него подлинные гарантии соблюдения конституции, а не верить пустым обещаниям ³⁸. Сунило предостерегал Сабор от поспешных выводов относительно наступления в Хорватии «эры конституционализма» и потребовал, чтобы бан Томашич делом доказал свою приверженность идеалам свободы и законности, о которых он так выпендривно говорил в своем выступлении в Саборе 18 марта в день его торжественного открытия ³⁹. Сунило был поддержан представителем социал-демократической партии Хорватии — Славониин. В 1910 г. в Хорватии впервые за всю историю существования провинциального парламента в его состав был избран депутат от рабочего класса. Представитель СДП использовал парламентскую трибуну для разоблачения реакционного режима в Хорватии. В своем выступлении 22 марта 1910 г. он поставил вопрос о демократизации конституции и введении в Хорватии всеобщего избирательного права ⁴⁰.

6 и 19 апреля социалистический депутат в Саборе снова и снова защищал демократические свободы и права хорватского народа ⁴¹. Он указывал, что бесплодные споры, ведущиеся в Саборе буржуазными депутатами о вреде или пользе хорватско-венгерского соглашения 1868 г., лишь вводят парламент в сторону от решения главного вопроса — о борьбе против антидемократического режима. «Общая неволя наша, — заявил представитель СДП под аплодисменты присутствовавшей на галерке многочисленной публики, — исходит от абсолютизма, от устаревшего монархического принципа» ⁴².

Важной частью выступления социалистического депутата было выражение протеста против милитаризма и подготовки Австро-Венгрии к войне. «Социал-демократия Хорватии, — заявил он, — отвергает войну» ⁴³. Представитель СДП разоблачил католическую церковь как верную прислужницу реакционного режима и отметил актуальность борьбы с ней ⁴⁴. Но социалистический депутат не был последователен в своем выступлении. Он не только не сделал вывода о необходимости ниспровержения монархии Габсбургов и установления демократической республики, но даже подчеркнул свою верность династии ⁴⁵. В результате, все его

³⁵ АВВР, Политархив, д. 583, л. 31.

³⁶ «Sarajevski List», 14.III 1910.

³⁷ Stenografički zapisnici i prilozi Sabora Kraljevine Dalmacije, Hrvatiije i Slovenije. Zagreb. Petegodišta 1908—1913, sv. 1, str. 16 (в дальнейшем — SZS).

³⁸ Там же, стр. 75.

³⁹ Там же стр. 153.

⁴⁰ «SZS... Petegodišta 1908—1913», sv. 1, str. 148—149.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 781.

⁴³ Там же, стр. 782.

⁴⁴ Там же, стр. 782—783.

⁴⁵ Там же, стр. 782—783.

выступление свелось к критике местных властей и «плохих порядков» в Хорватии и не затронуло самих основ капиталистического строя.

Лидер Хорватской народной крестьянской партии Степан Радич также критиковал существующий строй, нападая прежде всего на дискриминационную политику Венгерского королевства по отношению к Хорватии. Он потребовал отделения Хорватии от Венгрии и создания самостоятельного «пародного государства», но под эгидой династии Габсбургов. Развивая и конкретизируя эту мысль, Радич объяснял, что под «народным» государством он понимает такой образ правления, при котором во главе правительства будут стоять представители крестьянства, а на местах будут созданы органы крестьянского самоуправления в виде выборных общинных советов. При этом Радич был противником участия в управлении государством других слоев населения, и в том числе рабочего класса, проповедуя реакционную утопическую теорию о самобытности крестьянства. Заблуждения Радича были столь велики, что даже Франца-Иосифа он называл «крестьянским царем», указывая на якобы имеющуюся возможность предоставить австрийскому императору верховное управление «крестьянским государством»⁴⁶.

Естественно, что фантастические планы Радича вызвали к себе лишь ироническое отношение со стороны депутатов Сабора. Не встретил понимания в буржуазном парламенте и социалистический депутат.

Большинство парламента, и в том числе хорвато-сербская коалиция, выразили вотум доверия Томашичу и приняли полугодовой бюджет, а в мае оказали помощь правительству на выборах в венгерский парламент.

Куэн-Хедервари, придавая исключительное значение предстоящим выборам, провел ряд предварительных мероприятий. Ему удалось выбить из рук оппозиции основное ее оружие — обещание избирателям добиться введения всеобщего избирательного права; он сам выступил с аналогичным заявлением, правда, в самой общей форме. В Хорватии соответствующие заверения дал Томашич⁴⁷. Это обмануло даже таких опытных политических деятелей Хорватии, как Степана Радича и Франо Сунило, которые в период выборов поддерживали Томашича⁴⁸.

Одновременно с социальной демагогией правящие круги Венгрии во время выборов проводили массовые репрессии по отношению к активным оппозиционным элементам. Со стороны правительства на избирателей было оказано грубое давление. Дело дошло до того, что в Венгерское королевство впервые за многие годы были присланы войска из Австрии, а части венгерского гонведа были посланы в Хорватию, Словакию и другие национальные районы Транслейтании⁴⁹. Находившийся во время выборов в Венгрии английский публицист Ситон Ватсон поместил после выборов в венских газетах корреспонденции под псевдонимом «Скорус Виатор», в которых рассказал о царившей в стране в дни выборов атмосфере полицейского террора и произвола⁵⁰.

Произвол полиции и военщины был так велик, что выборы в Транслейтании стали даже предметом специального обсуждения на заседаниях рейхсрата 26 и 27 мая⁵¹. Отвечая на запросы социал-демократических и славянских депутатов, глава правительства Бинерт не только не отри-

⁴⁶ «SZS... Petogodišta 1908—1913», sv. 1, str. 782—783.

⁴⁷ «SZS... Petogodišta 1908—1913». Zagreb, 1910. sv. 1, str. 1313.

⁴⁸ Там же, стр. 1376.

⁴⁹ «Neue Freie Presse», 16.V 1910.

⁵⁰ «Neue Freie Presse», 30.V 1910.

⁵¹ «Haus der Abgeordneten... Session am 25 und 27 mai 1910»; ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1734, л. 358, 362.

цал факта посылки австрийских войск в Венгрию, но с неприкрытым цинизмом утверждал, что только таким путем правительству якобы удалось обеспечить внутренний порядок в империи ⁵².

Правительство Куэна-Хедервари получило на выборах большинство. С этого момента оно резко изменило свою политику и начало отказываться от многих своих обещаний. Оно отклонило, в частности, требования коалиции и хорватской фракции венгерского парламента о введении в Хорватии тех же таможенных тарифов, что и в Венгрии, и о выделении части средств из государственного бюджета Транслейтании на нужды народного хозяйства Хорватии. Переговоры по этим вопросам, состоявшиеся в июле 1910 г., закончились провалом из-за отказа Куэна-Хедервари пойти навстречу требованиям хорватской стороны ⁵³.

Вскоре показал свое истинное лицо и бан Томашич. Не пуждаясь более в поддержке коалиции после приятия Сабором бюджета на 1910 г., бан начал открыто саботировать выполнение всех обещаний, которые, он делал ранее. Так, он наотрез отказался дать отставку ставленнику Рауха начальнику департамента юстиции Араницкому, лично замешанному в организации провокационного Загребского процесса, хотя верховный кассационный суд признал беспочвенность всех обвинений, выдвинутых на процессе ⁵⁴. Бан Томашич стал пересматривать и другие обещания, а 8 августа даже распустил на неопределенное время Сабор, назначив новые выборы, надеясь при помощи репрессий и давления получить по примеру Куэна-Хедервари большинство ⁵⁵. Орган Сербской независимой партии газета «Србобран» в передовой статье «К чему мы идем?» от 10 августа 1910 г., характеризуя политику бана Томашича, писала, что он «нарушает конституционные свободы и хочет заменить парламент диктатурой» ⁵⁶.

28 октября состоялись выборы в Сабор. Они не дали желаемых для бана результатов. Его сторонники получили лишь 18 мандатов, в то время как сербо-хорватская коалиция имела 35 мандатов ⁵⁷.

Знаменательным событием на выборах было усиление позиций в Саборе Хорватской народной крестьянской партии, которая завоевала девять мандатов ⁵⁸, а в целом ряде избирательных округов Хорватии существенно потеснила другие партии. Хорватская народная крестьянская партия собрала 16 тыс. голосов против 3 тыс. голосов в 1908 г. и вышла на первое место по 10 избирательным округам, что составило 11% всех округов ⁵⁹. Такое усиление ХНКП было следствием роста крестьянского движения в стране и увеличения популярности программы партии, которая выступала за национальную самостоятельность Хорватии, за пересмотр грабительской налоговой реформы, за улучшение положения крестьянства путем предоставления им кредитов, ссуд и т. д. ⁶⁰ Лидеры ХНКП

⁵² Там же, л. 358.

⁵³ «Hrvatske Novine». Samostalno demokratsko glasilo, 21.VII 1910.

⁵⁴ АВПР, Политархив, д. 583, л. 139.

⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1 д., 256; АВПР, Политархив, д. 1510, л. 32.

⁵⁶ «Србобран». Гласник Српске народне самосталне странке. Загреб, 10.VIII 1910.

⁵⁷ Партия Иосипа Франка («франковцы») получила 15 мандатов; старчевичанская партия права — 9, остальные партии — 11 мандатов («Србобран», 29.X 1910).

⁵⁸ «Hrvatska Novine», 29.X 1910.

⁵⁹ R. H e r s e g. Die Ideologie der Kroatischen Bauernbewegung. Zagreb, 1923, S. 54.

⁶⁰ В избирательной программе ХНКП, кроме того, выдвигались следующие требования: введение широкого общинного самоуправления, бесплатное школьное образование и создание кооперативов. В программе нашли отражение требования сельской буржуазии о создании земельных банков для приобретения земель у венгерских и австрийских помещиков («Славянские известия», 1913, № 47, стр. 648).

Антун и Степан Радич выступили с заявлениями, направленными против милитаризма и агрессивной внешней политики Австро-Венгрии. В Хорватии широкое распространение получила статья Антуна Радича «Мысли о свободе и прогрессе», опубликованная в приложении к газете «Дом» (1910, № 4). В ней, в частности, говорилось: «Мысль о международном мире, это мысль о том, чтобы все народы земного шара отказались от оружия, уничтожающего людей, распустили армии и жили в мире»⁶¹. В Саборе представители ХНКП заняли левые скамьи оппозиции.

В целом силы оппозиции в парламенте значительно превосходили силы сторонников бана. В связи с этим бан стал искать поддержки у правых партий — франковцев, старчевичанцев, фуртимашей и др. Весь ноябрь и декабрь 1910 г. прошли в непрерывных закулисных переговорах бана с лидерами различных буржуазных партий. Сабор в это время фактически не работал; он то закрывался, то открывался баном, который хотел при помощи угрозы отмены парламентского режима заставить партии пойти на уступки⁶². В таком Саборе царил полный хаос: буржуазные депутаты вместо объединения своих сил для борьбы против неконституционных действий бана сводили на заседаниях счета друг с другом, организовывали обструкции и т. д. «Из Загреба приходят самые пессимистические известия, — писал в своем донесении в Петербург от 24 декабря 1910 г. русский консул в Фиуме А. Сальвати. — Положение крайне неопределенно и меняется несколько раз в сутки; в парламентских кругах и политических клубах царит хаос»⁶³.

Буржуазный парламент Хорватии более чем когда-либо ранее показывал свое полное бессилие. Характеризуя состояние Сабора, Франо Супило писал своему другу Линчу 1 ноября 1911 г.: «Увы народу, если он свое спасение ожидает от нынешнего Сабора и членов Сабора»⁶⁴.

Между тем буржуазные партии продолжали ориентироваться только на парламент, связывая с его деятельностью осуществление своих требований.

Социал-демократическая партия Хорватии выступила с критикой парламента и правительства бана Томашича. В своем обращении к рабочему классу от 17 декабря 1910 г. Главное правление СДНХ писало: «Вместо Томашича и его ставленников — за всеобщее избирательное право при тайном голосовании!... Вместо нынешнего Сабора, не выражающего народной воли — за парадный Сабор, избранный самим народом»⁶⁵.

Но это выступление не оказалось достаточно решительным. СДНХ не апеллировала к массам для организации борьбы с реакционным режимом, а ограничилась одними декларативными заявлениями. В том же обращении содержался призыв не нарушать «рамки закона» и проводить лишь мирные демонстрации⁶⁶.

По инициативе СДНХ 4 и 19 декабря были организованы демонстрации перед зданием Сабора. В них участвовали тысячи рабочих⁶⁷. Одновременно, уже по собственной инициативе, многочисленные демонстрации и митинги провели студенты Загребского университета⁶⁸. Массы, как по-

⁶¹ A. R a d i ć. Sabrana djela. Zagreb, 1937, knj. VIII, str. 107.

⁶² См. «Slavisches Tagblatt», 24, 25, 30.XI; 1, 20.XII 1910.

⁶³ АВПР, Политархив, д. 1510, л. 37.

⁶⁴ F. S u p i l o. Politika u Hrvatskoj. Zagreb, 1953, str. 16.

⁶⁵ Istarski arhiv KPJ, t. IV, str. 149.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ «Slavisches Tagblatt», 5, 20.XII 1910. Во время демонстраций выдвигались главным образом экономические требования.

⁶⁸ «Hrvatski učiteljski Dom», 5.I 1911.

казали эти выступления, были готовы к борьбе. Но СДПХ не воспользовалась этим.

Бан Томашич, напротив, действовал решительно. Он обрушился с репрессиями на наиболее левых представителей оппозиционных партий и в январе 1911 г. распустил Сабор⁶⁹.

* * *

В югославянских землях Цислейтании в отличие от Хорватии 1910 г. не был богат значительными событиями. Здесь правящие круги прибегали к более гибкой политике лавирования, благодаря чему им удалось временно ослабить национально-освободительное движение.

Буржуазные национальные партии и прежде всего словенские клерикалы в свою очередь шли на беспринципный компромисс с правящими кругами, приостанавливая борьбу во имя обещанных реформ. В Истрии, Далмации и Словении в этот период наблюдался сильнейший кризис парламентаризма.

Так, истрийский Сабор за весь год работал лишь один день. Ландтаги Далмации и Крайны созывались нерегулярно, почти совершенно замерла деятельность местных органов самоуправления — областных исполнительных комитетов Истрии, Далмации и Крайны, так называемых Земальских одборов⁷⁰.

Профсоюзное движение, которым руководили социал-реформисты, находилось в упадке. В 1910 г. в профсоюзах Далмации осталось всего 567 чел., в Словении — 3266 чел., в Хорватском Приморье и Истрии — 8253 чел.⁷¹ Заметно спала стачечная волна. В 1910 г. в Хорватском Приморье и Истрии произошло всего 12 забастовок, в Словении — пять⁷².

Спаду стачечного движения, помимо подрывной деятельности социал-реформизма, способствовало известное оживление экономической конъюнктуры и промышленного строительства⁷³. Заинтересованные в привлечении рабочей силы⁷⁴ предприниматели в целях предотвращения стачек стали идти на некоторые уступки рабочим и разрешать трудовые конфликты до возникновения забастовок.

Но даже и в этот период относительного затишья народного движения трудящиеся массы не прекратили борьбы. Действующие подспудно силы время от времени прорывались наружу. Так, например, весной 1910 г. в Далмации и Истрии даже сильнее, чем в предыдущие годы, стало про-

⁶⁹ См. «SZS. Petogodišta 1910—1913», sv. 1, str. 187.

⁷⁰ См. сб. «Istra i Slovensko Primorje». Beograd, 1952, str. 85—87.

⁷¹ В 1909 г. в Словении было 3667 членов профсоюзов, в Хорватском Приморье и Истрии — 9915 членов («Die sozialdemokratische und anarchistische Bewegung im Jare 1910». Wien, 1911, S. 14).

⁷² 42,9% всех стачек продолжалось от одного до пяти дней (там же).

⁷³ В. И. Ленин в «Тетрадах по империализму» (стр. 430, 513) отмечает значительное развитие в Австрии в эти годы угольной и нефтяной промышленности, строительство железных дорог и пр. По данным австрийского историка Евы Пристер (Краткая история Австрии. М., 1952, стр. 447—448), число крупных предприятий в Австрии возросло за период с 1905 по 1912 г. более чем на 50%. Из советских историков вопрос об экономическом развитии Австрии в первое десятилетие XX в. наиболее полно осветил К. Б. Виноградов в работе: «Некоторые особенности экономического развития Австро-Венгрии накануне первой мировой войны», опубликованной в «Ученых записках Ленинградского Государственного университета», серия исторических наук, вып. 23, 1955, № 194.

⁷⁴ В промышленности Австро-Венгрии количество рабочих к 1910—1911 гг. заметно возросло и составило 24,4% от всего работоспособного населения страны (См. A. S. H. The Danub basin and the German Economic sphere. New York, 1943, p. 5).

являться враждебное отношение сербского населения к католической церкви, которую поддерживала монархия⁷⁵. Во многих населенных пунктах жители вообще прекратили посещать церковь. Характеризуя положение в Истрии, газета «Нейе фрейе прессе» от 9 января 1910 г. писала: «Церкви в Истрии пустуют. Погребение и крестины совершаются в сельских общинах не католическими священниками, к которым никто не идет, а старшиной общины»⁷⁶.

В другом номере газета сравнивала размах антиклерикального движения югославян с мощным потоком. «Славянский потоп, — писала газета от 28 января 1910 г., — грозит затопить ступени католических храмов; он становится все более опасным для государства»⁷⁷.

О той же опасности говорил в своем выступлении в рейхсрате 5 января 1910 г. бывший министр финансов, член руководства австрийской либеральной партии пангерманист фон Пленер. «Среди славян, — сказал он, — в последнее время наблюдается пробуждение национального самосознания». Пленер призывал принять срочные меры для ликвидации «славянской опасности»⁷⁸.

В Цислейтании довольно широкий характер приняло антимилиитаристское движение. Особенно сильным оно было среди молодежи. Многие призывники старались уклониться от военной службы и относились к ней крайне враждебно. По свидетельству русского военного атташе в Вене полковника Марченко, в 1910 г. в Чехии, а также в южнославянских землях частым явлением были такие своеобразные формы антимилиитаристских выступлений, как демонстративно подчеркнутое неприязненное отношение призывников к рекрутским наборам. Многие призывники, сообщал атташе, являлись на призывные пункты в траурной одежде и с траурными кокардами на фуражках⁷⁹.

Движение становилось настолько массовым, что, как об этом говорилось в том же сообщении, местным властям и жандармерии правительство дало специальное задание усилить наблюдение за молодежью и «принять самые энергичные меры против антимилиитаристской пропаганды»⁸⁰.

В августе-сентябре 1910 г. в Любляне произошло одно событие, весьма характерное для настроений словенской общественности. На выборах мэра Любляны магистрат избрал мэром не правительственного кандидата из числа представителей правящей клерикальной партии, а лидера оппозиционной либеральной партии Ивана Хрибара. Власти отменили результаты выборов, а на самого Хрибара организовали нападки в печати за его поездку в Россию и установление связей с русскими славянскими обществами.

Магистрат не только не подчинился властям, но вновь единогласно избрал Хрибара мэром. Наместник Словении барон Шварц пригрозил магистрату роспуском и вторично не дал санкции на избрание Хрибара. Это только подлило масла в огонь. Непокорный магистрат семь раз со

⁷⁵ Одной из причин этого было введение в церквях в югославянских районах непонятной народу латинской литургии вместо глаголицы.

⁷⁶ «Neue Freie Presse», 9.I 1910.

⁷⁷ «Neue Freie Presse», 28.I 1910.

⁷⁸ «Haus der Abgeordneten. Session am Januar 1910»; АВПР, Посольство в Вене, 1909, д. 592, л. 377. Пленер был сторонником плана создания «Среднеевропейского объединения», представлявшего собой одну из разновидностей планов экономического апшлюсса.

⁷⁹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 680, л. 32.

⁸⁰ Там же.

все возрастающим единодушием избирал Хрибара мэром. Тогда Шварц распустил магистрат⁸¹.

Роспуск магистрата встретил бурную реакцию со стороны народных масс. 28 августа в Любляне стихийно возникли антиправительственные демонстрации, во время которых раздавались крики: «Долой наместника!», «Долой Австрию!» В город были стянуты войска, в том числе конница⁸².

«Дело Хрибара» стало вызывать все более широкий общественный резонанс, а сам Хрибар, в общем довольно умеренный буржуазный деятель, приобретает большую популярность.

В октябре на целом ряде заседаний Сабора Словении в связи с роспуском люблянского магистрата были сделаны запросы и произнесены острые антиправительственные речи депутатами — членами либеральной партии⁸³.

Вслед за Сабором Словении вопрос об антиконституционных действиях наместника Шварца был поставлен в ландтаге Далмации⁸⁴ и даже в рейхсрате, где его подняли представители радикальных буржуазных партий⁸⁵.

Депутаты-югославы ставили одновременно вопрос о введении в Словении, Далмации и Истрии всеобщего избирательного права по выборам в местные органы самоуправления, а также о равенстве языков и демократических свободах⁸⁶.

Движение, казалось, начало принимать серьезный оборот. Но до значительных выступлений масс дело все же не дошло. Буржуазный парламентаризм в целом мало затрагивал интересы трудящихся. Выступления прекратились, как только власти перестали открыто парушать демократические свободы и восстановили магистрат в Любляне.

Что касается буржуазных депутатов, то их пыла хватило ненадолго. Едва центральное правительство поддержало наместника Шварца, а последний выступил с угрозой, что он закроет Сабор, как депутаты отказались от всякой борьбы за демократию и конституцию, в верности которым они клялись всего лишь несколько дней назад.

Не имела никаких последствий и борьба словенского студенчества и интеллигенции за открытие в Любляне словенского университета. Недостаточная организованность движения обрекала его на неуспех.

* * *

В Боснии и Герцеговине политическая деятельность буржуазных партий в 1910 г. была сосредоточена главным образом на решении двух вопросов — об участии в парламентской борьбе и составлении проектов аграрной реформы.

17 февраля 1910 г. императорским рескриптом Боснии и Герцеговине была дарована конституция⁸⁷. Правительство и официозная пресса

⁸¹ «Sarajevski List» 19.VIII 1910; «Musavat», 3.IX 1910.

⁸² «Новое время» 29.VIII 1910.

⁸³ См. «Ohravnave deželnega zbora kranjskega v Ljubljani... XXVI seja dne 5 oktobra 1910». Ljubljana, 1910, str. 1073—1083.

⁸⁴ См. «Brzopisna isveščica». Zadar, 1910, str. 459.

⁸⁵ «Haus der Abgeordneten. Session am 16—17 Dezember 1910»; «Slavisches Tagblatt», 17.XII 1910.

⁸⁶ «Brzopisna isveščica». Zadar, 1910, str. 459, 534—539, 552, 554, 558, 584—586, 590, 669—670.

⁸⁷ Полный текст боснийской конституции опубликован в «Wiener Zeitung», 22.II 1910.

подняли невероятную шумиху вокруг рескрипта. Вслед за официальной Венной представители боснийской компрадорской буржуазии и помещиков в слащавых реляциях приветствовали новое проявление «мопаршей воли» и непомерно раздували значение «конституционных преобразований»⁸⁸.

Между тем октропированная конституция не стоила и ломаного гроша.

Конституция или так называемый «Земальский статут для Боснии и Герцеговины» предусматривала создание в провинциях однопалатного парламента и декларировала расширение избирательных прав населения. Но компетенция парламента оставалась столь ограниченной, а избирательные права получало настолько незначительное число граждан, что фактически конституция мало что меняла в политической жизни земель.

Парламент или Сабор, как он стал официально называться, ведал лишь немногочисленными вопросами внутреннего характера. Он принимал местный бюджет для Боснии и Герцеговины, утверждал распоряжения и законы, имевшие отношение только к этим землям, и избирал на время между сессиями исполнительный орган — «Земский совет», состоявший из девяти членов и имевший лишь совещательные права при центральной администрации, называемой Веней⁸⁹.

Как и до конституции, вся полнота власти в провинциях сосредоточивалась в руках Управления Боснией и Герцеговиной при имперском министерстве финансов и военного генерал-губернатора земель — командующего воинскими частями, дислоцированными в провинциях и являвшегося одновременно начальником провинциального управления⁹⁰.

Законы и постановления, принимаемые боснийским Сабором, подлежали утверждению правительств Австрии и Венгрии. Сам созыв Сабора и его закрытие регулировались императором, который назначал также председателя и вице-председателя Сабора. Депутаты парламента пользовались иммунитетом лишь в стенах Сабора, но могли быть арестованы вне его. Из 92 членов парламента избирались только 72, а 20 членов, т. е. более чем $\frac{1}{5}$ часть, назначались пожизненно императором (так называемые вирилисты).

Избирательная система по выборам в Сабор была крайне реакционной. Она строилась на основе разделения населения по имущественному положению, образовательному цензу и религиозной принадлежности.

Создавались три курии: курия крупных землевладельцев, высших чиновников и интеллигенции, городская курия и курия сельских жителей⁹¹. Между куриями не было равенства. Крупные землевладельцы избирали одного депутата от 80 выборщиков, городское население — от 2300, а сельское население — от 10 тыс. выборщиков⁹². В результате первая и вторая курии, представлявшие меньшинство населения, имели в Саборе большинство, а вместе с вирилистами — подавляющее большинство⁹³.

Внутри курий выборы происходили по конфессиям, т. е. население искусственно делилось по религиозному принципу⁹⁴, чем правящие кру-

⁸⁸ См., например, «Musavat», 15.VI 1910.

⁸⁹ Das Landesstatut für Bosnien-Herzegovina. — «Pester Lloyd», 22.II 1910.

⁹⁰ Landesautonomie für Bosnien und die Herzegovina. — «Pester Lloyd», 22.II 1910.

⁹¹ «Das Landesstatut für Bosnien-Herzegovina». — «Pester Lloyd», 22.II 1910.

⁹² «Bošnjak», 8.IV 1910; «Musavat», 4.IV 1910.

⁹³ Первая курия имела 18 мандатов, вторая — 20, т. е. вместе 38 мандатов плюс 20 вирилистов против 34 мандатов третьей курии («Самоуправа», 21.III 1911).

⁹⁴ Православные имели 31 мандат, мусульмане — 24, католики — 16, евреи — один мандат (Arhiv Komunističke partije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1955, t. II, str. 325).

ги усиливали религиозную рознь и национальные противоречия в Боснии.

Вводился высокий возрастной избирательный ценз: активное избирательное право предоставлялось гражданам, достигшим 24-летнего возраста, право быть избранным — с 30-летнего возраста⁹⁵. Солдаты, женщины⁹⁶ и безработные, вынужденные постоянно менять место жительства, а также лица, имущество которых находилось под судом или в долгу, т. е. огромное количество разорившихся крестьян, были лишены избирательных прав⁹⁷.

В результате таких ограничений избирательными правами в Боснии пользовались лишь 400 тыс. человек из общего числа более чем 2,5 млн. жителей⁹⁸.

Несколько большие права чем прежде предоставлялись конституцией сельскому самоуправлению⁹⁹. Это было сделано с целью оживления консервативных форм местного управления (сельских общин). Общинные органы, особенно в мусульманских районах, находились, как правило, в руках церкви и господствующие классы хотели усилить ее влияние. Сельским общинам, в частности, было передано школьное образование, и тем самым школа была окончательно поставлена под контроль церкви.

В конституции провозглашались политические свободы и еще раз подтверждался принятый в 1907 г. закон о свободе печати¹⁰⁰. Но подлинное соблюдение этих свобод никак не гарантировалось законом, который, напротив, предоставлял широкие права полиции и жандармерии под флагом «охраны конституции».

Правящие круги монархии Габсбургов, декларируя введение в Боснии и Герцеговине конституции, не собирались выполнять на деле даже те немногие права, которые были обещаны в императорском рескрипте.

Это стало ясно уже из выступления начальника управления провинциями генерала Варешанина при открытии Сабора. После нескольких общих напыщенных фраз, в которых восхвалялась конституционная деятельность Франца Иосифа и говорилось о несуществующих в Боснии и Герцеговине свободах, генерал Варешанин заявил, что власти ждут от Сабора выполнения строго очерченных задач, и дал понять, что правительство не будет позволять ему выходить за эти рамки¹⁰¹.

Сабору было предписано ограничить свою деятельность одобрением бюджета на 1910 г. и изучением двух третьестепенных и к тому же уже рассмотренных правительством вопросов: о мерах и весах на территории провинций и об учете векселей в боснийских банках¹⁰².

Эти предписания, сводящие роль Сабора к простому регистратору принятых правительством решений, вызвали возмущение даже у умеренной части депутатов, которые тешили себя наивной надеждой играть роль законодателей во вновь созданном парламенте.

На первом же заседании Сабор единогласно принял резолюцию,

⁹⁵ Archiv komunističke partije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1955, t. II.

⁹⁶ Избирательное право женщинам (причем только активное) предоставлялось в порядке исключения лишь мусульманкам, платившим в год не менее 140 крон прямых земельных налогов и являвшимся главой семьи.

⁹⁷ «Bošnjak», 8.IV 1910.

⁹⁸ N. Š a r a c. Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini do 1919. Sarajevo, 1955. str. 5—7.

⁹⁹ «Landesautonomie für Bosnien und die Herzegovina». — «Pester Lloyd», 22.II 1910.

¹⁰⁰ «Wiener Zeitung», 22.II 1910.

¹⁰¹ Стенографски извještaj o sednicihna bosansko-hercegovačkog Sábora, god 1910. Sarajevo, 1910, сvezak 1, стр. 30—35; 15.VI 1910.

¹⁰² АВПР, Политархив. д. 1207, л. 52.

выражавшую протест против ограничения прав и компетенции парламента¹⁰³. Выступивший 10 июня на заседании Сабора представитель «Сербской народной организации» Милан Сркшич¹⁰⁴, выражая мнение всех депутатов, констатировал «беспрецедентное вмешательство правительства» в дела боснийского парламента¹⁰⁵. «Мы, — заявил он, — не имеем правовых функций, не имеем инициативы в разработке законов, не имеем конституционной инициативы, не имеем даже отдаленной экономической независимости по отношению к одной и другой частям монархии»¹⁰⁶. Слова Сркшича: «Наша земля есть нечто иное, как обычная колония» были поддержаны криками всего зала: «Верно!», «Позор!», «Хотим подлинной конституции!»¹⁰⁷.

От имени группы прогрессивных деятелей, среди которых был писатель-демократ Петар Кочич, было зачитано коллективное заявление, в котором говорилось, что конституция «даже приблизительно не отвечает ожиданиям и потребностям нашего народа»¹⁰⁸. В заявлении выдвигалось требование о предоставлении боснийскому народу подлинных прав и свобод¹⁰⁹.

Сабор и в дальнейшем служил демократическим элементам трибуной для разоблачения колониалистской политики монархии Габсбургов и защиты прав боснийского народа. Особенно большую роль в этом деле сыграли Петар Кочич и его сторонники, которые группировались вокруг журнала «Развитак», начавшего выходить с 1910 г. вместо закрытой властями газеты «Отажина»¹¹⁰.

Петар Кочич неоднократно выступал в Саборе. Так, 21 июня 1910 г. он произнес яркую речь в защиту крестьян. Протестуя против реакционного законопроекта, запрещавшего крестьянам заготавливать дрова в лесах, Кочич заявил, что леса — это собственность народа и что поэтому они должны принадлежать самому народу, а не помещикам и лесозаводчикам¹¹¹. Кочич привел факты судебного произвола и гонений на крестьян со стороны властей. Ежедневно, констатировал он, в Боснии выносятся до 150 приговоров суда над крестьянами за заготовку ими топлива в лесу. «Вам легко говорить об узурпации, — гневно воскликнул Кочич, обращаясь к начальнику управления Боснией и другим представителям властей, — а каково голодным и раздетым крестьянам!» «Осуждая крестьянина, политические чиновники... обрекают целую семью на голод и страдания от холода»¹¹². В конце выступления Кочич прочитал стихотворение о тяжелом положении боснийского крестьянина¹¹³.

В другом выступлении от 14 июля Кочич остро критиковал правительство и разоблачал государственно-бюрократическую систему управления Боснией и Герцеговиной. «В настоящее время, когда существует Сабор, совершенно неоправдано наличие контроля со стороны Вены, — заявил он»¹¹⁴. Кочич на конкретных примерах показал, что существу-

¹⁰³ АВНР, Политархив, д. 1207, л. 51.

¹⁰⁴ Милан Скршич являлся одним из лидеров правого крыла «Сербской народной организации».

¹⁰⁵ Стенографски извјештај о седницама босанско-херцеговачког Сабора, год 1910. Сарајево, 1910, свезак 1, стр. 36.

¹⁰⁶ Там же, стр. 37.

¹⁰⁷ Там же, стр. 38.

¹⁰⁸ Там же, стр. 39.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Peter Kočić Čovjek, borac, književnik. Sarajevo, 1955, str. 22—26.

¹¹¹ Стенографски извјештај... Сарајево, 1910, свезак 1, стр. 159.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

ющий в провинциях колоссальный государственный аппарат содержится за счет народных масс и многочисленных налогов и используется не в интересах народа, а против народа. «Политические власти были чужими, когда к ним пришли, — смело заявил Кочич, — и за эти 30 лет остались не только чужими, но и враждебными по отношению к нам» ¹¹⁵.

В том же выступлении Кочич потребовал прекращения подготовки Австрии к войне, сокращения срока военной службы и уменьшения военных расходов ¹¹⁶.

На заседаниях Сабора 19, 21 и 22 июня пламенный боснийский патриот снова и снова выступал в защиту демократических прав своей поработанной родины, отстаивая интересы крестьян и простого люда ¹¹⁷.

Наряду с Кочичем и его группой в Саборе с критическими речами в адрес правительства выступали иногда и умеренные элементы, которые возмущались крайностями реакционного режима. Так, 6 июля в парламенте с большой речью выступил Джуро Джамонья, который выразил свое негодование по поводу полицейских методов управления провинциями. «По всем линиям управление развило систему шпионажа, — констатировал он. — У нас остался тот абсолютистский режим, столько же жандармов и полицейских, те же люди, что и раньше, сидят в правительстве» ¹¹⁸. «Вместо жандармских казарм, — сказал под аплодисменты левых депутатов Джамонья, — надо открыть школы» ¹¹⁹.

На том же заседании о колониалистской политике Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине говорил д-р Уроп Круль ¹²⁰, а 8 июля — целая группа депутатов ¹²¹.

Но в целом такие выступления были все же редкостью. Боснийский Сабор, как и другие буржуазные провинциальные парламенты в южнославянских землях, защищал не общенародные интересы, а узкоклассовые интересы буржуазии и помещиков.

Это выявилось с полной очевидностью при обсуждении Сабором проектов аграрной реформы ¹²².

Мусульмане-помещики, интересы которых в Саборе представляла «Мусульманская народная организация», были яркими противниками каких-либо аграрных преобразований вообще. Их точка зрения была сформулирована в программной статье органа партии газете «Мусават» под красноречивым заголовком: «Мусульмане, не отдавайте землю!» ¹²³

Единственно, на что соглашались мусульмане-землевладельцы — это на добровольное (факультативное) отчуждение земельных излишков крестьянам за высокую плату ¹²⁴.

Мусульманских помещиков в Саборе поддерживали две партии хорватских крупных землевладельцев, буржуазии и клерикалов — партии Николы Мандича, которая называлась «Хорватское народное объедине-

¹¹⁵ Стенографски извјештај.... Сарајево, 1910, свезак 1, стр. 579.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ См. Стенографски извјештај... Сарајево. 1910, свезак 1, стр. 723—727, 780—781, 782, 788, 885.

¹¹⁸ Там же, стр. 309—310.

¹¹⁹ Там же, стр. 310.

¹²⁰ Там же, стр. 319

¹²¹ Там же, стр. 393.

¹²² Рескриптом Франца Иосифа от 17 февраля 1910 г. боснийскому Сабору поручалось рассмотреть вопрос о кметских отношениях; венгерский Аграрный банк по требованию австрийских финансовых монополий лишился этих прав.

¹²³ «Musavat», 8.X 1910.

¹²⁴ «Musavat», 2.XI 1910.

лине»¹²⁵ и партия архиепископа Иосипа Штадлера, называвшаяся «Хорватский политический союз»¹²⁶.

На тех же позициях защиты интересов помещиков стояла и верхушка «Сербской народной организации» во главе с Глигорием Ефтановичем и Воиславом Шолой. В Боснии и Герцеговине, по данным переписи 1910 г., насчитывалось до 600 сербов — крупных земельных собственников, применявших труд зависимых крестьян-кметов¹²⁷.

К ней была близка в своей аграрной программе группа сербов — депутатов из Герцеговины, объединявшаяся вокруг газеты «Народ» во главе с Николой Стояновичем. Группа стояла за частичное решение аграрного вопроса путем выкупа кметами своих повинностей¹²⁸.

Третью часть «Сербской народной организации» представляли сторонники Петара Кочича. Они выдвигали радикальное требование об обязательном и принудительном выкупе помещичьей земли и кметских повинностей за счет государства. Группа Кочича, не согласная с оппортунистической политикой руководства Организации в аграрном вопросе, вышла в конце 1910 г. из нее и образовала свою собственную парламентскую фракцию¹²⁹.

Под большим влиянием Кочича находилась группа мусульманской демократической интеллигенции во главе с Османом Джикичем¹³⁰. Группа рассматривала аграрную проблему как часть проблемы общедемократических преобразований в стране. Но ни эта группа, ни Кочич и его сторонники не имели сколько-нибудь значительных позиций в Саборе. Подавляющее большинство членов парламента не хотело поступиться интересами помещиков в пользу крестьянства.

Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины поддерживала программу Кочича в аграрном вопросе, хотя и понимала ее непоследовательность и буржуазную ограниченность. Лидер партии Сретен Якшич в статье «Борба классов и аграрный вопрос в Боснии и Герцеговине», опубликованной в теоретическом органе СДП Сербии журнале «Борба» от 10.XI 1910 г., писал, что выкуп кметов за счет государства — «это непоследовательно социалистическое требование, поскольку решение этого вопроса произойдет парламентским путем; подлинно социалистической, революционной точкой зрения является экспроприация земель аггов и бегов и передача их в руки крестьян»¹³¹. Тем не менее, говорил Якшич, СДП стоит за эту программу, так как она способствует развитию капитализма. Далее Якшич сделал пояснение, заявив, что СДП заин-

¹²⁵ «Hrvatska narodna zajednica». Создана в 1909 г. Орган — газета «Hrvatska zajednica» (1909—1912). Придерживалась проавстрийской ориентации.

¹²⁶ «Hrvatska politička udruga» Создана в 1910 г. Газета «Hrvatski dnevnik» была органом партии, немногочисленной по своему составу, и объединяла главным образом священников-иезуитов, крайних монахов и иностранцев из верхов бюрократического государственного управления Боснии и Герцеговины. В 1912 г. обе партии слились в одну (Arhiv KP BiH, t. II, str. 330).

¹²⁷ F. Slipičević. Bosna i Hercegovina od Berlinskog Kongresa do kraja prvog svetskog rata (1878—1918), Zagreb, 1954, str. 56.

¹²⁸ В. Маслеша. Млада Босна. Београд, 1945, стр. 124—125.

¹²⁹ Arhiv KP BiH, t. II, str. 331.

¹³⁰ Осман Джикич в газете «Самоуправа» с 1910 по 1912 г. пропагандировал демократическое решение национального вопроса. Группа вела большую культурно-просветительскую работу. Из среды группы вышел ряд видных деятелей омладинской прероды — Мустафа Голубич, Хасан Рабач, Шукрия Куртович, Хамди Сврзо и др. После смерти Османа Джикича в 1912 г. группа распалась. Б. Чубриловић. Петар Кочич Сарајево, 1953, стр. 273.

¹³¹ «Борба», 1910, кп. 2, број 22, стр. 850—851.

тересована в развитии капитализма потому, что будто бы только после этого у пролетариата появятся серьезные возможности для борьбы за власть и осуществление своих социалистических задач¹³².

В основе этой точки зрения лежало неверие в революционные возможности пролетариата и крестьянства, что являлось следствием общей слабости социалистического движения в югославянских землях Австро-Венгрии в этот период.

* * *

В 1910 г. социал-демократические партии Австро-Венгрии, как и в предыдущие годы, переживали кризис.

Руководство самой крупной партии страны — австрийской — к этому времени окончательно скатилось на путь социал-реформизма и проповедовало реакционнейшую теорию культурно-национальной автономии, нанося огромный ущерб социалистическому движению¹³³.

Под влиянием австромарксизма находились и лидеры социал-демократических партий Хорватии, Боснии-Герцеговины, Словении, а также многие функционеры социал-демократических организаций Истрии и Далмации. Вслед за Карлом Реннером, Отто Бауэром и другими «теоретиками» австромарксизма они проповедовали вредные идеи отказа от революционной борьбы за национальное освобождение, ошибочно считая национальный вопрос делом одной буржуазии. Лидеры югославянских СДП отрицательно относились к участию рабочего класса в национально-освободительном движении, в результате чего последнее развивалось либо стихийно, либо под буржуазными лозунгами.

Руководство социал-демократических партий южнославянских земель Австро-Венгрии допускало также другую грубейшую политическую ошибку, игнорируя крестьянство как союзника пролетариата в революционной борьбе. Социально-демократические партии и организации Хорватии, Словении и других южнославянских областей не имели четко выраженной аграрной программы и вели недостаточную работу в деревне; их руководители ошибочно считали главной задачей объединение крестьян на базе капиталистической кооперации, а не перераспределение земель путем конфискации помещичьей собственности и передачи ее в руки трудового крестьянства. Эта ошибка приводила к тому, что крестьянское движение, так же как борьба за национальную независимость, развивалось в основном стихийно и протекало под влиянием буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Вместе с тем в рядах социал-демократов в предвоенные годы начало появляться левое направление, которое еще не оформилось организационно; сторонники этого направления стали все решительнее поддерживать стихийную революционную борьбу масс, нередко выступая против «признанных авторитетов» — лидеров своих партий. Это показало, в частности, антимилиитаристское и рабочее движение 1911 г., когда вопреки желанию реформистов многие рядовые члены СДП приняли активное участие в стачечной борьбе рабочего класса и его выступлениях против угрозы войны.

¹³² Там же.

¹³³ В данной работе мы не имеем возможности подробнее остановиться на реформизме СДП Австрии и высказываниях ее лидеров.

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ АВСТРО-ВЕНГРИИ И БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС В 1911 г.

В 1911 г. в Австро-Венгрии сложилась крайне неблагоприятная экономическая конъюнктура. Небывалых размеров достиг дефицит внешней торговли, превысивший к концу года 770 млн. крон¹³⁴, плохо стало с финансами, неважным оказалось и продовольственное положение страны. Причины этого состояли в следующем. Прежде всего сказались отрицательные последствия вновь возобновившейся таможенной войны Австро-Венгрии с Сербией и тех таможенных ограничений, которые под давлением австрийских и венгерских аграриев и скотопромышленников ввели в 1911 г. австрийское правительство в торговле с Румынией, Болгарией и другими балканскими странами¹³⁵. В результате резко возросли цены на мясо, сахар и другие продукты питания, что отразилось на положении трудящихся масс. «Цены на продукты питания в стране стоят на ненормально высоком уровне, — констатировал русский генеральный консул в Вене в «Экономическом обзоре Австро-Венгрии за 1911 г.», — мясо является чуть ли не предметом роскоши»¹³⁶.

Таможенные ограничения имперского правительства вызвали ответные действия правительств Сербии, Румынии и Болгарии, что привело к потере многих позиций Австро-Венгрии на балканском рынке.

Другой причиной ухудшения экономической конъюнктуры в Австро-Венгрии в 1911 г. явилась возросшая конкуренция на международном рынке со стороны Германии, Франции, Бельгии, США, Англии и других стран Запада, стоявших на более высоком уровне развития¹³⁷. Эта причина была более серьезной, чем первая, так как не зависела от самой монархии и не могла быть устранена ею; Австро-Венгрия просто не имела сил для борьбы, что объяснялось общим застоем и загниванием австрийской экономики, т. е. теми глубинными явлениями, которые определяли общий кризис идущего к неминуемому краху лоскутного и нежизнеспособного австро-венгерского государства.

Экономически отсталая монархия Габсбургов не только не могла конкурировать на международном рынке с более передовыми индустриальными державами Запада, но и сама становилась объектом экспансии со стороны последних, и прежде всего со стороны Германии. В 1911 г. пассив внешней торговли Австро-Венгрии с Германией составил 300 млн. крон¹³⁸ и имел непрерывную тенденцию к увеличению¹³⁹. Австро-Венгрия, по определению В. И. Ленина, накануне первой мировой войны, все более теряла экономическую самостоятельность и все сильнее попадала в политическую зависимость от Германии¹⁴⁰.

¹³⁴ В 1910 г. дефицит внешней торговли Австро-Венгрии составлял 434 млн. крон, в 1911 г. — 777 млн. крон (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 15, л. 15).

¹³⁵ В «Кратком обзоре внешней торговли Австро-Венгрии за 1911 г.» русский генеральный консул в Вене писал: «Сокращение вывоза скота вызвано мероприятиями аграрной партии, вследствие чего в данное время значительно повысились цены как на скот, так и на животные продукты в Австро-Венгрии» (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 15, л. 9).

¹³⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, д. 16, л. 16.

¹³⁷ Конкуренция Австро-Венгрии на Балканах — Германия, Англия и Бельгия продавали машины на 20% дешевле австрийских (см. К. Б. В и н о г р а д о в. Указ. соч., стр. 82—84). Россия вытесняла Австро-Венгрию при продаже кожевенных, пеньковых, текстильных изделий, Италия — масел, а также в кораблестроении. Позиции Италии были особенно сильны в Албании.

¹³⁸ Österreichisches Handbuh. Wien, 1911, S. 233, 235.

¹³⁹ См. К. Б. В и н о г р а д о в. Указ. соч., стр. 82—86.

¹⁴⁰ См. В. И. Л е н и н. Тетради по империализму. М., 1939, стр. 162.

Третьей причиной финансовых трудностей монархии в 1911 г. явились возросшие военные кредиты. Австро-Венгрия под давлением кайзеровской Германии стала готовиться к захватнической войне.

В 1911 г., несмотря на тяжелое финансовое и экономическое положение страны, правительство приняло решение о строительстве большого военно-морского флота и техническом оснащении армии, что потребовало колоссальных затрат. В рейхсрат правительством в январе 1911 г. было внесено предложение об ассигновании на армию 353 млн. крон, на военно-морской флот — 55 млн. крон и, кроме того, 20 млн. крон на так называемые чрезвычайные расходы, которые также шли на военные нужды¹⁴¹. Такие огромные затраты могли привести Австро-Венгрию на грань катастрофы.

Особенно тяжелым экономическое положение было во «внутренних колониях» Австро-Венгрии — в национальных районах, в том числе в южнославянских землях. Австрийские и венгерские монополии, теряя внешние рынки, стремились компенсировать себя за счет хищнического ограбления национальных окраин и полного вытеснения в этих землях национального капитала.

О возросшей экспансии австрийского и венгерского монополистического капитала в 1910—1911 гг. в южнославянских областях свидетельствует ряд данных. Стенографические отчеты местных парламентов за эти годы буквально переполнены выступлениями представителей югославянской буржуазии против захвата австрийскими и венгерскими монополиями новых позиций на внутреннем рынке этих областей. «Венгерские картели, — заявил, например, представитель торгово-промышленных кругов Хорватии Лав Маззура в загребском Саборе 30 января 1911 г., — начинают захватывать всю нашу торговлю и промышленность»¹⁴². О том же говорили в своих неоднократных выступлениях в Саборе лидер хорватской мелкой буржуазии Степан Радич¹⁴³ и многие другие¹⁴⁴.

Национальная буржуазия оказывала противодействие экспансионистской политике имперского правительства и австрийских монополий. Это нашло свое выражение, в частности, в поведении представителей чешских, галицийских, венгерских, югославянских и других национальных буржуазных партий в рейхсрате и местных ландтагах во время обсуждения годового бюджета на 1911 г. и законопроекта об увеличении имперских войск и войск гонведа¹⁴⁵.

В рейхсрате против военного бюджета высказались чехи и галицийские украинцы, в будапештском парламенте — венгерские партии Юста и Кошута и представители от национальных меньшинств. В Чехии, Галиции и в южнославянских землях законопроекты натолкнулись на сопротивление местных ландтагов. Многочисленная парламентская фракция социал-демократической партии в рейхсрате также выступила против военных кредитов.

Правящие круги в связи с этим оказались в довольно сложном положении. Чтобы преодолеть оппозицию, они пошли на закулисные переговоры с отдельными партиями и парламентскими фракциями, стремясь заручиться их поддержкой.

¹⁴¹ ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 352.

¹⁴² SZS, Petogodišta 1910—1915. Zagreb, 1911, sv. I, str. 224—225.

¹⁴³ Там же, стр. 59, 1136.

¹⁴⁴ Там же, стр. 236—238, 512, 752—800.

¹⁴⁵ Имперские войска увеличивались до 159 500 чел., а войска гонведа до 25 тыс. (ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1739, лл. 371—372).

Первой на свою сторону правительству удалось привлечь Словенскую католическую партию, лидер которой Шустершич отказался от сотрудничества с чехами в «Славянском союзе» в рейхсрате, что привело к развалу Союза¹⁴⁶. Шустершич поддерживал военные мероприятия правительства, выступив 6 и 25 февраля в Австрийской делегации рейхсрата с верноподданическими речами¹⁴⁷. Призвав югославян голосовать за военные кредиты, он заявил, что своим голосованием они якобы снимут в глазах общественности обвинение их в антипатриотизме. «Немцы,— сказал он,— обвиняют нас в измене. Выбьем у них это оружие»¹⁴⁸.

В Хорватии правящие круги нашли поддержку у правых партий — франковцев, старчевичапцев и созданной баном Томашичем «Национальной партии прогресса» (унионистов)¹⁴⁹.

Правительству удалось расколоть оппозицию, в результате чего парламенты не оказали действенного отпора военной программе. Вся «борьба» буржуазных парламентариев свелась к пустым словопрениям и применению обструкций. Вот, например, как характеризовал работу хорватского Сабора русский консул в Риеке А. Сальвиати в донесении в Петербург 21 марта 1911 г.:

«Заседания следовали одно за другим без толка и работа Сабора не подвигалась вперед ни на шаг. Депутаты проводили время в постоянных интерpellациях и пустых прениях, создавая непрерывный ряд мелких столкновений между собой и баном. Из трех, стоявших на очереди дня вопросов — Сабор не успел рассмотреть ни одного»¹⁵⁰.

В остальных провинциальных парламентах южнославянских земель дело обстояло еще хуже.

Иначе вели себя народные массы. Они бурно реагировали на каждую попытку правительства перейти в наступление на жизненный уровень и в ответ на законопроект о новых военных расходах и налогах организовали широкую кампанию протеста.

Едва были получены первые сведения о внесении правительством законопроекта о военных кредитах, как во многих крупных рабочих центрах страны возникли стихийные антивоенные митинги и демонстрации.

В январе-феврале 1911 г., как об этом свидетельствует опубликованный в 1912 г. отчет Министерства внутренних дел, «во всей Австрии были проведены собрания протеста против военных и морских кредитов»¹⁵¹.

22 января в Триесте состоялась конференция итальянских, австрийских и словенских социал-демократов для подготовки массовой демонстрации против вооружений¹⁵². 7 февраля было созвано собрание хорватских социал-демократов в Загребе. Оно осудило капитуляцию буржуазных депутатов Сабора и буржуазных партий перед баном Томашичем и в принятой резолюции, в числе прочего, выступило против военных кредитов¹⁵³.

Под антивоенными лозунгами прошло в 1911 г. и празднование 1 Мая. Особенно массовыми были выступления боснийского пролетариата. На руднике Крека, например, в первомайской демонстрации участвовало все рабочее население поселка. В Сараеве на улицу в день 1 Мая вышли до

¹⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1738, л. 171.

¹⁴⁷ Delegation des Reichsrates — 7 Sitzung der 45 Session am 25. Februar 1911.

¹⁴⁸ «Slavisches Tagblatt», 19.II 1911.

¹⁴⁹ АВПР, Политархив, д. 1510, лл. 40—41.

¹⁵⁰ Там же, л. 7.

¹⁵¹ «Die sozialdemokratische und anarchistische Bewegung im Jahre 1911». Wien 1912, S. 3—15.

¹⁵² ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1738, л. 143.

¹⁵³ «Slavisches Tagblatt». 21.II 1911.

4-х тыс. рабочих. Демонстрация в Сараеве по всей внушительности напоминала грозные выступления рабочих в мае 1906 г. Полиция и власти были бессильны помешать демонстрации: сломав полицейские cordоны, демонстранты прорвались к центру города, где организовали антивоенный митинг. Во время демонстрации впервые в истории боснийского рабочего движения был выброшен лозунг: «Да здравствует социальная революция!»¹⁵⁴. В Боснии первомайские демонстрации состоялись также в Бая-Луке, Добое, Завидовце, Мостаре, Дервенте, Травнике, Требиње (впервые) и некоторых других местах. Всего первомайские митинги и собрания были проведены в 12 рабочих центрах Боснии с общим количеством участников 7750 человек¹⁵⁵.

С антивоенным движением пролетариата была тесно связана стачечная борьба. Она протекала под экономическими лозунгами, но в ходе стачек нередко выдвигались также политические лозунги борьбы против военной угрозы.

1911 г. был годом нового подъема забастовочного движения. В Боснии и Герцеговине в течение года было проведено 25 крупных забастовок, в Хорватии — 45¹⁵⁶, Истрии — 12¹⁵⁷. Большинство забастовок, благодаря решительности, стойкости и организованности рабочих, закончились их победой¹⁵⁸.

Наиболее упорными и боевыми были 42-дневная стачка слесарей в Загребе, забастовка рабочих лесопильных предприятий в Пакраце, две стачки трамвайщиков в Загребе и др.¹⁵⁹ Забастовка в Пакраце едва не переросла во всеобщее выступление рабочего класса Хорватии: в ответ на присылку в Пакрац войск, которые применяли грубое насилие, избив и арестовав до 120 рабочих, в целом ряде городов Хорватии состоялись митинги солидарности рабочего класса; власти, напуганные размахом движения, отдали распоряжение об освобождении арестованных и тем предотвратили всеобщую стачку¹⁶⁰.

Подъем стачечного движения способствовал росту профсоюзов, находившихся под влиянием социал-демократии. В Хорватии, например, количество членов профсоюза возросло за 1911 г. на 1899 человек¹⁶¹.

Вслед за рабочим классом к активным формам борьбы за свои жизненные права стали прибегать остальные слои трудящихся — служащие, ремесленники, крестьянство.

В 1911 г. значительно сильнее чем в предыдущие годы в югославянских землях проявилось забастовочное движение среди работников почты и телеграфа¹⁶², затем распространилось на транспортных служащих всей Истрии, а 19 февраля перебросилось в Хорватию и Далмацию¹⁶³. Движение разрасталось. К нему стали присоединяться рабочие портовых городов Далмации и Истрии¹⁶⁴.

¹⁵⁴ Arhiv KP BiH, t. II, str. 161.

¹⁵⁵ Там же, стр. 161.

¹⁵⁶ «Синдикални покрет 1903-1912 у Србији, Хрватској, Славонији и Босни и Херцеговини». Београд, 1950, стр. 90—91.

¹⁵⁷ «Die socialdemokratische und anarchistische Bewegung im Jahre 1911». Wien, 1912, S. 3—15.

¹⁵⁸ В Хорватии только шесть стачек закончились поражением рабочих, в Боснии — девять («Синдикални покрет...», стр. 90—91).

¹⁵⁹ V. K o r a č. Povijest..., knj. II, str. 409—411.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ 20—21 февраля 1911 в Загребе состоялся первый в истории хорватского профсоюзного движения конгресс профсоюзов.

¹⁶² ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1738, л. 235.

¹⁶³ «Slavisches Tagblatt», 6.III 1911.

¹⁶⁴ Там же.

Предприниматели и администрация государственных учреждений потребовали от правительства принятия решительных мер против забастовщиков. Крупные торговцы поддерживали предпринимателей и пригрозили объявить продовольственный бойкот семьям, участвующим в движении¹⁶⁵. Так классовой солидарности трудящихся эксплуататорские слои населения противопоставили свое единство. Местные власти в Истрии, и в их числе паместник князь Гогенлоэ, лживо выдававший себя за либерала, предложили «честное посредничество», но использовали его для защиты интересов предпринимателей. В Истрию были присланы штрейкбрехеры из других районов монархии и движение служащих было подавлено¹⁶⁶.

В апреле-мае 1911 г. в Хорватии и Далмации небывало большой размах приняло забастовочное движение учителей¹⁶⁷. Оно охватило учителей почти всех начальных и средних школ и проходило под руководством «Союза хорватских учителей»¹⁶⁸ и организации учителей итальянцев — «Национальной лиги»¹⁶⁹.

Помимо чисто экономических требований о повышении заработной платы учителя выдвигали требования о политических свободах и демократизации школьного образования¹⁷⁰. На состоявшемся 11 мая 1911 г. в Загребе съезде учителей, на котором присутствовало 1500 чел., был поставлен очень важный вопрос о борьбе за национальное освобождение и единство. Социал-демократическая партия Хорватии провела в дни съезда специальное собрание с повесткой дня: «Социал-демократы и учителя»¹⁷¹.

Одновременно с выступлениями учителей в Хорватии в 1911 г. наблюдалось широкое движение интеллигенции, студенчества и значительной части так называемых средних слоев в защиту демократических свобод. Оно было вызвано очередным посягательством бана Томашича на конституционные права хорватского народа.

Весной 1911 г. бан Томашич и Куэн-Хедерварп издали ряд реакционных распоряжений, затрагивающих национальные чувства хорватского народа. Особенно болезненно населением были восприняты распоряжения Министерства лесного хозяйства о введении для хорватов, окончивших лесную академию, повторных экзаменов по венгерскому языку¹⁷² и о чистке личного состава рабочих и служащих на железных дорогах. Оба распоряжения вели к увольнению служащих и рабочих-хорватов с занимаемой должности. Так, например, в результате чистки, с железных дорог было уволено около 90% хорватских рабочих и служащих¹⁷³. Все это вызывало растущее недовольство народных масс.

Наконец, большое возмущение демократической общественности вызвал полицейский процесс над известным адвокатом Хипко Хипковичем,

¹⁶⁵ «Slavische Tagblatt», 6.III 1911.

¹⁶⁶ Там же, 16.V 1911.

¹⁶⁷ «Hrvatski učiteljski Dom», Zagreb, 1911, broj 4, str. 43, broj 8, str. 97—98. В Хорватии материальное положение учителей было очень тяжелым, о чем неоднократно ставился вопрос прогрессивными депутатами в Саборе (см. напр. SZS, Petogodišta 1908—1913. Zagreb, 1911, sv. 1, str. 512).

¹⁶⁸ В Хорватии существовало три союза учителей: «Savez hrvatske učiteljskih društava», «Hrvatski pedagoško-knjževni zbor» и «Hrvatske štedno-predujemne zadrugе». Эти три организации имели общий печатный орган—журнал «Hrvatski-učiteljski Dom», который выходил два раза в месяц. На местах существовали свои учительские организации и общества.

¹⁶⁹ «Slavisches Tagblatt», 31.V 1911.

¹⁷⁰ «Hrvatski učiteljski Dom», 1911, broj 23, str. 273.

¹⁷¹ «Slavisches Tagblatt», 25.V 1911.

¹⁷² АВПР, Политархив, д. 1510, л. 21.

¹⁷³ «Самоуправа», 2.V 1911.

выступившим два года назад главным защитником на суде по делу 53 сербов¹⁷⁴. Бан Томашич хотел не только отомстить Хинковичу за прошлое, но и надеялся использовать суд для запугивания оппозиции.

Однако его расчеты провалились. Открытое письмо Хинковича, опубликованное 18 марта в «Самоуправе», свидетельствовало о том, что Хинкович не только не собирается просить пощады, но хочет использовать процесс для разоблачения реакционного режима бана. «Преследования и удары, которые меня ожидают, — писал Хинкович, — могут нанести мне материальный ущерб, они могут стоить мне даже жизни, но они не сломят моего духа»¹⁷⁵.

Эти мужественные слова обошли весь Загреб. Хинкович приобрел огромную популярность и процесс над ним приковал к себе внимание всей общественности Хорватии. Несмотря на угрозу лишиться работы, 40 видных адвокатов добровольно взялись защищать Хинковича. Они доказали беспочвенность обвинений и незаконность процесса¹⁷⁶.

Тем не менее Хинкович был приговорен к 6 месяцам тюремного заключения¹⁷⁷. Население Загреба встретило несправедливый приговор суда с возмущением. Огромные толпы народа окружили здание суда, угрожая расправой с судьями. Состоялась массовая демонстрация у правительственных зданий. Раздавались крики: «Долой бана Томашича!», «Долой правительство!»¹⁷⁸ С большим трудом властям удалось прекратить волнения.

О сильных антиправительственных настроениях населения Загреба говорили также еще два события, происшедшие почти одновременно с процессом Хинковича.

Одно из них возникло в связи с провокационным распоряжением администрации почты и телеграфа о замене телефонных книг, напечатанных на сербо-хорватском языке, книгами, набранными на венгерском и немецком языках. Сразу после распоряжения все загребские газеты, кроме правительственных, опубликовали протесты, а более 500 телефонных абонентов сделали заявления об отказе пользоваться телефоном. Студенты загребского университета и присоединившиеся к ним горожане организовали демонстрацию и на площади перед дворцом бана торжественно сожгли телефонные книги¹⁷⁹. Полиция конфисковала одну из наиболее оппозиционных газет, а ее редактора Першича взяла под арест. Это вызвало новое возмущение. Снова состоялись демонстрации, теперь уже в защиту Першича¹⁸⁰. Само правительство во избежание дальнейших осложнений отменило распоряжение администрации почты и телеграфа и освободило Першича.

Другим событием были беспорядки в связи с повышением магистратом Загреба на 100 % цен на пиво и на некоторые продукты питания. В городе стихийно возник ряд собраний, которые были разогнаны полицией. Применение насилия вызвало демонстрации уже не только против магистрата, но и против бана¹⁸¹.

Не успели власти прекратить это выступление, как состоялись новые. 5 июня в Загребе и Оснеке при небывалом стечении народа был отмечен

¹⁷⁴ «Slavisches Tagblatt», 11.IV 1911.

¹⁷⁵ «Самоуправа», 31.III 1911.

¹⁷⁶ «Самоуправа», 27.V 1911.

¹⁷⁷ «Самоуправа», 30.V 1911.

¹⁷⁸ «Slavisches Tagblatt», 10.VI, 12.VI 1911.

¹⁷⁹ «Slavisches Tagblatt», 7.VI 1911.

¹⁸⁰ «Самоуправа», 27.V 1911.

¹⁸¹ «Slavisches Tagblatt», 18.IV, 22.IV 1911.

национальный праздник хорватов — день славянских просветителей Кирилла и Мефодия. В город съехались представители со всех концов Хорватии. В одном только факельном шествии в Загребе участвовало 15 тыс. человек. В рабочих районах Загреба произошли антиправительственные выступления, закончившиеся вооруженным столкновением с полицией¹⁸².

Социал-демократы использовали торжества для пропаганды анти-милитаристских идей. В течение всего июля СДП Хорватии созывала народные собрания с повесткой дня: «О борьбе с милитаризмом, за всеобщее избирательное право»¹⁸³.

Осенью 1911 г. в южнославянских землях произошло дальнейшее усиление национального, крестьянского и рабочего движения¹⁸⁴. 1 августа в районе Живанович (Хорватия) вспыхнули крестьянские волнения. Крестьяне, измученные притеснениями властей, которые запретили им пользоваться водоемами, напали на охранявших пруды жандармов. Произошло столкновение. Жандармы пустили в ход оружие. В село Живиснович властями были переброшены подкрепления, которым удалось подавить начавшееся было принимать серьезный характер волнение¹⁸⁵.

С 5 по 12 августа в Загребе произошла одна из самых крупных в Хорватии забастовка рабочих. Начавшись на лесопильном заводе как обычная экономическая стачка в предместье Загреба, она, после вмешательства полиции, применившей насилие, превратилась во всеобщую политическую забастовку, которая охватила все типографии, промышленные и торговые предприятия города. Стачка парализовала всю экономическую жизнь столицы Хорватии. Остановились фабрики и заводы, перестали выходить газеты, прекратил работу транспорт. Даже отели, кафе и рестораны были закрыты: прислуга и официанты присоединились к рабочим. По улицам прошли демонстранты. Их было более 20 тыс. Рабочие требовали обеспечения свободы собраний и забастовок и прекращения преследований со стороны полиции¹⁸⁶. Не на шутку перепуганное правительство бана пошло на уступки, уволило в отставку начальника жандармерии и обещало издать указ, запрещающий полиции вмешиваться в стачечную борьбу¹⁸⁷.

В августе-сентябре 1911 г. был проведен ряд мощных стачек в Вене, Триесте, Риеке и на железных дорогах Цислейтании. Некоторые из них были такими сильными, что напоминали период революционного подъема 1905—1907 гг. Так, 17 сентября в Вене в забастовке и демонстрации против дороговизны участвовало около 120 тыс. рабочих¹⁸⁸. В ответ на вооруженное нападение полиции и войск, убивших нескольких рабочих и ранивших более 50 человек, рабочие создали баррикады.

Социал-демократические депутаты рейхсрата сделали 5 октября запрос по поводу карательных действий полиции 17 сентября. Во время запроса молодой далматинец столяр Негуш Ваврак с галереи стре-

¹⁸² «Slavisches Tagblatt», 29.VII 1911; ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1740, л. 314.

¹⁸³ «Slavisches Tagblatt», 6. VIII 1911; ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1740, л. 457.

¹⁸⁴ Одной из экономических причин рабочего и крестьянского движения было ухудшение общей конъюнктуры, плохой урожай 1911, который в три раза был меньше прошлогоднего, рост цен. «Самоуправа», 1.X 1911.

¹⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1741, л. 110.

¹⁸⁶ V. K o g a č. Povijest... Knj. II, str. 92—93; «Slobodna Rijec», 24.VIII 1911.

¹⁸⁷ Бан обманул рабочих и не выполнил этого обещания. Такой указ был издан только 12.IV 1912 г. преемником Томашича баном Цуваем, который первое время проводил политику социальной демагогии.

¹⁸⁸ F. S t r o b l. Lehrheft zur Geschichte der österreichischen Arbeiterbewegung bis zum ersten Weltkrieg. Wien, 1952, S. 56—57.

лял в министра юстиции и на следствии заявил, что он мстил министру за жестокости против рабочих¹⁸⁹.

Рабочее движение нарастало. «В последнее время в Загребе,— сообщил корреспондент Петербургского телеграфного агентства 31 октября 1911 г.,— почти ежедневно происходят антиправительственные демонстрации. Власти, опасаясь эксцессов, требуют присылки войск...»¹⁹⁰

В такой крайне напряженной обстановке прошли в Хорватии в ноябре 1911 г. выборы в местные органы самоуправления. Бан Томашич призвал из Верхней Австрии в Хорватию войска. Во время выборов царил дикий произвол властей. Даже полусофициозная реакционная венгерская газета «Пешти Хирлап» назвала выборы в Хорватии «европейским скандалом»¹⁹¹. Газета сообщала возмутительные факты избивания и ареста полицией оппозиционных кандидатов, бесчинств военщины и властей, подделки избирательных бюллетеней и прочих незаконных поступков¹⁹². Накануне выборов власти арестовали 24 кандидата оппозиции, выдвигнув вместо них своих сторонников¹⁹³. Но все это не могло правительству.

Правительственная партия завоевала только 21 мандат; население в знак протеста против грубого произвола бана отдало свои голоса оппозиции. Среди забаллотированных оказался и сам бан Томашич¹⁹⁴, дни его правления в Хорватии были сочтены.

Почти одновременно с парламентскими выборами в Хорватии, состоялись муниципальные выборы в Словении. Их итоги так же оказались неблагоприятными для правительства. На первое место в муниципалитет Любляны вышла не правящая католическая партия, а оппозиционная партия либералов; мэром города Любляны был избран лидер либералов Иван Тавчар¹⁹⁵.

В боснийском парламенте, далматинском и истрийском ландтагах правительству также не удалось завоевать прочного большинства. Еще хуже обстояло дело в Чехии и Галиции, где национальное движение приняло такой широкий характер, что правительство не смогло провести в 1911 г. через парламенты ни одного законопроекта.

Наконец, нельзя было положиться и на Будапешт: Куэн-Хедервари испытывал большие затруднения в связи с оппозицией в парламенте, а австро-венгерские отношения в целом по-прежнему были крайне напряженными. Таким образом, правящие круги Вены и Будапешта находились и к концу 1911 г. в том же тяжелом положении, что и в начале года.

* * *

Тем временем на Балканах международная обстановка обострилась еще больше. Началась итало-турецкая война, которая выявила слабость Турецкой империи и породила у Сербии, Черногории, Греции и Болгарии надежды на успешное отвоение у Турции территорий, населенных славянами и греками. Между этими странами был заключен

¹⁸⁹ ЦГИАМ, ф. 541, оп. 1, д. 25, л. 24. Die sozialistische und anarchistische Bewegung im Jahre 1911. Wien, 1912, S. 3—15.

¹⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1743, л. 4.

¹⁹¹ «Pešti Hirlap», 15. XII 1911.

¹⁹² «Словенски Југ» от 18 декабря 1911 писал: «В котаре Врчпакском (Осиекский район Славонии.— Ю. П.) местная администрация организовала неописуемый террор»

¹⁹³ «Sarajevski List», 5. XII 1911.

¹⁹⁴ «Самоуправа», 8. XII 1911.

¹⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1473, лл. 89, 313.

военный союз против Турции и его участники ждали лишь момента для выступления.

Монархия Габсбургов, издавна вынашивавшая планы захвата Балкан, также не собиралась играть роль стороннего наблюдателя. Она хотела активно участвовать в разделе «наследства» Турции и была противницей усиления Сербии, Черногории и Италии. Все это вызывало напряженность на Балканах.

Другим фактором, способствовавшим все большему превращению Балкан в пороховой погреб Европы, был небывалый размах в этот период национально-освободительного движения угнетенных турецкой феодальной империей народов. С 1910 г. продолжалось восстание в Албании, ни на один день не прекращалось движение партизанских чет в Македонии, беспокойно было в Новопазарском санджаке¹⁹⁶. Освободительная борьба балканских народов оказывала революционизирующее воздействие на поработанные нации империи Габсбургов.

Перед господствующими классами Австро-Венгрии в связи с этим более чем когда-либо раньше встала задача удупления национально-освободительного движения в своей собственной стране и подготовки прочного тыла на случай войны.

Из южнославянских земель наиболее сильным национальное движение было в Хорватии. Именно здесь правящие круги монархии и решили нанести свой первый удар.

ВВЕДЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ХОРВАТИИ В 1912 г. ОТМЕНА КОНСТИТУЦИИ. КОМИССАРИАТ ЦУВАЯ

20 января 1912 г. вместо несправившегося со своей задачей бана Томашича в Хорватию был назначен новый бан — Славко Цувай¹⁹⁷. Он отличался крайней беспринципностью, был честолюбив, угодлив перед властями и жесток по отношению к подчиненным. Этот «разбойник в чиновничьем мундире», как его еще в бытность губернатором Лики метко окрестил архиепископ Штроссмайер¹⁹⁸, готов был в целях достижения личной карьеры пойти на последнюю подлость, не останавливаясь ни перед чем. Характеризуя нового бана, сербские и хорватские газеты писали, что «Цувай повесил бы своего собственного отца, если бы это ему приказали»¹⁹⁹.

Назначая Цувая баном, правящие круги требовали от него проведения «самой твердой» политики. «Никаких уступок, — напутственно писала реакционная газета «Самоуправа»²⁰⁰. И новый бан начал действовать!

Прежде всего он, не имея на это никаких, даже формальных оснований, распустил избранный в декабре 1911 г. Сабор и назначил новые выборы²⁰¹. Все газеты, попытавшиеся было опротестовать это волеизъявление,

¹⁹⁶ См. И. С. Г а л к и н. Вопрос о реформах в Македонии и дипломатия империалистических держав в 1907—1908 гг. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XV, 1957, стр. 5—43.

¹⁹⁷ Славко Цувай (1851—1931). В течение многих лет был великим жупаном (губернатором) в Лике, проявляя крайнюю жестокость по отношению к «непокорным элементам». При Павле Раухе был подбаном. Явился одним из инициаторов провокационного загребского процесса. За «заслуги» перед монархией получил титул барона.

¹⁹⁸ См. F. Rački, F. F. Strossmayer. Korespondencija. Posebna izdanja Jugoslovenske Akademije. Zagreb, 1930—1931, knj. III—IV.

¹⁹⁹ «Самоуправа», 24.I 1912.

²⁰⁰ «Самоуправа», 12.II 1912.

²⁰¹ R. W. Seton-Watson. Die südslawische Frage im Habsburger Reich, Berlin, 1913, S. 100.

щее нарушение конституции, были конфискованы, а их редакторы отданы под суд²⁰². На созванной 25 января пресс-конференции бан Цувай угрожающе заявил, что он и впредь будет привлекать к судебной ответственности авторов «антигосударственных статей» и редакторов газет²⁰³. Всего лишь за две первые недели правления нового бана прокуратурой было составлено 480 обвинительных актов против редакторов оппозиционных газет²⁰⁴.

Особым гонениям подверглись прогрессивные деятели. Был арестован и отправлен из Загреба в кандалах в г. Осиек председатель оппозиционной Хорватской крестьянской партии Степан Радич²⁰⁵. По личному распоряжению Цуваа был закрыт Загребский университет, где было сильное демократическое движение среди студенчества²⁰⁶. Наиболее рьяные реакционные чиновники из правительства бана выступили даже с предложением вообще ликвидировать университет в Загребе как «очаг революционной заразы» и перевести его из Хорватии в менее населенную Далмацию²⁰⁷.

Реакционная политика бана вызвала бурю возмущения в Хорватии. Рабочие и студенты, служащие и журналисты, врачи, адвокаты и даже буржуазные депутаты парламента — все выражали протесты против грубого произвола бана. «В Загребе, — сообщал корреспондент Петроградского телеграфного агентства от 10 февраля 1912 г., — ежедневно происходят демонстрации»²⁰⁸.

Особенно внушительной была демонстрация рабочих и студентов 12 февраля. В ней приняли участие социал-демократы. На демонстрацию напала конная жандармерия, пустившая в ход сабли. Рабочие и студенты ответили градом камней, завязалась борьба. Были ранены 19 жандармов и 530 участников демонстрации²⁰⁹. Один из них скончался. На следующий день в Загребе снова произошли стихийные волнения студентов²¹⁰. Вечером 20 февраля в национальном театре во время представления, на котором присутствовали члены правительства бана, находившиеся в зале студенты и поддержавшая их публика устроили демонстрацию протеста против закрытия университета и разгона мирной манифестации. Представление в театре было сорвано, зрители организованно покинули зал²¹¹.

В тот же вечер группы студентов и горожан ворвались в помещение, где звать устроила бал по случаю масленицы, и сорвали празднества. «Сегодня, когда Хорватия отмечает траур не должно быть никаких балов», — заявили представители студентов и разогнали танцующих²¹².

Социал-демократическая партия Хорватии действовала более организованно. 19 февраля она опубликовала заявление Главного правления, в котором решительно осуждала антиконституционные действия бана Цуваа и призывала вести борьбу за демократические свободы и всеобщее избирательное право²¹³.

²⁰² ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1744, л. 114.

²⁰³ Там же, л. 198.

²⁰⁴ Там же, л. 331.

²⁰⁵ «Самоуправа», 10.II 1912.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ «Самоуправа», 17.II 1912.

²⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1744, л. 225.

²⁰⁹ «Самоуправа», 13.VII 1912; «Sarajevski List», 13.II 1912.

²¹⁰ «Sarajevski List», 16.II 1912.

²¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1744, л. 301.

²¹² Там же.

²¹³ «Sarajevski List», 20.II 1911.

Движение против реакционного режима бана нарастало. 26 февраля состоялись новые антиправительственные выступления в Сушаке, Загребе, Осиеке, Карловаце, Сеньи, а также в главном городе Герцеговины — Мостаре ²¹⁴. В Сушаке была организована демонстрация 1500 студентов и учащихся; в Загребе демонстрация была проведена ночью: несколько тысяч горожан с фонарями и факелами прошли перед правительственными зданиями, выбив во многих из них стекла ²¹⁵. На следующее утро демонстрации в Загребе повторились. Бан вызвал в город дополнительные войска ²¹⁶. 6 марта произошли новые «беспорядки» в г. Сушаке ²¹⁷.

Волнения в Хорватии заставили бана 7 марта временно отменить чрезвычайные меры и выступить с обещаниями впредь «уважать конституцию» ²¹⁸.

Но было слишком поздно. Бану не удалось приостановить движение. Его лживым обещаниям никто не верил и массы все настойчивее требовали отставки бана. 13 марта состоялась всеобщая забастовка студентов и учащихся, охватившая всю Хорватию ²¹⁹, затем произошел целый ряд новых выступлений против бана ²²⁰. Одна лишь социал-демократическая партия Хорватии провела в марте 13 собраний в защиту демократических свобод (10 из них — без разрешения властей ²²¹). В конце марта растерявшийся бан Цувай выехал в Будапешт за инструкциями. Здесь его заверили в поддержке и потребовали, чтобы он не только не ослаблял реакционного курса, но даже усилил его.

3 апреля Цувай был наделен чрезвычайными полномочиями и специальным рескриптом Франца-Иосифа назначен комиссаром, т. е. неограниченным диктатором Хорватии ²²². Впервые за долгие годы в Хорватии были отменены все конституционные гарантии. Работа Сабора приостанавливалась на неопределенный срок, а его функции передавались комиссару. Отменялся закон о свободе печати и вводилась предварительная цензура ²²³. Для газет и журналов назначались огромные денежные залоги, непосильные рабочим организациям ²²⁴. В результате закрылись почти все печатные органы социал-демократической партии и рабочих профсоюзов ²²⁵.

Были запрещены собрания на открытом воздухе, а также демонстрации и митинги. Для организации собраний в помещениях требовалось

²¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1744, л. 495; «Самоуправа», 27.II 1912.

²¹⁵ «Самоуправа» 27.II 1912, 28.II 1912.

²¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1744, л. 356, 359.

²¹⁷ Там же, л. 428.

²¹⁸ «Самоуправа», 7.III 1912.

²¹⁹ «Самоуправа», 12.III 1912.

²²⁰ В марте произошли студенческие забастовки в Сушаке, Бакре, Госпиче, Загребе («Самоуправа», 23.III 1912); V. K o r a č. Povijest..., knj. I, str. 227.

²²¹ «Socialdemokratische und anarchistische Bewegung im Jahre 1912». Wien, 1913, S. 21.

²²² Официальные круги Австро-Венгрии, а вслед за ними и буржуазные историки, выступили с утверждением, что причиной введения комиссариата было не народное движение, размер которого они всячески хотели преуменьшить, а якобы объединение партии старчевичанцев с хорватско-сербской коалицией в Саборе. Такой точки зрения, в частности, придерживается Сетон-Ватсон (См. R. W. S e t o n - W a t s o n. German, Slav and Magyar, London, 1916, pp. 51—52), а из югославских авторов — Живанович (см. Михајло М. Ж и в а н о в и ћ. Југославија и федерација, Београд, 1938, стр. 62—63).

²²³ «Zemal», 17.IV 1912.

²²⁴ Гарантийный залог: 5 тыс. крон для ежедневных газет, 3 тыс. крон для еженедельных и 2 тыс. крон для ежемесячных журналов.

²²⁵ V. K o r a č. Povijest..., knj. 1, str. 227.

предварительное согласие полиции. Выступления под политическими лозунгами запрещались полностью²²⁶.

После введения комиссариата в Хорватии начался разгул реакции. Были распущены непокорные магистраты и общинные советы, в том числе магистрат главного города Славонии Осиека²²⁷. Преследования обрушились не только на социал-демократическую и рабочую печать, но даже и на такие умеренно-оппозиционные органы, как газеты «Србобран» и «Рокрет»²²⁸.

Распоясавшийся комиссар Цувай дошел до того, что запретил публикацию в газетах официальных отчетов о тех заседаниях рейхсрата, на которых социал-демократами и другими оппозиционными депутатами делались запросы о положении в Хорватии²²⁹.

Начались многочисленные аресты прогрессивных деятелей. К уже арестованному Степану Радичу был присоединен другой лидер Хорватской крестьянской партии — его брат Антун²³⁰.

Нависла угроза запрета и роспуска профессиональных союзов. Цувай предпринял в этом направлении определенные шаги, но не успел довести дело до конца²³¹.

Отмена конституции в Хорватии встретила возмущение как в самой Хорватии, так и во всей Австро-Венгрии.

Социал-демократы и передовые рабочие начали распространять нелегальную литературу. В Будапеште на хорватском языке стал выходить журнал «Nova Borba», который остро выступал против диктатуры Цувая. В Загреб доставлялись также другие социалистические газеты, издававшиеся вне Хорватии: «Glas Slobode» в Сараеве и «Sloboda» в Будапеште²³².

Хорватской народной крестьянской партией была издана в виде брошюры антибанская статья, написанная Антуном Радичем²³³. 1 и 15 мая во многих городах Хорватии, несмотря на запрет, были проведены митинги и собрания в защиту демократических свобод. Загребский союз журналистов обратился с воззванием ко всем журналистам Австро-Венгрии об оказании им помощи в борьбе против антиконституционного режима в Хорватии²³⁴.

В рейхсрате социал-демократами, чехами и депутатами югославянами были сделаны многочисленные запросы о положении в Хорватии²³⁵. Так, 18 апреля, во время сообщения президента рейхсрата о трагической гибели парохода «Титаник» раздался голос депутата из Далмации Бьянкини: «Вы забыли о катастрофе в Хорватии, о ней Вам тоже следовало

²²⁶ Там же; «Самоуправа», 4.IV 1912; АВПР, Политархив, д. 1510, л. 49.

²²⁷ В Воеводине в это время была ликвидирована сербская церковно-школьная автономия, что вызвало недовольство сербского населения (ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1745, л. 84; В. Б о р о в и й. Оdnoci..., стр. 338).

²²⁸ ЦГИАМ, ф. 541, оп. 1, д. 27, л. 30; «Новое время», 1.IV 1912.

²²⁹ Так, была запрещена публикация отчетов о заседаниях Австрийской делегации 18, 20, 23 апреля и др. («Самоуправа», 3.V 1912).

²³⁰ «Самоуправа», 16.V 1912. Были арестованы демократический деятель д-р Лоркович, юрист Курилович, капеллан Цриквич, брат лидера хорвато-сербской коалиции Милутин Мажуранич; сам Богумил Мажуранич был отстранен от должности врача общины («Самоуправа», 10, 17, 25.V 1912).

²³¹ См. В. К о р а ђ. Povijest..., knj. I, str. 227—228.

²³² В. К о р а ђ. Povijest..., knj. 1, str. 227—228.

²³³ «Самоуправа», 6.V 1912.

²³⁴ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1745, л. 69.

²³⁵ См. «Haus der Abgeordneten. Session am 18. April 1912, 2—5 Mai 1912».

бы вспомнить!»²³⁶ Эти слова вызвали дружные аплодисменты на левых скамьях и среди депутатов от национальных меньшинств.

Однако имперское правительство не собиралось считаться с общественным мнением. Отвечая на запросы в рейхсрате, глава правительства барон Штюргк заявил, что события в Хорватии — «внутреннее дело Венгерского королевства» и отверг предложение об отмене комиссариата в Хорватии²³⁷. Новый министр-президент Венгрии Лукач, дополняя Штюргка, разъяснил на заседании венгерского парламента от 30 апреля как он понимает это «внутреннее дело». «Королевский комиссариат в Хорватии, — нагло заявил Лукач, — будет существовать до тех пор, пока там не будут ликвидированы опасные течения»²³⁸. Цувай после такой поддержки стал действовать еще более развязно.

Недовольство Цуваем нарастало. 8 июня омладинцем-студентом юридического факультета Загребского университета Лукой Юкичем было совершено покушение на Цуваа. Оно было неудачным: Цувай остался невредим, а Юкич был приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением.

После покушения начался еще более дикий террор, особенно среди омладинцев²³⁹. 3 октября учащийся Иван Планишчак совершил новое покушение на Цуваа.

10 ноября несколько сотен хорватских, словенских и сербских студентов университетов в Вене, Праге и Граце обратились к Цуваю с открытым письмом, решительно требуя его отставки²⁴⁰, а состоявшийся в тот же день в Загребе слет гимнастов-соколов, на котором присутствовало 5 тыс. человек, вместо спортивных состязаний, устроил демонстрацию против Цуваа²⁴¹.

Фигура Цуваа стала настолько однозной, что власти решили, наконец, его убрать. 23 декабря 1912 г. указом короля ему был предоставлен отпуск, из которого он так и не вернулся. Вместо Цуваа вначале всеми делами управлял его заместитель подбан Драгутин Ункельхаузер, а с 21 июля 1913 г. — новый бан барон Иван Скерлец. Но эти перестановки не привели к изменению политики правящих кругов по отношению к Хорватии. Отставка Цуваа не сопровождалась отменой чрезвычайного положения, которое сохранялось в Хорватии еще 20 месяцев.

УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИОННОГО КУРСА В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ в 1912 г. И БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС

Другой южнославянской землей, где в 1912—1913 гг. особенно свирепствовала реакция, была Босния-Герцеговина. Австрийская военщина придавала этому району особое значение, рассматривая его как плацдарм для развертывания будущих военных операций на Балканах. В 1912 г. началось усиленное строительство в Боснии и Герцеговине военно-стратегических железных и шоссежных дорог. Оно велось главным образом

²³⁶ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1745, л. 136.

²³⁷ «Haus der Abgeordneten. Session am 18 April 1912»; «Самоуправа», 19.IV 1912.

²³⁸ «Самоуправа», 2.V 1912.

²³⁹ Так, 18 июня было арестовано 160 омладинцев. «Полиция, — писала газета «Самоуправа», — не знала, что с ними делать, так как все они заявили, что полностью солидарны с Юкичем» («Самоуправа», 1.VII 1912).

²⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1748, л. 392.

²⁴¹ V. K o g a č. Povejst..., knj.1, str. 228.

за счет внутреннего бюджета провинций и стоило огромную сумму — 182 млн. крон ²⁴².

В Боснии и Герцеговине в 1912 г. снова, как и в 1909 г., увеличилось количество имперских войск. На их содержание, которое шло также преимущественно за счет местного бюджета было израсходовано в 1912 г. 7 167 708 крон ²⁴³. Все это привело к резкому увеличению налогового пресса и дальнейшему наступлению на жизненный уровень трудящихся.

В связи с подготовкой к войне начались милитаризация промышленных предприятий и переход фабрик и заводов на 10—12-часовой рабочий день. Одновременно произошло свертывание некоторых гражданских отраслей промышленности. Общая экономическая конъюнктура ухудшилась. В 1912 г. в отличие от 1910 и 1911 гг. появилась избыточная рабочая сила и стал наблюдаться значительный рост безработицы. Предприниматели организовывали локауты и выбрасывали рабочих на улицу.

В деревне положение крестьянства было так же очень тяжелым. Аграрная реформа 1911 г. ничего не дала крестьянам, а связанные с реформой выкупные операции привели лишь к увеличению задолженности крестьянства. В 1912—1913 гг., по данным финансовых органов, было зафиксировано 111 тыс. случаев конфискации имущества крестьян за долги, что в 3 с лишним раза превышало количество конфискаций по задолженности в 1905 г., который считался до тех пор годом самой большой задолженности крестьянства ²⁴⁴.

Наконец, 1912—1913 гг. были годами усиления колониального гнета Австро-Венгрии и наступления правительства на демократические права и политические свободы боснийских трудящихся. Вновь назначенный имперский министр финансов и управляющий Боснией и Герцеговиной Билинский провел в апреле 1912 г. административную реформу в провинциях, передав целый ряд гражданских функций, принадлежавших ранее самоуправлению, в ведение военного генерал-губернатора ²⁴⁵.

Отныне все чиновники в Боснии стали подчиняться непосредственно генерал-губернатору, в результате чего над администрацией был установлен контроль военного командования ²⁴⁶.

Провинциальный парламент фактически не работал. В течение 1912 г. он был созван всего несколько раз для утверждения бюджета. В 1913 г. вплоть до декабря месяца Сабор не созывался вовсе ²⁴⁷.

Усиление реакционного курса правительства вызвало ответную реакцию народных масс. 1912—1913 годы были периодом оживления национально-освободительного, демократического и рабочего движения в Боснии.

Уже первые стачки показали, что рабочий класс готов вести борьбу несмотря на дикие полицейские преследования и террор и что среди

²⁴² АВПР, Политархив, д. 1208, л. 33—34.

²⁴³ В. Ђорговић. Односи..., стр. 333.

²⁴⁴ N. J a r a k. Poljoprivredna politika Austro-Ugarske u Bosni i Hercegovini i zemljoradničko zadrugarstvo. Sarajevo, 1956, str. 30.

²⁴⁵ Был, в частности, уничтожен существовавший с 1882 г. институт «Civil Adlatus», т.е. гражданское управление, подчинявшееся не генерал-губернатору, а непосредственно Вене. Сам генерал-губернатор стал по военным делам подчиняться непосредственно императору (АВПР, Политархив, д. 1208, лл. 35—36).

²⁴⁶ Arhiv KP BiH, t. II, str. 169.

²⁴⁷ Там же, стр. 217, 166—167.

передовой части боснийских рабочих все более зреют идеи пролетарской солидарности.

В январе 1912 г. состоялась забастовка в руднике Крека. В ней приняли участие сначала лишь 600 рабочих, но когда администрация уволила руководителей стачки, забастовщиков поддержали все шахтеры поселка. Полиция арестовала каждого седьмого рабочего, но и это не остановило борьбу. На помощь шахтовладельцам пришел реформистский профсоюз, призвавший рабочих к прекращению стачки. Это привело к массовому выходу из профсоюза рабочих; в рядах профсоюза осталась лишь $\frac{1}{6}$ от общего числа членов, насчитывавшихся до забастовки ²⁴⁸.

Другим примером солидарности рабочих может служить стачка на химическом заводе в Тесличе. Здесь, в ответ на забастовку, власти арестовали многих ее участников, а их семьи выселили из бараков на улицу. Бездомные забастовщики организовали в лесу коллективный лагерь, где стали жить. Им помогало население продуктами и деньгами. Стачка продолжалась очень долго и упорно, и хотя и закончилась поражением рабочих, способствовала укреплению единства рабочего класса ²⁴⁹. В апреле-мае состоялась девятидневная забастовка рабочих деревообделочных предприятий и столяров г. Требинья, а также забастовки рабочих разных профессий в Вареше и Сараеве, в мае вспыхнула стачка рабочих-табачников в г. Баня-Луке, в августе — всеобщая забастовка типографских рабочих Сараева ²⁵⁰. Всего в 1912 г. в Боснии и Герцеговине было проведено 23 забастовки с 1334 участниками. Из них 14 закончились полной или частичной победой рабочих ²⁵¹.

Сильный размах и большую массовость приняло в 1912—1913 гг. общедемократическое и национально-освободительное движение. Весьма показательны в этом отношении выступления студенчества и горожан Сараева, Мостара и целого ряда других городов в феврале 1912 г.

Они начались в связи с событиями в Хорватии. В знак протеста против роспуска в Загребе Сабора и введения реакционной диктатуры бана Цурая в Хорватии в столице Боснии 17 февраля были организованы манифестации студентов и учащихся школ, носившие поначалу самый мирный характер. Перелом наступил после провокации полиции. Мусульманская газета «Земан», описывая развитие событий, сообщала: «Неожиданно в мирную демонстрацию полицией был произведен ряд выстрелов из револьверов и тяжело ранен один учащийся 5 класса гимназии. На улицах Рудольфа и Франца Иосифа на демонстрантов напали конная жандармерия и конные войска с саблями наголо... Особенно большой жестокостью было нападение конной полиции на детей — учащихся первых-третьих классов, которые направлялись в больницу к раненому товарищу. Против детей было поднято оружие. Им угрожали револьверами и саблями» ²⁵².

Кровавая расправа полиции вызвала бурю возмущения у населения Сараева. «Вечером, — пишет далее газета, — в демонстрации приняли участие уже 1500 чел., в том числе рабочие. Раздавались крики: «Долой полицию!», «Долой убийц!» ²⁵³.

²⁴⁸ N. Š a r a c. Sindikalni pokret..., str. 154.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же, стр. 154—155; «Zeman», 15.IV 1912.

²⁵¹ N. Š a r a c. Указ. соч., стр. 107.

²⁵² «Zeman», 5.III 1912.

²⁵³ Там же.

Газета сравнивала расстрел в Сараеве с «кровавым воскресеньем» в Петербурге и указывала на возможность того, что как в России полицейские провокации в Сараеве могут послужить началом революции в Боснии²⁵⁴.

Положение в Сараеве становилось все более острым. 18 февраля на улицу вышли свыше 5 тыс. рабочих, учащихся, горожан. Полиция и войска, попытавшиеся было снова пустить в ход оружие, были смяты, а командующий войсками офицер Мандич, который отдал приказ о применении оружия, брошен в реку. Разбушевавшиеся массы горожан разгромили торговые лавки ненавистных торговцев-мародеров, выбили окна в правительственных зданиях и сожгли государственный флаг²⁵⁵. Солдаты чехи сочувственно отнеслись к населению и не оказали никакой помощи полиции²⁵⁶.

19 и 20 февраля выступления в Сараеве повторились. Вслед за столицей антиправительственные выступления произошли в провинции: 20 февраля в Мостаре, 25 февраля в Бая-Луке и Травнике, 23 и 24 февраля снова в Мостаре²⁵⁷.

Кровавый расстрел в Сараеве стал предметом запросов левых депутатов боснийского Сабора. Когда барон Бенко, отвечая от имени властей, попытался обелить действия полиции, это встретило возмущение и протесты всех депутатов и публики на галерке. Петар Качич с места бросил барону Бенко грозное обвинение, пригвоздив его к позорному столбу: «Вы — жандармский капрал!» Сабор единодушно принял резолюцию, осуждающую кровопролитие²⁵⁸.

14 мая 1912 г. в Сараеве состоялись новые выступления в защиту демократических свобод. На митингах и собраниях, организованных социал-демократической партией, присутствовало свыше 3 тыс. рабочих²⁵⁹. Всего социал-демократами в течение 1912 г. было проведено 20 митингов, собраний и конференций, в работе которых, в общей сложности, участвовало свыше 10 тыс. рабочих²⁶⁰.

30 июня—1 июля 1912 г. состоялся очередной IV съезд боснийской СДП. Он проходил в трудных условиях усиления полицейских гонений. Описывая обстановку, в которой пришлось работать съезду, секретарь Сербской СДП Дмитрий Тузович, присутствовавший на съезде в качестве гостя, сообщал: «Перед Рабочим домом, где заседал съезд, я прежде всего увидел жандармов и полицию — и в таком огромном количестве, как будто происходила блокада какого-нибудь неприятельского города. Были окружены все подступы к Рабочему дому». Полицейские находились в самом помещении, где заседал съезд... «На трибуне, во главе стола, — вспоминает Тузович, — там, где место только председателя съезда, сидел представитель полиции со своим секретарем, который стенографировал каждую речь»²⁶¹.

Недаром, одним из центральных вопросов съезда был вопрос о политических свободах. Съезд констатировал отсутствие политических свобод в Боснии и Герцеговине, недемократичность конституции и выра-

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ «Mlada Bosna, Pisma i prilozii». Sarajevo, 1954, str. 124.

²⁵⁶ «Zeman», 5.III 1912; «Самоуправа», 5.III 1912.

²⁵⁷ «Zeman», 11.III 1912.

²⁵⁸ «Zeman», 8.III 1912.

²⁵⁹ Arhiv KP BiH, t. II, str. 211—212.

²⁶⁰ N. Šaгас. Указ. соч., стр. 168—169.

²⁶¹ D. Тузовић. Избрани списи. Београд, 1950, кн. II, стр. 131.

зил протест против полицейских преследований, приняв по этому поводу специальную резолюцию²⁶².

После съезда СДП Боснии и Герцеговины развернула борьбу за демократизацию общественного строя и политические свободы. В июле и августе 1912 г. в Сараеве, Мостаре, Тузле и некоторых других городах социал-демократами были проведены массовые собрания рабочих под этими лозунгами²⁶³. Но реальных результатов СДП добиться не смогла. В Боснии и Герцеговине продолжал свирепствовать режим реакции и военщины.

* * *

В остальных южнославянских землях Австро-Венгрии внутриполитическое положение накануне Балканских войн так же было острым, хотя и не до такой степени, как в Хорватии, Боснии и Герцеговине. Передавая общественность Далмации, Словении, Истрии и Воеводины активно откликнулась на события в Хорватии, правильно расценив отмену хорватской конституции как начало проведения еще более реакционного курса правящих кругов по отношению ко всем национальным меньшинствам.

В воззвании, выпущенном прогрессивными организациями г. Дубровника (Далмация) от 11 февраля 1912 г., говорилось: «Граждане! Произвол в Хорватии, царящий благодаря самоволию властителей, не может быть для нас безразличен. Старый Дубровник, город свободы, должен показать, что он верен идеям единства. Неволья наших братьев — наша неволя!»²⁶⁴.

Далматинский ландтаг на заседании 7 февраля в единогласно принятой резолюции не только осудил нарушение конституционных свобод в Хорватии, но и заявил о своем единстве с хорватским народом. «Мы, — говорилось в резолюции, — выражаем глубокое сожаление по поводу роспуска вновь избранного Сабора в Хорватии и в знак непоколебимой солидарности с хорватами, прекращаем работу ландтага»²⁶⁵. Депутаты демонстративно покинули зал заседания ландтага. На улице их ждали восторженные приветствия населения. «Депутаты были буквально засыпаны цветами», — сообщал корреспондент Петроградского телеграфного агентства²⁶⁶.

В ряде городов Истрии, Далмации и Хорватского Приморья состоялись массовые демонстрации протеста: 5 февраля в Триесте, 22 февраля в Дубровнике, 25 февраля в Сплите, 26 февраля в Сушаке²⁶⁷. «На улицах, — писал корреспондент ПТА, — состоялись шумные демонстрации, причем жандармерия оказалась беспильной рассеять их»²⁶⁸. 16 марта в Дубровнике и других городах Далмации была проведена всеобщая забастовка солидарности с хорватским народом во всех учебных заведениях²⁶⁹.

Власти запретили демонстрации, а цензура стала отказывать газетам в публикации даже информационных материалов из Хорватии²⁷⁰.

²⁶² Arhiv KP BiH, t. II.

²⁶³ См. «Sarajevski List», 25.VIII, 9.IX 1912.

²⁶⁴ «Самоуправа», 14.II 1912.

²⁶⁵ «Самоуправа», 10.II 1912.

²⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1744, л. 202.

²⁶⁷ В Сушаке в демонстрации участвовало 1500 чел. («Самоуправа», 27.II 1912).

²⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1744, л. 320.

²⁶⁹ Там же, л. 514.

²⁷⁰ «Самоуправа», 11.IV 1912.

Но это не остановило движения. В марте, апреле, мае и июне собрания и демонстрации солидарности происходили снова и снова ²⁷¹.

Среди политических партий неполноправных народов южнославянских земель усилилось стремление к объединению своих сил для совместной борьбы против гнета монархии. 5 марта 1912 г. в Задаре произошло совещание представителей Хорватской народной партии, Хорватской прогрессивной партии и Сербской народной партии, и было принято решение о единстве действий. Однако руководство партий свело все к созданию коалиции в рамках одного только далматинского ландтага ²⁷².

Но появление самой идеи консолидации сил было уже знаменем времени. Особенно наглядно это стало видно в период Балканских войн.

БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ И ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮГОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ (1912—1913 гг.)

В октябре 1912 г. началась война Балканского союза — Болгарии, Сербии, Черногории и Греции — против Турции. Балканская война для народов поработенных Турецкой империей стран, а также для народов Балканского союза была освободительной, для правящих кругов и господствующих классов Турции — несправедливой, колониалистской.

Турецкая феодально-теократическая империя в этой войне хотела сохранить свои колониальные владения. Государства Балканского союза стремились вернуть себе земли, захваченные Турцией еще в средние века, и освободить находящееся под турецким игом славянское и греческое население.

Особенностью Первой балканской войны было и то, что в ходе ее происходило разрушение турецкого феодального строя и создавались предпосылки для развития более прогрессивных капиталистических производительных сил. Эту особенность подчеркнул В. И. Ленин в статье «Новая глава всемирной истории». «Несмотря на то, — писал В. И. Ленин, — что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик, несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции, — несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе» ²⁷³.

Угнетенные народы Австро-Венгрии, и прежде всего югославы, увидели в войне против турецкой империи правое дело. Они сочувственно отнеслись к балканским союзникам и стали оказывать им посильную помощь. «Когда грянул на Балканах первый выстрел, — писал известный пролетарский словенский писатель Иван Цанкар, — его эхо отозвалось в самом отдаленном нашем селе» ²⁷⁴.

* * *

Сразу после начала военных действий Балканского союза против Турции в целом ряде городов Словении, Хорватии и Истрии прогрессивной интеллигенцией и руководством оппозиционных политических партий были созваны собрания и митинги солидарности с народами Балканского союза. Так, 16 октября словенским союзом «Единость» в Триесте

²⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1745, лл. 91, 104; «Самоуправа», 15.VI 1912.

²⁷² Там же, л. 426.

²⁷³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 341.

²⁷⁴ I. S a n k a r. Sabrana djela. Ljubljana, t. XIX, str. 12.

был организован митинг, участники которого выразили солидарность народам Болгарии, Сербии и Черногории, ведущим войну «за освобождение славян». В резолюции, принятой на митинге, содержалось требование к правительству Австрии о строгом соблюдении нейтралитета в войне и невыступлении против Сербии ²⁷⁵.

20 и 23 октября состоялись аналогичные собрания в Любляне ²⁷⁶, 27 октября в Сплите и Шибенике ²⁷⁷, 4 ноября в главном городе Боснии Сараеве ²⁷⁸, 12 ноября в г. Дубровнике ²⁷⁹.

Население с энтузиазмом встречало сообщения о победах союзников и поражениях Турции. В своей корреспонденции из Шибеника от 29 октября собственный корреспондент Петроградского телеграфного агентства сообщал: «Здесь населением были торжественно отмечены первые победы Балканского союза. Город был расцвечен флагами. Состоялась многолюдная манифестация. Произносились приветственные речи» ²⁸⁰.

В другой корреспонденции из Сараева от 4 ноября 1912 г. говорилось: «Вчера вечером в городе состоялась большая демонстрация для выражения сочувствия Сербии. Толпа нела сербские и черногорские гимны... Полиция рассеяла толпу» ²⁸¹.

В Сплите и Шибенике власти распустили муниципалитеты за организацию уличных демонстраций в честь Балканского союза. Бургомистры отказались сложить с себя полномочия и выполнить распоряжения властей, а население организовало антиправительственную демонстрацию. Вслед за этим демонстрации протеста против роспуска магистратов в Шибенике и Сплите состоялись в Задаре, где заседал провинциальный парламент ²⁸². До 500 жителей города ворвались в здание ландтага и заявили решительный протест против произвольных распоряжений властей в Шибенике и Сплите. К протесту присоединились ландтаг и 63 общины из 88 общин, насчитывавшихся в Далмации ²⁸³.

Так, репрессии властей лишь усилили движение солидарности славянских народов.

«Большинство славянских народностей,— констатировал в своем выступлении в рейхсрате депутат-пангерманист Иро 13 ноября 1912,— явно высказывает симпатии балканским державам, особенно Сербии. Во многих городах происходят манифестации... При таком настроении большинства населения монархии не может быть и речи о серьезном военном выступлении Австро-Венгрии» ²⁸⁴.

Среди югославянского населения начался добровольный сбор пожертвований для организации медицинской помощи армиям Балканского союза. Только за первые две недели войны были собраны в Сараеве 54 тыс. крон, Тузле 25 тыс. крон, а по всей Боснии и Герцеговине свыше 150 тыс. крон ²⁸⁵. Кроме денег, в Боснии производился сбор теплых вещей и белья для солдат. Всего по Боснии и Герцеговине было собрано денег и вещей почти на 1 млн. крон ²⁸⁶.

²⁷⁵ «Самоуправа», 25.X 1912.

²⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1748, лл. 91, 152.

²⁷⁷ Там же, лл. 250, 323, 335.

²⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 1358, д. 1748, л. 341; «Самоуправа», 6.XI 1912.

²⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1748, л. 408.

²⁸⁰ Там же, л. 250.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Л. Б а к о т и Ћ. Срби у Далмацији од пада Млячачке републике до уједињења. Београд, 1938, стр. 168—170.

²⁸³ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1748, л. 408; «Самоуправа», 7.XI 1912.

²⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1748, л. 272.

²⁸⁵ «Самоуправа», 29.X 1912.

²⁸⁶ В. Ђ о р о в и Ћ. Односи..., стр. 536.

В Хорватии, Далмации и Словении властями был запрещен сбор пожертвований, а в Загребе, Старой Пазови и некоторых других городах Хорватии полиция наложила арест на уже собранные деньги²⁸⁷. Это вызвало резкие протесты населения. Югославянская Академия наук обратилась со специальной петицией к правительству и рейхсрату, требуя разрешить сбор пожертвований²⁸⁸.

В Далмации сбор средств в фонд помощи Красному кресту балканских армий проводился несмотря на запрет властей. В одном лишь Дубровнике за одну только первую неделю войны было собрано 20 тыс. крон²⁸⁹.

Значительные размеры приняло добровольческое движение. Более тысячи добровольцев отправились в сербскую армию из Боснии²⁹⁰, около 500 — в Черногорскую армию из Герцеговины.

Среди добровольцев, активно участвовавших в войне против Турции, были такие видные деятели оmlадинского движения, как Мустафа Голубич²⁹¹, Анте Врклян, Бранко Радлович, Джулага Буковец, Иован Живанович, Драгутин Мрас и др. Один из будущих организаторов сараевского покушения Данила Илич участвовал в партизанском движении в Македонии в тылу у турецких войск²⁹². Герцеговинский поэт Владимир Гачинович переправился в Черногорию и Сербию и вступил в ряды союзных войск²⁹³.

Из Словении на сербский фронт выехало несколько десятков врачей²⁹⁴. Под Тарабошем близ Скадара в боях против турок участвовали несколько рот югославы в австрийской форме, так как они прямо из пограничных казарм вместе с офицерами славянами перешли границу²⁹⁵.

Студенты и учащиеся югославы, обучавшиеся в учебных заведениях России, почти все отправились на фронт добровольцами²⁹⁶. Исключительно большое добровольческое движение было в России среди русской интеллигенции и студенчества²⁹⁷. Материальную и иную помощь войскам Балканского союза оказывала также многочисленная сербская, болгарская и греческая эмиграция в Америке и Европе²⁹⁸.

²⁸⁷ «Самоуправа», 19.X 1912.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ «Самоуправа», 14.X 1912. Всего в фонд войск Балканского фронта в южнославянских землях, по непроверенным данным, было собрано 6 млн. крон, в Чехии — 1 млн. крон.

²⁹⁰ «Zeman», 17.X 1912; «Neue Freie Presse», 12.X 1912.

²⁹¹ Мустафа Голубич очень рано начал выступать против правительства. Он был исключен из 6 класса реального училища в Сараеве «за антиправительственную деятельность». До 1912 г. учился в Белграде. Во время Первой балканской войны сражался в отряде Войи Танкосича. Был посажен в тюрьму по обвинению в подготовке покушения на регента Александра Карагеоргиевича. Во время Первой мировой войны эмигрировал во Францию, в 1918 г. вернулся в Югославию и вступил в Компартию. В 1921 г. из-за преследований полиции снова эмигрировал во Францию, Австрию, Германию и Советскую Россию. Сотрудничал в газете «Балканская федерация». После возвращения на родину проживал нелегально. В июне 1941 г. был арестован и убит фашистами (F. Šlipićević. Bosna i Hercegovina od Berlinskog kongresa do kraja prvog svetskog rata. (1878—1918). Zagreb, 1954, str. 108).

²⁹² В. М а с л е ш а. Млада Босна, Београд, 1948, str. 173.

²⁹³ «Исторijski записи». Цетиње, 1954, кн. X, св. 1, стр. 243.

²⁹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1752, л. 554.

²⁹⁵ АВПР, Особый политический отдел, д. 282, л. 65 (Записка Левославы Тумы).

²⁹⁶ См. письмо попечителя Московского учебного округа управляющему Министерству народного просвещения (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 135, д. 590, л. 57).

²⁹⁷ По данному вопросу имеются многочисленные материалы, хранящиеся в архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Львова и других городов, где в 1912 г. широкий характер приняло движение добровольцев. Помощь русского народа братским народам балканских стран сыграла огромную роль в освобождении угнетенных Турцией народов. Этот вопрос, однако, является темой специального исследования

²⁹⁸ См. «Самоуправа», 4.I 1913.

В дни войны из Франции, Германии, США, стран Латинской Америки, а также из Турции в Черногорию и Сербию отправились сотни волонтеров из числа югославян-эмигрантов. Так, 30 октября 1912 г. в Дубровник прибыло 80 черногорцев на пароходе «Петка» из Кельна. Всюду, где останавливался пароход — в Сплите, Шибенике и других портах, его восторженно встречали тысячные толпы жителей городов, приветствуя в лице волонтеров борцов за освобождение народов, угнетенных Турецкой империей²⁹⁹.

Аналогичная манифестация населения была организована в Триесте, куда прибыло 300 черногорцев из Стамбула³⁰⁰. 10 ноября на пароходе «Принц Гогенлоэ» в Черногорию приехала новая партия волонтеров в 450 человек, сформированная из черногорцев-эмигрантов, проживавших во Франции, Бельгии и других странах Западной Европы³⁰¹. Тогда же из Чехии в Цетинье прибыло 50 медиков и группа Красного креста из Швейцарии³⁰².

Таким образом, война за освобождение балканских народов пользовалась огромной популярностью далеко за пределами Балканского полуострова, а военные успехи Сербии и ее союзников поднимали престиж Сербии как «югославянского Пьемонта».

Это не на шутку беспокоило монархию Габсбургов. Венгерская правительственная газета «Budapesti Naplo» от 29 октября 1912 г. писала: «Судьба Турции должна вызывать тревогу в Австро-Венгрии. В случае вступления (союзников. — Ю. П.) в Константинополь равновесие на Балканах будет нарушено. Победоносные славяне на этом не остановятся: вслед за Турцией настанет черед Австро-Венгрии». Газета призвала начать немедленные военные действия против Сербии и Черногории. «... Необходимо действовать немедленно, — писала она, — надо напасть с тыла на Балканские государства и воспрепятствовать укреплению славянства»³⁰³.

30 октября газета вновь призвала к превентивной войне, пока не произошло «слияние славян в одно море», которое может «поглотить Хорватию, Далмацию и Боснию — Герцеговину»³⁰⁴.

Той же точки зрения превентивной войны с Сербией придерживался и австрийский посланник в Белграде Угрон. В своей депеше в Вену от 1 декабря 1912 г. он писал об опасности усиления Сербии и ее влияния как «второго Пьемонта» для Австро-Венгрии: «Имеются только два выхода из этой ситуации: или война до истребления, или союз с Сербией, который должен быть достигнут помимо союза Сербии с Россией и вопреки ему. Третьего решения я не вижу»³⁰⁵. Граф А. Хойош, отвечая Угрону от имени правительства, писал, что этот вопрос «рано или поздно надо решать радикально»³⁰⁶, намекая на то, что война Австро-Венгрии с Сербией неизбежна.

Наиболее четко необходимость превентивной войны с Сербией и Черногорией сформулировал один из лидеров военной партии Конрад фон Гетцендорф в меморандуме, направленном Францу-Иосифу. С полной

²⁹⁹ «Sarajevski List», 2.XI 1912.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ «Sarajevski List», 14.XI 1912.

³⁰² «Sarajevski List», 15.XI 1912.

³⁰³ «Budapesti Naplo», 29.X 1912; ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1748, л. 22.

³⁰⁴ Интересно, что то же самое говорил о Балканском союзе и Раймонд Пуанкаре: «Этот договор содержит в себе не только войну против Турции, но и войну против Австро-Венгрии» (см. N. Stojnović. Bosanska kriza 1908—1914. Sarajevo, 1958, str. 89).

³⁰⁵ «Budapesti Naplo», 30.X 1912.

³⁰⁶ «Osterreich-Ungarische Aussenpolitik», Bd. V, S. 1—4.

откровенностью Конрад писал, почему с его точки зрения нельзя допускать создания сильной и независимой Сербии. «Если Сербия станет сильной,— заявлял он,— 1) славяне в монархии, и прежде всего югославяне, будут искать базу в этой новой державе, поддерживаемой Россией... 2) Независимая Сербия, соединившись с Черногорией, представит немалую военную силу. 3) Обновленный престиж Сербии нанесет монархии значительный моральный удар не только на Балканах, в Боснии и Герцеговине, в Далмации, но и в ее внутренних областях... 4) Умаление престижа Австрии окажет влияние на состояние государства и прежде всего на дух войска»³⁰⁷. На основе вышеизложенного Конрад делал вывод о необходимости быстрее военного разгрома Сербии.

Угроза вступления монархии Габсбургов в войну с Сербией и Черногорией к концу 1912 г. стала исключительно серьезной. В Салоники для «защиты» консула и граждан Австро-Венгрии был направлен бронированный крейсер «Императрица Мария Терезия» с эскадрой»³⁰⁸. В стране была произведена частичная мобилизация и войска были придвинуты к сербской, черногорской и русской границам³⁰⁹. Бельгийский посланник в Риме в своем конфиденциальном письме графу де Бюиссере-Стенбек де Бларагнелу, посланнику Бельгии в Петербурге, сообщал, что «Австрия решила силой оружия воспрепятствовать присоединению к Сербскому королевству какой бы то ни было части Адриатического побережья»³¹⁰.

Об этом же упоминалось в письме одного из сотрудников японского посольства в Вене на имя Сейдзи Окуяма, советника МИД в Токио, от декабря 1912 г.³¹¹ Наконец, в третьем неофициальном письме — Эммы Тедины-Поломбини из Мерана в Пекин фон Ростгорну, сотруднику австрийской миссии, говорилось о возможности скорой войны Австро-Венгрии с Сербией. «Внутри Австрии, в ожидании войны,— сообщалось в письме,— создалось невыносимое положение, торговля и промышленность замерли. В Австрии армия мобилизована на два фронта»³¹².

Но военного конфликта Австро-Венгрии с Сербией и Черногорией в конце 1912 г. все же не произошло. В декабре Турция запросила у Балканского союза перемирия и военные действия временно прекратились. Кроме того, в самой Австро-Венгрии к этому времени сложилась ситуация, крайне неблагоприятная для вступления в войну³¹³.

³⁰⁷ «Österreich-Ungarische Aussenpolitik», Bd. V, S. 1—4.

³⁰⁸ «Vossische Zeitung», 20.X 1911, ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, л. 1748, лл. 59, 83.

³⁰⁹ Военный атташе России в Вене Запкевич в телеграммах и рапортах в генеральный штаб от 3, 4, 6, 8, 9, 18 и 21 октября 1912 г. (по ст. стилю) привел ряд данных, свидетельствующих о проведении частичной мобилизации в Австро-Венгрии. (См. ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 9933, лл. 13, 15—19, 22, 24).

³¹⁰ ЦГИАМ, ф. Департамент полиции, Особый отдел, 1913, д. 300, л. 164.

³¹¹ Там же, л. 163.

³¹² Там же, л. 168. Это же подтверждалось и в письме за подписью «Польди» из Вены на имя барона Франкенштейна в Токио от 1912 (без даты). «По слухам, мобилизовано 10 армейских корпусов. Народ все более волнуется, убытки колоссальны. Положение настолько невыносимо, что война может вспыхнуть по любому поводу... В Галиции происходит нечто ужасное; введено военное положение; среди крестьян царит паника; никто не хочет работать» (там же, л. 157).

³¹³ Одной из причин невступления Австро-Венгрии в войну было тяжелое состояние финансов монархии. Об этом, в частности, говорит следующая шифрованная телеграмма русского военного атташе в Швейцарии Гурко от 2 ноября 1912 г. в генеральный штаб: «Швейцарское правительство получило от своего посланника в Вене донесение, что некоторые финансовые деятели были приглашены правительством на секретное заседание, где выяснилось, что вести войну нельзя, так как нет денег даже на мобилизацию...» (ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 9933, л. 28).

В стране небывалый размах приняло антивоенное движение. Его инициатором выступил рабочий класс Вены и Будапешта — самых крупных пролетарских центров Австро-Венгрии. Так, 29 октября 1912 г. в Вене состоялась демонстрация рабочих против войны, в которой приняло участие почти 100 тыс. человек ³¹⁴.

На следующий день в Вене было созвано 14 антивоенных митингов и собраний ³¹⁵. 17 ноября состоялись массовые антивоенные собрания в Будапеште. Среди выступавших ораторов был и Карл Либкнехт, прибывший из Германии ³¹⁶.

В Праге, Пльзене и некоторых других городах Чехии произошли антивоенные демонстрации. Министр-президент Штюргк в своем письме к наместнику Чехии от 1 декабря 1912 г. признал, что эти выступления «носят антигосударственный и антивоенный характер». Штюргк указал на их крайнюю опасность для буржуазно-помещичьего государства и потребовал принятия чрезвычайных мер для их прекращения ³¹⁷.

В Далмации, Истрии и Хорватском Приморье югославянское население не только явно симпатизировало сербам и черногорцам, борющимся за освобождение своих братьев, но и было крайне враждебно настроено против возможного вмешательства Австрии в балканские дела.

В этом отношении весьма показательным выступление депутата от Далмации хорвата Тресича в рейхсрате 29 ноября 1912 г. Тресич, который ранее никогда не отличался особым радикализмом взглядов, под давлением охвативших всю Далмацию настроений, произнес сильную антиправительственную речь. 29 ноября 1912 г., выступая в рейхсрате, Тресич заявил, что население Далмации, в случае нападения Австро-Венгрии на Сербию и Черногорию, будет рассматривать эту войну «как войну против хорватского народа». Эти слова Тресича были прерваны репликой ярого пангерманиста Фердинанда Зейдль: «Но мы здесь не в скупщине (Сербской. — Ю. П.), господин профессор, мы находимся в австрийском парламенте!» — Тресич: «А Вы отправляетесь в берлинский парламент, если Вы это говорите!» — Депутат Зейдль: «Надо всему знать границы!» — Тресич: «А я не хочу говорить в границах...» ³¹⁸. Президент, как свидетельствует стенографическая запись, призвал оратора к порядку. На скамьях оппозиции и славянских депутатов начался невероятный шум. Все бурно приветствовали Тресича ³¹⁹.

О росте антиправительственных и антивоенных настроений населения Далмации говорит также секретное донесение австрийского министра внутренних дел Францу Иосифу от 15 ноября 1912 г., в котором сообщалось об антивоенных и антиавстрийских выступлениях, происходивших в Далмации. Франц Иосиф, получив это донесение, сделал

³¹⁴ «Настроение населения в Вене, далеко не воинственное, — писал в шифрованной телеграмме русский военный атташе в Австрии полковник Запкевич 29 октября 1912 г. — Нет тени того подъема, какой наблюдался в аппексионный кризис» (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 2838, л. 16).

³¹⁵ «Die sozialdemokratische und anarchistische Bewegung im Jahre 1912». Wien, 1913, S. 29—30.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Институт истории АН СССР, ОРФ, д. 177-ж, л. 41. Посол России в Австро-Венгрии Гирс в письме Сазонову от 18 декабря 1912 г. писал: «По отзыву нашего консула в Праге, брожение в Чехии таково, что в любой момент можно ожидать объявления там военного положения» (АВПР, канцелярия, МИД, 1912, д. 124, л. 128).

³¹⁸ «Haus der Abgeordneten. 121 Sitzung der XXI Session am 29. November 1912». Wien, 1912, S. 6024.

³¹⁹ Там же.

на его полях пометку о том, что министр скорее преуменьшил, чем преувеличил размах антиправительственных выступлений. Франц Иосиф высказал в связи с этим большое беспокойство и отдал распоряжение властям об усилении борьбы против «антигосударственных настроений» в Далмации, разрешив применять все средства — вплоть до использования вооруженной силы ³²⁰.

Впрочем, правящие круги не могли полностью положиться и на армию, в особенности на воинские части, укомплектованные славянами — чехами, хорватами, сербами и словенцами. По сообщению русского военного атташе в Вене Занкевича от 12 декабря 1912 г., в югославянских землях в период Первой балканской войны наблюдалось массовое уклонение призывников и резервистов от явки на призывные пункты. В некоторых местностях количество неявившихся по приказу о мобилизации достигало 30% ³²¹.

В ряде воинских частей шло глухое брожение и имелись случаи неповиновения командованию и даже открытых волнений. Так, 16 декабря 1912 г. в 70 пехотном полку, расквартированном в Загребе, вспыхнуло восстание солдат в связи с распространившимися в полку слухами об отправке его на фронт против сербов. Полк на 85% состоял из хорватов, словенцев и сербов. Для подавления восстания были вызваны воинские части из Беловара. До 140 участвовавших в волнениях солдат были арестованы ³²².

15 ноября и 5 декабря произошли волнения в двух чешских воинских частях — 8-м пехотном полку в Праге ³²³ и эшелоне чешских войск на станции Кракове ³²⁴. В обоих случаях волнения были вызваны отправкой войск на сербскую и русскую границы. В конце декабря 1912 г. наблюдалось революционное брожение в ряде воинских подразделений Боснии. «В полках Боснии и Герцеговины, — сообщалось в рапорте Занкевича от 28 января 1913 г., — произведены многочисленные аресты среди нижних чинов, обвиняемых в пансербской пропаганде» ³²⁵. 3 января 1913 г. вышли из повиновения поляки, чехи и другие солдаты — славяне 49 пехотного полка, отказавшись выехать на сербскую границу ³²⁶.

Правительство безуспешно пыталось бороться против антивоенного движения. Оно обрушило репрессии на рабочие организации и прогрессивную печать, запрещало антимилиитаристские выступления, усиливало полицейский террор в стране и прежде всего в национальных окраинах ³²⁷.

Только в октябре-ноябре 1912 г. различными судебными инстанциями было вынесено 36 судебных приговоров о конфискации югославянских и чешских газет ³²⁸.

³²⁰ Институт истории АН СССР, ОРФ, ф. Ж. д. 177, лл. 5—6.

³²¹ ЦГА ВМФ, ф. 415, оп. 1, д. 9933, л. 103.

³²² Там же, л. 120.

³²³ На вокзальной площади, когда солдаты двух батальонов 8 пехотного полка шли на вокзал, чтобы погрузиться в вагоны, идущие в Далмацию, состоялась антивоенная демонстрация. Раздавались крики: «Зачем вы едете воевать против своих братьев?» В демонстрации участвовало несколько сот человек («Berliner Tagblatt», 16. XI 1912).

³²⁴ Весь эшелон был арестован. (См. донесение Подольского губернского жандармского управления директору Департамента полиции от 5 декабря 1912. — ЦГА УССР, ф. 278, оп. 1, д. 385, л. 53.)

³²⁵ ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 9938, л. 44.

³²⁶ Там же, л. 16.

³²⁷ См. Haus der Abgeordneten. 145 Sitzung der XXI Session am 23. Mai 1913, S. 7174—7178.

³²⁸ «Wiener Zeitung», 18. XI 1912.

Французский посланник в Вене Дюмен писал в ноябре 1912 г. в депеше в Париж, что австрийцы применяют против югославян те же методы, которые они применяли в середине XIX в. против итальянцев в Венеции и Ломбардии. Эти методы, говорил Дюмен, «чреватые неизбежной революцией»³²⁹.

Бернрейтер, бывший министр торговли, записал 13 ноября 1912 г. в своем дневнике: «Сегодня еще не понимают значения югославянского вопроса. — И это после событий на Балканах!»³³⁰. Бернрейтер высказывался против устаревшей политики одних только насилий по отношению к югославянам и ратовал за предоставление им некоторых уступок, считая, что только при помощи гибкой политики лавирования и демагогии можно ослабить влияние сербско-болгарских побед и приостановить тягу к воссоединению с Сербией³³¹.

Весьма примечательно, что те же мысли высказал и лидер словенской католической партии Шустершич. В своем выступлении в рейхсрате 12 декабря 1912 г. он поставил вопрос о немедленном введении в стране системы триализма, так как только триализм, по его мнению, может послужить действенным противовесом возросшему влиянию Сербии. «Дуализм, — заявил Шустершич, — парализовал монархию в отношении ее балканской политики, он — причина того, что балканские государства сами себя освободили, вместо того, чтобы их освобождала Австрия. Самосознание южного славянства растет... Никто не будет в силах удержать его победоносного развития. Австрия должна признать, что наступило время установить новые начала»³³². В совместном меморандуме, составленном в марте 1913 г., словенской клерикальной и хорватской объединенной партией права и посланном на имя Франца Иосифа, делалось предупреждение о необходимости «осуществить триализм именно сейчас, пока движение не переросло его рамки». В меморандуме указывалось, что «молодежь идет уже дальше этого требования и выдвигает программу воссоединения с Сербией»³³³.

Подъему национального самосознания югославян способствовали новые успехи освободительной войны Балканского союза. В феврале 1913 г. военные действия Балканского союза против Турции возобновились. И снова замелькали в печати названия освобожденных союзными войсками населенных пунктов, заестрили победные сводки с фронтов военных действий.

Особенно сильное впечатление на югославян Австро-Венгрии произвело взятие крепостей Адрианополь и Янина и успешные бои черногорцев за Шкодор (Скутари)³³⁴.

Но чем больше успехов одерживали союзники, тем более сильное беспокойство вызывали они у правящих кругов Австро-Венгрии.

Снова (в который раз!) обострились отношения между Австро-Венгрией, с одной стороны, и Сербией и Черногорией — с другой. Особен-

³²⁹ Dokumentes diplomatique Francais, 3 serie, V, p. 89.

³³⁰ В. Боровић. Односи..., стр. 538.

³³¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 934, л. 19.

³³² ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1749, лл. 44, 318.

³³³ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1751, л. 129.

³³⁴ Характерно, что эти победы оказали влияние и на настроение поляков. Об этом говорит прокламация польского «Крестьянского союза» в Привислянском крае, в которой в связи с победами Балканского союза ставился вопрос о необходимости усиления борьбы польского народа против монархии Габсбургов. «Могущественный турок потерпел полное поражение со стороны Сербии, Болгарии, Греции и Черногории. А этих балканских славян насчитывается едва 10 млн. — А нас сколько? Нас, поляков, 20 млн.» (ЦГИА, СССР, ф. 276, оп. 1, д. 423, л. 7).

но ухудшились австрийско-черногорские отношения из-за Шкодера, который Австро-Венгрия не хотела отдавать Черногории. «Отношения между Черногорией и Австро-Венгрией настолько обострились, — писала *«Neue Freie Presse»* 6 марта 1913 г., — что уже более не исключена возможность военного кризиса». Как бы в подтверждение этих слов в тот же день из Пулы к берегам Черногории были направлены две австрийские военно-морские эскадры «для учебного плавания»³³⁵. В Боснию и Герцеговину, а также в Далмацию в спешном порядке были посланы новые воинские соединения³³⁶.

Сообщая о военных приготовлениях Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине, русский генеральный консул в Сараеве А. Игельстром, являвшийся очевидцем происходивших событий, писал в своем донесении в Петербург от 4 марта 1913 г.: «...Школы распушены и заняты под постой войск. Торговля доведена до минимума. Войска все прибывают. Месяц тому назад в Сараево привезли аэропланы и осадные орудия»³³⁷. 11 марта Австро-Венгрия предъявила Черногории ультиматум. Война казалось совершенно неизбежной.

Правящие круги монархии Габсбургов использовали предвоенную обстановку для еще большего усиления реакционного курса в южнославянских землях.

В марте 1913 г. властями Далмации, Истрии, Хорватского Приморья и Словении было издано распоряжение о запрете на неопределенный срок уличных собраний и демонстраций. Было запрещено вывешивание сербских и черногорских национальных флагов и празднование побед Балканского союза³³⁸. Начались массовые аресты прогрессивных деятелей и представителей оппозиции. Дело дошло до того, что в Сплите 8 апреля были арестованы известный хорватский поэт Царич и сербский писатель Крилетич только за то, что они опубликовали сочинения, в которых говорилось о борьбе сербов против турок в середине века (так называемый «Косовский цикл произведений писателей»). Власти усмотрели в этом аналогию с современностью и запретили сочинения³³⁹. Одновременно с Царичем и Крилетичем были арестованы 20 видных оппозиционных деятелей Далмации.

2 мая 1913 г. в Боснии и Герцеговине было введено чрезвычайное положение, приостановлено действие конституции и власть была передана военным. Все сербские организации — общим числом 122 — были распущены, а их деятельность запрещена. Над остальными 179 национальными обществами и организациями, находившимися под влиянием хорватских и мусульманских партий, устанавливался полицейский контроль.

Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины фактически была поставлена вне закона³⁴⁰. В провинциях вводилась предварительная цензура и полностью запрещалось распространение в области сербских и черногорских газет.

16 мая 1913 г. чрезвычайное положение было отменено, но и после этого многие ограничения остались в силе. В частности, СДП и сербские

³³⁵ *«Reichspost»*, 6.III 1913; ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1751, л. 54.

³³⁶ В Котор прибыла австрийская пехотная дивизия, в Шибеник и Сплит морские части, в Сараево и Мостар горно-стрелковые соединения (*«Самоуправа»*, 30.III 1913).

³³⁷ АВПР, Политархив, д. 1208, л. 46.

³³⁸ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1751, лл. 240, 262.

³³⁹ Там же, лл. 282, 290.

³⁴⁰ В. Б о р о в и й. Односи.... стр. 537.

организации, как и при «чрезвычайных законах», контролировались полицией³⁴¹.

Отмена чрезвычайного положения в Боснии и Герцеговине была вызвана прекращением Первой балканской войны. 30 мая 1913 г. между Турцией и странами Балканского союза был заключен мирный договор.

Однако мир на Балканах продержался недолго. Прошло всего лишь несколько месяцев со дня окончания Первой балканской войны, как началась новая кровопролитная война.

* * *

Начавшаяся 29 июня 1913 г. Вторая балканская война по своему характеру отличалась от первой. Она была уже типично империалистической войной, войной из-за дележа добычи³⁴². Против Болгарии, которая под давлением Австро-Венгрии начала войну, выступили не только Сербия и Греция, но и Румыния, а 21 июля 1913 г. — Турция³⁴³.

Англия и Франция, не поддержавшие усилий России сохранить на Балканах мир и единство Балканского союза, объективно оказали помощь осуществлению реваншистских планов Турции и внешнеполитических задач Австро-Венгрии.

Однако Вторая балканская война не оправдала всех расчетов монархии Габсбургов и не привела к взаимному ослаблению Болгарии и Сербии. В результате войны потерпела поражение только одна Болгария, а Сербия, напротив, заметно усилилась, ее территория после присоединения Вардарской Македонии и других земель увеличилась в два раза (до 87,5 тыс. кв. км), а население возросло до 4,5 млн. человек³⁴⁴. Между Сербией и Черногорией была установлена общая государственная граница и территория бывшего Новипазарского санджака, служившая ранее коридором, искусственно разъединявшим два родственных славянских государства, и являвшаяся плацдармом для экспансии Австро-Венгрии, поделена между Сербией и Черногорией³⁴⁵.

Это обстоятельство вызывало особое раздражение правящих кругов габсбургской монархии. Граф Андраши, например, сетуя на недостаточную решительность военщины, не осмелившейся помешать присоединению к Сербии и Черногории Санджака, сравнивал его потерю с потерей ключей от дома. «Нови Пазар для Боснии, — говорил он, — это то же, что Босфор для Черного моря»³⁴⁶.

Венская газета, выражая мнение официальных кругов Австро-Венгрии, писала по поводу поражений союзной ей Болгарии: «Восточное

³⁴¹ В своем донесении в Петербург от 28 мая 1913 г. А. Игельстром писал: «При смятии осадного положения запрещение осталось в силе и сербам приходится в каждом отдельном случае вновь просить разрешения на открытие обществ» (АВПР, Политархив, д. 1208, л. 48).

³⁴² Вышедшая в 1957 г. «Enciklopedija Jugoslavije» (т. I, стр. 311—314) не дает различной оценки Первой и Второй балканским войнам. Она считает и ту и другую войну национальными и освободительными (для Сербии). Энциклопедия ни словом не обмолвилась об империалистском характере Второй балканской войны.

³⁴³ См. В. М. Х в о с т о в. Балканские войны (1912—1913 гг.). «История дипломатии», т. II. М., 1945, стр. 216—237.

³⁴⁴ История южных и западных славян. М., 1957, стр. 400.

³⁴⁵ Венская газета «Zeit» писала: «Известия о болгарских неудачах произвели подавляющее впечатление на наши официальные круги. На Ballhausplatz'e считалось решенным делом, что Сербия будет уничтожена... Предполагалось, что вслед за этим Австро-Венгрия заключит союз с двумя сильнейшими балканскими государствами (Болгарией и Румынией. — Ю. П.). Теперь эти грезы становятся обмачивыми» («Zeit», 16.VII 1913).

³⁴⁶ «Самоуправа», 19.XII 1913.

крыло Тройственного союза надломлено. Австро-Венгрия наиболее чувствительно задета этой неудачей»³⁴⁷. Таким образом, Вторая балканская война, так же как и первая, в конечном счете послужила не на пользу Австро-Венгрии. Она усилила ее противника — Сербию, поэтому австро-сербские противоречия еще более обострились.

В области экономических отношений обе балканских войны способствовали углублению экономического кризиса в Австро-Венгрии, начавшегося еще в середине 1912 г. и явившегося проявлением общеевропейского экономического кризиса, который захватил главные промышленные страны континента и продолжался вплоть до Первой мировой империалистической войны.

Австрийский министр финансов фон Залесский в своем выступлении в рейхсрате от 28 декабря, характеризуя экономические последствия балканских войн для Австро-Венгрии, констатировал: «Войны на Балканах, которые сковали торгово-промышленные силы принимавших в них участие государств, очень чувствительно отразились на всех наших отраслях промышленности, работавшей на экспорт. Последний остановился так неожиданно, что большинство товаров, бывших уже в пути, пришлось складывать на полдороге в склады или отправлять обратно»³⁴⁸.

Почти полностью прекратили работу бумажная промышленность, обслуживавшая папиросной бумагой Болгарию, Турцию и Сербию, кожевенная промышленность, работавшая на привозном кожевенном сырье, и ряд других отраслей³⁴⁹. Закрытие и свертывание промышленных предприятий привело к резкому увеличению безработицы. В январе 1913 г. до 20% всех рабочих Австро-Венгрии были выброшены на улицу³⁵⁰.

Пассив внешней торговли, составивший в 1912—1913 гг. 728,6 млн. крон³⁵¹, банкротство нескольких сот крупных и средних и десятков сотен и даже тысяч мелких промышленных предприятий и торговых фирм³⁵², обесценение акций на бирже³⁵³, отлив капиталов за границы³⁵⁴ все это характеризовало кризисное состояние экономики и финансов в стране. Государственный долг Австро-Венгрии возрос с 1913 г. до 20 млрд. крон³⁵⁵.

Войны на Балканах ухудшили продовольственное снабжение Австро-Венгрии. В частности, совершенно прекратились поставки мяса из Сербии, зерна и табака из Болгарии, рыбы и др. товаров из Турции³⁵⁶.

³⁴⁷ «Neue Freie Presse», 28.VI 1913.

³⁴⁸ ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 9932, л. 16.

³⁴⁹ Там же, л. 4.

³⁵⁰ «Die Neue Zeit», 6.I 1913.

³⁵¹ ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 9932, л. 2.

³⁵² См. записку генерального консула Иславина «Экономический обзор за 1913», АВВР, МИД, Канцелярия, д. 159, л. 2: «...Витрины магазинов исцощены объявлениями о ликвидации, скидках, распродажах, — сообщал в своем допоселении от 24 марта 1913 г. русский агент министерства торговли и промышленности в Вене И. Боргман. — За шесть месяцев кризиса, вызванного балканской войной, произошло 398 крупных банкротств на сумму 133,6 млн. крон» (ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 9937, лл. 25—26).

³⁵³ За 1913 г. упали акции даже таких крупных монополий, как «Alpine Montangesellschaft» «Prager Eisengesellschaft», первой с 1040 крон до 769 крон за акцию, второй соответственно с 3450 до 2385 крон (ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 9937, лл. 25—26).

³⁵⁴ Отлив золота за границу, по данным австрийских экономистов, составил в 1912 г. 165 млн. крон (ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 9932, л. 101).

³⁵⁵ ЦГИАМ, ф. 541, оп. 1, д. 283, л. 39. Во время обсуждения в рейхсрате государственного бюджета на 1913 г. оппозиция привела цифры и данные о финансовом и экономическом кризисе в стране (См. Haus der Abgeordneten. 145. Sitzung der XXI Session am 23. Mai 1913, S. 7174—7178).

³⁵⁶ «Самоуправа», 12.XI 1912.

В целом цены на продукты питания и предметы широкого потребления возросли в 1912—1913 гг. по сравнению с 1900 г. на 35% ³⁵⁷.

Неблагоприятными для Австро-Венгрии были и политические итоги балканских войн. Монархия Габсбургов благодаря своей враждебной позиции по отношению к Сербии и Черногории в период войны окончательно потеряла влияние в этих странах, что усилило ее международную изоляцию на Балканах. В то же время заметно возрос авторитет Сербии в глазах югославянских народов не только Балканских стран, но и самой Австро-Венгрии. В своей записке от 24 октября 1913 г. представитель Петроградского телеграфного агентства В. Сватковский, который в качестве корреспондента имел возможность разъезжать по Австро-Венгрии и знакомиться с настроениями населения, отмечал, что после военных успехов Сербии в балканских войнах среди югославян сильнее чем когда-либо раньше укрепилась идея создания единого государства под руководством Сербии ³⁵⁸.

Подтверждение этому мы находим в конфиденциальной переписке министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Берхтольда с австрийским посланником в Бухаресте О. Черниным. Указывая на резко возросшую в последнее время задачу разрешения югославянского вопроса в связи с усилением престижа Сербии, Берхтольд писал Чернину 26 октября 1913 г.: «Между нами и сегодняшней Сербией стоит великая югославянская проблема, которая требует, конечно, решения, требует все настоятельнее» ³⁵⁹.

Граф Чернин в письме от 5 декабря 1913 г., соглашаясь с Берхтольдом о необходимости «что-то сделать» для урегулирования взаимоотношений монархии Габсбургов с югославянами и отмечая возросшие среди них тенденции к национальному объединению, констатировал усиление национального движения не только среди югославян, но и среди других народов Австро-Венгрии, в частности, трансильванских румын. «Мы, — писал он, — живем в период национальных объединений и сквозь всю нашу политическую жизнь проходит национальный дух... То, что сейчас происходит на румынской границе, наблюдается и на сербской границе» ³⁶⁰.

И действительно, объединительное движение югославян, проживавших в Австро-Венгрии, достигло к этому времени значительных масштабов.

В Хорватии, Словении, Истрии и Далмации появилось много новых обществ и организаций, которые вели пропаганду идеи объединения югославян и занимались культурно-просветительной деятельностью. В одной только Истрии насчитывалось свыше 200 таких обществ ³⁶¹.

Усилили свою работу старые объединения и организации — так называемая Хорватская, Словенская и Сербская «матицы» в Загребе, Любляне, Нови Саде и Задаре, Югославянская академия в Загребе, а также огромное количество мелких ферейнов ³⁶².

Новым в деятельности этих обществ была попытка установления прочных культурных связей между всеми югославянскими народами

³⁵⁷ «Der Kampf», 1914, Heft 10, S. 443.

³⁵⁸ АВВР, Особый политический отдел, д. 278, л. 1.

³⁵⁹ «Österreich. — Ungarische Aussenpolitik», Bd. VII, S. 592—594.

³⁶⁰ Там же, стр. 609—614.

³⁶¹ АВВР, Особый политический отдел, д. 282, л. 2428 (Записка Левослава Тумы от 24.VIII 1914 г.).

³⁶² «Хорватское общество народного просвещения», созданное в 1907 г., «Сербская матица» в Дубровнике, основанная в 1910 г., «Общество св. Иеронима», функционировавшее в Хорватии с 1909, «Общество Кирилла и Мефодия» в Словении и др.

Австро-Венгрии и расширение контактов в области культурных отношений с Сербией, Россией и другими славянскими странами.

В 1912—1914 гг. Югославянская академия наук в Загребе и «Словенская матица» в Любляне совместно с Сербской академией наук предприняли издание югославянского энциклопедического словаря; эта работа была прервана только в годы мировой войны.

Более распространённым, чем ранее, стал в 1912—1913 гг. обмен гастрольными хорватских и словенских драматического и оперного театров, Люблянской и Загребской консерваторий, совместное проведение национальных торжеств в юбилейные праздники ³⁶³.

Словенский литературный журнал «Veda», издававшийся в г. Любляне, организовал в 1913 г. анкету о языковом сближении словенцев, хорватов и сербов и создании единой азбуки ³⁶⁴. В анкете приняли участие 230 известных сербских, хорватских и словенских писателей, ученых-филологов и общественных деятелей. Словенцы Фран Илешич, Богумил Вошняк и Райко Перушек высказались за единство литературного языка всех югославян ³⁶⁵.

Почти одновременно сербский писатель Иван Скерлич организовал в журнале «Српски книжевни гласник» аналогичную анкету о восточном и южном славянских наречиях, в которой приняли участие многие хорватские, словенские и сербские писатели и публицисты. В результате этих усилий в южнославянских землях Австро-Венгрии появилось целое направление в объединительном движении, которое получило название «неоиллиризма» по имени культурно-просветительского течения XVIII в. в Словении, сыгравшего в свое время большую роль в борьбе за национальную культуру югославян.

Возникновение «неоиллиризма» имело немаловажное значение, так как идеи языкового и культурного единства сближали югославян и служили делу объединения угнетенных народов. Но «неоиллиризм» как общественное течение имел вместе с тем и серьезные слабости. Главной среди них было то, что идеи Илешича и его сторонников получили распространение лишь среди сравнительно небольшой прослойки интеллигенции и не были понятны массам, которые тянулись к политической борьбе за свободу и не хотели ограничиваться только языковыми реформами. Кроме того, «неоиллиристы», призывая к созданию единого югославянского языка, игнорировали национальные особенности отдельных югославянских народов — сербов, хорватов и словенцев. Недаром пролетарский писатель Словении Иван Цанкар, критикуя «неоиллиризм», писал, что его сторонники «забывают себя, свое имя, свое отечество, свою культуру» ³⁶⁶.

На более прогрессивных позициях находились представители другого общественного течения словенской интеллигенции младшего поколения — так называемые «препородовцы». Объединившись вокруг литературного журнала «Preporod» («Возрождение»), по имени которого течение и получило свое название, «препородовцы» выступали с критикой соглашательских программ буржуазных партий Словении и указывали на нереальность осуществления лозунгов о национальной независимости в рамках монархии Габсбургов. Они стояли за ликвидацию Австро-Венгрии и создание национально-независимых государств, выдвигая на первый план задачу «политического объединения» югославян.

³⁶³ АВВР, Особый политический отдел, д. 282, лл. 12, 13.

³⁶⁴ См. «Veda», Ljubljana, 1913, leto III, stev. 1-5.

³⁶⁵ «Славянские известия», 1913, № 28, стр. 449—450.

³⁶⁶ K. Gestrin - V. Melik. Povjest Sloveniji, Zagreb, 1954, str. 274..

Однако в программе «препородовцев» было много неясного, в частности, не объяснялся смысл самого лозунга о «политическом объединении». Словенская либеральная партия, критикуя нечеткость программы «препородовцев», не без основания называла ее «заблуждением молодых умов»³⁶⁷. В основном «препородовцы», как об этом можно судить по ряду косвенных данных, стояли не за революцию, а за освобождение югославян путем войны.

Той же точки зрения придерживалась часть оmlадинских организаций, разочаровавшаяся в системе австро-венгерского дуализма и возглавлявшая свои надежды на «победоносное сербское оружие».

Во время балканских войн в периодической печати этих организаций были опубликованы многочисленные материалы, патриотические стихи и воззвания, призывавшие молодежь вести борьбу за национальное освобождение и объединение югославян и ставящие в пример Сербию и другие страны Балканского союза.

Так, в третьем номере издававшегося в г. Мариборе (Словения) оmlадинском журнале «Наша родина» за 1913 г. было помещено стихотворение «Косово поле», в котором говорилось, что война Балканского союза против Турции открыла перспективы освобождения всех балканских народов.

Окончилось рабство пятисот столетий,
Засияло солнце свободы
На кровавом Косовом поле³⁶⁸.

В выпускавшемся организацией молодежи Люблины для широких слоев населения ежегодном календаре «Бранибор» в 1913 г. был опубликован текст коллективной клятвы оmlадины — так называемых «10 заповедей», в которой провозглашалась основная цель молодежных организаций — борьба за свободу своей родины. «Помни,— гласил один из пунктов заповедей,— что отчизна наша порабощена, расколота и раздроблена. Помни о ее прошлом и думай о будущем»³⁶⁹.

В стихотворении молодого словенского поэта Антона Ашкерца «Мы встаем», опубликованного в том же календаре, говорилось о том, что оmlадинцы готовы подняться на борьбу за свободу и ждут лишь сигнала

Мы выступить готовы
За жизнь светлую и новую...
Ночь темна — за нами,
Свобода — перед нами³⁷⁰.

Лучшие, прогрессивные писатели и поэты Хорватии, Словении, Истрии и Далмации в период балканских войн и после них воспели идеи национального и социального освобождения угнетенных югославянских народов.

Популярнейший боснийский поэт Алекса Шантич в стихотворении «Утро», написанном в 1913 г., выразил чувства рвущегося к свободе боснийского народа. Аллегорически сравнивая его борьбу с утренним восходом солнца на море, он писал:

Паруса пылают, как огонь все боле,
В небе раздается гимн заре и воле³⁷¹.

³⁶⁷ K. Gestrin-V. Melik. Povjest Sloveniji. Zagreb, 2954, str. 275—276.

³⁶⁸ «Naš Dom». Glasilo slovenske mladine. Maribor, 1913, Zvezak 3, str. 42.

³⁶⁹ «Branibor». Glasilo slovenske mladine. Ljubljana, 1913, str. 59.

³⁷⁰ Там же, стр. 29.

³⁷¹ «Славянские известия», СПб., 1913, № 52, стр. 714.

В другом стихотворении — «Проходят дни» — Шантич снова выразил затаенные чаяния порабощенного боснийского народа об освобождении от австрийского гнета.

И ждет душа, молитвенно и жадно,
Когда заблещет утро над отчизной ³⁷².

Писатели Юлийской Краины Матко Лагинья, Виктор Цар Эмин ³⁷³, Рпкард Каталинич Иеретов, известнейший хорватский поэт и пламенный патриот Владимир Назор ³⁷⁴, видный публицист, общественный деятель Истрии Милап Марьянович и другие не только воспели свободу, но и приняли самое непосредственное участие в борьбе за ее завоевание. Они руководили просветительскими кружками, издавали для населения газеты, объединяли вокруг себя патриотически настроенные элементы югославянского населения ³⁷⁵. Огромную патриотическую работу вели прогрессивные писатели и поэты Словении и Хорватии — Иван Цапкар, Драготин Кетте, Оттон Жупанич, Иосип Муриа ³⁷⁶, далматинский писатель Пайо Митрович ³⁷⁷, сербские поэты и писатели И. Войнович, А. Тренч-Павичич ³⁷⁸ и др.

Задача национального освобождения все чаще стала связываться передовыми кругами общественности порабощенных наций с задачей освобождения от гнета австрийской монархии. «... Антиавстрийские настроения охватили всю страну и проникли даже в войска» — говорилось в сообщении графа Черниша от 30 ноября 1913 г. о положении в Трансильвании и южнославянских землях ³⁷⁹.

МАНЕВРЫ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ АВСТРО-ВЕНГРИИ. ПОЛОЖЕНИЕ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ 1913 г.

В такой обстановке правящие круги Австрии и Венгрии решили предпринять некоторые маневры, которые, не меняя великодержавного курса правительства, создали бы видимость готовности его пойти на уступки национальным меньшинствам.

На этом настаивала, в частности, влиятельная среди правящих кругов группа Бернрейтера, выражавшая точку зрения промышленных и торговых кругов Австрии, заинтересованных в сохранении имперских рынков в южнославянских землях и на Балканах. В «югославянском вопросе» группа Бернрейтера стояла за осуществление более гибкой тактики

³⁷² Там же.

³⁷³ Виктор Цар Эмин издавал для молодежи журналы: «Mladi Istranin», «Mladi Hrvat», сотрудничал в крестьянских газетах, написал много исторических романов и драм. Он имел огромную популярность. После захвата Истрии фашистской Италией Цар стал антифашистом.

³⁷⁴ Владимир Назор писал аллегорические стихи, в которых воспевал свободу. Его произведениями зачитывалось югославянское население, а написанные им песни стали любимыми патриотическими песнями молодежи. Популярность Назора была очень велика. Особенно возрос авторитет Назора после того как он на 66 году жизни, в 1942 г., стал партизаном.

³⁷⁵ См. А. Барац. История хорватской литературы. Сб.: «Юлийская Краина. Статьи о ее истории и культуре». Любляна, 1946, стр. 53—76.

³⁷⁶ Там же, стр. 85—87.

³⁷⁷ Пайо Митрович опубликовал ряд патриотических произведений в издававшемся в Вене югославянском журнале «Zora» («Зоря»).

³⁷⁸ См. В. Боровић. Односи..., стр. 536.

³⁷⁹ «Die grosse Politik», Bd. XXXIX, S. 464—465.

лавирования и демагогии, считая, что только путем предоставления некоторых уступок югославам можно ослабить влияние сербских побед.

Бернрейтер критиковал политику открытого насилия и угроз по отношению к югославам, считая, что она может лишь оттолкнуть славянское население монархии от Австро-Венгрии и дает лишние козыри Сербии, которую и без того многие считают эвентуальным центром объединения будущего югославянского государства. Он указывал, что после балканских войн эта политика стала вдвойне ошибочной. В своем дневнике 13 ноября 1912 г. Бернрейтер выступал за проведение реформ в национальных районах во избежание революции³⁸⁰.

Те же взгляды одно время разделял и имперский министр финансов, глава управления Боснии и Герцеговины Билинский. Русский посланник Гирс в депеше в Петербург от 7 мая 1913 г. сообщал: «В частной беседе со мной он (Билинский.— Ю. П.) сказал мне откровенно, что улучшением быта населения (в Боснии.— Ю. П.) он рассчитывает предупредить всякое тяготение его к соседним славянским народам»³⁸¹.

В южнославянских землях Австро-Венгрии группу Бернрейтера поддерживали влиятельные буржуазные партии — Словенская «народная» (католическая) партия и Хорватская партия права, а также католическая церковь. Лидеры словенских клерикалов Янез Крек и Иван Шустершич снова выдвинули в это время идею триализма, которая имела немало сторонников в придворных кругах Вены, в том числе и в группе престолонаследника Франца Фердинанда.

Янез Крек опубликовал соответствующую статью в словенском журнале «Зоря»³⁸², где изложил планы объединения югославы в рамках Австро-Венгрии; Шустершич выступил с развернутой программой триализма в рейхсрате 12 декабря 1912 г. Оба лидера считали, что триализм может послужить действенным противовесом возросшему влиянию Сербии и Венгрии³⁸³.

Крек и Шустершич указывали, что Сербия и Венгрия являются основой для целостности монархии и ее существования. Крек и Шустершич считали национально-освободительную борьбу венгерского народа за равенство и свободу «сепаратистскими тенденциями» Венгрии, а исторически прогрессивное движение южнославянских народов за освобождение от гнета монархии Габсбургов и создание своего единого национально-независимого государства рассматривали как пропуск «велико-сербской пропаганды».

Аналогичные мысли были высказаны и в меморандуме, составленном в марте 1913 г. словенской клерикальной и хорватской объединенной партией права и посланном на имя Франца Иосифа. В меморандуме делалось предупреждение о необходимости «осуществить триализм именно сейчас, пока движение не переросло его рамки». В меморандуме указывалось, что «молодежь идет уже дальше этого требования и выдвигает программу воссоединения с Сербией»³⁸⁴.

Словенские и хорватские политические организации компрадорской буржуазии и католической церкви, выдвигая идеи триализма, преследовали своей целью ослабить влияние ставовившегося после балканских войн все более популярным лозунга воссоединения югославянских

³⁸⁰ В. Т о р о в и ч. Односи..., стр. 538.

³⁸¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 934, л. 19.

³⁸² См. «Zora», 1913—1914, broj XX, str. 70.

³⁸³ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1749, л. 44.

³⁸⁴ «Самоуправа», 16.III 1914.

земель вокруг Сербии и пытались приостановить национально-освободительное движение против империи Габсбургов. В 1913—1914 гг. они резко активизировали свою деятельность, избрав главным объектом борьбы организации югославянской ирреденты.

Католической церковью в 1913—1914 гг. был создан ряд новых обществ и органов печати для ведения устной и печатной пропаганды против идей ирредентизма. Так, в Словении на средства князей церкви в это время было основано «Общество св. Леона», которое стало издавать газету «Час»³⁸⁵ и вести подрывную работу среди учащейся молодежи и интеллигенции.

В г. Задаре хорватским клерикалом И. Любичем в противовес патристической организации «Молодая Босния» в начале 1914 г. была создана реакционная организация «Молодая Далмация», которая выступала против Сербии и проповедовала идеи объединения югославян под скипетром монархии Габсбургов³⁸⁶.

В издававшемся в г. Мариборе католическом журнале «Наша родина» в ноябрьском номере за 1913 г. было опубликовано воззвание: «Молодежь, будь всегда католической!» В воззвании содержался призыв вести борьбу против сербов-православных и поддерживать католическую Австрию³⁸⁷.

В другом католическом журнале—люблянском «Часе» — в 1913—1914 гг. был помещен ряд аналогичных статей и материалов. Редактор журнала Алеша Ушеничник выдвинул идею создания католической федерации с включением в ее состав, помимо Австрии, также Германии и Италии³⁸⁸.

Идею католического австро-венгро-югославянского государства разделяла и так называемая «Бельведерская группа» престолонаследника Франца Фердинанда, названная так по имени Бельведерского дворца в Вене, в котором проживал эрцгерцог и где собирались его приверженцы. Разница во взглядах Ушеничника и эрцгерцога состояла лишь в том, что Франц Фердинанд мечтал об объединении католических государств под эгидой Габсбургов, а Ушеничник не видел существенной разницы между Габсбургами и Гогенцоллернами.

С планом триализма не были согласны правящие круги Венгерского королевства во главе с новым министром-президентом графом Иштваном Тисой. Венгерские помещики и монополистическая буржуазия, мнение которых выражал Тиса, не хотели лишаться своих внутренних колоний — Хорватии и Воеводины — и выступали против реорганизации дуалистической монархии. Однако и они понимали, что какие-то изменения в политике правительства по отношению к угнетенным народам сделать нужно, чтобы предотвратить нарастающее в этих районах недовольство масс.

Таким образом, в обеих частях монархии правящие круги после балканских войн предприняли некоторые маневры для отвлечения народных масс от национально-освободительной борьбы. В. И. Ленин, внимательно следивший за развитием народных движений в Австро-Венгрии,

³⁸⁵ На нужды общества архиепископ Пасялович пожертвовал 50 тыс. крон, архиепископ Бауэр и епископ Крапац по 10 тыс. крон, загребский капитул — 1 тыс. крон и т. д. («Naša Misao», Izdaja hrvatsko-slovenski franjevci. Sarajevo, 1914, broj 1—2, str. 16).

³⁸⁶ «Самоуправа», 17.VI 1914.

³⁸⁷ «Naš Dom», Maribor, 1913, Zvezak 13, str. 202.

³⁸⁸ См. «Čas». Znastvena revija «Leonove družba». Ljubljana, 1914, Letnik VII, zvezak 4, str. 306—309.

отметил в работе «О праве наций на самоопределение», что монархия Габсбургов снова вытащила на свет в 1913—1914 гг. идею триализма ³⁸⁹.

В Боснии и Герцеговине правительство в 1914 г. несколько расширило компетенцию местного парламента и Краевой расчетной палаты в области финансов и контроля за внутренней торговлей ³⁹⁰. Лидер наиболее умеренной части буржуазной сербской партии в Боснии Никола Мандиг был назначен заместителем губернатора провинции, а лидер мусульманской партии помещиков Шериф Арнаутович — начальником Департамента внутренних дел боснийского правительства ³⁹¹.

Такая же «операция» была проведена в Словении. Здесь правительство подкупило верхушку партии словенской национальной буржуазии, предоставив тепленькие местечки в государственном аппарате их лидерам. Председатель Словенской «народной» (католической) партии Шустершич был назначен наместником провинции Крайна, а лидер оппозиционной Словенской либеральной партии Тавчар — мэром Любляны ³⁹².

В венгерской части монархии правительство Тисы также осуществило ряд маневров ³⁹³. 17 октября 1913 г. в Будапеште под председательством Тисы было созвано специальное совещание по вопросу о положении в Хорватии. На нем присутствовали новый хорватский бан — комиссар Скерлец ³⁹⁴, бывший бан Хорватии Томашич, глава местной власти в г. Осиеке Пинтерович и другие высшие чиновники Хорватии и Венгрии. Совещание признало целесообразным восстановить конституцию в Хорватии и отменить комиссариат ³⁹⁵.

После совещания начались усиленные переговоры комиссара Скерлеца с партиями хорвато-сербской коалиции и другими буржуазными партиями Хорватии, в результате чего был достигнут компромисс. Коалиция, которая к этому времени окончательно выродилась в оппортунистическую парламентскую фракцию, сняла все свои самые радикальные требования ³⁹⁶ и согласилась поддерживать режим Скерлеца в случае незначительных уступок с его стороны. После очередной капитуляции хорвато-сербской коалиции в конце ноября в Хорватии был отменен комиссариат и восстановлена конституция. Барон Скерлец стал с этого момента именоваться не комиссаром, а баном ³⁹⁷. Были объявлены выборы в Сабор, которые и состоялись 16 декабря 1913 г.

Все буржуазные партии Хорватии приветствовали отмену комиссариата, непомерно раздувая «заслуги» Тисы и Скерлеца. Только две партии Хорватии выдвинули более или менее радикальные требования на выборах и сравнительно трезво оценили маневры правящих кругов. Это были социал-демократическая и Хорватская крестьянская партия. СДП выступала с программой демократизации общественной и политической жизни и заявляла, что единственной гарантией неповторения

³⁸⁹ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 379.

³⁹⁰ «Sarajevski List», 9.IV 1914.

³⁹¹ «Sarajevski List», 3.IV 1914.

³⁹² «Sarajevski List», 9.I 1912.

³⁹³ См. «Новое время», Спб., 25.I 1914.

³⁹⁴ Иван Скерлец до назначения баном был высшим венгерским чиновником. Он всю свою жизнь прожил в Венгрии, обучался в венгерских учебных заведениях и плохо знал хорватский язык («Славянские известия», 1913, № 38, 39, стр. 548).

³⁹⁵ «Sarajevski List», 4, 17.X 1913.

³⁹⁶ Наиболее радикальными требованиями коалиции были: свободные выборы в Сабор, пересмотр хорвато-венгерского соглашения 1868 г., в первую очередь его финансовых статей, отмена железнодорожной прагматики 1907 г. («Славянские известия», 1913, № 49, стр. 674).

³⁹⁷ «Sarajevski List». 1.XII 1913.

комиссариата является всеобщее избирательное право и подлинно народное представительство в Саборе. СДП выдвигала также требование обеспечения политических свобод и стояла за введение рабочего законодательства³⁹⁸. Хорватская народная крестьянская партия выступала за предоставление Хорватии с 1 января 1914 г. полной финансовой независимости³⁹⁹.

Выборы привели к победе сербо-хорватской коалиции, которая на этот раз не была в оппозиции. Она блокировалась с правительственной партией «унионистов», что обеспечило бану Скерлецу абсолютное большинство в Саборе⁴⁰⁰. Это был первый за долгие годы случай, когда правительство получило, наконец, устойчивое положение в Саборе. Послушный правительству Сабор утвердил бюджет на 1914 г., основными статьями которого были военные расходы. Расписавшись в собственном бессилии, Сабор продлил неравноправное для Хорватии финансовое соглашение с Венгерским королевством и послушно избрал указанных баном 40 делегатов в венгерский парламент. Так бесславно закончился период буржуазно-парламентарной оппозиционной борьбы в Хорватии. После перехода сербско-хорватской коалиции на открытое служение правительству, Сабор перестал быть ареной политических боев оппозиции с правящими кругами.

В обмен на эту услугу правительство выполнило одно из требований коалиции об отмене в Хорватии закона 1907 г. «О железнодорожной прагматике». На железнодорожных станциях 23 декабря 1913 г. были восстановлены хорватские наименования, служащим и рабочим железных дорог Хорватии разрешалось пользоваться на службе родным языком⁴⁰¹.

Это была жалкая подачка правительства. Введение хорватских наименований наряду с венгерскими и немецкими не меняло существа дела, ибо железные дороги Хорватии по-прежнему принадлежали не хорватскому народу, а Венгерскому королевству и крупным австрийским и венгерским монополиям. За время действия закона 1907 г. изменился сам состав служащих и рабочих железных дорог и на подавляющем большинстве должностей не осталось хорватов. Таким образом, разрешение употреблять хорватский язык звучало скорее как горькая пасмешка. Им смогло воспользоваться лишь незначительное число низкооплачиваемых служащих и рабочих — смазчиков, сторожей и пр.⁴⁰²

Восстановление куцой Конституции и отмена «железнодорожной прагматики» в Хорватии не могли удовлетворить и не удовлетворили народные массы.

Широкие слои населения в отличие от буржуазных парламентариев не прекратили борьбы.

³⁹⁸ Istorijski arhiv KPJ, t. IV, str. 153—156.

³⁹⁹ Это требование возникло в связи с тем, что в декабре 1913 г. истекло финансовое соглашение с Венгрией, заключенное в 1903 г. сроком на 10 лет. По этому соглашению Венгерское королевство получало 56% всех доходов Хорватии, а сама Хорватия — только 44%. Степан Радич и выступил с требованием, чтобы все доходы, получаемые в Хорватии, шли только в ее кассу («Sarajevski List», 31.XII 1913; «Самоуправа», 19.XII 1913).

⁴⁰⁰ Из 88 депутатов Сабора бан имел поддержку 62 депутатов (47 депутатов коалиции и 13 унионистов). Кроме того, бан мог рассчитывать на 20 голосов вирилистов. Оппозиционная Хорватская крестьянская партия Радичей получила только три мандата вместо девяти на предыдущих выборах, СДПХ — ни одного («Sarajevski List», 17, 18.XII 1913).

⁴⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 1358, оп. 1, д. 1754, л. 521.

⁴⁰² «Славянские известия», 1913, № 55, стр. 746.

Разочаровавшись в парламентах, которые вследствие измены буржуазных партий перешли на службу к правящим кругам⁴⁰³, прогрессивная общественность стала применять новые формы борьбы.

С этого момента резко усиливается ирредента и омладинское движение, разворачивается деятельность революционных конспиративных организаций. Наступает новый этап в югославянском национально-освободительном движении — этап «Младой Босны» и Сараевского убийства, история которого требует специального исследования.

⁴⁰³ Капитуляция буржуазных партий перед правительством наблюдалась не только в Хорватии, но и в других южнославянских землях. Так, открывшаяся в декабре 1913 г. в Сараеве очередная сессия Боснийского Сабора показала полное бессилие оппозиции, которая вместо решительной борьбы прибегала к порочной тактике обструкционизма. Правительству путем ряда махинаций удалось обеспечить большинство в боснийском парламенте. Единственной радикальной фракцией в Сараевском Саборе была группа сторонников Петара Кочича, возобновившая выход газеты «Отажбина», но эта группа была немногочисленной; к тому же она лишилась своего руководителя Кочича, который из-за болезни перестал посещать Сабор.

В Словении в результате выборов в ландтаг 5 декабря 1913 г. снова победу одержали католики, получившие 27 мандатов, и пангерманцы (10 мандатов). Они и составили большинство: либералы, имевшие 11 мандатов, были слабой оппозицией.

Похилевич Д. Л.

ЛОМКА АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ХОЛМЩИНЕ В XVI В.

XVI век в истории Речи Посполитой занимает весьма видное и в то же время несколько своеобразное место. Это время экономического, политического и культурного расцвета государства, его внешнеполитического могущества и экспансии. В то же время это век, когда в социально-экономической жизни общества вырисовывались новые черты его дальнейшего развития и грядущего упадка.

Новым, определяющим дальнейшие судьбы общества, была фольварочно-барщинная система. Неудивительно, что этому вопросу уделила большое внимание еще польская шляхетско-буржуазная историография.

Современная историография в народной Польше и Советском Союзе подошла к изучению фольварочно-барщинной системы и всего связанного с ней большого комплекса вопросов с позиций марксизма-ленинизма. Это дало ей возможность по-новому взглянуть на указанное явление в исторической жизни Речи Посполитой и на его последствия.

В современной польской, а также советской историографии можно назвать много исследований, в том числе крупных, посвященных прямо или косвенно изучению этой важной проблемы.

И все же еще и сегодня существует ряд вопросов спорных, или не вполне изученных и решенных, а именно: причины, вызвавшие разницу в аграрном развитии Восточной и Западной Европы, роль внутреннего и внешнего рынка в этом, время возникновения и развития фольварочно-барщинной системы на разных территориях Восточной Европы, влияние фольварочно-барщинной системы на дальнейший прогресс в сельском хозяйстве, время наступления кризиса системы, его характер и проявления, изменения в структуре крестьянского хозяйства и ряд других локальных вопросов в истории народов Восточной Европы, связанных с фольварочно-барщинной системой и ее влиянием на различные сферы жизни общества. Установлено, что возникновение и развитие фольварочно-барщинной системы повлекло за собой не только ухудшение экономического и политического положения крестьян. Оно подорвало и городское производство, ухудшило положение и мещан.

Выяснение на конкретном примере изменений в поместном хозяйстве и аграрных отношениях имеет большое научно-познавательное значение.

Объектом нашего исследования будет Холмская земля. Выбрана она нами не случайно. Сохранившиеся источники позволяют с большей или меньшей полнотой осветить историю поместного хозяйства этой земли на протяжении 100—150 лет, представить состояние хозяйства до развития в нем фольварков, а также вскрыть факторы, способствовавшие развитию последних. Эти источники дают возможность показать пути и формы наступления феодалов на крестьянство, экономические и социальные последствия этого наступления. Попутно рассмотрены нами и вопросы производственных, социальных, национальных и других отношений.

Холмская земля занимала самый северо-западный угол украинских земель и граничила на западе с польскими землями (Люблинское воеводство), а на севере — с белорусскими (Берестейское воеводство). Она тянулась длинной полосой с северо-востока на юго-запад. Почти посредине ее пересекал Западный Буг, на юго-западе — приток Вислы Вепр, на северо-востоке — приток Днепра Припять.

В естественно-географическом отношении Холмская земля была близка к украинскому Полесью. В экономическом отношении она значительно больше тяготела к Брест-Литовску и Люблину, чем к Львову.

Социально-экономическое развитие Холмской земли шло не равномерно. Раньше всего оно проявлялось на юго-западных ее территориях, прилегающих к реке Вепр, и значительно позже на северо-востоке, в местах, расположенных в верховье Припяти.

В результате вовлечения феодалов Холмской земли в торговлю хлебом значительно ухудшилось положение крестьян, однако крестьяне (феодалы-свободные), сопротивлялись наступлению помещиков. Крестьяне уходили прочь из тех поместий, где их положение ухудшилось. Они шли к тем феодалам, где еще сохранялись старые отношения. В результате такой миграции многие крестьянские наделы оказывались брошенными и опустевшими.

В свою очередь шляхтичи, дабы затруднить переходы крестьян из одного поместья в другое, стали договариваться между собой об установлении во всех поместьях повета или отдельной земли однообразных норм эксплуатации крестьян, в первую очередь о введении одинаковой барщины. В таких случаях шляхта просила короля, которому тогда принадлежало от 40 до 80% земельной площади, а также церковных земельладельцев, ввести подобный же режим во всех владениях повета.

Значительным препятствием на пути к установлению однообразных увеличенных норм эксплуатации крестьян явилась большая пестрота их держаний и такая же пестрота в их повинностях. Для устранения препятствий шляхтичи проводили землеустроительные работы и даже аграрные реформы (например, реформы королевы Боны, Сигизмунда-Августа и др.), по которым всем крестьянам деревни, а то и всего поместья, давался одинаковый надел с одинаковыми повинностями с него.

Подобные мероприятия были проведены и в поместьях Холмской земли. Так, в 1477 г. на сеймике в Красноставе собралась шляхта юга Холмской земли. Было решено унифицировать положение крестьян всей Холмщины*. Этим феодалы стремились помешать переходу кре-

* «Постановляем, что во всей Холмской земле каждый кметь ежегодно будет давать своему господину с лава в день св. Мартына по полгивны годичного чинша и по 4 курицы, на рождество же богоматери по 4 сыра и на пасху по 24 яйца. Еще постановляем, что каждый кметь с лава имеет работать своему господину один день в неделю. Кроме того, каждый человек со своего хозяйства (независимо от того, имеет он лап или меньше) обязан на землях своего господина работать [здесь пропуск] два дня в году: один день при посеве озимых, другой — яровых, а также жать двумя серпами. Кроме

стьян из одного поместья в другое, ибо такой переход терял свой смысл, так как у всех шляхтичей устанавливались одинаковые условия для жизни крестьян.

Холмская шляхта понимала, что провести в жизнь это постановление будет не так просто, что крестьяне ответят на него уходом за границы Холмской земли или к тем феодалам, для которых эти решения не были обязательны (король, церковники и т. д.). Вот почему на сеймике 1477 г. было принято постановление следующего характера: «Желая улучшить барщиной кметой и осадников поместья всех земель братии нашей, которая теперь бедствует, и увеличить их доходы, постановляем, что всякого рода кметь (*cuiuscunque condicionis et status*) не может уйти из поместья или державы своего пана, лишь предупредив его об этом (*przez odkaszenie*), но должен, если хочет выйти, обсадить свой лан, на котором сидит, другим кметем, таким же зажиточным, как и сам, или продать свою землю с согласия своего господина»¹.

Фактически это было прикрепление тех крестьян, которые еще имели право перехода (многие крестьяне такого права уже не имели), к их наделам, ибо пан всегда мог найти предлог, чтобы отказаться от замены. Смысл этого постановления ясен. Шляхте для продаж (рядом находился хлебный рынок — Люблин, а по Вепрю и Западному Бугу шел сплав до Гданьска) был необходим хлеб. Его она и стремилась добыть путем увеличения крестьянских даней зерном (4 корца овса), а главное за счет увеличения отработок крестьян на панском фольварке (вводилась регулярная однодневная барщина, 4 толоки, неограниченное количество толок на господских харчах, гвалты, подводы).

Нужно помнить, что красновоставское постановление — это минимум крестьянских повинностей. Отдельные шляхтичи могли в своем поместье их увеличивать, что они и делали. В этом убеждают нас инвентари последующих лет.

Эффективность красновоставских постановлений ослаблялась тем, что для церковных и королевских земель они были не обязательными, что общепольского постановления об однодневной барщине еще не было (оно появилось лишь в 1520 г.). Все же последующие инвентари поместий Холмской земли свидетельствуют, что характер повинностей (превалирование отработочной ренты) и их размеры в юго-западной части земли были более обременительны, чем в северо-восточной. Стоит лишь взглянуть на карту, чтобы убедиться, что ломка старого феодального хозяйства и феодальных отношений началась раньше всего на землях бассейнов судоходных рек, впадающих в Балтийское море. Ибо эти водные

того, постановляем, что каждый кметь обязан привезти своему господину четыре воза дров за год — два воза на рождество, а два — на пасху. Сверх этого каждый крестьянин должен в очередь ходить в подводу, куда его пошлет господин, но только в своей земле, а не за границы Холмской земли. Так же постановляем, что каждый кметь обязан дать своему господину ежегодно с лапа 4 корца своего собственного овса и за это кмети уже не будут обязаны засеивать своим господам так называемое поволодное. Кроме этого кмети на зов своего господина, на его харчах будут ходить на толоки, сколько захочет господин и сколько будет необходимо.

О загородниках постановляем так: каждый загородник (загородник) с каждой загороды обязан дать своему господину 6 гршей чинша в год и работать один день в неделю круглый год. К этому добавляем, что каждый господин, то ли землянин может осадить своих крестьян без барщины, но на более высоком чинше, чем полгровны (т. е. можно заменить барщину более высоким чиншем). Еще постановляем, что кмети и крестьяне обязаны чинить своим господам мельницы и плотины, когда в том будет потребность» (*A Pawinski. Sejmiki ziemskie, str. 59—60*).

¹ Там же, стр. 59.

артерии являлись основными торговыми путями, по которым шла торговля зерном.

Красноставские постановления 1477 г. интересны и в том отношении, что они проливают свет на положение феодального поместья до их принятия. Можно думать, а в этом убеждают также инвентари соседних поветов, что здесь:

1) фольварка в позднейшем смысле этого слова еще не было. Он только формировался. Господские потребности в хлебе, сыре, курах, яйцах и других продуктах питания покрывались за счет натуральной ренты. Кроме того, каждый крестьянский двор своим трудом, инвентарем и зерном (поколодное) возделывал (возможно и обмолачивал) для пана случайный и небольшой участок земли. Естественно, что при таких условиях отработочная рента была не велика и носила скорее характер помощи двору;

2) крестьяне сидели на смешанной ренте, в которой удельный вес денежных платежей был очень велик (полгровны);

3) малоземельные крестьяне — загородники — были еще и до развития фольварочного хозяйства;

4) крестьянские наделы в основном имели один размер — лан.

Наиболее ранние для XVI в. подробные материалы, показывающие положение поместного хозяйства и крестьян в Холмской земле, мы имеем по Ратненскому староству. Однако оно было расположено в не очень типичных для Холмщины естественных и исторических условиях, к тому же оно принадлежало королевскому скарбу. Все это дает нам основание предполагать, что здесь было более консервативное ведение хозяйства.

Представить обстановку в упомянутом старостве в начале XVI в. позволяют реестры его доходов в 1500—1510 гг. и его инвентарь за 1512 г.²

Реестр дает распределение (неполное) податей на отдельные дворыща. Из инвентаря получаем сведения о податях и др.

Ратненское староство складывалось из двух волостей — Ратненской и Ветловской (Ветельской). В первой был один город и 14 сел, во второй — четыре села.

Как уже упоминалось, староство было расположено в глухом Полесье рядом с белорусскими и припятскими волостями, в стороне от торгового пути — Западного Буга. То, что природные условия для земледелия здесь были неблагоприятные, а население издавна широко занималось охотой, рыболовством, пчеловодством и иными лесными промыслами, наложило свой отпечаток на сельскохозяйственное производство, характер крестьянских повинностей и быт. Фольварочно-барщинная система, наступление которой отражали красноставские постановления, сюда еще не дошла. И хотя в местный старинный уклад было внесено государственным фиском и шляхетской аличностью немало нового, все же основы жизненного уклада оставались старые. Господствующей формой эксплуатации крестьян была рента натурой, которая по своей природе имеет застойные тенденции.

Основанием для обложения было земельное держание — дворыще (agera). Дворыща не были измерены и потому размер их был самый разнообразный. Вероятно, они мало чем отличались от соседних белорусских дворыщ, которые после измерения их в середине XVI в. содержа-

² Реестр и инвентарь опубликованы: «Записки Наукового товариства им. Т. Шевченка» (далее — ЗНТШ), т. XXVI, Львів, Интересный материал содержит работа: T. L u b o m i r s k i. Starostwo Ratenskie. Wyjotek z historii osad woloskich w Polsce «Biblioteka Warszawska», II, 1855).

ли чаще всего 40—80 моргов, редко — 20 и еще реже — 100—200 моргов³. Изредка встречались и более мелкие наделы.

Как правило, на таком дворнице-наделе сидела большая и сложная семья, в состав которой входили не только кровные родственники, но и посторонние лица — сообщники, потужники, половники и т. п.⁴ Вела ли большая семья на дворнице одно хозяйство или их было несколько? Имело место и то и другое. В обложении Ветельской волости мы видим интересную подать — похлебное. Ее давали с каждого самостоятельного хозяйства на дворнице или, как объясняет реестр, с сыновей, которые отделились от отца на свое хозяйство⁵. Однако и в таком случае все иные подати и повинности продолжали идти с целого дворница, а не с каждого отдельного хозяйства, расположившегося на нем.

Т. Любомирский считает, что в тех случаях, когда на дворницах в составе семьи были чужие, то они не имели равных прав с кровными членами семьи, а были на положении арендаторов — половинщиков, т. е. давали хозяину дворница половину урожая за предоставленную им землю, а, возможно, и за предоставленный инвентарь, но уже никаких повинностей на замок они не выполняли⁶. По его мнению, эти элементы можно сравнить с подсоседками, сябрами, потужниками днепровских волостей. Думается, что этот вопрос исследователь упрощает. Эти категории зависимого населения, обычно припленные, безземельные были на разном положении в семьях-собственниках. Все определялось тем, как долго и на каком положении они прожили в семье. Если они работали в семье еще с отца и деда и при этом не имели отдельного надела, то при разделе дворница суд обычно признавал за ними те же права, что и за кровными членами семьи. В отношении внутри дворниц администрация поместья не вмешивалась. С припленными элементами, если они не имели средств производства, администрация неохотно имела дело, как и они с ней, боясь потерять право выхода. Позже королевский скарб поставил эти элементы в непосредственную зависимость от себя, наделив их небольшими кусками земли. Так появились огородники (загородники), халупники, кутники⁷.

Кроме больших семейств на дворницах — этих маленьких общинах, в Ратненском старостве сохранилась и сельская община. Села сообща платили некоторые подати: ловчее, возче и некоторые другие. Мелкие споры разрешались на собрании общины, а более крупные — на вече нескольких сел (на копном суде). Решение такого суда апелляции не подлежало. Представитель администрации в суд веча не вмешивался. Сельские общины владели сообща пастбищами, выгонами.

Села сидели здесь на русском праве. Как оно применялось, материалы не раскрывают. Здешнее население можно считать «засиделым», лишенным права перехода. Во всяком случае реестры и инвентарь всюду отмечают «homines liberi alias volniczi», т. е. людей вольных. Их встречаем немного в трех селах Ветловской волости, где они все одинаково дают по два гроша⁸. Возле некоторых из них есть пометка «отошел» («au fugit»), возможно, бежал.

Повинности в Ратненском старостве, за небольшим исключением, определялись без какого-либо одного принципа и вообще не нормиро-

³ Морг имел около 0,7 га. В состав дворница, особенно большого, входили не только пахотные земли, но и сельскохозяйственные угодья.

⁴ См. ЗНТШ, т. XXVI, стр. 8, 11, 12 и др.

⁵ Там же, стр. 20, 22, 23 и др.

⁶ Т. Любомирский. Указ, соч., стр. 213—215.

⁷ Там же, стр. 218, 221.

⁸ См. ЗНТШ, т. XXVI, стр. 25, 27, 29.

вались. Подати по своим видам и размерам были разнообразные. Здесь, собственно, каждое дворище имело свою историю обложения. Лишь несколько сел имели однообразные и чисто денежные обложения: урок — 30 или 60 грошей и 6—12 «сторожовщины» с надела⁹.

Основные повинности были натурой. Мелкие повинности, когда-то натуральные (краситель-червец, ястреб для охоты и т. п.), в большинстве случаев были заменены деньгами. Среди основных повинностей — «дань медовая» (dacia) и «полюдь» или их разновидности — «мед осенний» или «данный» и «мед липовый». От этих повинностей, как и от других, веет глубокой стариной времен Киевской Руси.

Размер медовой дани и полюдья (старинной повинности паселения, заключающейся в обязанности кормить князя и дружину и давать ему подарки при ежегодных объездах) с дворища был разнообразный. В среднем вместе они составляли 2,5 ведра¹⁰, но в некоторых случаях увеличивались до 5 ведер меда¹¹. При выполнении медовой дани одновременно вносилось «поданье», соответствовавшее, можно думать, пинскому «писчее», которое шло на пользу сборщика податей. Вносилось «поданье» деньгами в размере, соответствовавшем величине медовой дани, и колебалось от 0,5 до 5 грошей.

Следующей податью был «побор», который в отличие от всех других податей был, как правило, равновелик для всех дворищ староства — 20 грошей (случалось, 21 гр. и 14 гр.)¹². В натуре он, вероятно, состоял из белки и нескольких мелких натуральных даней¹³.

Затем давали «бобровище» — 1 грош и 10 горстей льняной пряжи, можно думать, за право ловить бобров¹⁴. Давали также по горсти конопляной пряжи на невод старосте (так называемое «неводничье»).

Из даней хлебом самой главной была дань овсом. Значительно реже давали еще и рожь. Дань овсом чаще всего взимали в размере около колоды с дворища¹⁵. Как упоминалось выше, когда на дворище было несколько хозяйств, то с каждого из них сверх дворищного обложения бралось «похлебное» — 2 корца овса, 2 гроша, масло и сыр.

С каждого дворища давали замку пять-семь возов сена. К столу старосты крестьяне давали кур (или уток), яйца, масло, сыр. С больших дворищ или с села к тому же еще давали яловку, кабана.

Отработочные повинности в Ратненском старостве были незначительными. Так, крестьяне целой волости обязаны были косить сено, исправлять и строить замок. Крестьяне обязаны были ходить в подводы (с повозкой) для нужд замка, вспахать, засеять, собрать хлеб с полей, принадлежавших замку, и привезти на замковый двор¹⁶. Можно допустить, что зимой они его и молотили.

Можно предположить на основании описи, что замковое земледельческое хозяйство было невелико и работа в нем не могла занимать больше

⁹ См. ЗНТШ, т. XXXI, стр. 25, 27, 29, села Датины, Сынов, Дубечино. Случаются на «уроке» отдельные дворища и в иных селах. Самаровичи платили все однообразный денежный чинш.

¹⁰ Там же, стр. 5—7 и др.

¹¹ Колода меда в Ратно равнялась 10—12 ведам или четырем четвертям, ведро — 11½ липечны или чегырем ручкам.

¹² ЗНТШ, т. XXVI, стр. 9—16, села Кортелысы и Радостав.

¹³ Там же, стр. 32 и др.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Колода равна 4 корцам, 8 полмеркам (третинникам), 16 мацам или 34 полумацам, 311,5 л, 215,5 кг ржи (во Львове). Замковая колода, которой измерялись крестьянские дани, была меньше ратенской торговой и весила около 170 кг ржи или 120 кг овса.

¹⁶ ЗНТШ..., стр. 4.

нескольких дней в год. Строить укрепления («рубить замок»), мосты и дороги было старинной повинностью всех слоев населения не только Киевской Руси, но и западноевропейских феодальных государств в ранний период. То же самое можно сказать и относительно «повоза» — ходить в подводу по требованию князя. Другое дело, что эти, некогда чисто государственные повинности, в процессе развития феодального землевладения все больше приобретали частновладельческий характер или были просто заменены другими.

В княжеских селах, особенно там, где жили сами владельцы, еще во времена Киевской Руси было земледельческое хозяйство. Его продукция, предназначалась *исключительно на непосредственное удовлетворение потребностей владельца, дворовой челяди и скота*. Правда, со временем состав людей, обрабатывавших княжеское поле, изменился. Вместо невольников, изгоев, закупов и т. п. обрабатывали его теперь феодально-зависимые крестьяне. Это неудивительно. В процессе феодализации невольные и полуневольные элементы Киевской Руси превратились в феодальных крестьян. Однако дворовая запашка, как и в раннефеодальный период, служила для удовлетворения потребностей замка.

Ратненское замковое хозяйство, как и весь уклад повинностей населения, был по своей природе архаичным, позднейших черт торгового земледелия замковая запашка еще не приобрела. Она была так невелика, что даже в 1528 г. едва была достаточной для того, чтобы с нее кормилась администрация замка¹⁷. Изменение экономических отношений, наблюдавшееся уже в юго-западных поветах Холмской земли, еще не охватило ратненское староство.

Законным является вопрос, какова же была тяжесть повинностей ратненских крестьян? Материалы не дают возможности составить бюджет дворища и вычислить долю, которую королевский скарб и староста присваивали себе. Трудно даже подсчитать абсолютный размер средних крестьянских повинностей в переводе на деньги. Весьма приблизительно и условно их можно определить в 60—90 польских грошей с дворища в среднем. Правда, были села «на уроке», где повинности выражены в деньгах (от 36 до 72, реже — 90—120 грошей, с дворища).

Были ли велики для того времени и уровня развития производительных сил эти повинности? На это можно ответить лишь в порядке сравнения. В то время в дворище было в среднем полтора-два лана или волокна. В 60-х годах XVI в. после волочной померы в соседних пинских староствах и экономиях платили около 60 литовских грошей с волокна очень плохой почвы и 90 грошей — средней, т. е. почти вдвое больше. Такой размер обложения считается в литературе еще посильным для крестьянского хозяйства. Однако нужно иметь в виду, что стоимость гроша за 50 лет даже в таких глухих уголках заметно унала.

Можно еще сказать, что население Киевского Полесья в 70-х годах XV в. платило с «земли» приблизительно столько же, сколько в начале XVI в. ратненцы с «дворища».

Наконец, повинности с дворища были пропорционально меньшими, чем с лана по красноводским постановлениям.

Крестьянское держание и повинности, за некоторым исключением, лишены единообразия, ибо слагались исторически. На повинностях лежит печать архаичности, они имеют назначение покрывать нужды замка и его администрации. Фольварка нет, нет и недельной барщины. Можно думать, что и повинности крестьян юго-западных поветов Холмщины де

¹⁷ Т. L u b o m i r s k i. Указ. соч., стр. 224.

1477 г. были по своему характеру весьма близки к ратненским начала XVI в.

Реестры и инвентарь начала XVI в. Ратненского староства дают материал и для демографии. Население здесь везде православное и, сколько можно судить по именам (Микита, Гаврило, Лукьян, Каленик, Ничипор, Хома, Елисей и т. п.) и фамилиям, — украинское.

РАТНЕНСКОЕ СТАРОСТВО В 60-х ГОДАХ XVI в.

Источником, по которому можно представить положение зависимых крестьян в Ратненском старостве в 60-х годах XVI в., является люстрация за 1565 г.¹⁸ В ней мы находим сведения о тех повинностях, какими облагалось зависимое крестьянство. Из давних обычаев, правда уже отмирших, стоит упомянуть о формах брачных отношений. Здесь еще в первой половине XVI в. существовала подать под названием «почервечизна», «побрюховчизна». Люстрация 1564—1565 гг. сообщает о ней следующее: «Почервечизна или когда какой-нибудь человек там, на Литовском пограничьи хотел жить со вдовой или девушкой на веру, не венчаясь, тогда они шли в замок и за то, что это им разрешалось, давали известную сумму денег». Однако, добавляет люстратор, «поскольку такой обычай противен богу и праву, то теперешний староста Ратненский пан воевода краковский запретила такую небрачную жизнь»¹⁹.

Люстрация упоминает, что в 40-х годах XVI в. в старостве началась массовая вырубка лесов на экспорт. Староста вырабатывал здесь ежегодно золу (пепел) и ванчос (доски, подобные клепкам). В 1563 г. здесь было выработано два захцика (12 тыс. штук) ванчоса и 100 лашт пепла. Лес разрабатывался будником с подряда, для чего он панимал челядь. Крестьяне были обязаны лишь вывезти выработанный товар за четыре мили к р. Муховец (приток Западного Буга). Пепел продавался в Гданьске по 34 злотых за лашт²⁰.

В 30 озерах скарб имел 170 тоней для ловли рыбы, которая шла на рынок. В 40—50-х годах скарб за нее выручал ежегодно до 300 злотых. Как видим, вовлечение господского хозяйства в товарно-денежные отношения влекло за собой новые повинности для крестьянства. И все же эти повинности были легче, чем на фольварках.

По сведениям, которыми располагал Т. Любомирский, королевский скарб в 50-х годах XVI в. провел в старостве аграрную реформу, типа известной волочпой померы Сигизмунда-Августа. Был организован фольварк.

Реформа началась с того, что были уточнены размеры двориц по селам, а в селах Датише и Сынове «их померяно на ланы». Все же, как видно из люстрации 1565 г., унификации двориц не было достигнуто даже в границах одного и того же села. Об этом свидетельствуют повинности, которые взимались с двориц, так и пометки люстратора возле отдельных сел (Самаровичи, Кремно, Залесье и др.). Во многих селах (Кортыеся, Заречье, Щедрогащ, Тур и др.) люстрация упоминает малые дворища, которые не входили в нормальный учет и за которые их держатели платили меньшие подати — 1—3 злотых.

Те, которые не сидели на целом лане, имели меньшие куски земли. Они создали категорию крестьян загородников с полевой землей, а то и с одними огородами. Правда, пужно сказать, что загородников было немного. Больше всего их было в селе Зубечна — восемь дворов. Что же ка-

¹⁸ См. «Архив юго-западной России» (далее — АЗР), ч. VII, т. II. Киев, 1890.

¹⁹ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 312.

²⁰ Там же, стр. 317.

сается коморников, то данные о них довольно неясные. «Каждый мужчина, отделившийся на свой хлеб, — цитирует Т. Любомирский документ 1564 г., — если бы таких на одном двориче было и до шести, дает похлебное. Их так и зовут похлебниками, или коморниками»²¹.

К 1592 г. их положение меняется. «Там есть люди, — цитирует Любомирский документ 1592 г., — которых называют похлебниками, нужно понимать коморниками, которые хлеб своего господаря, как нанятые, едят. Эти люди часто разбегаются на свободы»²². Нетрудно заметить разницу в характеристике коморников в документах 1564 г. и 1592 г. В первом случае коморники жили на дворе бывшего хозяина дворича, во втором, — они работники своего хозяина, скорее же всего они арендаторы его земли, возможно, даже кратковременные. Неудивительно, что эти «люди часто разбегаются на свободы». Нужно отметить, что в люстрации 1565 г. коморники даже не упоминаются.

В то же время люстрация по г. Ратно дает исчерпывающие сведения о коморниках. Здесь их было 43 и платили они чинш в размере 1 гривны в год, да 1,5 гривны «лазебного», т. е. за право пользоваться сельскохозяйственными угодьями общего пользования.

В каждом двориче было не одно, а несколько хозяйств. При обозначении числа дворич в каждом селе люстратор отмечает, что оседлых людей здесь много. В некоторых селах люстрация точно указывает сколько дворич, а сколько отдельных хозяйств. Так, при с. Дубенча записано шесть дворич, а оседлых крестьян 23; подобная картина в с. Самаровичи.

О количестве отдельных крестьянских хозяйств в селах, сидящих на дворичах, можно судить и на основе «нохлебного», «которое необходимо так понимать, что двориче такое большое и имеет достаточно пахотной земли, и на нем население в результате рождаемости то прибывает, то убывает. И те, что от отцов на свой хлеб отошли, дают похлебного по 1 грошу, а на другие даны складываются с главою того дворича, бывает их на одном двориче иногда восемь, шесть ... и меньше»²³.

В с. Ветли 32 дворича, а похлебного собрано 82 гроша; в с. Павиче дворич 20, а похлебного собрано 130 грошей; в Родоставе 17 дворич, а похлебного собрано 106 грошей.

Позже эти «похлебники» совсем отпочковываются на отдельные хозяйства со своими индивидуальными повинностями.

Как выглядело такое переделение старых дворич, можно представить на примере боярских дворич в с. Здомысле. На землях этих дворич в последней четверти XVI в. было размещено три села бывших их половинников, «похлебников».

Бояры особенно держались за архаичные формы аграрных отношений, так как им это было очень выгодно. Со своих дворич, независимо от их размеров и количества населения, они тянули боярскую «службу». Неудивительно, что пошли они на эту реформу лишь под большим давлением. Они оказали решительное сопротивление по поводу перемеривания их земель, считая это нарушением их прав на землю как на вотчину и нарушением их привилегий. Они судились со старостой в референдарском суде. И только в 1594 г. было принято окончательное решение, по которому, как и нужно было ожидать, не признавались ни их права, ни их привилегии.

Инструктируя ратненского старосту при проведении реформы, король Сигизмунд-Август писал, что впредь крестьяне должны «...исправно

²¹ Т. L u b o m i r s k i. Указ. соч., стр. 224.

²² Там же.

²³ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 303.

выполнять положенные им работы и повинности... а не ссылаться на повинности своих предков со своих, как они говорят, вотчин»²⁴. Король резко выступает против «старины», против взглядов крестьян на свои земли как на «отчины», что противоречило взглядам феодалов на землю как на свою собственность. Король выступает против верховного права общины судить своих членов. Он ставит этот суд под свой контроль и соглашается на старинный институт посредников, третейских судий только при условии, что вина (штраф) будет взыскана в королевскую казну²⁵. По обычаю же, в случае примирения сторон убытки должны выплачиваться лишь пострадавшему.

Во время реформы, по сведениям Любомирского, было переведено скарбом четыре села на волошское право. В остальных селах повинности взымались по фольварочно-барщинной системе. Намерение скарба расширить на полесских болотах скотоводство, в особенности овцеводство, внедрив с этой целью здесь статус сел на волошском праве, потерпело неудачу. Условия Полесья того времени оказались для этого малопригодными, овцы болели.

Развитие зернового хозяйства в условиях господствующей фольварочно-барщинной системы вызвало стремление господствующего класса к укреплению своих позиций относительно земли и крестьян. Они противились даже власти короля. Введение фольварочной системы означало увеличение барщины, а отсюда и усиление крепостничества, ограничение прав крестьян на землю, усиление власти феодала.

Единственным воспоминанием у крестьян четырех сел волошского права, по мысли Любомирского, осталось их «доброе» право на землю, она считалась, так сказать, «закупною», и хозяева могли вести по отношению к ней некоторые операции. Скарб на это соглашался постольку, поскольку это не противоречило его интересам.

Следует сказать, что в люстрации 1565 г. никаких упоминаний о наличии в Ратненском старостве сел на волошском праве нет, как это мы будем видеть в Холмском старостве в это же время. Нет даже специфичных для волошского права повинностей. Правда, при девяти (а не четырех) селах фигурирует повинность: от каждой «упряжки волов, т. е. от пары волов», или от «сохи волов» давать 1 гр.²⁶

В некоторых селах (Повиче, Радостав) эта подать названа еще «возовое». Вот и все. Можно думать, что перевод четырех сел на волошское право, о чем упоминает Любомирский, произошел позже.

Наиболее заметные изменения произошли в направлении расширения пахоти. Это видно как по развитию замкового, фольварочного хозяйства, так и по увеличению пахотных земель крестьян, поскольку с последних значительно выросли дани зерном (овсом и рожью).

Решающим фактором в изменении положения крестьян и особенно их повинностей, был фольварк. Как известно, в начале XVI в. в Ратненском старостве была лишь небольшая запашка при замке. Сейчас она значительно увеличилась. Это произошло за счет крестьянских земель. Люстрация по с. Щедрогащ упоминает о двух опустелых дворищах, присоединенных к замковому фольварку. Подобное явление могло иметь место и в других селах.

В 1565 г. «подгородный» фольварк уже является значительным²⁷. На его гумно осенью было привезено 877 коп разного зерна. На стойле числи-

²⁴ См. Т. Любомирский. Указ. соч., стр. 221, прим. № 2.

²⁵ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 312.

²⁶ АЗР, ч. VII, т. II, села Замшаны, Заставы, Залесье, Тур, Повиче, Радостав и др.

²⁷ Там же, стр. 318.

лось 66 голов скота (в том числе 30 двойных коров) и 60 гусей. Их обслуживала челядь: один дворник с оплатой 4 марки (гривны) за год, одна хозяйка с оплатой 2 марки, три девки с оплатой по 3 злотых на год каждой и один пастух с оплатой 2 марки в год. Сверх этого возможно, челядь получала продуктовый паек и основную одежду.

В 50-е годы XVI в. в Ратненском стростве был заложен новый фольварк при с. Дубечна, для чего, как отмечает иллюстрация 1565 г., у крестьян забрали четыре дворища²⁸. Фольварк здесь обширный. Он лишь немного меньше «подгородного» по пашне, но скота в нем было больше. Челяди семь человек²⁹.

Доход от скотины на обоих фольварках по подсчетам ревизоров составлял 105 злотых, из них должно быть высчитано на оплату челяди 40 злотых 24 гроша.

Доход от зерна на обоих фольварках подсчитан по такому способу: рожь — 785 коп — после пробного обмолота дала с двух коп 1,5 мацы (меры Ратненской), т. е. 588 мац. «За каждую мацу, подобную холмскому корцу»³⁰, платили на рынке по 20 грошей, а разом 392 злотых; пшеница — 20 коп — выход тот же, что и у ржи, по 28 грошей, за мацу, дала 16 злотых; ячмень — 25 коп — давал с 1 копы 1 мацу, по 12 грошей за мацу (10 злотых); овес — 401 копа, выход с 1 копы составлял 1 мацу (считая по 9 грошей за мацу получим 120 злотых); гречиха — 226 коп — выход с 2 коп 1,5 мацы, по 12 грошей за мацу (67 злотых); гороху предвиделось намолотить 63 мацы, что, считая по 20 грошей за мацу, могло дать 58 злотых; просо — 20 коп — должно было дать 10 мац по 20 грошей, всего 7 злотых. Всего предвиделось получить за зерно 671 злотых.

Пятая часть урожая оставлялась на посев³¹. Таким образом, на реализацию могло поступить зерна на сумму 537 злотых³².

Как можно видеть из этого перечня хлебов, больше всего сеялось ржи и овса, меньше — гречихи. По урожайности на первом месте стоят овес и ячмень.

Зная общую сумму собранного зерна — 1270 мац — и то, что на посев шла пятая часть — 254 мацы, — можно приблизительно подсчитать размер фольварочных полей при трехпольной системе, считая, что сеялось 1,5 мацы на гектар (6 пудов овса и 9 пудов ржи, пшеницы и ячменя). Будем иметь около 250 га. Без сомнения, эта цифра приблизительная, но и она дает представление о том, как выросло зерновое хозяйство замка за 50 лет. Если раньше урожая едва хватало на нужды администрации староства, то сейчас это настоящее фольварочное хозяйство, продукция которого широко идет на рынок.

Кроме земледелия и животноводства замковое хозяйство имело еще и другие доходные статьи. Ревизор отмечает, что при богатстве ратнепских лесов здесь могло бы получить широкое развитие замковое бортное хозяйство, чего в действительности не было. Так, с дубечашских бортей получено за год лишь 6 липечень (по 4,5 ведра) меда. Что же касается бортей в иных пущах, то ревизор не мог этого толком выяснить. Можно думать, что замковые чиновники утаивали их от скарба в свою пользу. Замку принадлежали мельницы и корчмы. Как правило, они сдавались в аренду. Небольшие мельницы арендовали сельские общины за 10—12 злотых в

²⁸ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 290.

²⁹ Там же, стр. 318.

³⁰ Там же, стр. 319, Холмский корец весил в зависимости от зерна 70—100 кг (4—6 пуд.).

³¹ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 320.

³² Там же

год. Крупные же мельницы эксплуатировал сам староста за мерчук. Замку принадлежало также много лугов, на которых собиралось более 350 стогов сена. Из них около 200 уходило на потребности фольварочного животноводства, остальное же продавалось по 20 грошей за малый и по 30 за большой стог.

Всего доходу со староства (в том числе от крестьянских податей и повинностей в переводе на деньги) ревизоры насчитали 3204 злотых 23 гроша. За 50 лет доходы староства выросли почти в пять раз. В действительности же они были больше, ибо не учитывались товары лесного производства.

Правда, стоимость злота за это же время упала почти вдвое и все же доходы староства выросли значительно. Следовательно, эксплуатация крестьян усилилась.

Удельный вес доходов от земледелия и скотоводства (600 злотых) в общей сумме доходов староства составлял немногим менее пятой доли, с учетом же доходов от лесных товаров их доля снижалась до 0,1. Однако по мере дальнейшего истребления лесов прямые и косвенные доходы от лесного хозяйства продолжали падать, а вместо него расширялось сельское хозяйство, в том числе земледелие, росли доходы от него. Доходы от лесного хозяйства имели решающий характер и давались они администрации староства сравнительно легче, чем от фольварочного хозяйства, а потому, можно думать, развитие земледелия во второй половине XVI в. еще не носило бурного характера.

Перейдем к рассмотрению повинностей и податей. Их можно условно поделить на побор или чинш, который взимался с населения лишь деньгами, всевозможные дани, поступающие в основном натурой, и, наконец, разнообразные отработочные повинности.

Чинш, или как его по-старому иногда называют ревизоры, побор, взимался с каждого дворника или лана и лишь в отдельных случаях (села Дубечна и Самаровичи) с каждого самостоятельного хозяйства. Делился он на старый и новый. Последний, как отдельный чинш, взимался очень редко (с. Здомысль). Иногда эти два чинша объединялись (с. Датиш). Обыкновенно же брался один, старый чинш.

Как было сказано выше, платило чинш каждое дворнище индивидуально, но, изредка случалось, что его вносила община. Так, с. Глухе за свои 20 дворниц заплатило сообща 211 грошей. Так же редко случалось, когда чинш уплачивался дворником и дополнительно общиной. В с. Сынов с 26 ланов платили по 30 грошей с каждого, да еще и общиной 160 грошей.

Размер чинша чаще всего составлял около 20 грошей с дворника, но, возможно, в зависимости от размера дворника, его почвы или иных повинностей чинш в одном и том же селе иногда был разный. Так, в с. Залесье чинш колебался от 20 до 40, в с. Дубечна — от 30 до 60, а в с. Ветлы — от 13 до 23 грошей, с дворника.

Другую, и к тому же весьма разнообразную группу податей и повинностей, составляли разного рода дани (яйца, куры, масло, сыр, ястребы, червец, хмель, белки, бобровицы, певодвицы и т. д.). В этот период они утратили свое первоначальное старинное значение и были заменены деньгами. Имели тенденцию к увеличению дани медом, сеном, льном, хлебом. Перечисленные мелкие дани вместе с медовой, как уже указывалось, были здесь в старые времена основными повинностями и шли они на непосредственное покрытие потребностей феодалов. Но эти времена уходили в прошлое. Развитие товарно-денежных отношений, а также развитие собственного дворового хозяйства сделали куда более удобным для феодала получение повинностей деньгами, чем натурой.

Иные дани отходили в прошлое за ненадобностью (ястреб — для охоты, червец — для крашения) или ввиду угасания промысла. Казалось бы, что при таких обстоятельствах должны были исчезнуть и сами подати, однако феодалы считали для себя полезным задержать эти дани, но не в виде натуре, а в их денежном эквиваленте. Таким образом, они приобретали характер еще одного чинша.

Бобровничье и «за бобровничье» платили общины восьми сел весьма разное: 9, 38, 54 гроша, а иногда давали медом — 0,5—3 липечны. Давали хмель по одной ручке с дворища (или по 1 грошу) в трех селах, а «по четыре сажени пряжи на невод» в одном селе (Повечье).

Лен давали 10 сел, как правило, по 10 горстей (или 1 грош), но иногда и по 30 с дворища. Села Ветельской волости давали еще и по одному пучку лыка. То и другое шло на тепета и капканы. Все вместе эти повинности составляли 8 грошей. Параллельно со старинным полюдьем в XVI в. все больше стабилизируется новая подать — стация. Ее полагалось давать в натуре, когда в село приезжала королевская администрация. Теперь эту подать требовали с сел регулярно — раз в три года, независимо от того, приезжала администрация или нет. Стация выполнялась общиной. На год она составляла 50—60 грошей с села, но в четырех селах (Тур, Щедрогиц, Повиче, Радостав) доходила до 168 грошей. В среднем это ложилось на дворище в размере 2—4 гроша. Все села, за исключением сел Ветельской волости и тех сел, которые ходили на барщину, давали сено по 10 возов (редко по пять) с дворища. Воз сена оценивался в 1 грош.

Основными и наиболее тяжелыми даями были медовая и хлебная. Удельный вес первой падал, а другой, в связи с развитием земледелия, возрастал.

Хлебная дань взималась овсом, как правило, в размере двух колод с дворища (замковая мера). В некоторых селах (Глухе, Дубечна и Велюнче) дань овсом в размере двух до четырех колод вносилась общиной. От нее, как и от сена, освобождались те села, которые ходили на барщину (таких было шесть). Замковая колода (она была меньше торговой) овса оценивалась в 16 грошей³³ и ложилась на дворище в тех случаях, когда взималась с него в размере 32 грошей. Овсяная дань за 50 лет удвоилась. Из 13 сел, которые давали овсяную дань, в девяти сверх того «по старому обычаю осенью дают рожь на посев по определенной мере»³⁴. В ряде сел эта мера разложена на каждое дворище (Залесье, Тур и др.), а в других причитающуюся рожь вносили общины (с. Ветлы и др.). Там, где брали рожь с дворища, ее взимали чаще всего в размере 2—3 липечень, т. е. на сумму — 4—6 грошей. Эта подать подобна «поколодному», отмененному краспо-ставскими постановлениями 1477 г.

Куда сложнее, чем с хлебной данью, обстоит дело с медовой. Как и раньше, она была двух видов: «а зовут одну дань осенней, а другую полюдьем» (с. Кортилесы). Медовую дань не давали вовсе села Мелехи (Здомыске), Самаровичи, Глухе, Датиин и Кремно, остальные вносили ее поразному. Так, про с. Зампаны записано: «Меду данного с полюдьем» дают от 2 до 7 липечней с дворища. То же в Кортилесах. В селах Заставы, Тур, Велюнче давали того и другого вместе по 2,5—6 липечень с дворища. В с. Залесье — от 2 до 5, в с. Сынов — 2 липечны с лана, в с. Дубечно давали столько же с дворища. В селах Ветельской волости дань медовая больше — от 1 до 5 ведер с дворища, чаще всего 2—3 ведра.

³³ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 280—282 и др.

³⁴ Там же, стр. 316. В одном документе начала XVI в. сказано, что дав рожь, они освобождаются тем самым от работы на замковой пиве.

Сравнение обеих медовых даней по люстрации 1565 г. с таковыми же данными начала XVI в. приводит к мысли, что за 50 лет медовые дани заметно уменьшились. Если в начале XVI в. с дворища в среднем взималось 2,5 ведра, то в 1565 г. 2—3 липечны, т. е. в три-четыре раза меньше. Видно, истребление лесов на ванчос и особенно на золу отражалось отрицательно на пчеловодстве. Некоторые села уже совершенно не могли давать мед.

Данные люстрации 1565 г. показывают, что кроме медовой дани и полюдья (мед липовый) взималось еще какое-то полюдье деньгами. Его можно встретить не только в тех селах, которые вовсе не давали меда, но и в тех, которые давали полюдье медом. Так, в Замшаны «меду данного с полюдьем» давали по 2—7 липечень с дворища, и в то же время община этого села платила еще и «полюдье» деньгами — 2 злотых. Полюдье деньгами видим в селах Заставы, Велюче, Кортилеса, Заречье. Не встречаем его в селах Ветельской волости. Некоторый свет на это полюдье деньгами проливают записи люстрации по селам Глухе, Велюче и Кортилеса, а именно: «Полюдье или поклон». Однако в с. Заставы община вносила 12 грошей поклона и 48 грошей полюдья, а в с. Заречье полюдье — 2 злотых, а поклону — 8 грошей. Можно думать, что здесь люстратор напутал в терминах. Возле с. Ветлы он записал: «Общиной поклон уряднику, который два раза собирал мед», т. е. это то же самое, что взималось в начале XVI в. под названием «поданье». Люстратор этот сбор на пользу администрации в том случае, когда он собирался с медом-полюдье, назвал «полюдье», а в том случае, когда он собирался с медом-дань, назвал «поклон». В некоторых случаях он их объединял.

Легко заметить, что если хлебная дань уже с середины XVI в. приобрела характер поземельной повинности, которая взималась почти пропорционально размеру падела, то медовая все больше приобретала характер дани с промысла. Села, которые не были расположены под бором, вовсе ее не давали, хотя земли могли иметь столько же, как и те, что были расположены около леса. В то же время хлебную дань давали все села, независимо от места своего расположения. Освобождались от нее лишь барщинные села.

Отработочные повинности были усложнены еще более, чем дани натурой. С одной стороны, сохранились старинные отработочные повинности государственного характера, с другой, — возникли новые повинности, чисто частновладельческие, фольварочные. Одной из старейших повинностей была «замок рубати» и «паправляти». Сейчас эту работу выполняло лишь одно село Датин, сидевшее уже на ланах. Датинцы обязаны с каждого лана заготовить, вытесать и привезти два дерева для ремонта замка. Это же село выполняло и другую старинную повинность — чинило дороги, плотину, возило муку с мельницы в замок, ходило на облавы на зверя и, наконец, давало подводу до Холма. Крестьяне Дубечной изготавливали гонту для покрытия замка и для его же потребностей возили глину. Все эти повинности, в том числе и подвода до центрального города Холма, носили характер обслуживания административных и оборонных нужд замка, его управления.

Ходить на облаву (на «ostup»), на охоту было повинностью еще княжих времен. По Ратненскому староству ее выполняли несколько сел: Датин, Залисса, Сынив, Дубечно, Тур и Кортилисы, независимо от того, были они обязаны барщиной или нет. Об этой повинности в люстраций 1565 г. читаем около с. Кортилисы: «Ходят на оступ, т. е. с сетями на зверя»³⁵. В другом месте люстрации снова читаем, что кто в ловы не ходит,

³⁵ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 299.

тот дает 15 грошей. Имеется упоминание о том, что в ловы с сетями ходили не только на зверя, но и на рыбу (зимой) и к тому же еще с волами. Очевидно, потому так и велик был выкуп за невыход на ловлю. Охота с сетями и капканами падала — это было следствием уничтожения лесов. Достойно внимания, что доходы от охоты даже не учтены в приходах староства и числились среди случайных доходов, а в то же время ловы достаточно были тяжелыми для населения. Как видно из люстрации, замок очень охотно брал за эту повинность выкуп.

Старинной повинностью была стража на замке — сторожевищина. Со временем сторожей начали использовать как дежурных, а позже пользовались ими и для охраны скота на фольварке. В Ратненском старостве эту повинность несли в очередь четыре села. Однако администрация замка нашла более целесообразным и выгодным взимать по 6 грошей с дворища в этих селах и на них нанять постоянных сторожей. Таким образом, в середине XVI в. эта повинность выполнялась уже не натурой, а деньгами.

Кметы издавна обязаны были повозом, т. е. ходили в подводу по требованию князя. Выше были приведены примеры выполнения этой повинности (возить муку, глину и т. п.). Но развитие фольварочного хозяйства весьма увеличило спрос на повоз. Нужно было возить хлеб в лес к сплаву, на торги и т. п. В люстрации 1565 г. записано: «Люди Ветельской волости обязаны ездить до Люблина с чем и когда скажут». Если дворище, на которое падала очередь, хотело выкупить эту повинность, то оно должно было просить об этом наместника старосты³⁶.

Остается еще одна повинность работой — барщина. Как мы видели, прежняя скромная замковая запашка преобразилась в два обширных фольварка, размером, примерно, в 250 га. Кроме этого, были еще большие сенокосы. Все это требовало рабочих рук. Для обработки указанной площади требовалось около 6—7 тыс. рабочих дней. В люстрации барщинными именуются крестьяне шести сел. Однако крестьяне с. Датына были обременены большим количеством иных, не фольварочных работ, а потому, возможно, на барщину не ходили. В Щедрогощи барщинными считались 18 дворищ, остальные — чиншевыми. Таким образом, для работы оставались: в с. Самаровичи — 66 дворов, Кремно — 29 дворищ, Сынив — 26 ланов, Кортисесы — 21 дворище и Щедрогощи — 18 дворищ, а всего 160 ланов-дворов-дворищ. Это дает на одну учетную единицу около одного дня в неделю. Для того времени это еще не много. Кроме того, этот подсчет приближен. Напомним еще раз, что барщинные села, тяглые были, как правило, свободны от выполнения повинностей сеном, овсом, рожью, стадами, яд.

Из иных податей и повинностей можно назвать еще мелкие и случайные: куничное, «когда девка выходит замуж к другому пану», тогда тот, кто ее берет, дает 12 грошей, а когда вдова выходит замуж — 30 грошей³⁷; при разводе мужа с женой, или наоборот, они являлись перед замковым урядом и инициатор развода давал 4 марки, а второй «secundum posse»³⁸.

Местное население считалось уже закрепощенным и право на выход имели лишь пришлые элементы. Люстрация об этом говорит совершенно точно: «Выходное, т. е. когда какой-либо человек, пришедший из Велико-го княжества Литовского, и осевший в каком-нибудь селе на дворище или на загороде, и, проживши несколько лет, если ему не понравится, захочет уйти, то его вольно отпустить, но при условии, что он даст выходного 2 марки, или меньше, в зависимости от его возможностей и просьбы»³⁹.

³⁶ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 311.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 312.

³⁹ Там же.

Совершенно закономерным является желание хотя бы приблизительно уяснить размер крестьянских повинностей. Попробуем сделать это для сел чиншевых. Для тяглых сделать это труднее, так как мы не знаем размера компенсаций за рабочий день.

Первые: чинш — 20, мелкие дапи — 8, стация — 3, сено — 10, дань овсяная — 32, дань рожью — 5, дань медовая — 54, ловы — 14, возовое — 40 грошей. Всего 187 грошей с дворища. Эту цифру нужно считать немного преувеличенной, ибо не все чиншевые села давали дань медовую или ходили в ловы, а возовое давали села лишь Ветельской волости. Более близкой к истине будет цифра 140—150 грошей с дворища. Это примерно вдвое больше, чем было 50 лет назад, но и золотый за это время упал вдвое; и более-менее соответствует обложению крестьян по «волочной уставе» 1557 г. в соседних волостях Великого княжества Литовского с волоки, которую ориентировочно считаем вдвое меньшей дворища.

Люстрация, хотя и очень скупо, проливает свет на обеспечение рабочим скотом крестьянского хозяйства. К сожалению, эти данные относятся лишь к нескольким селам, где брали от пары волов по 1 грошу. Так, в с. Зампани (11 дворов) было 29 пар волов, в с. Застави (12 дворов) — 32 пары, в с. Залесье (20 дворов) — 30,5 пар, в с. Тур (30 дворов) — 40 пар, в с. Кортылисы (21 двор) — 80 пар, в с. Заречье (4 двора) — 32 пары, в с. Ветлы (32 двора) — 50 пар, в с. Щедрогощ (18 тяглых дворов) — 50 пар, в с. Повиче (20 дворов) — 80 пар. На дворище в среднем падало 2,5 пары, т. е. пять волов. Достаточно это или нет, сказать трудно, поскольку неизвестно как много пашни было в угодьях дворища. На волоку пашни (21,36 га) считалось достаточным иметь четыре вола.

Несколько особое положение в системе сел Ратненского староства занимало с. Мелехы (Здомысль). В нем было семь дворищ, на которых жили «служки», т. е. крестьяне, которые за свой надел выполняли главным образом курьерскую, реже полицейскую функцию. Во время войны их могли призвать под старостинские хоругви. В соседней Белоруссии «устава на волоки» 1557 г. отводила им за их службу по две волоки. В те годы, когда их не привлекали к выполнению служебных обязанностей, они уплачивали за свой надел «голый» чинш. В люстрации Ратненского староства относительно служек записано, что они дают «чиншу старого» 60 грошей и «чиншу нового» — 60 грошей и «выполняют замковую службу, что и когда им скажут»⁴⁰. И только против одного дворища записано: «Только конем служат»⁴¹. Это значит, что скаруб в погоне за доходами оставил на службе лишь одно дворище, а остальные перевел на чинш, не отказываясь все же от эпизодического использования их для выполнения отдельных поручений.

Инвентарь 1512 г. и люстрация 1565 г. дали нам возможность установить хозяйственную эволюцию Ратненского староства, а вместе с тем и изменения в положении населения, более того, тенденцию этих изменений в дальнейшем.

В то время, как некоторые села в начале XVI в. сидели исключительно на денежной ренте, а во многих селах она была превалирующей при незначительной отработочной ренте, то через 60 лет на денежной ренте осталось одно село служек, остальные сидели на смешанной ренте, причем для нескольких сел рента работой становится основной.

⁴⁰ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 276.

⁴¹ Там же.

СТАРОСТВО ЛЮБОМЛЬСКОЕ

Староство Любомльское лежало рядом с Ратненским, на юго-запад от него. Естественно-географические условия были почти те же, что и в Ратненском. Однако болот здесь было меньше и земля несколько лучше. Как сообщает люстратор в 1564 г., леса здесь хороши и их достаточно. Леса здесь разрабатываются в значительной мере и на золу, и на доску. Староство имеет обширные луга по рекам Западному Бугу, Припяти и их притокам. В старостве много рыбных озер: 21 крупное и 12 малых. Неудивительно, что рыболовством здесь занимались почти в каждом селе.

Любомльское староство в XVI в. имело несколько более выгодное географическое положение. Если главная водная артерия Ратненского староства р. Припять в XVI в. вывозила его продукцию в направлении Полесья, полупустынных степей и Черного моря, где для нее не было потребителя, то Любомльское староство прилегал к Западному Бугу, который в это время уже был важным водным путем к Гдапську. Это заметно отразилось на развитии фольварочного и вообще панского хозяйства.

Любомльскому староству принадлежали г. Любомль с замком и 25 сел. Правда, на время люстрации 1564 г. девять сел были отданы в держание бывшему старосте Мацевскому и к замку тянуло лишь 16 сел.

Г. Любомлю принадлежало 13,5 лапов, за которые мещане платили замку по 24 гроша в год с каждого. Владели землей мещане разпо, от лапа до 2 прутов⁴². Здесь было еще 2 лапа на войтовство и 2 лапа — на плебана. Кроме того, городу принадлежало повоработанных 28 полуланков и 2 обшара. Из них 5 полуланков и 1 обшар скарб забрал у мещан для любомльского фольварка, а за остальные мещане платили чинш по 10 грошей за лап. Городу принадлежало еще 5 лапов в урочище Белый Бобр, но их у города забрала и отдала новооснованному с. Скибы. 5 городских лапов держали крестьяне соседнего с. Заполья, а в то же время мещане арендовали лапы у замка в соседнем урочище Монастырь. Земель, видимо, у города было достаточно, но не все они были выгодно расположены. Скарб мог отводить, менять и даже забирать земли у своего города. Мещане имели огороды как в городе, так и вне его⁴³.

В городе было 20 пекарен, которые давали чинш по 6 грошей за год. Но столько же давали 12 сапожников. Было еще 4 резника.

В Любомльском старостве велось широкое и всестороннее хозяйство. Администрация стремилась как можно шире использовать естественные богатства и рабочую силу населения. Как уже упоминалось выше, здесь было много рыбных озер и рек. Эксплуатация их велась путем аренды. В роли арендаторов выступали мещане, евреи, иногда крестьянские общины. Ловили рыбу большими и малыми неводами, главным образом зимой. Крестьяне за отдельную небольшую плату получали право ловить рыбу малыми сетями и в другие периоды года. Аренда озер давала администрации 350 злотых в год. Другой, еще более доходной статьей были мельницы. Их аренда ежегодно приносила 713 злотых.

Большой доход шел от разработки леса. Люстратор приводит интересные сведения по этому вопросу на основании свидетельств бывшего берестейского войта, который вел разработку леса в 40—50-е годы и в период составления люстрации. За время держания Любомльского староства «графом» (в 40-х годах XVI в.) он выжег 800 лаптов золы и 2 захцика (12 тыс. штук) вапчосу, а также построил 200 комяг⁴⁴, на которых сплавлял

⁴² Лап равен 12 прутам (около 25 га).

⁴³ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 321—322.

⁴⁴ Комяга — крупное речное судно, емкостью в 40—60 лапшт, с командой в 8—12 человек.

товар до Гданьска. Часть изготовленных комяг он продал по 30 злотых за штуку. За время держания староства Мацневским (он был старостой в 50-х годах XVI в.) тот же войт изготовил 6 захциков ванчоса, 4 захцика клежки, 1300 лашт золы. Сверх этого, ежегодно строилось по 30—40 комяг, из которых часть продавалась. В 1563 г. выжжено 60 лашт золы, «сплавлено до Гданьска»⁴⁵ клепок 1,5 тыс. штук и построено 29 комяг, из которых 24 продано по 50 злотых каждая. Люстратор отмечает, что леса благодаря иштеспивной эксплуатации сильно истреблены, но все же есть еще много леса, годного для производства. Привлекает к себе внимание факт широкого строительства комяг. Видно, на них был хороший спрос со стороны тех, кто вел сплав по Западному Бугу и Висле.

В Любомльском старостве широко было развито пчеловодство, бортничество. Упоминается о замковых бортах и бортнике, об охоте на разноного зверя, в том числе на серпу. Одно село даже обязано было ходить зимой в ловы («на оступ»).

Следует упомянуть о некоторых «случайных» доходах. Как и в Ратненском старостве, здесь берется куница (12 грошей) и полотенце за девцу, а за вдову — 30 грошей, «ибо скотину и детей с собой забирает»⁴⁶. О выходном в люстрации сказано: «Если придет человек с *чужой стороны* (курспив мой. — Д. П.) и поселится в селе, но через год или несколько ему здесь не поправится, то отпустить его, однако, взяв с него выходное 2 злотых»⁴⁷. Это еще раз подтверждает мысль о том, что местное население, больше того, все крестьяне Польши считались уже крепостными, ибо вольным крестьянином мыслился лишь пришлый из другого государства человек (практически это означало, из Великого княжества Литовского).

Фольварочное хозяйство развернулось здесь шире, нежели в Ратненском старостве. В Любомльском было пять фольварков: Замковый, Запольский, Косницкий, Шацкий, Римацкий. Самый крупный из них был Замковый. В год люстрации было ввезено на гумно всех фольварков: ржи — 1695 коп, пшеницы — 156 коп, ячменя — 202 копы, овса — 649 коп, гороха — 54 копы, проса — 19 коп, гречки — 78 коп, а всего 2853 копы разноного хлеба. Урожай округленно принимался за «сам 5», однако отдельные хлеба уродились разно. Так, с двух коп ржи намолачивали 1 корец⁴⁸, такой же выход давала гречиха. Хороший умолот давал овес и отличный — ячмень, с 2 коп намолачивали 3 корца. В то же время 5 коп пшеницы выдавали лишь 2 корца, а 3 копы гороха — 1 корец, что было уже совершенно мало. Весь урожай был оценен по местным ценам в 1229 злотых, а после отчисления пятой части на посев, доход от него составил 983 злотых. В каждом фольварке был скот. Всего числилось коров дойных 37, яловых — 19, овец молочных — 110, коз — 32. Доход от дойной коровы псчислен в 48 гр., яловой — 24, овцы — 8, козы — 12 грошей. Всего предвиделось получить дохода от скотоводства 116 злотых, после отчисления на питание челяди лишь 40 злотых, да еще от шерсти 16 злотых.

Среди скота и птицы можно видеть не только принадлежащих двору, но и крестьянам, постунившим сюда в виде стаии. Для досмотра за скотом и птицей на каждом фольварке была наемная челядь: один дворник, одна хозяйка, одна-две девушки и один-два пастуха. Хозяйке, девушкам и пастухам платили по 2 марки (96 грошей), а дворнику — 4 марки. Кроме этого, они получали харчи и одежду.

⁴⁵ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 351.

⁴⁶ Там же, стр. 352.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Корец любомльский, как сообщает люстратор, был емкостью в полтора корца холмских, т. е. около 9 пудов ржи.

В старостве были обширные дворовые сенокосы. По подсчетам ревизора, в 1564 г. было собрано сена: больших скирд — 6, оборогов — 20 и стогов — 75. Для собственного употребления должно было пойти 75 стогов, остальное могло быть продано за 116 злотых.

Все доходы со староства подсчитаны ревизорами в сумме 4547 злотых, не считая доходов от лесного производства, комяг, лесного зверя, замковых бортей и других случайных доходов.

Доходы от фольварочного хозяйства (пахоть, домашний скот, сенокосы) составляли около 25% от всех доходов, а с учетом доходов от лесного товару — еще меньше.

В старостве широкое развитие имело фольварочное хозяйство. Это понятно. Выгодные транспортные условия и уменьшение эксплуатации леса направили внимание администрации на развитие здесь фольварочного хозяйства. Это и определяло аграрную политику феодала по отношению к крестьянам. Усилилась эксплуатация крестьян главным образом за счет увеличения отработочной ренты.

Если раньше крестьяне обязывались выполнять работы в основном лишь по замку, по лову и давать подводы, то теперь ко всему этому прибавились работы на фольварке. Тот факт, что здесь было пять фольварков на 16 сел (из них одно еще было на «свободах»), говорит о том, что барщинными работами были обложены почти все села. Так и было в действительности.

Как уже упоминалось вначале, у г. Любомли были взяты разработанные мещанами пять поллапков и один общар и присоединены к землям любомльского фольварка.

Чтобы обслуживать этот фольварк, было организовано новое с. Скибы, а «то для того, — поясняет люстратор, что возле фольварка не было ни одного села для его потребностей»⁴⁹. Для нового села нужна была земля. Скарб забрал у города пять ланов в урочище Белый Бобр и в другом месте еще восемь ланов. Чтобы заманить крестьян на новое место, да еще и на барщину, с. Скибы были отведены, как свидетельствует люстратор, хорошие земли и разрешено разрабатывать новые земли из-под кустарника (и это они делали). На время ревизии село имело 10 хозяйств и сидело на «свободе», ибо еще строилось. Из люстрации этого староства за 1570 г. узнаем, что шестеро крестьян, «высидевши волю, ушли прочь»⁵⁰. Видимо, барщинные повинности были не из легких.

Все другие села, за исключением с. Берестцы и половины с. Кремпо (другая принадлежала Ратненскому староству), были барщинные.

В Любомльском старостве села сидели различно — одни по-старому на дворницах, другие уже на ланах. Обеспечение крестьян землей в 1564 г. было разное. Превалируют хозяйства на полланах или около того (Завалля, Ягодин, Берестяны), или на поддворницах (Любохин, Нудиче, Шацке, Свितязь). Однако есть села, в которых хозяйства имели по лану (Скибы), или по целому дворницу (Заполье, Косище, Головно, возможно, Вышнив). Это не значит, что в этих селах не было хозяйств на долях лана, дворница. Были. Люстратор не раз отмечает как в этих, так и в других селах: «сидят разное»⁵¹.

Кроме кметов, в селах староства было много хозяйств загородников. Мы находим их в 10 селах. В некоторых из них (Ягодин, Заполье, Головно) помногу — 11—18. Повинности их различные. Кроме чинша от 6 до 12 грошей, они выполняют еще и работы. Сколько работают и где — это

⁴⁹ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 324.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, стр. 337, 342.

конкретно не указано. Исключение составляет с. Заполье (здесь загород было 18 на чинше в 10 грошей), возле которого люстратор записал: «Загородники два дня мешо в неделю роблять»⁵². Можно думать, что так работали и другие. По крайней мере так работали все огородники, получившие согласно «Уставу на волоки» небольшие полевые паделы в соседних старостах Великого княжества Литовского — Брестском, Кобринском и Пинском. Сам факт, что загородники выполняли барщину, может служить доказательством того, что они имели, кроме загоры, еще землю и в поле, ибо обычно с самого огорода платили лишь чинш.

Кроме загородников в старостве в четырех селах встречаем еще и коморников, — 12 человек, которые платили однообразный чинш по 3 гроша за год. Половина их жила в с. Коснице, а двое в с. Головно, где кметы сидели на целых дворицах. Здесь они, наверное, служили в паймах у зажиточных или малосемейных хозяев.

В старостве жила еще одна категория крестьян — слуги. В с. Завалье жил на одном лане бортник, который присматривал замковые борти. Там же на 0,5 лана сидел еще один крестьянин на «замковой службе».

Однако больше всего было бояр (только в одном с. Вышних десяти). О них люстратор коротко записал, что они «имеют достаточно земли и бортей, но никаких податей не дают, только сидят на замковой службе»⁵³, т.е. конем или повозкой выполняют курьерскую службу. Эту функцию они выполняли и в 1570 г. Было еще четверо бояр при с. Заполье, но они платили чинш по 2 злотых каждый, а трое бояр с. Головно давали меду 2,5 ведра разом. Выполняли ли они еще и службу конем — не известно, можно думать, что те, которые давали мед, выполняли и службу. В люстрации 1570 г. про бояр с. Головно сказано, что их семь дворищ и что они все на службе замковой, поэтому чиншу никакого они не дают, а лишь трое дают мед⁵⁴. Что же касается четырех бояр при с. Заполье, то люстратор 1570 г. пишет, что теперь из них остался лишь один, да и тот чиншу не дает, ибо «служит замку конем — ездить, куда ему прикажут»⁵⁵.

Что касается крестьянских повинностей, то основною были разные работы на замок, фольварк, или там и там. В этом отношении привлекает к себе внимание с. Ягодин. В 1564 г. на 8 ланах этого села сидело 16 хозяев, каждый из них имел по 0,5 лана, с которого и выполнял такие повинности: давали чиншу по 24 гроша, овса 2 корца, 1 куру, 10 яиц и 2 гроша за сыр и масло. Работа их состояла в том, что они по очереди ездили до Холма, Люблина и Краснопастава, возили «муку с мельниц куда скажут», из Рымацкого фольварка возили рожь до Западного Буга и сверх того каждый хозяин изготовлял каждый год 10 новых бочек (для перевозки на комягах золы, муки или зерна).

По-видимому, эти повинности были не из легких, так как люстратор 1570 г. записал, что из 16 шесть «розбежалось прочь».

Такой протест ягодиновцев принудил администрацию сделать выводы. Люстратор 1570 г. уведомляет, что чинш и овес с них раньше брали без учета их работ, «сейчас же это с них снято и уменьшено на половину» (чинш — 12 грошей, а овса один корец), учитывая их работу на фольварке.

Повинности крестьян Завалья с целого лана были ровно вдвое больше повинностей ягодиновцев. Можно думать, что работу выполняли ту же самую, ибо сидели на полланках.

⁵² АЗР, ч. VII, т. II, стр. 332.

⁵³ Там же, стр. 346.

⁵⁴ «Жерела», т. VII, стр. 33.

⁵⁵ Там же, стр. 35.

Крестьяне Берестян платили с лана 60 грошей, но не давали 4 корца овса, стоимость которого составляла 60 грошей и, видимо, не ходили на барщину. Это село (как и другие, сидевшие на ланах) имело войта, державшего два лана, за что он был обязан ходить на войну.

В иных случаях отработочные повинности указаны лишь в общих чертах и сравнивать их, тем более когда они выполнялись с дворища, размер которого мы точно не знаем, трудно. Так, о крестьянах с. Рымачей, дававших 6 грошей чипша с «обшара» и ничего больше, люстратор записал: «Работают плугом и собой, когда им скажут», а относительно крестьян Любохина, сидевших преимущественно на полдворищах, в люстрации сказано: «Обязаны пахать на любомльский фольварк»⁵⁶. Вот и все. Некоторый свет на эту скупую формулу проливают отработочные повинности крестьян с. Нудика, которые были на таком же землеобеспечении и абсолютно на таких же других повинностях. О них люстратор записал: «...обязаны на замковом (любомльском) фольварке работать 9 дней в году, что им скажут. Деревя по пять возов в год к замку привезти. Повинны в ловы, и сенокосы (замковые, приписанные к ним для уборки) убрать»⁵⁷. К слову, это единственное село, обязанное «ходить в ловы», тогда как в Ратненском старостве это было повинностью всех. Видно, ловить было нечего. За освобождение нудикан от указанных выше работ администрация взимала 30 грошей⁵⁸.

На таких же повинностях (не ходили лишь в ловы) было и с. Полапы и почти на таких — Головно. Правда, здесь пахали шесть дней и в ловы не ходили, зато строили комяги.

Подобные повинности, но несколько более тяжелые, выполняли крестьяне Заполья и Косниц, возле которых были свои фольварки. Хозяйства в этих селах располагались на целых дворищах (дворища, по-видимому, были перемерены и одинаковы, ибо с каждого шли одинаковые повинности.) Их (косницан) повинностью было «... на своем фольварке пашню обработать, засеять панским зерном, урожай собрать, отвезти на гумно, обмолотить и до комяг отвезти». Запольяне не молотили и зерно до комяг не возили, а лишь муку со своих мельниц до замка. Кроме того, запольяне еще возили дерево (наверное, по пять возов) в замок, а косницане — убрали сенокосы. Повинности косницан, по-видимому, считались тяжелее повинностей запольян (или земли их были хуже), ибо они давали по одному корцу овса с дворища, тогда как запольяне — по четыре, что составляло разницу в 45 грошей.

Косницкий фольварк был больше (собрано 512 коп зерна) Запольского (собрано 370 коп зерна), да и расстояние от Косниц до Западного Буга (около 35 км) было в шесть раз больше, чем от Заполья до замка. Косницан было 46 дворищ, а запольцев 20. Указанная выше работа могла забирать у каждого двора около 45—75 дней в год.

Крестьяне сел Свитязь и Шацкое за то, что были освобождены от работы на замок, до которого им было 40 км, платили по 2 злотых и убрали сено. Другие крестьяне с. Свитязь, не несшие отработочные повинности на замок, работали на Шацком фольварке по два дня в неделю⁵⁹.

Совершенно ясно также указаны повинности работой крестьян Вишнева, что сидели на «обшарах». Кроме тех повинностей, какие они давали в таком же размере, как и крестьяне Любохина и Нидыж, они «работают

⁵⁶ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 329.

⁵⁷ Там же, стр. 331.

⁵⁸ Там же, стр. 330.

⁵⁹ Там же, стр. 344.

четыре дня в неделю что скажут»⁶⁰. Это наводит на мысль, что вишне-ские общары были значительно больше нудижских дворниц. Возможно, и рымачивцы, сидевшие тоже на общарах и имевшие свой фольварк, работали в сумме по столько же.

Нужно сказать, что для того времени барщина в четыре дня была очень велика и необычна. В Белоруссии в то время работали два дня с волоки (21,3 га), а в Польше — два-три дня с лапа и лишь в конце столетия работали четыре дня с лапа.

Это свидетельствует о том, что фольварочное хозяйство на Побужье не отставало от передовых фольварочных районов Польши. Это могут подтвердить и размеры барщины в тех селах, которые были в державе папа Мациевского.

Землю здесь у крестьян-слуг (сокольников) на хозяйственные нужды забирают даже тогда, когда они на нее имели королевский лист (с. Царин). Таких крестьян-бояр переводят со службы в тяглые (с. Новоселки). Крестьяне Олеська ходят на барщину три дня в неделю с дворца⁶¹. Крестьяне с. Мосур выкупили свои повинности работой за 70 грошей.

Повинности при других селах указаны не четко, но, по-видимому, и там они не были легкими, иначе бы крестьяне не убегали. Люстратор против графы с. Стакор записал: «... там лежит 11 дворниц пустых, из которых недавно люди поразбежались»⁶².

Другие повинности в селах Любомльского староства были в основном те же, что и в Ратненском. Села, сидевшие на лапах, имели меньшее количество повинностей, чем те, что сидели на дворцах. Из старых повинностей здесь сохранились мелкие: куры, яйца и «за сыр и масло». Овса давали 4 корца с лапа (на сумму 60 грошей), а чиншу около 40 гр. остальное — повинности работой.

Все повинности с лапа составляли в деньгах около 5—6 злотых (польских). Это было немного больше того, что в то время взимали с волочного хозяйства (97 грошей литовских, т. е. 4 злотых польских на «средних» землях) в соседних королевских столовых экономиях — Берестейской и Кобринской. Не надо забывать, что и лап был несколько больше волоки.

Села на дворцах давали овес в том же размере, что и на лапах — с целого 4 корца, а с части — соответственно меньше. Чинш был в два-три раза меньше, за сыр и масло ничего не давали. Сверх того села на дворцах всей общиной давали стацію — яловку и кабана (на сумму 108 грошей) и за пользование выпасами 4 корца (на сумму 60 грошей) спасного овса. Кто имел овец, давали двадцатого барана (или 12 грошей) или ягненка (6 грошей), а те, кто имели борти, давали мед в зависимости от их количества и один грош поданого (поклону).

В Любомльском старостве дань медовая бралась не с падела, а с бортного промысла. Здесь обычно встречаем формулу: «Меду данного от бортников приходит в год»⁶³. Причем мед поступал в различных дозах независимо от того, что дающие его сидели на одинаковых паделах — дворцах (Заполье, Коснице), тогда как овес они давали одинаково. В других случаях также дань медовая и дань овсяная не пропорциональны. Одни дают овес и не дают мед, а рядом с такого ж падела дают и то и другое.

По тому, сколько с села платили двадцатины, можно представить, сколько было овец в селе. Меньше всего в селах Нудижке и Заполье, где

⁶⁰ АЗР, ч. VII, т. II, стр. 346.

⁶¹ Там же, стр. 362.

⁶² Там же, стр. 360.

⁶³ Там же, стр. 341.

приходилось на хозяйство по четыре овцы, тогда как в с. Головино было по 35, а в с. Полапы по 30 овец на хозяйство. Нужно сказать, что в люстрации 1570 г. эта подать фигурирует редко и в небольшом количестве, ибо, как мотивирует ревизор, «овцы повыдохли»⁶⁴.

Староство в целом заселено хорошо. Пустые земли случаются, но не часто. То же самое нужно сказать и про обедневшие дворы. Администрация приглашает поселенцев и на первые годы дает им льготы — свободы. Обедневшие хозяйства, чтобы они окрепли, освобождались временно от чинша, или наоборот все повинности переводились на деньги, к тому же еще и уменьшались.

Администрация поощряет разработки новых земельных участков, обкладывает такие земли пониженными повинностями.

По Любомльскому староству сохранилась люстрация за 1570 г., в которой нашли отражения изменения, происшедшие за этот короткий срок. Всюду видна тенденция к дальнейшему расширению фольварочного хозяйства. Так, возле с. Полапы люстратор записал: «есть там двориче пустое, но оно присоединено к фольварку». Подобная пометка встречается против графы с. Нудиж. Это видно также по количеству зерна, собранного на фольварках. В 1570 г. собрано 4486 коп на сумму 1750 злотых⁶⁵ против 2853 коп на сумму 1229 злотых в 1564 г. Рост шел за счет ржи и, особенно, пшеницы и ячменя, а также гречки, т. е. культур, хорошо оплачиваемых на рынке, и цены на которые поднялись.

Увеличение количества коп на фольварках произошло только в результате расширения пашни, а не за счет увеличения урожайности. Выход зерна с коп как озимого, так и ярового в 1570 г. был ниже, чем в 1564 г.

Стоимость фольварочной продукции выросла за счет повышения цен на зерно: пшеница с 40 до 50, ячменя — с 18 до 26, гороха — с 36 до 50, гречки — с 16 до 24, а проса — с 30 до 50 грошей за любомльский корец. Рожь и овес сберегли свою цену: рожь — 30, а овес — 15 грошей⁶⁶.

Общий доход староства за шесть лет вырос до 5062 злотых против 4547 в 1564 г., т. е. на 515 злотых. Удельный вес фольварочного хозяйства в общей сумме доходов со староства немного вырос.

Расширение фольварочного хозяйства требовало увеличения количества рабочих рук и усиления эксплуатации. И то и другое довольно ясно видно в люстрации 1570 г. Против графы с. Свитяз читаем, что 41 хозяин этого села раньше выкупал работы по 2 злотых, всего на сумму 82 злотых «но вскоре после ревизии (1564 г.) поставлено их на работу, а потому и эта плата с них исчезла». Подобную запись читаем против графы сел Шацке и Стакор. Отработочная репта усиливается не только для кметов, но и для заградников, и здесь денежные платежи заменяются работой. При графе с. Олеско записано: «Было трое заградников, которые раньше па чинше сидели, теперь они ничего не платят, ибо их перевели па работу»⁶⁷.

На наступление феодальной администрации крестьяне ответили усилением борьбы. Это в первую очередь проявилось в увеличении побегов. Пометки люстратора об этом находим почти всюду. Так, из с. Скибы ушло прочь шесть кметов, что составляло 60% от всех жителей села, из с. Вышних «отошло немало», из с. Полапы отошло восемь (30%), из Любыхин семь (25%), из с. Ягодиш — шесть, из с. Свитяз — два, из с. Руда Кошарска — 10 (40%), из с. Олеска — 12, из с. Высочки — один, из

⁶⁴ «Жерела», т. VII, стр. 31, 39 и др.

⁶⁵ Там же, стр. 42.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

с. Новоселки — один (20%), из с. Комаров убежали даже бояре, из 11 осталось пять, так как их перевели на подводную (возовую) повинность.

Не удивительно, что при таких побегах всюду по селам зарыбили пуштоши. Правда, администрация энергично старалась их заселить. Однако это, видимо, было не легко.

Усиление эксплуатации обострило социальные противоречия. Производственные отношения заметно тормозят развитие производительных сил, однако говорить о кризисе фольварочно-барщинной системы еще рано.

Население Любомльского староства в это время, как и Ратненского, было украинское и принадлежало к православной церкви. Священников люстраторы именуют «русскими попами». В Любомльском старостве в 1589 г. было десять православных приходов ⁶⁸.

ХОЛМСКОЕ СТАРОСТВО

Холмское староство лежало на юго-запад от Любомльского, за Бугом. Имеется его люстрация за 1564 г. ⁶⁹. В состав староства входили г. Холм и 31 село. Села были расположены вокруг города, иногда удаляясь от него на 15—30 км.

В г. Холме в это время было около 250 домов, с которых шло по 3 гроша чинша. Было 23 лавки (преимущественно еврейские), 52 пекаря, 21 сапожник, 13 мясников. С лавки платили в год по 15 грошей чинша, а пекари и сапожники — по 8. В городе было 220 коморников, которые платили по 1,5 гроша чинша в год. Обращает на себя внимание масса пекарей, появившихся в наименьшей мере пекли хлеб для горожан, а главным образом готовили булочно-кондитерские изделия для продажи на базаре. Наличие массы коморников говорит о том, что здесь было много людей в услужении: подмастерья, ученики, слуги и т. п.

Городу принадлежало 14,25 лана земли. С каждого из них причиталось скарбу 12 грошей чинша на год. Держали их мещане от 1/4 до целого лана.

Население староства занималось земледелием и лесными промыслами, главным образом бортничеством. В буковых и дубовых лесах выпасали свиней, за что платили по 0,5 гроша с головы. Ловили и били разного зверя. Население по Бугу делало комяги для сплава зерна и разных товаров, а также ловило рыбу для собственного потребления и для продажи. На территории староства была небольшая разработка железной руды для нужд замка, по главным образом для продажи. В пущах администрация староства имела свои борти — более 100. Замку принадлежало много мельниц, прудов и корчм. Все это сдавалось в аренду. Замок в своих селах имел монопольное право на помол зерна и торговлю спиртными напитками. Изредка сельские общины покупали у замка право свободного помола. Три села с фольварком при них были отданы пану Кревскому в «голое» держание «до живота».

Староство имело семь фольварков, на гумпах которых на Михайлов день лежало 2054 копы ржи, 1376 коп пшеницы, 520 коп ячменя, 1894 копы овса, 80 коп гороху, 60 коп проса, 142 копы гречки. Система обработки почвы, как и в упомянутых староствах, трехпольная.

Пробные обмолоты дали такие результаты: с 2 коп ржи, пшеницы и гороху выходило по одному корцу; 8 коп ячменя давали 5 корцев, 4 копы проса — 3 корца, 6 коп гречки — 4 корца, 1 копа овса — 1 корец, т. е. овес

⁶⁸ «Zrodla dziejowe», t. XVIII, cz. I, Warszawa, 1902, str. 188—190.

⁶⁹ «Жерела», т. III, стр. 41—73.

давал наилучший урожай. Вообще же урожай здесь в этом году много ниже Любомльского.

Ревизоры полагали, что на посев и на питание немногочисленной челяди пойдет примерно 20% урожая, а урожай считался «сам 5». Такой урожай в XVI в. по неунавоженным землям был хорошим. На унавоженных землях пшеница и рожь, а особенно ячмень, в хороший год давали «сам 8—12». Выход с 2 коп ржи или пшеницы 1 корца зерна ⁷⁰ пельзы назвать хорошим. По-видимому, яровое в тот год уродилось лучше.

Цены в Холме на Михайлов день за корец зерна были таковы: рожь — 20, пшеница — 28, ячмень — 13, овес — 10, горох — 24, просо — 20, гречка — 12 грошей ⁷¹.

На шести фольварках имелся скот и птица (как фольварковая, так и полученная от крестьян за разные повинности и подати). Всего было: коров дойных — 63, яловок, коз и овец — 130, телят — 55, старых свиней — 95, коней — 87, жеребят — 17, петухов — 177, куриц — 330, уток — 50, гусей — 250.

Эти цифры красноречиво говорят о том, как сильно отличается данное хозяйство от бывшего, предназначенного для пропитания небольшой замковой администрации.

Для присмотра за скотиной, а также за фольварком, на каждом из них был административный и обслуживающий персонал: урядник или дворник с оплатой 4 марки (в одном случае это был даже шляхтич с оплатой в 10 марок), хозяйка с оплатой в 2 марки или 2 гривны, одна—три девушки по 2 злотых каждой, один—три пастуха — по 2—3 злотых ⁷². Кроме того, они получали питание и одежду.

Среди дворовой челяди совсем не видим полевых работников, как и возчиков. Эту работу выполняли крепостные крестьяне в порядке барщины. Кроме пашни, фольварки имели много сенокосов, с которых накапывали до 40 скирд сена, часть его шла на продажу ⁷³.

Весь доход со староства, не считая случайного, составлял 4083 злотых, из них от фольварочного зерна — 2201, а после посева — 1760 злотых, т. е. около половины всех доходов. Не удивительно, что ревизоры советовали местной администрации и скарбу расширять и далее фольварочное хозяйство.

Каково же было положение крестьян в Холмском старостве? На этот вопрос в известной мере может ответить приводимая ниже таблица ⁷⁴.

Единица обложения не всегда показана (чаще всего встречается дворнице). Крестьяне были двух категорий: кметы и загородники. Последние были не во всех землях, но иногда количество их хозяйств не уступает кметам (Исайчичи, Стовны, Ходец).

В селах Выгнанци, Петрилів и Воля Петрилівская (новоосажденное) кметы сидели на полланках. В остальных селах, можно думать, они сидели на дворищах. Во многих селах люстрация про это говорит прямо (Серебрищи, Руда Нижняя, Исайчичи, Кривая Воля и др.), в других дает лишь число оседлых кметов (Золтанче, Руда Верхняя, Чулчицы и др.). Изредка люстрация дает число дворов-дымов и тут же говорит на чем они сидят. Так, о с. Охожа сказано, что там есть более 60 оседлых кметов,

⁷⁰ Холмских корцев входило 20—21 в гданьский лашт, т. е. он весил 4—6 пудов в зависимости от зерна.

⁷¹ «Жерела», т. II, стр. 98.

⁷² Там же, стр. 65—67.

⁷³ Там же, стр. 67.

⁷⁴ В Холмском старостве колода меду равна 12 ведрам или ручкам, 4 четвертям. Размеры повинностей крестьян были, конечно, более разнообразными, в таблице же показаны типичные, наиболее распространенные в данном селе.

Таблица 1

Села	Кметы						Загородники		
	количество об- лож. единиц	чинш, грош	каплуны, куря, штука	мед, ручек	овес, Корц	барщина	количество за- городников	чинш, грош	каплуны, куря, штука
Золтаничи . . .	17	12	2	—	—	?	5	6	1
Серебрищи . . .	11	24	—	3	—	?	—	—	—
Руда Нижняя . .	17	12	2	2—4	—	Работают	4	13	1
Руда Верхняя . .	17	6	—	1—2	—	»	—	—	—
Исайчи . . .	11	10	—	1—2	—	»	9	6	—
Чулицы . . .	41	3	1	2—4	1	?	8	6	—
Охожа	60	—	—	—	—	Работают	—	—	—
Новоселки . . .	16	12	2	—	4	?	—	—	—
Стовпы	16	12	2	—	4	?	15	3	—
Выгнацы	6	12	—	—	2	?	3	6	—
Кривая Воля . .	13	36	2	—	2	?	6	3	—
Денульичи . . .	2	Ничего не дают, только работают.				—	—	—	—
Вереще	12	Ничего не дают, на волошском праве				—	—	—	—
Блони	14	Ничего не дают, только работают				—	—	—	—
Жмуди }	14	120	—	—	8	Не работают	—	—	—
Дыщив }									
Роздилив }									
Струлив }									
Кривычи }	26					—	1	12	—
Коцив }									
Сидлище	29	8	2	—	—	Работают	3	4	—
Битин	21	10	1	—	—	Работают	2	6	—
Мапошин	24	60	—	—	—	Не работают	—	—	—
Страхослав . . .	14	8	—	—	—	?	—	—	—
Воля	9	12	—	—	—	?	—	—	—
Костин	10	90—120	—	—	—	На волошском праве	—	—	—
Воля	17	60	—	—	—	На волошском праве	—	—	—
Стольно	21	24	1	2	2	Не работают	6	6	—
Ходец	19	12	2	1	—	Работают	26	4	—
Петрылив	15	12	2	1	—	Работают	8	6	—
Воля Петрилив- ская	7	60	2	—	—	Не работают, новоселы	—	—	—

которые «сидят на 7 дворищах, издавна вымеряных»⁷⁵. Про кметов с. Серебрищи сказано, что там есть 11 дворищ, «на которых люди по два и по три сидят разное»⁷⁶. Количество хозяйств кметов в большинстве сел больше, чем показано в люстрации, ибо там часто показано количество дворищ, а не хозяйств. Нигде не сказано, чему равняется дворище.

⁷⁵ «Жерела», т. III, стр. 50.

⁷⁶ Там же, стр. 46.

При таких обстоятельствах установить размеры крестьянских наделов невозможно. Лишь в тех селах, где сидят на поллапках, это ясно. Про с. Выгнанче люстрация пишет прямо: «кметов оседлых на поллапках есть шесть». Так же сказано про крестьян Петриплива и Воли Петриливской.

О размере дворища можно сделать некоторые предположения на основании сравнения повинностей с дворища и с поллана, допуская снова, что с более или менее равных пахотных площадей взимались более или менее одинаковые повинности. Такое допущение для 50-х годов XVI в. вполне возможно. К этому времени старинное, почти индивидуальное обложение дворищ, которое можно было наблюдать на Полесье в конце XV или в начале XVI в., уже миновало. Шляхта провела некоторую рационализацию в деле обложения крестьянских хозяйств, основной чертой которой была известная пропорциональность между размером крестьянского хозяйства и отягощением податями. Лишь размеры барщины не совсем подчинялись этому принципу, ибо шляхта стремилась взимать ее с дыма, семьи.

В этом плане наше внимание могут привлечь два села: Ходец и Петрилив. Повинности крестьян в этих селах совершенно одинаковы, больше того, они даже стацію дают вместе, но у первых повинности взимаются с «обшара», а у других — с поллана. Можно допустить, что «обшары» весьма близки, а возможно и равны полуланкам. А чем был «обшар» по отношению к дворищу? Люстрация упоминает, что в с. Ходец имеется два опустевших дворища, это дает основание думать, что 19 кметей этого села «*osiadlych na obszarzech*» в действительности сидели на дворищах, только неизвестно на целых или на их долях, ставших самостоятельными. Важно все же и то, что размер крестьянского надела в с. Ходец составлял и в таком случае около 15 моргов.

Возьмем другой пример: в с. Выгнанцы кметы сидят на полланах, с таковых несут повинности на сумму 36 грошей, в с. Руда Нижняя кметы сидят на дворищах и с целого дворища тянут повинности на сумму 112 грошей. Это наводит на мысль, что целое дворище в с. Руда Нижняя было значительно больше, чем полуланок. Почти на таких повинностях (несколько более легких) с дворища сидят кметы в селах Исайчихах, Чулчицах и др. Это дает нам основание думать, что если с крестьянских наделов шли одинаковые повинности (кое-где, правда, были отклонения), то это значит, что наделы (дворища или их части) были одинаковы, т. е. они были измерены и унифицированы в целом или долях. Этот унифицированный надел в каждом селе, судя по размеру повинностей, был свой, однако не равный, а лишь больший или меньший по сравнению с наделами в других селах. Люстрация о дворищах с. Охоже выражается совершенно точно «*zdawna wymierzonych*»⁷⁷.

Такими, видно, они были и по другим селам.

Принимая во внимание, что на целых больших дворищах располагались два-три хозяйства, а малые дворища или самостоятельные доли больших составляли около половины лапа, можно допустить, что крестьянские хозяйства чаще всего имели около половины лапа.

Размер пахотной земли как всего села, так и отдельного надела не был постоянной величиной, и есть основание думать, что он был немного больше показанного в люстрации. Крестьяне, где для этого были возможности, осушали болота и корчевали леса. Такая новь нелегально, а то и официально несколько лет не облагалась повинностями. Люстратор о крестьянах с. Охожа пишет, что они выполняют повинности с семи

⁷⁷ «Жерела», т. III, стр. 50.

дворниц, а в то же время земли у них значительно больше, «ибо массу лесов и дубрав покопали». Он даже записал рекомендацию скарбу — земли эти отнять у крестьян, на них заложить фольварк, а их повинности превратить в барщину. О подобном расширении размеров пахотной земли встречаем упоминание и при с. Жмудь: «Пахоти старой имеют достаточно, много накопили новой и еще копают»⁷⁸. Такие упоминания нередко встречаются и возле других сел. Достойно упоминания, что жмудяне на барщину не ходили, они ее выкупали, охочане же сидели на легкой барщине, таким образом они имели возможность направлять свою энергию в сторону поднятия нови.

Основные крестьянские повинности выполнялись с надела. Кроме индивидуальных повинностей, сохранились и повинности с целой общины — станция и, можно сказать с уверенностью, починка мостов и дорог.

Стацию давали лишь отдельные села, иногда даже сообща. Ряд сел не имеют в своих повинностях станции, и пояснений таким исключениям люстрация не дает.

Население сел несло в пользу королевского скарба смешанную ренту. В одних случаях в ней превалировала рента работой, в других — деньгами или натурой. Лишь в нескольких селах была исключительно рента работой. За редким исключением чинш (разного размера) платили все села, то же самое нужно сказать о кашлуне или курице.

Среди сел староства можно наблюдать известную специализацию. Одни села (те, что были «под бором») в своих повинностях имеют медовую дань (две-три ручки), ибо мед высоко ценился⁷⁹. Необходимо заметить, что мед давали все крестьяне, занимавшиеся бортничеством. Люстрация не определяет размер доли крестьянского меда, присваиваемой скарбом. Можно предположить, что скарб забирал у крестьян половину добытого из бортей меда. Бортики давали за надел лишь четверть меда — три ведра.

Другие села, возможно те, что сидели на лучших землях, давали овсяную дань, два—четыре корца с надела, а изредка даже восемь. Принимая во внимание большой размер холмского корца, это составляло урожай с 1—2 моргов. Такую дань могли давать лишь целые дворича.

Большие затруднения возникают при определении отработочных повинностей. Люстрация совсем не упоминает о таких работах, без которых не могло обходиться дворовое хозяйство, как то: подводы, стража, сооружение плотин и т. п. Возможно, они входили составной частью в барщину. За исключением нескольких сел вопрос о барщине, ее размерах неясен. Одно ясно, что те тысячи коп хлеба и десятки скирд сена, о которых шел разговор выше, их необходимо было вырастить, собрать, обмолотить и доставить в речной порт. Можно попробовать, правда, весьма приблизительно определить размер фольварочной пашни. Как мы видели, средняя урожайность принималась за «сам 5». Таким образом, при среднем высеве руками 8 пудов на гектар получим 40 пудов урожая. Всего хлеба на гумне было 4115 корцев (холмской меры), т. е. около 200 гданьских лашт или же около 20—25 тыс. пудов. При урожае «сам 5» такую массу зерна можно было собрать с 500—600 га (озимых и яровых вместе), что должно составить 750—900 га пахотной земли. Примерно такую же цифру получим, если примем расчет землеустроителей XVI в., которые утверждали, что на морге поля сеялся один корец ржи (пшеницы, ячменя, овса и т. п.). Тогда под посевами получим около 800 моргов, а всего при трехпольной

⁷⁸ «Жерела», т. III, стр. 50.

⁷⁹ Четверть меда оценивалась администрацией в 3 гривны (144 гроша), а ручка или ведро в 1 гривну (48 грошей).

системе около 1200 моргов поля, что в переводе на гектары составит около 800—850 га. Для получения урожая в закрома потребуется для работы на 500—600 га около 12—15 тысяч рабочих дней. Фольварки не имели ни своих батраков, ни инвентаря. Правда, на одном из них (Новоселецком) было 87 лошадей, но скорее всего, это были лошади не для полевых работ, а для продажи, для верховой езды или для ссуды-помощи крестьянам. Таким образом, вся работа на полях производилась кметами и загородниками, поскольку последние платили со своих загород небольшой чинши.

В припуще, за исключением трех сел (Вереце, Костин и Воля), сидевших на волошском праве, все остальные были обязаны ходить на барщину. Для большинства сел в люстрации имеются прямые указания на то, что их население ходит на барщину (Руда Нижняя и Верхняя, Исайичи, Охожа, Депульичи, Блони, Роздолов, Струпи, Кривич, Коцив, Битин, Ходец, Петриллв).

Размер барщины в указанных селах не был одинаков. Одни села ничего не платили, а лишь работали за падел ежедневно «пешо» (Блони). В Депульичах тоже ничего не давали, а лишь работали с дворниц, однако не сказано сколько. В иных случаях (с. Руда Нижняя) записано «делают что им скажут»⁸⁰. Но сверх того они (рудничане) давали с дворница еще разную натуру на сумму 160 гр. Выходит, что у них были значительно большие дворница, чем у депульичан (у блоничан они были малы), скорее же всего их барщина носила лишь дополнительный характер. Нескольким иной была повинность работа кметой четырех сел: Раздоллв, Струпи, Кривич, Коцив. Со своих 26 дворниц они ничего не давали, а лишь работали. С каждого дворница они были обязаны шесть дней пахать, четыре дня работать одним человеком на сене и овсе, две недели двумя людьми служить в замке, убирать и ремонтировать замковые конюшни и возить для пужд замка дерево. Это не много, но это не все. Эти 26 дворниц должны были выставить со своим старостой на войну в полной готовности и содержать четыре человека, а это уже было не легко, хотя война была и не каждый год. Можно думать, что эти 26 дворниц некогда были обязаны службой холмскому замку. Позже, за ненужностью их услуг, их обложили повинностями, однако как пережиток (этого в других селах не находим) осталась поставка четырех воинов вместе со старостой на войну. Эту мысль подкрепляет и тот факт, что здесь еще во время люстрации жило четыре «служок», обязанных курьерской службой⁸¹. Во время войны их могли призвать под старостинскую хоругвь.

Несколько иной была барщина охожан. Они с семи дворниц высылали круглый год семь плотников в распоряжение старосты на хозяйских харчах. Делали плотники «что нужно»⁸². Можно думать, что работали плотники далеко не ежедневно. Ревизор, по крайней мере, считал, что за их наделы это было маловато.

Несколько сел (а в других селах отдельно дворница) на барщину не ходили потому, что ее выкупили (Жмудь, Дышлв, Мацошин), или потому, что были новосаженные (Воля Петриловская).

Нужно сказать, что выкуп за барщину этих сел или в тех случаях, когда ее выкупали отдельные крестьяне, а это было часто, был разный. Так, в селах Жмуди и Дышце на барщину не ходили, но за все, в том числе барщину, давали с дворница 120 грошей чинши и 8 корцев овса (96 грошей), т. е. всего на сумму 216 грошей. В с. Мацошине с надела (паверино,

⁸⁰ «Жерела», т. III, стр. 47.

⁸¹ Там же, стр. 50.

⁸² Там же, стр. 56.

меньшего чем дворище, ибо село новосаженное) давали за все, в том числе и за барщину, 60 грошей. Отдельные хозяева выкупали барщину за 42, 60, 96 и больше грошей. В с. Выгнанци сидели на $\frac{1}{2}$ лана и давали на 36 гр., но о барщине не сказано. В с. Петрилов кметы сидели тоже на полуланках, с которых «давали разных дачек» на сумму около 55 грошей, но кроме того, они еще ходили и на работу, а если ее выкупали, то платили от 60 до 144 грошей. Почему выкуп за барщину с одинаковых наделов был разный, в люстрации не сказано. Возможно и степень освобождения от работ была не одинакова.

Сравнение сел Выгнанци и Петрилов, сидевших на одинаковых наделах, приводит к выводу, что или размер повинностей даже при одинаковых наделах был разный или, скорее другое, выгнанчане были обязаны барщиной, хотя об этом в люстрации ничего не упоминается. Повинностей на сумму 36 грошей с поллана в это время уже случалось встречать очень редко. Это же предположение относится и к иным селам, имевшим небольшой чинш (Золтаниче, Стрехослав, Воля).

В отношении повинностей, как и самоуправления, несколько иным было положение сел на волошском праве, основной жизни которых в большей степени было животноводство, чем земледелие. Таких сел было три. Они ничего не давали и на барщину не ходили, если не считать того, что они на посылах находились, воров ловили, панской скот на продажу гоняли (с. Вереце); или с сетями на ловы ходили (с. Костин). С каждой крупной скотины они давали скарбу по полгроша, а с малой — по шелягу, с овец — каждую двадцатую. Такое положение крестьян ревизор считал для скарба невыгодным и советовал перевести с. Вереце на чинш, как это уже и было сделано с селами Костин и Воля.

Стоит остановиться еще и на других чертах аграрного строя в Холмском старостве. Здесь передко случаются пустые дворища, но земля их везде возделывается односельчанами то ли для себя, то ли на фольварк. Новоселам, как правило, давали три года свободы от повинностей.

Несколько слов относительно общественной жизни в селах. Во многих из них упоминаются войты, но нигде — лавники или присяжные, как это встречаем в соседних королевских экономах Белоруссии. Лишь в одном случае (села Раздолы, Струпи, Кривичи и Коцов на 26 дворищах) был староста. Войтов видим там, где земли были перемерены на ланы или сравнительно недавно заселены. Какие элементы польского или немецкого права при этом были привнесены в жизнь таких сел, в люстрации не упоминается, в том числе нигде не упоминается гмина, суд войта и т. п. Скорее всего, как это можно видеть на примере соседних белорусских королевских сел, переживших «Уставу на волокни», дело свелось преимущественно к новой терминологии. С. Охожа имело свой общинный пруд и мельницу. А община сел Жмудь и Дищев выкупила у скарба за 25 злотых в год право свободного помола своего зерна.

КРАСНОСТАВСКОЕ СТАРОСТВО

Красноставское староство лежало в юго-западной части Холмской земли. Природные условия его подобны Холмскому староству, на юго-запад от которого оно находилось. Это староство лежало по берегам сплавной речки Вепр, впадающей в Вислу, т. е. на хорошей дороге до Гданьска. По поводу коммуникационных выгод красноставского староства люстратор от местных людей записал: «... в Красном Ставе зерно хорошо оплачивается, ибо лежит он в таком месте, с которого можно довести зерно до других ближайших городов и хорошо продать, а кто хочет, то и до Гдань-

ска водой спускает, так как Висла не очень далеко протекает от Красностава и до нее довозят зерно крестьяне. По Вепру, что течет под Красноставом, весной тоже спускают, начиная немного ниже его»⁸³ (в Красноставе была плотина через Вепр).

Сведения о Красноставском старостве берем из люстрации 1564 г.⁸⁴. Город Красный Став был довольно значительный, окруженный степами. В городе было 140 домов, с которых брался чинш по 2 гроша. Около городской стены было еще 55 домов, с них взимался чинш по 1—2 гроша.

Мещане имели 67 огородов больших и 15 малых. Город имел 52 лапа земли и платили за них по 24 гроша чиншу. Несколько мещан держало от одного до двух лапов, а несколько — по четверти, однако большинство имело по 0,5 лапа. Здесь же было несколько «обшаров» разного размера и с разным чиншем. Под замком жило на целых огородах или половинах семь загородников, плативших по 12 грошей чиншу и по 2 каплуна в год.

В городе было 8 мясников, которые держали 16 рундуков, 19 портных, державших 19 рундуков и 13 пекарей.

В старостве было семь прудов и давали они на год дохода 359 злотых. Мельниц было пять, от их эксплуатации поступало в год 700 злотых. Сенокосов было достаточно. Их хватало на свои нужды и, кроме того, продавалось сена на сумму 84 злотых. Замок имел 19 бортей. При фольварках были скотные дворы. В них было: коров дойных — 31, яловых — 15, телят — 89, свиней — 64. Была птица — 80 гусей. От животноводства предвиделось получить дохода 72 злотых, а после отчисления на питание наемников должно было остаться 58.

Фольварков было пять: Лопиницкий, Подлесский, Стежицкий, Неделовицкий, Сеницкий. На гумна этих фольварков осенью было ввезено: ржи — 2967 коп, пшеницы — 361 копа, ячменя — 475 коп, овса — 2420 коп, гречихи — 201 копа, гороху — 78 коп, проса — 20 коп, а всего 6532 копы. Предполагалось намолотить: ржи — 2410 корцев по 18 грошей, пшеницы — 180 корцев по 26, ячменя — 475 корцев по 13, овса — 2420 корцев по 10, гречихи — 134 корца по 12, гороху — 39 корцев по 24 и проса — 10 корцев по 20 грошей за корец, а всего — 5668 корцев⁸⁵. Считалось, что пшеница, ячмень и овес в том году были малоурожайными. За весь урожай предполагалось получить 2707 злотых, а «учтя пятую часть на посев и на питание фольварочных наемников», останется 2165 злотых. Всего со староства должно было поступить дохода 3923 злотых. Таким образом, доход от фольварка здесь составлял самый большой процент в Холмской земле — 56. Этот процент свидетельствует о тяжелых повинностях с крестьян. Ведь именно красноставская шляхта была инициатором развития фольварочного хозяйства и наступления на крестьян еще 90 лет назад. Староству принадлежало 15 сел, из них одно — Лопиницк принадлежало за три села. В двух — Липа и Паски сидели земляне, не несшие барщинных работ. В Липе они все сообща давали 480 грошей чинша, 20 каплунов и 20 корцев овса. В с. Пески земляне «только конем служат, где им скажут»⁸⁶. Типичный крестьянский надел равен 0,5 лапа.

Повинности крестьян с лапа здесь почти везде одинаковые: чинш — 24 грошей, каплунов — 2, яиц — 20, сыров — 2, всего на сумму 30,5 гроша. Колебания в ту или иную сторону весьма невелики и случаются редко. С полулапового хозяйства брали половину повинностей. Остальные

⁸³ «Жерела», т. III, стр. 21.

⁸⁴ Там же, стр. 1—40.

⁸⁵ Красноставский корец меньше холмского, в гданьский лапшт входило 22,5 корца.

⁸⁶ «Жерела», т. III, стр. 9.

повиности отбывались работой. К сожалению, люстратор нигде точно о них не говорит, ограничиваясь одним словом — «работают». Правда, можно более или менее близко представить себе стоимость крестьянских повинностей работой с лапа. Так, возле с. Добрить люстратор записал, что один кмет выкупил работу (можно думать, с лапа), давши за это чинша 4 злотых, каплунов 4 (грошей 8), сыра — 1 шт. (12 динариев), лиц — 30 шт. (2 гроша), овса — один корец (12 грошей), или за все вместе деньгами — 4 злотых 22 грошей 12 динариев⁸⁷. Таким образом, одна работа (с лапа) оценена двором примерно в 3 злотых 22 грошей, т. е. ее стоимость составляла около 75% от общего обложения крестьянского двора. К такому выводу о стоимости работы с лапа можно прийти и иным путем. Двор очень часто сдает крестьянам пустующую пахоту за деньги. За это он берет разные суммы, то ли в зависимости от качества почвы, то ли от спроса крестьян. Часто за один лап пахоты двор получал 4 злотых, 4 каплуна и 2 корца овса, т. е. всего 5 злотых 2 гроша, а когда овес бывал по 10 грошей за корец, то 4 злотых 28 грошей — цифра, весьма близкая к приведенной выше. Изредка встречаются и другие размеры оплаты за пользование лапом: 75, 48 грошей и т. п.

Основной повинностью загородников была тоже работа, но, видимо, разная. Обычно они платили лишь 6 грошей чинша, однако есть случаи, когда загородники ничего не дают, «только делают что им скажут»⁸⁸. Изредка загородники выкупали работу, тогда они платили 1 злотый.

Поражает масса пустых лапов. Они имеются почти возле каждого села, однако они не пустуют, администрация отдает их крестьянам за деньги, но, очевидно, постоянных поселенцев они не весьма прельщают. Во многих селах крестьяне сидят на полулапах, но расширять свое хозяйство до лапа за счет пустых полулапов не хотят. Они, видимо, считали для себя более выгодным платить за них деньгами, чем выполнять работы с лапа. Упомянутые пустоши, вероятно, являются результатом отхода крестьян на восток, ибо здесь наступление на них началось наиболее рано и, можно думать, наиболее интенсивно. Из иных категорий крестьян здесь, как и в других староствах, встречаем сельских ремесленников на загородах с отдельным увеличенным чиншем, реже оброком, состоящим из изделий их ремесла. Везде встречаем корчмы. К ним приписана земля разных размеров: загороды, общары, полланки, а иногда и лапы. Так, в с. Синица было семь корчмарей, которые сидели на одном-двух лапах, за которые платили голый чинш в размере 48 гроша.

Небольшая часть Красноставского староства в размере 4 сел и г. Тарногора от давних времен от него отошла. Во время люстрации эту часть держал бельский воевода А. Дембовский. Положение крестьян здесь, в державе, ничем не отличалось от такого же в старостве.

В державе было два фольварка, на гумнах которых лежало 2497 коп разного хлеба, за который предполагали получить 1029 злотых, а после отчисления пятой части на посев — 823 злотых. Весь доход державы составлял 1648 злотых.

Два малых села, принадлежавших ранее староству, — Пленка и Рудничок — во время ревизии были в держании наследников бывшего красноставского старосты папа Богуша. Землеобеспечение и повинности в них те же, что и в старостве. На загородах живут ткач и сапожник. Оба платят чинш по 48 грошей. Пустоши сдаются за деньги или за седьмой — десятый сноп. Имеется небольшой фольварк в с. Пленка. На его гумне 240 коп

⁸⁷ «Жерела», т. III, стр. 18.

⁸⁸ Там же, стр. 31—32.

хлеба — год был неурожайный. По ревизии 1570 г. оба села вернулись в состав староства.

Для Красновоставского староства сохранилась люстрация 1570 г., но она весьма скупа, показывает только одни доходы. Каких-либо изменений по селам не видно. В шести фольварках (шестой в с. Пленка) было 6909 коп хлеба на сумму — 2623 злотых. Хотя площадь фольварков несколько увеличилась, но выход с копы был ниже, чем в 1564 г., цены же ревизор взял те же, потому и сумма денег немного меньше, хотя количество коп несколько увеличилось.

До сих пор мы знакомимся с положением крестьян государственных имений — староств. Это оправдывается и диктуется теми соображениями, что для этой категории крестьян лучше сохранились источники, тогда как для частновладельческих — это редкое исключение. В то время как для староств мы располагаем двумя люстрациями — 1564 и 1570 гг., а для Ратненского имеется также инвентарь начала XVI в., то для частновладельческих имений редко когда сохранился инвентарь за какой-нибудь один год. К тому же необходимо иметь в виду, что государственные имения в Червоной Руси, в отличие от этнографической Польши, были весьма распространены и занимали 36% всей территории⁸⁹. В Холмской земле это выглядело еще более убедительно: в Холмском повете (в него входили Ратненское и Любомльское староства) пространство, занимаемое государственным «добрами», составляло 59,5% всей территории⁹⁰. Таким образом, изучение положения крестьян в староствах дает возможность представить положение около половины всего сельского населения Холмской земли, особенно же Холмского повета.

В Холмской земле имений католической церкви почти не было. Холмскому православному владычеству принадлежало три села. Православных приходов, точнее церквей, было 82⁹¹. В Холмской земле в середине XVI в. по существу не было магнатских латифундий. Тут были разбросаны имения средней и мелкой шляхты⁹².

Для шляхетских имений мы располагаем лишь несколькими документами, которые дают возможность представить положение крестьян в частных владениях в XVI в. Наиболее ранним документом является «инвентарь с. Пустотев, Воля Пустотевская и Ольшанка» за 1553 г.⁹³ Это имение принадлежало Сеницким и находилось в тогдашнем Холмском повете. Село Пустотев расположилось среди лесов и дубрав, в которых население занималось бортничеством. В селе был большой пруд и четыре малых. В селе было 33 полулановых хозяйства. Каждое из них состояло из: «поля поллана, придатка поля, сенокоса и усадьбы. Загородники имеют дома, усадьбы, полулановые стаи, огород, сенокос и поле»⁹⁴. Загородников было десять.

Как видим, каждый надел — крестьянский или загороднический имел не только поле, да еще с придатком, но и усадьбу, огород и сенокос, которые вводились сверх полевого надела.

Кметы были обязаны исправлять пруд, плотину и мосты сколько будет необходимо сверх недельной барщины. Они должны ходить в подводу, когда скажут, однако не далее 10 миль; дают кунницу.

⁸⁹ «Pisma Aleksandra Jablonowskiego», t. IV. Warszawa, 1911, str. 484.

⁹⁰ Там же, стр. 485.

⁹¹ «Zrodla...», str. 191, 202. Одна церковь обслуживала три-пять сел.

⁹² «Pisma...», str. 514.

⁹³ «Biblioteka Ordinacyi Krasineskich, Muzeum Konstantego Swidzinskiego», t. II. Warszawa, str. 124—125.

⁹⁴ Стая равна 1,4 га. Сколько земли имели загородники, сказать трудно.

Кто торгует пивом, платит 2 гроша, за пользование панской солодовней и броварней надо платить по 2 гроша.

Чинш с полланового надела состоит из 1 вардунка (12 грошей), 1 каплуна, 12 яиц. Работают своим плугом четвериком три дня в неделю от восхода до захода солнца. Также три дня работают на сенокосе «на панском пиве». Размер работ тут дан не ясно. Или они работали вообще три дня в неделю, или только пахали три дня в неделю, во время пахоты, ибо уборка сена является скорее «мокрой толокой», чем барщиной. Глядя на малый чинш, можно думать, что они вообще работали три дня в неделю.

О других повинностях, а также о повинностях загородников даже не упоминается. О положении в других селах в инвентаре ничего не говорится.

Большой интерес представляют аграрные отношения в деревнях, принадлежавших крупному политическому деятелю Речи Посполитой — Яну Замойскому⁹⁵.

На юг и юго-запад от Красностава Замойскому принадлежало около 150 населенных пунктов, организованных в самостоятельные комплексы — ключи с 42 фольварками⁹⁶.

В Новозамойском ключе на 12 сел приходилось шесть фольварков. При господских дворах были огороды, сады и даже изредка виноградники, для работы в которых приглашали немцев и чехов.

Продукцию своих поместий и держав Замойский отправлял в Гданьск. Туда отправлялось ежегодно только с двух ключей — Щебрешинского (32 села) и Новозамойского (12 сел) свыше 200 лаштов зерна⁹⁷.

В некоторых фольварках разводилось много овец и чистокровных лошадей. Много внимания уделялось рыбному хозяйству, продукция которого шла преимущественно на местный рынок. Ввиду интенсивного развития господского хозяйства крестьяне в поместьях Замойского были обременены большой барщиной. Так, в Туробинском ключе кметы в 1604 г. обязаны были во время жатвы работать шесть дней в неделю, а люди без рабочего скота — два дня в неделю⁹⁸. В Щебрешинском ключе работали пять дней в неделю с полулана. Такая же картина была и в соседних ключах. Кроме барщины, крестьяне еще ходили в подводы, заготавливали и вывозили дрова, строительный материал и т. п., а также давали чинш и вносили повинности натурой.

Крестьяне жаловались Замойскому на это отягощение, указывая, что до того времени, как Замойский приобрел эти деревни (70—80-е годы XVI в.), они работали четыре дня в неделю и что если барщина не будет уменьшена, то они совсем разорятся⁹⁹.

Иногда Замойский разрешал кметам заменять барщину деньгами (с. Плоское в Щебрешинском ключе в 1604 г., с. Буковина Креховской волости в 1595 г. и др.). В таких случаях крестьяне с полулана давали 16 злотых, 3 корца овса, 3 каплуна, 20 яиц, еще возили дерево и соль. Загородники за пешую работу давали 2 злотых, 6 грошей в год¹⁰⁰.

Такой тяжелой эксплуатации мы нигде еще не встречали в Холмской земле в XVI в.

По Новозамойскому ключу сохранились списки крестьян — должников за 1586 г. Замойский часто предоставлял кредит крестьянам для покуп-

⁹⁵ Значительный материал по этому вопросу имеется в кн.: A. T a g n a w s k i. *Działalność gospodarza Jana Zamojskiego (1572—1605)*. Lwów, 1935.

⁹⁶ Там же, стр. 132.

⁹⁷ Там же, стр. 162.

⁹⁸ Там же, стр. 363.

⁹⁹ Там же, стр. 364.

¹⁰⁰ Там же, стр. 369—370.

ки волов, коней, посевного материала, инвентаря. Это послужило основанием для идеализации Яна Замойского польской прогрессивной публицистикой второй половины XVIII в. (с. Сташиц) как человека высокогуманного, показавшего пример правильных отношений между помещиком и его крестьянином, которые заключались в том, что «первый считал своей обязанностью заботиться о счастье второго»¹⁰¹.

Возраставшие из года в год доходы Замойского и жалобы крестьян на все растущее тяготение и разорение их свидетельствуют о противном. Забота Я. Замойского и ему подобных о крестьянине — это в первую очередь забота о себе, ибо крестьянское хозяйство было базисом фольварочного. Вскрывая природу феодально-барщинного хозяйства, В. И. Ленин писал, что помещик наделяет своего крепостного землей не для его благополучия, а для обеспечения своего хозяйства рабочими руками¹⁰².

Секрет превращения шляхтича средней руки в виднейшего магната был прост. Его открыл такой же «баловень фортуны» второй половины XVI в., как и Замойский, — воевода Равский Анцельм Гостомский в своем экономическом трактате «Gospodarstwo», а именно: работа хлопов — источник богатства шляхтича¹⁰³. Этот секрет poznali и экономично, но сурово пользовались им Сапега, Воллович и ряд других, сумевших понять социально-экономическую эволюцию Польши в XVI в. и прекрасно ее использовать для своего обогащения и возвышения.

Большой интерес представляет собой группа документов, касающихся положения Клестовского фольварка и сел с ним связанных (Холмский повет), на протяжении 12 лет¹⁰⁴.

Фольварк принадлежал холмскому подкоморию П. Ожеховскому. Составлен инвентарь по случаю передачи его в аренду в 1590 г.

К фольварку было приписано 15 хозяйств, из них 13 на полланах и на 0,25 лана, 4 поллана не имели постоянных хозяев. Поллановые хозяйства имели, как правило, 4 волов и 1 коня, а четвертьлановые — 2 волов и 1 коня. Их повинности были таковы: с поллана выполняют барщину четыре дня в неделю, а с 0,25 лана — два дня, «с чем скажут и с тем, что имеют, с серпом или граблями». В жнива выходят на работу два дня в неделю по два человека, а два дня — по одному.

«Поголовно» должны выходить («на гвалт»?) один раз на уборку озимых, другой раз — на уборку яровых хлебов. В счет барщины ездят в подводу. С поллана должны напрясть 6 локтей, дать чиншу по 12 грошей, по 2 каплуна, 15 яиц, по 1 корцу (холмскому) овса.

Войт сидит на половине лана и за это присматривает за работами. Загородников было пять. Один из них был очень старый, поэтому сам на работу не ходил, ему разрешено посылать за себя девуку — коморницу. Как велики были их загроды, неизвестно. Загородники выполняли такие повинности: от посева яровых до уборки сена по два дня в неделю, а потом, уже до посева озимых — три дня в неделю. Напрясть должны 3 локтя. Портной сидит на загроде на чинше в 1 злотый, да иногда в жнива работает с граблями.

Фольварочные постройки новые, в порядке. На скотном дворе было: коров старых тельных 24, молодняка — 21, свиней — восемь, гусей — 20, петухов — 42, куриц — 8.

¹⁰¹ St. Staszic. Uwagi nad życiem Jana Zamojskiego. Kraków, 1861, str. 99.

¹⁰² В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 156.

¹⁰³ «Anzelma Gostomskiego, Gospodarstwo». Kraków, 1858, str. 36.

¹⁰⁴ Эта группа документов, как и немало других, более позднейших времен была скопирована в Люблинском архиве доцентом Люблинского Университета К. Мыслинским и передана нам, за что выражаем ему сердечную благодарность.

На гумне было оставлено на посев и харчи овса — 120 корцев, гречихи — 20, ячменя — 20, ярового жита — 5, гороху — 5, жита озимого — 10 корцев. Бровар соответственно оборудованный. В рукописи есть сведения о фольварочном посеве и урожае в 1597—1598 гг. Они отрывочные. Однако значение имеют большое, так как урожайность является показателем технического и организационного развития поместья, показателем развития его производительных сил ¹⁰⁵.

Из посевов видно, что здесь была правильная трехпольная система. Под каждым полем было около 100 га, т. е. фольварк имел около 300 га пахотной земли.

В том году барщинных работников, видимо, не хватило, ибо есть записи об оплате жнецов, а в сентябре — работников по обмолоту хлеба. Набирались они из коморников. Но сколько кому платили, установить невозможно.

В той же рукописи есть описание положения крестьян упомянутого фольварка в 1599 г. на 11 сентября, т. е. через 9 лет.

Крестьяне на полуланах и загородники — те же. Рабочего скота у них столько же, у кое-кого даже прибавился конь или вол. Двор активно заселяет свои пустые наделы постоянными хозяевами. Они, собственно говоря, не были совсем пустыми, потому что в домах, принадлежавших к этим наделам, жили халупники (общинный пастух, господский пастух) и каморница, поля же засевались крестьянами за деньги или за долю урожая (чаще всего с половины, причем пан давал зерно для посева своей полвины).

На один полуланок сел перед жатвой новый хозяин — Козьма Горичнец, у которого ничего еще нет и который свободен от повинностей.

Двор забрал у Жука по неизвестным причинам (заболел или запил) его полулановый надел и посадил на него загородника Мацютку, которому отдал вола и коня Жука и одолжил ему 8 злотых для покупки волов. Этого бывшего загородника освободил от повинностей работой на один год. За 1600 г. в рукописи имеется запись арендатора фольварка: «... а если бы Жук захотел поправиться и работать с ним (т. е. с Мацюткой), то тот должен принять его к себе, ибо его [т. е. Жука] скотиной работает, согласно порядку, который люди [община] между ними учинят». Как видно, двор по фискальным соображениям следил за состоянием крестьянского хозяйства и в случае нужды забирал надел и даже скотину и передавал иному. Это свидетельствует о том, насколько относительным владельцем не только падела, но и сельскохозяйственного инвентаря стал крестьянин.

Двум хозяевам двор в порядке ссуды дает дополнительно к их рабочему скоту одному — вола, а другому — коня, дабы они супругой могли выставлять для фольварочной работы один целый плуг. Еще одному хозяину, Тимку Борdziнову, имевшему двух лошадей и одного вола, двор ссуживает деньги для покупку еще одного вола, «чтобы был целый плуг». По всему видно, что двор считал для себя невыгодным сдавать пустые наделы за деньги. Ему нужна была тяглая сила и рабочие руки для фольварка. Он готов ссуживать деньги и скот, чтобы крестьянин имел его в достатке как для себя, так и для фольварка.

¹⁰⁵ Было посеяно ржи 78 корчиков холмских, а пшеницы — 56; ржи было нажато 290 коп; пшеницы 300 коп; ячменя засеяно 13,5 корчиков, а нажато 80 коп. Гороху высеяно 4 корчика, а нажато — 27 коп. Овса высеяно 117 корчиков, а нажато 290 коп. Гречихи высеяно 12 корчиков, собрано 45 коп. Копа пшеницы, гороху и ячменю выдавала по 1 корчику, копа ржи — 1—3 корчика, копа овса — 2 корчика. Таким образом, урожайность в том году была более или менее такова: ржи, пшеницы и овса — «сам 5», ячменя — «сам 6», гороху — «сам 7». Урожай в целом хороший.

В рукописи сохранился список крестьян, занимавших деньги у двора. Из него следует, что почти все крестьяне были должны двору то ли за ссуженные им деньги, то ли за взятую скотину. Девять крестьян заняли у двора 27 злотых, 10 крестьян заняли деньги для покупки рабочего скота всего в сумме 68 злотых (на коня брали 6 злотых, на вола — 3—4 злотых).

В 1602 г. фольварк на ходу сдается в аренду в третий раз. Постройки и бровар в порядке. Здесь было два огорода, сад и хмельник. Скотный двор передается со скотом. Привлекает к себе внимание интересная деталь. Среди скота на панском дворе значится скотина упомянутого выше Жука: корова, вол, вол «неук», до работы годный, бычок. Видимо, Жук не исправился (скорее всего умер) и скотина была у него взята за долги, а надел тоже взят, ибо в списках крестьян за 1602 г. его уже нет.

Здесь же дается опись положения крестьян и их повинностей. Крестьяне почти те же, сидят они за редким исключением на тех же поллановых наделах, которые в инвентаре 1602 г. именуются «двориськом» — дворщиком.

Нетрудно видеть, что это дворщик, равное 0,5 лана, ничего не имеет общего с древним дворщиком, это просто крестьянский двор.

Обеспечение крестьян рабочим скотом не изменилось. Повинности остались те же. Правда, в инвентаре 1602 г. не упоминается пряжа, «поголовный» выход и работа во время жатвы двумя работниками. Войт сидит на половине лана, платит чинш и дает натуры, но на барщину не ходит.

Достоин внимания, что Кузьма Горчинец, сидевший в 1599 г. на пустом наделе, покинул его и пошел прочь, а бывший заградник Васько Мацютка прижился на половине жуковского полулана и имеет двух лошадей и двух волов. На четверти лана появился новый держатель — Шевчик (бывший в 1590 г. заградником на чинше), который дает чинша 2 гривны и никаких других повинностей (наверное ремесленник). В переводе на полулановое хозяйство это составило бы 6 злотых 12 грошей за все. Повинности деньгами и натурой полулана в денежном выражении составляли 42—45 грошей. Таким образом, на долю работ с полулана приходится в денежном выражении 5 злотых или около 75% всего отягощения.

В селе имелись пустые полулановые наделы. В 1590 г. их было пять (не считая временных пользователей). В 1602 г. — их четыре, но в большинстве случаев это уже не полулановые, а четвертьлановые наделы. Одни полулапок и две четверти лана держат на чинше свои же крестьяне с оплатой по 2 гривны за четверть (что составит 6 злотых 12 грошей с полулана), одну четверть разделено между заградниками, остальное, наверное, эксплуатируется случайным порядком.

Загород осталось шесть, в четырех из них, которые имели поле, жили заградники, работавшие два дня в неделю, платившие чиншу 6 грошей и дававшие восемь яиц. Две загоды, не имевшие поля, стояли пустыми.

* * *

Заканчивая наш краткий обзор аграрной эволюции, происходившей в Холмской земле в XVI в., попробуем сделать некоторые общие и частные выводы. Совершенно очевидно, что развитие фольварочного хозяйства и идущая с ним в ногу ломка аграрных отношений тесно связаны с развитием товарно-денежных отношений в стране и формированием общеевропейского рынка.

Однако не трудно заметить, что рост общественного разделения труда и связанное с ним развитие товарно-денежных отношений, вовлечение в них феодалов и крестьян в начальной своей стадии не вызвало указанных выше перемен.

Крестьяне, втягиваясь в товарно-денежные отношения, вначале продавали меха, мед, воск, продукцию животноводства, рыбу, лес и изделия из него, лен, коноплю и, наконец, хлеб. Последний долгое время был второстепенным товаром. Города того времени в силу своего сугубо аграрного характера небольшого размера и малого количества не могли быть крупным покупателем хлеба. Да и позже города покупали хлеб преимущественно для переработки его на спиртные напитки или для перепродажи. И на внешний рынок хлеб поступал лишь эпизодически, к тому же сравнительно в небольших количествах.

Такое положение вещей вначале вызвало у феодалов стремление к известной замене и дополнению натуральных повинностей крестьян денежными, о чем убедительно свидетельствуют наши источники. Однако по мере развития внутреннего и особенно внешнего рынков, вовлечения в них хозяйства двора и развития торговли хлебом положение крестьян начало постепенно, хотя и неравномерно, меняться к худшему.

Феодалы, не отказываясь от получения повинностей деньгами (там, где это было выгодно), начали увеличивать крестьянские повинности продуктами и трудом с целью создания в своих хозяйствах массы продуктов, в первую очередь хлеба, для продажи на который был хороший спрос на рынке.

При таких обстоятельствах отработочная рента растет, укрепляется и становится ведущей, доминирующей.

Перед нами картина общего роста крестьянских повинностей. Он идет главным образом за счет увеличения ренты работой, которая реализуется в шляхетских хозяйствах — фольварках. Формируется фольварочно-барщинная система, развитие которой дает широкие возможности шляхте пользоваться разными средствами экономического и внеэкономического принуждения для достижения своей цели.

Господские дворы, с небольшим земледельческим хозяйством при них и с хлебными даниями крестьян в пользу феодалов, существовали издавна еще в XII—XIII вв. Однако в силу того, что поместное хозяйство носило натуральный, замкнутый характер, ни барская запашка, ни хлебные дани не могли быть велики. Редким исключением были резиденции князей, монастыри, крепости со значительным гарнизоном, которые для покрытия своих нужд имели значительные запашки, и взымали тяжелые повинности с крестьян хлебом и работой.

Продукция фольварка в XVI—XVIII вв. идет также на покрытие потребностей своего владельца, однако теперь это происходит не только прямо, непосредственно, как в XII—XIII вв., но в значительной мере также через рынок. Отсюда, часть продукции фольварка должна быть продана, дабы за вырученные деньги можно было купить на рынке товары, необходимые для удовлетворения возросших потребностей феодала.

Означенные выше процессы и связанные с ними изменения в общественной жизни происходили на огромных, к тому же весьма пестрых в своем социально-экономическом и историческом развитии, территориях, входивших в состав Речи Посполитой Польской, далеко не одновременно.

Если на одних, скажем, бассейн Одры и Вислы, они чувствуются уже во второй половине XV в., то на других, например, в бассейне Днепра, они дают себя знать лишь во второй половине XVI и первой половине XVII вв.

Можно считать бесспорно установленным, что развитие фольварочно-барщинной системы шло с запада и северо-запада на восток и юго-восток и проявлялось раньше в бассейнах рек, текущих в Балтийское море.

Остатки старого поместного хозяйства, покопавшегося главным образом на крестьянских даниях (медом и овсом) и на непосредственной экс-

плуатации природных богатств, задерживались дольше всего на украинском Полесье, где для этого были наиболее благоприятные естественно-географические и исторические условия (Ратненское староство). Все же вовлечение крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения и здесь повлекло за собой замену (редко полную) крестьянских натуральных повинностей и податей деньгами. Однако такое положение удерживалось недолго. И на Полесье в шестидесятых годах XVI в. уже вполне выразительно видна тенденция к развитию фольварочного хозяйства, которое к этому времени в Красноставском повете была не только доминирующей, но и единственной формой хозяйственной деятельности господского двора.

Старая большая (сложная) семья с сябрами и потужниками под влиянием товарно-денежных отношений и под господским давлением распадается, выделяя из себя простые крестьянские семьи, а также маломощные (загородники), а то и экономически беспомощные элементы (кутники).

Одновременно с развитием фольварочно-барщинной системы шло ухудшение экономического и правового положения крестьян. Старые дворища измеряются и уступают свое место ланам и полуланкам с унифицированными повинностями, в которых все большую роль играют повинности работой (пешей и упряжной), составляя 60—80% всего отягощения с надела. Надел и крестьянское хозяйство на нем становятся базисом господского барщинного хозяйства. Учитывая это, землевладелец увеличивает опеку над крестьянским держанием, хозяйством и личностью, стремясь, таким образом, наилучше обеспечивать нужды своего фольварочного хозяйства. Шляхтич, исходя из своих соображений, дает крестьянскому хозяйству ссуду, помощь, но и без особых церемоний меняет его владельца, если тот не обеспечивает интересы фольварка. Крестьянин из самостоятельного хозяина, вначале лишь феодально-зависимого, а позже наследственного владельца держания — дворища — и собственника его живого и мертвого инвентаря превращался в придаток шляхетского фольварка. Если раньше крестьянин и был крепко привязан к земле, а она принадлежала ему, то в XVI в. осталось первое (усугубившись феодальной зависимостью господину), но исчезло второе.

Ломка архаических форм поместного хозяйства и связанных с ними форм аграрных отношений не могла не отразиться и на крестьянской общине, на ее хозяйственной и административно-судебной деятельности. Деятельность крестьянской общины допускается землевладельцем лишь в пределах, выгодных для него. Если на заре феодального общества община служила формой, в которой осуществлялась народная свобода, то теперь — его угнетение (Ф. Энгельс).

Прошло 100—125 лет со времени красноставского сговора шляхты против крестьян. Как изменились повинности:

1. Чинш (24 грошей), 2—4 каплуна, 2 сыра, 20—30 шт. яиц — вносились почти без изменения.

2. Повинности по исправлению мельниц и плотин, подводы — в принципе не изменились, но, в связи с развитием фольварочного хозяйства, выросли количественно.

3. Дань — 3 корца овса в год и доставка четырех возов дров с лана (дворища) — уменьшилась в среднем на половину, полулановому хозяйству она оказалась не под силу.

4. «Поголовная» работа в размере одного дня на посеве озимых и одного дня — яровых, а также жатва двумя серпами независимо от размера хозяйства — в той или иной форме сохранились.

5. Барщина с одного дня в неделю с лана выросла до трех-четырех, а в отдельных случаях до пяти-шести дней с полулана, т. е. увеличилась в 4—12 раз.

6. Крестьянский надел с ланового дошел до полуланового и имел тенденцию уменьшаться и далее.

Ухудшение положения крестьян обострило классовые противоречия, сопротивление крестьян, что нашло свое выражение в росте числа беглых крестьян и пустых земель.

В XVI в. еще не видно упадка господского или крестьянского хозяйства, урожаи остаются относительно хорошими, но торможение производственными отношениями производительных сил нарастает.

Нетрудно видеть, что развитие фольварочного хозяйства определило все направление развития аграрных отношений на Холмщине, всю политику и практику господствующего класса в отношении крестьянства. Имеются все основания думать, что в том же направлении они развивались и далее, т. е. в XVII в.

Кодедова О.

К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ В ЧЕХИИ В 1905—1907 гг.

Первая буржуазно-демократическая революция в России получила большой отклик в Австро-Венгрии и особенно значительный в чешских землях. Поэтому период 1905—1907 гг. занимает видное место в историческом развитии чешского народа. В этот период создавались предпосылки и формировались силы, которые привели к возникновению Чехословацкой Республики. В эти годы углубились, вступив в новую стадию, прогрессивные чешско-русские связи и отношения, имевшие такое важное значение для дальнейшего развития чешского и словацкого народов.

Для того, чтобы показать значение подъема революционного движения 1905—1907 гг. для чешского народа и отклик на русскую революцию в чешских землях, необходимо рассмотреть масштабы движения и в чешской деревне в тот период, оценить участие трудящихся масс деревни в подъеме революционного движения в стране.

* * *

Со времени установления господства империализма в Австро-Венгрии приобретает важное значение революционная борьба пролетариата за завоевание власти. В связи с этим встает вопрос о крестьянстве как союзнике пролетариата в борьбе против монархии и капитализма. Исследование отдельных периодов крестьянского движения в чешских землях, в частности периода 1905—1907 гг., вносит определенный вклад в изучение борьбы крестьянства в условиях габсбургской монархии, тесно связанной с программой демократической революции в Австро-Венгрии.

Переход от промышленного капитализма к империализму в Австро-Венгрии, включавшей в себя и чешские земли, совершался в особых условиях, придавших развитию этих земель специфический характер. Эти условия неизбежно отразились и на состоянии аграрного и крестьянского вопросов¹.

Незавершенность буржуазной революции в многонациональной, экономически отсталой монархии наряду с появлением признаков империализма являлись факторами, которые определяли развитие капитализма в сельском хозяйстве, а также интенсивность и формы крестьянского движения в Австро-Венгрии и чешских землях. Капитализм в сельском хо-

* Доклад, прочитанный в Институте славяноведения АН СССР в январе 1959 г.

¹ В рамках данной статьи можно осветить лишь некоторые основные проблемы развития чешской деревни в 1905—1907 гг.

зяйстве Австро-Венгрии развивался прусским путем, потому что буржуазная революция в габсбургской империи завершилась, как известно, компромиссом между буржуазией и шляхтой. Феодальные отношения в сельском хозяйстве ликвидировались очень медленно, этот процесс сопровождался обнищанием мелких сельских производителей. Революция 1848 г. не экспроприировала крупные феодальные поместья, не дала земли мелкому крестьянству и оставила шляхте обширные земельные владения². Крестьянство было вынуждено платить выкуп, что сделало возможным превращение крупных феодальных поместий в крупные капиталистические хозяйства. Это явилось причиной задолженности и постоянной нехватки земли у миллионных масс трудящегося крестьянства³.

В чешских землях, игравших важнейшую роль в экономической жизни Австро-Венгрии, несмотря на преобладание промышленности, большое значение имело и сельское хозяйство, которое считалось наиболее развитым в австрийской части империи. Оно значительно превосходило по своему уровню остальные области народного хозяйства империи и составляло решающую долю австрийской сельскохозяйственной продукции⁴.

Сельское хозяйство чешских земель имело относительно высокую степень капиталистического развития⁵ с преобладанием крупных хозяйств и важной ролью сельской буржуазии⁶. Это видно из статистических данных о числе наемных рабочих, об обеспечении машинами, об урожаях с одного гектара и т. д. Так же как и в промышленности, в сельском хозяйстве чешских земель в начале XX в. развивается сельскохозяйственное производство, которое, с одной стороны, приводило к экономическому усилению обуржуазившихся помещиков, с другой — вело к обнищанию широких масс трудящихся крестьян. Так за показателями технического подъема, роста производительности труда и роста урожая с одного гектара земли скрывалось углубление и обострение основных классовых противоречий в деревне.

Пережитки феодализма, из которых самым тяжелым было то, что большая часть земли находилась в руках немецких помещиков, наряду с приведенными выше факторами и другими последствиями империалистического развития (связь банковского капитала с крупным помещиком и усиливающейся аграрной буржуазией и др.), приводило к специфическому пере-

² Только в Чехии в начале XX в. имелось 31 поместье, размером более 10 000 га.

³ В Чехии 245 землевладельцев, имевших участки размером свыше 2000 га, владели 1 147 419 га земли, что составляло почти одну треть всей земли в Чехии — 28,3% («Statistická příručka království českého». Praha, 1909, str. 169). Только роду Шверценбергов правительство оставило свыше 247 736 га чешской земли. Это значит, что он имел земли больше, чем, например, все мелкие крестьяне в Моравии с наделом от 2 до 5 га, которых было свыше 53 000 («Zemědělska politika», IX, 1910, str. 597—599). И наоборот, например, 594 333 владельца земли с наделом до 2 га владели свое существование на 278 086 га земли («Statistická příručka království českého». Praha, 1909, str. 169). Церкви также принадлежало в Чехии свыше 150 395 га земли, в то время как 373 273 самых мелких владельца земель с наделом до 1/2 га имело только 59 439 га («Statistická příručka království českého». Praha, 1909, str. 169).

⁴ В сельском хозяйстве Чехии было занято в начале XX в. 41,1% трудоспособного населения. О доли участия в сельскохозяйственном производстве Австрии см. «Österreichisches Statistisches Handbuch 1905—1907. Národohospodářský ohzor», рос. 1905—1907.

⁵ Развитие капитализма в сельском хозяйстве достигло в чешских землях в начале XX в. высокого уровня.

⁶ Этот подъем особенно явно проявляется как раз в первом десятилетии XX в., когда в монархии, так же как и во всем мире, наступил период благоприятной сельскохозяйственной конъюнктуры.

плетению капиталистических отношений с феодальными. Все это имело тяжелые последствия для трудящегося крестьянства и сельскохозяйственно-го пролетариата чешских земель. Пережитки феодализма и рост капиталистических отношений в деревне отчетливо проявляются при рассмотрении процесса расслоения⁷ деревни в Чехии.

При обобщении статистических данных⁸ о количестве площади крестьянских хозяйств с учетом остальных условий (связь с побочными заработками, число занятых в хозяйстве лиц, количество скота и т. д.) оказывается, что сельское хозяйство в чешских землях достигло относительно высокой ступени капиталистического развития и что в процессе расслоения деревни с точки зрения классовой структуры сельского населения в чешских землях также образовались следующие группы крестьянских хозяйств:

- 1) мельчайшие (парцеллярные) хозяйства, которые были не в состоянии прокормить своего владельца;
- 2) мелкие хозяйства, которые обрабатывает сам владелец и которые способны были его прокормить;
- 3) средние хозяйства, дающие излишки; используется наемная рабочая сила, главным образом батраки;
- 4) крупные хозяйства, позволяющие иметь определенную рабочую силу в распоряжении владельца, который также работает;
- 5) крупные поместья с большим числом наемных рабочих, в том числе администраторов и надсмотрщиков⁹.

К парцеллярным хозяйствам относятся все хозяйства, владеющие землей размером от 0 до 1 га, и от 1 до 2 га только те, которые не держат скота. К мелким хозяйствам причисляются хозяйства с площадью от 2 до 5 га, кроме тех, какие используют наемный труд, а также, владеющие землей площадью в 1—2 га и имеющие скот. К этой же группе хозяйств относятся и хозяйства с земельной площадью в 5—10 га, но не имеющие скота.

Основу средних хозяйств составляют хозяйства, имеющие землю площадью от 5 до 10 га. Из приведенной уже группы хозяйств, владеющих земельной площадью в 2—5 га, сюда относятся хозяйства, использующие

⁷ По переписи 1902 г. в Чехии было всего 568 389 земледельческих и лесных хозяйств, которые по величине распределяются следующим образом:

размер в га	количество хозяйств	процент	размер в га	количество хозяйств	процент
0—0,5	77 310	13,6	10—20	59 598	10,5
0,5—1	78 016	13,7	20—40	32 982	5,8
1—2	103 740	18,3	50—100	2 701	0,5
2—5	141 246	24,9	свыше 100	3 297	0,5
5—10	69 469	12,2	свыше 1000	264	0,4

(по данным «Österreichische Statistik», 83 sv., seš. 1, str. 2, табл. II, «, обрабатываемая земля. Wien, 1909). Это значит, что хозяйств размером до 5 га было 70,5, а обрабатывали они только 12,2% всей земли. И наоборот, хозяйств, имевших свыше 100 га земли, было 0,5%, и обрабатывали они 36,6%, т. е. в три раза больше. («Österreichische Statistik», 83 sv., seš. 1, str. 2, tab. II).

⁸ См. приведенные данные.

⁹ Различие между этими двумя группами:

а) по размеру земельной площади (см. анализ таблицы размеров земельной площади); б) по способу ведения хозяйства.

Четвертая группа—это крупные хозяйства, использующие небольшое число рабочих, которые работают под руководством и при участии владельца. Оп, следовательно, сам физически работает. Пятая группа имеет большее число рабочих, включая служащих и надсмотрщиков. Сам владелец физически не работает.

наемный труд, и хозяйства с наделом земли в 10—20 га, где работает владелец лишь с членами семьи или с прислугой. Остальные хозяйства с земельной площадью в 10—20 га (использующие наемный труд кроме прислуги) и хозяйства с наделами земли в 20—50 га включены в группу крупных хозяйств. Последние по величине две группы земледельческих хозяйств с земельной площадью в 50—100 га и свыше 100 га считаются поместьями и крупными поместьями.

С этим социальным расслоением тесно связана и экономическая структура деревни в отдельных областях Чехии в этот период.

Процесс обнищания мелкого и среднего крестьянства протекал в самых различных формах, независимо от того, происходило ли это путем роста мелкой аренды земли, увеличения задолженности, экзекуций, налоговой и таможенной политики или другими способами. Мелкое крестьянство страдало прежде всего от крупнопоместных землевладельцев. От недостатка земли страдали главным образом парцеллярные и мелкие крестьяне, являвшиеся в чешской деревне самой многочисленной прослойкой (70%). Численность этих групп все время увеличивалась. Парцеллированный и мелкий крестьянин начинал превращаться в так называемого коворольника, ставорольника, вынужденного соединять работу в своем хозяйстве с наемным трудом или работой на дому.

Разложение среднего крестьянина в тот период было временно замедлено воздействием благоприятной конъюнктуры в сельском хозяйстве. Разумеется, она сказывалась частично лишь в наиболее плодородных областях, в то время как в отсталых, малоурожайных краях этого не было. На среднего крестьянина воздействовал рост капиталистической земельной ренты, создавая возможности для увеличения сельскохозяйственной продукции. Это положение, разумеется, отразилось и на позиции среднего крестьянина в 1905—1907 гг. Общеизвестная значительная нехватка пахотной земли в Чехии (так же как и в Моравии и Силезии) имела ряд последствий: дробление сельских усадеб на мелкие хозяйства, которые не были способны прокормить своего владельца¹⁰, значительное распространение аренды¹¹ и огромная задолженность. Необходимо учитывать, что дифференциация крестьянства не всегда приводила к ликвидации мелкого и среднего крестьянства, а вела к усилению его финансовой зависимости¹².

С начала XX в. можно наблюдать значительный рост ипотечной задолженности, которая означала неимоверное финансовое бременение¹³

¹⁰ По статистическим данным 1902 г., в чешских землях было 47,3% земледельческих хозяйств с наделом до 5 га. В Чехии же 51% их был связан с побочными заработками («Osterreichische Statistik», str. 83).

¹¹ В Чехии в 1902 г. свыше 32% земледельческих хозяйств размером до 0,5 га вели хозяйство только на арендуемой земле, 20% — на арендуемой и собственной земле, и лишь 42% вело хозяйство только на собственной земле. В категории хозяйств от 0,5 до 1 га состояние характеризуется конкретно следующими данными: из 78 016 хозяйств только 30 250 имели собственную землю, 9084 хозяйства имели собственную землю, равную или большую, чем арендуемая, 21 758 хозяйств имели собственную землю, меньшую, чем арендуемая; хозяйств с только арендуемой землей было 15 433 (Statistická příručka kralovství českého. Praha, 1913, II vyd., str. 186—187).

¹² Мелкий крестьянин оставался формально собственником хозяйства, но результаты его труда переходили к кредиторам и спекулянтам.

¹³ Долги с недвижимого имущества в Чехии составляли в конце 1893 г. 1 256 985 011 золотых. Из них 854,5 млн. золотых долга имели крестьяне. Как отмечает Р. Врба, Чехия, несмотря на свое исключительное экономическое положение, была самым большим должником Австрии. На 1 кв. км приходилось 21 781 золотых долгов, записанных в поземельных книгах. Даже благоприятная конъюнктура в начале XX в. не могла остановить роста ипотечной задолженности. В 1900—1905 гг. в Чехии она увеличилась на 13%.

крестьянства. Свидетельством разорения мелкого крестьянства являлись также и многочисленные экзекуции (продажа с аукциона)¹⁴. Как уже отмечалось выше, на положение мелкого и среднего крестьянства оказывала влияние также и неблагоприятная налоговая политика, касавшаяся как прямых налогов¹⁵, так и быстро возрастающих косвенных налогов. Сельскохозяйственный пролетариат по своей численности и революционной роли становился все более важным фактором в чешской деревне¹⁶.

Положение сельскохозяйственного пролетариата было во всех отношениях более тяжелым, чем положение промышленных рабочих, которые благодаря своей организованности и численности добились отдельных мелких реформ и улучшений. Показателем бедственного положения сельскохозяйственного пролетариата был и средневековый «закон о челяди»¹⁷. Он давал хозяину полную власть над батраком, разрешая даже и телесные наказания. Он позволял не только безгранично эксплуатировать сельскохозяйственных рабочих, но и санкционировал невыносимые бытовые и санитарные условия, унижение гражданского достоинства.

Пролетаризация мелкого крестьянства и усиливающаяся эксплуатация сельскохозяйственного пролетариата сопровождалась национальным угнетением. Выше уже отмечалась связь между владением немецкими аристократами значительной частью земли и обнищанием чешского крестьянства, указывалось на налоговую и таможенную политику австрийских правящих классов, прежде всего по отношению к чешскому мелкому крестьянству и т. д. Наступлением на жизненный уровень всех трудящихся были новые тарифы и пошлины. В начале 1903 г. между австрийским и венгерским правительством был заключен договор о повышении аграрных пошлин и выработке нового автономного таможенного тарифа, который был принят в мае 1905 г. Тариф явился компромиссом между интересами крупных промышленников и интересами австрийских и венгерских крупных помещиков. Пошлины и вся система заключенных договоров явились победой австрийских картелей и крупных сельскохозяйственных предприятий. Для сельского хозяйства мелкие хозяйства стали тяжелым бременем.

Именно массовый характер обнищания мелкого чешского крестьянства являлся ярким выражением остроты национального угнетения. Национальный гнет проявлялся также и в более тяжелом социальном угнетении чешского сельскохозяйственного пролетариата. Например, у чешских рабочих по сравнению с немецкими была более низкая заработная плата¹⁸.

¹⁴ В 1905 г. в Чехии состоялось 2237 принудительных аукционов, в 1907 г. — 2066 аукционов («Statistická příručka kralovství českého». Praha, 1913, II vyd., str. 418).

¹⁵ Несмотря на то, что помещики владели $\frac{1}{3}$ всей земли, они платили только $\frac{1}{5}$ налога. По приведенным в журнале «Iáť» 18 апреля 1907 г. данным, помещик платил с 1 корца поля 125 крон налога, в то время как мелкий крестьянин платил 248 крон.

¹⁶ В 1902 г. количество наемных рабочих в сельском хозяйстве составляло 20% всех лиц, занятых в нем, а в 1910 г. — 37%.

¹⁷ «Чрезвычайный закон о челяди для Чешского Королевства кроме главного города Праги» от 13 января 1857 г. в § 17 и 42 разрешал «телесные наказания», что означало применение к слугам и батракам до 18 лет сечения розгой, а к батраку старше 18 лет битье палкой. Кроме этих «законных договоров», хозяева заключали с рабочими еще особые соглашения, которые зачастую еще значительно ухудшали положение наемных рабочих.

¹⁸ Немецкий буржуазный экономист Г. Раухберг в таблице об уровне заработной платы сельскохозяйственных рабочих показывает, что в большей части чешских ок-

Свидетельством национального гнета являлось также и то, что среди сельскохозяйственных рабочих чехов было больше, чем представителей какой-либо другой нации Австро-Венгрии.

Национальный гнет проявлялся не только в усиленной эксплуатации, но и в отказе удовлетворить справедливые демократические и политические требования широких слоев сельского населения, и прежде всего требование всеобщего избирательного права. Как раз самые широкие слои трудящегося сельского населения и были лишены права участия в выборах как в земский сейм, так и в рейхсрат ¹⁹.

Избирательные законы в рейхсрат и в земские сеймы имели кроме социальных и классовых ограничений также и черты тяжелого национального угнетения. Деревня, где преобладал национальный элемент, включая чешские земли, подвергалась беззастенчивому угнетению. Например, при выборах в земский сейм в Чехии на одного депутата приходилось 6,3 избирателей — крупных помещиков, преимущественно немецких, а на одного депутата сельских общин приходилось 64 843 избирателя. Тот факт, что борьба за всеобщее избирательное право в 1905—1907 гг. была стихийно связана с демократическими требованиями крестьянства, является одной из причин того, что борьба за избирательное право в чешских землях достигла такой остроты.

Поэтому для преобладающей части чешского сельского населения на повестку дня встали вопросы завоевания демократических свобод, национального освобождения и социального прогресса, которые находились в прямой связи с ликвидацией феодальных пережитков — с завершением буржуазно-демократической революции как первого этапа в борьбе за действительное освобождение трудящихся масс деревни.

Приведенные выше обстоятельства являлись причиной усиления недовольства в деревне и создания предпосылок для радикализации трудящихся масс деревни и проникновения в нее революционных социалистических идей. Особенно ярко этот процесс проявился в 1905—1907 гг., когда сельскохозяйственный пролетариат и мелкое крестьянство, вдохновленные первой русской революцией, требованиями русского крестьянства, а также выступлениями пролетариата чешских земель и всей Австрии, поднялся на стихийную борьбу за землю, за освобождение от национального угнетения.

В этих условиях чрезвычайно важное значение имела позиция социал-демократии, единственной массовой рабочей партии, которая в создав-

ругов в Чехии заработная плата значительно ниже, чем в округах, где большинство населения составляли немцы:

Ежедневная заработная плата в галерках	Рабочие		Работники	
	чешс. окр.	немец. окр.	чешс. окр.	немец. окр.
1—50	—	—	2	—
51—75	1	—	21	6
76—100	31	11	75	54
101—125	37	22	24	19
126—150	17	12	8	8
151—175	29	20	1	1
176—200	12	16	—	—
свыше 200	4	9	—	—

¹⁹ По переписи 1910 г., число сельскохозяйственных рабочих у немцев составляло 12,5% от общего числа занятых лиц, в государстве в целом — 12%, а у чехов — 15,6%.

шейся обстановке должна была стремиться к привлечению на свою сторону недовольных крестьянских масс и установлению связи рабочего класса с трудящимися массами деревни²⁰ как необходимой предпосылки для завершения буржуазно-демократической революции и последующего перерастания ее в революцию социалистическую.

Однако социал-демократия в общеавстрийском масштабе, так же как и весь II Интернационал, уклонялась от этого²¹. Чехославянская социал-демократия также придерживалась оппортунистических, вредных для рабочего класса взглядов на крестьянский вопрос, несмотря на то, что члены партии, особенно после VI съезда, стихийно требовали обсуждения тактической линии партии в деревне, объединения своих действий с действиями сельскохозяйственного пролетариата. Что касается внимания, уделявшегося с.-д. сельским общинам, то это происходило скорее в границах коммунальной политики. И хотя из выступлений некоторых ведущих деятелей социал-демократии и было видно, что они знали о положении в деревне, однако они не делали из этого никаких выводов. Напротив, буржуазия ясно видела притягательную силу социал-демократии для деревни, которая особенно ярко проявилась в 1905—1907 гг., и всеми средствами начала бороться против нее. В этом ей помогала оппортунистическая тактика социал-демократии по отношению к деревне. Помимо всего прочего буржуазия стремилась не допустить роста аграрного движения, противопоставить его рабочему движению, что должно было воспрепятствовать объединению трудящегося крестьянства и рабочего класса. Социал-демократия своей позицией позволила буржуазии с помощью аграрной партии на долгий период захватить решающее влияние в деревне.

Таким образом, расцвет ревизионизма в социал-демократии обусловил ошибку, которая значительно ослабляла революционное движение — изоляцию крестьянства от неизбежного союзника — рабочего класса, — несмотря на то, что именно в массах сельского населения вследствие незавершенной буржуазно-демократической революции существовал огромный источник революционной энергии.

Подъем революционного движения в чешских землях в 1905—1907 гг., происходивший под непосредственным влиянием русской революции, и самый отклик на эту революцию отразились и на развитии крестьянского движения в чешской деревне.

Несомненно, что движение в чешской деревне зависело от силы выступлений чешского пролетариата.

Период с января по октябрь 1905 г. был периодом, когда отклики русских событий проникают в чешскую деревню. Однако на мелкое и среднее крестьянство имеет прямое влияние прежде всего подъем борьбы рабочего класса за всеобщее избирательное право. Например, кампания петиций в земский сейм свидетельствует о позиции мелкого и среднего крестьянства, которое во все большей степени начинает принимать участие в выступлениях за всеобщее избирательное право и являлось в то время самой активной составной частью движения трудящихся масс деревни, потому что сельскохозяйственный пролетариат на этой стадии был малоактивен.

²⁰ «Вся политическая экономия, если кто-либо чему-нибудь из нее научился, вся история революции, вся история политического развития в течение всего XIX в. учит нас, что крестьянин идет либо за рабочим, либо за буржуа. Он не может идти иначе» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 338).

²¹ Хотя на некоторых съездах социал-демократии этим вопросом и занимались (Гейнфельдский съезд 1889 г., съезд в Праге в 1896 г.), однако конкретных решений на съездах не было принято.

Бурные события в ноябре 1905 г. — кульминационный пункт откликов на первую русскую революцию в чешских землях — находят сильный отклик и в деревне. Активность трудящегося населения необычайно возросла. Дело доходит до массового участия во всех выступлениях того времени мелкого крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата. Есть сведения, что многие села Чехии участвовали во всеобщей стачке 28 ноября 1905 г. В ряде мест движение трудящихся масс деревни выходит за рамки простого участия в выступлениях за демократизацию избирательных законов. Но главным их требованием было требование о предоставлении чешскому населению полного избирательного права. В местах, где был особенно чувствителен гнет помещиков, к этому требованию присоединяется и все сельское население вместе с остальными трудящимися. В тот период в движении участвуют мелкое крестьянство и сельскохозяйственный пролетариат, среднее же крестьянство начинает отходить от движения. Социал-демократия не уделяет должного внимания положению и агитации в деревне, что тактически пытается использовать буржуазия.

В то время, когда выступления пролетариата достигли кульминационного пункта, когда рабочий класс, хотя и на короткое время, стал ведущей силой нации, оттесняя буржуазию, а социал-демократия в дальнейшем всеми силами пыталась ограничить рост революционного движения, выступления крестьянства в 1906 г. усилились. Множились стачки сельскохозяйственного пролетариата, в которых проявились первые стихийные попытки к объединению с рабочими. В этот период наблюдается довольно острая борьба мелкого крестьянства за создание общественных угодий. В деревне отмечался существенный рост социал-демократических организаций и «Союза земледельцев в Чехии», в котором участвуют как крестьяне, так и сельскохозяйственные рабочие²².

В этот период положение было, однако, гораздо более сложным, чем в 1905 г., потому что в движении одновременно участвуют противоположные классовые силы. После января 1906 г. происходит определенный отход от массовой политической борьбы, что, конечно, не означало, что рабочий класс прекратил свою борьбу. Борьба продолжалась, но произошли изменения, которые отразились и на положении в деревне. По вине социал-демократии в 1906 г. буржуазия, оттесненная в 1905 г., опять захватывает позиции в деревне, усиливая свое влияние прежде всего среди среднего, а кое-где и мелкого крестьянства. В результате от движения отходит большинство среднего крестьянства, а частично и мелкого крестьянства, несмотря на то, что в том году на трудящихся деревни оказывает влияние наряду с действиями русского крестьянства также и борьба крестьянства против шляхты и крупные стачки сельскохозяйственного пролетариата Галиции и Венгрии. Социал-демократия не использовала эти благоприятные условия в деревне, хотя руководство и было вынуждено как под давлением снизу, так и перед приближающимися выборами уделять большее внимание крестьянскому движению.

В первой половине 1907 г. продолжались стачки сельскохозяйственного пролетариата и борьба за общественные угодья. Однако социал-демократия из этого извлекала выгоду только для избирательной борьбы за привлечение большего числа избирателей и получение большего числа мандатов в парламент. Но содержание крестьянского вопроса как вопроса о союзнике пролетариата в борьбе за власть руководство социал-де-

²² «Союз земледельцев в Чехии», который возник в конце девяностых годов в Пльзени, после 1905 г. быстро усиливался. В 1904 г. он имел 320 членов, в 1906 г. существовало уже 17 филиалов с 3243 членами.

мократии совершенно не учитывало в своей деятельности. И хотя предвыборная агитация снова активизирует деревню, все же уже не было других благоприятных условий, которые могли бы привести к подъему классовой борьбы в деревне. Несмотря на это, победоносные выборы в мае 1907 г., когда значительная часть сельских округов Чехии отдала свои голоса социал-демократам, показывали, каким путем хотели идти трудящиеся массы деревни.

* * *

Накануне 1905—1907 гг. в деревне имели место все более обострявшиеся противоречия между трудящимися деревни, с одной стороны, помещиками и аграрной буржуазией, с другой. При этом существовало основное противоречие между крестьянством в целом и владельцами помещичьих латифундий.

Разумеется, в деревне мы встречаем и другие группы населения, из которых большая роль принадлежала промышленному пролетариату, имевшемуся в промышленно развитой Чехии в значительной части деревень. Эти различные слои, руководствуясь своими классовыми интересами, также и в движении 1905—1907 гг. занимали различную позицию и имели разные цели. Поэтому на отдельных этапах движения сельского населения в период подъема революционной активности одни и те же слои не всегда выступают как главная сила. С этим тесно связаны формы выступлений и цели, выдвигавшиеся на отдельных этапах.

Важным фактором в активизации и перенесении классовой борьбы в деревню в те годы мог стать наряду с промышленным пролетариатом и пролетариат сельскохозяйственный (наемные рабочие, лесные и земледельческие, сезонные рабочие, поденщики, а часто и батраки). Их большое число, а также безграничная эксплуатация, которой они подвергались, превращало их во все более важную силу. Необходимо, разумеется, учитывать, недостаточную сознательность и организованность сельскохозяйственного пролетариата накануне 1905 г. Со стороны социал-демократии, единственной партии, которая была призвана решить эти вопросы, ему уделялось мало внимания, а со стороны аграриев, клериков и т. д., наоборот, прилагались все усилия, чтобы он остался неосознательным и пассивным.

Поэтому в начале, приблизительно до половины 1905 г., сельскохозяйственный пролетариат был мало активен. Однако подъем революционного движения начался в чешских землях в связи с выступлением русского пролетариата и крестьянства и имел важное значение и для дальнейшего роста сознательности сельскохозяйственного пролетариата. Рост боевого духа промышленного пролетариата не мог не оказать влияния на сельскохозяйственных рабочих. Во второй половине 1905 г. они впервые стихийно присоединяются к выступлениям, организованным рабочим классом. В период, когда эти выступления пролетариата в ноябре 1905 г. достигли кульминационного пункта, сельскохозяйственные рабочие становились уже опасной силой для господствующих классов. Об этом свидетельствует участие крестьян в выступлениях в ряде областей.

Позиция сельскохозяйственного пролетариата в Чехии в тот период очень повлияла на господствующие классы, которые опасались последствий нарастающего подъема революционного движения в 1906 г. Об этих опасениях свидетельствуют и действия Вены, откуда пришел приказ немедленно подавать регулярные сведения о движении

сельскохозяйственного пролетариата. По содержанию подававшихся сведений можно судить о продолжающейся активности сельскохозяйственного пролетариата (см. приложение к нашей статье). В этом нас также убеждает новая позиция социал-демократии.

Выступление сельскохозяйственного пролетариата в 1905 г. показало его огромную силу. В социал-демократии все чаще стали раздаваться голоса за то, чтобы немедленно приступить к организации сельскохозяйственных рабочих, и в первую очередь в многочисленных крупных поместьях, с тем, чтобы их подчинить влиянию социал-демократии. С этого времени руководство социал-демократии уже считается с выступлениями сельскохозяйственного пролетариата и подчеркивает необходимость совместных действий с ним промышленного пролетариата в борьбе за избирательную реформу. В своих решениях социал-демократы прямо призывают сельскохозяйственных рабочих к участию в происходящей борьбе²³.

Сельскохозяйственный пролетариат в те месяцы не только осознал необходимость активного участия в революционном движении, но и оперативно быстро воспринял пролетарские формы борьбы. Сначала стихийно, а позднее, особенно в 1906—1907 гг., уже организованно, он вступал в стачки, число которых все возрастало, хотя до того времени они были почти неизвестны²⁴. По данным печати и официальным сообщениям, только в Чехии с сентября 1905 г. до мая 1907 г. произошла 31 стачка и 15 выступлений, во время которых хозяевам были предъявлены требования. Следовательно, сельскохозяйственные рабочие в целом в 46 случаях вступили в борьбу, хотя на данной стадии исследования эти цифры нельзя считать окончательными. Некоторые стачки как по числу бастующих, так и по своей продолжительности свидетельствуют об острой классовой борьбе в чешской деревне²⁵. Если вначале сельскохозяйственный пролетариат выдвигал только требования экономического характера, то позже он переходит и к политическим требованиям: признать право объединяться в профсоюзные организации, иметь своего профсоюзного уполномоченного, принимать уволенного рабочего на работу, сделать день 1 мая праздничным днем и т. д. Некоторые стачки носили демонстративный антиавстрийский характер, особенно когда они проходили в императорских или эрцгерцогских имениях, или во владениях могущественных шляхетских родов, например, Шварценбергов и др. Хотя стачек сельскохозяйственных рабочих было меньше, чем стачек промышленных рабочих, однако они имели большое значение. Они радикализировали не только деревню, но и часто целые районы, ибо стачка в одной общине вызывала стачку в ряде близлежащих общин. Эти обстоятельства хорошо понимали господствующие классы. Поэтому они так беспощадно принимали меры против таких выступлений. Необходимо подчеркнуть, что в этих стачках в различных формах проявлялась

²³ Сельскохозяйственному пролетариату также напоминалось, что в борьбе за избирательную реформу у него есть против шляхты и крупных помещиков мощное оружие — массовая политическая стачка.

²⁴ Как было указано в сообщении Государственной биржи труда в Вене, в 1899 г. во всей Австрии не было еще ни одной стачки в сельскохозяйственных районах. В 1900 г. было зарегистрировано восемь стачек (преимущественно в лесных хозяйствах), в 1901 г. три стачки, в 1902 и 1903 гг. по одной стачке, в 1905 г. опять одна стачка.

²⁵ Например, в сентябре 1905 г. в Хлуме у Тршебона в имении эрцгерцога д'Есте бастовало 100 рабочих лесных хозяйств, в марте 1906 г. в общине Рызини под Прагой — свыше 200 человек, потому что начавшаяся в крупном поместье стачка втянула в борьбу также и батраков местных крестьян. В апреле 1906 г. в общине Дяблице в течение нескольких недель вели стачку свыше 250 человек и т. д.

также солидарность между сельскохозяйственными и промышленными рабочими. Кое-где эта солидарность была очень яркой, как, например, в упорной стачке в Дальчицах в апреле 1906 г.²⁶ Здесь уже можно отчетливо наблюдать проявление союза рабочего класса и трудящихся масс деревни. Стачка была организована социал-демократами, а рабочие из близлежащих Чаковиц поддерживали ее в финансовом и политическом отношении. Точно так же во время стачки сельскохозяйственных рабочих в Челяковицах, когда хозяин в присутствии жандармов начал им угрожать, «рабочие на многих предприятиях прекратили работу и поспешили на помощь товарищам—земледельцам»²⁷. И наоборот, например, в период локаута в Кладно весной 1906 г. не только горняцкие округа, но и сельскохозяйственные рабочие принимали решения о сборе стачечных взносов для поддержки уволенных металлургов²⁸. В некоторых местах сельскохозяйственные рабочие добились также разрешения праздновать 1 мая и прекратить работы 28 ноября 1905 г. Боролся они также и за победу в выборах 1907 г. и т. д. В своей борьбе они не один раз обращались за помощью к промышленным рабочим. А промышленные рабочие, в свою очередь, чаще всего через организации социал-демократии, участвовали в большинстве выступлений сельскохозяйственного пролетариата. Промышленные рабочие того же округа помогали при организации сельскохозяйственного пролетариата, проводили среди них агитацию, помогали финансировать сельскохозяйственную печать и т. д.

Проявлением активизации сельскохозяйственного пролетариата было и его вступление в организации социал-демократии и в «Союз земледельцев», так как он начинал осознавать силу совместной борьбы.

Все эти выступления и требования сельскохозяйственных рабочих свидетельствуют о том, что 1905—1907 годы были периодом пробуждения масс сельскохозяйственных рабочих при прямой и косвенной поддержке промышленного пролетариата.

На II съезде сельскохозяйственных рабочих отмечалось, что организации сельскохозяйственных рабочих пускают корни во многих местах благодаря промышленным рабочим, которые помогают сельскому пролетариату пробудиться. Было также подчеркнуто, что сельскохозяйственные рабочие до 1905 г. находились в состоянии сна. «Только в прошлом году, когда уже организованные промышленные рабочие более активно стали проникать в деревню, у сельских рабочих открылись глаза, особенно под воздействием агитации за всеобщее избирательное право»²⁹. Они начинают быть политически сознательными и создают свои организации. Сначала стихийно, а затем организованно вступают в борьбу против своих эксплуататоров. Их главной целью является борьба за улучшение экономического и социального положения, которого они ждут как от стачечного движения, так и от борьбы за избирательное право. В те годы в чешских землях впервые проявляется также то обстоятельство, что сельскохозяйственный пролетариат в будущих классовых сражениях мог бы своим участием совместно с промышленными рабочими решать вопрос о победе в предстоящих боях. Те годы также показали, что для рабочей революционной партии существовала возможность

²⁶ Община Дяблица находится у северной границы Праги.

²⁷ «Zář», 28.IX 1905.

²⁸ «Právo lidu», 5. dubna 1906.

²⁹ «Protokol II sjezdu zemědělského dělnictva v Čechách konaného v Paze dne 3. a 4. června 1906». Plzeň, 1906, str. 27.

заложить основы для более тесного союза промышленного и сельскохозяйственного пролетариата.

Другую многочисленную группу в деревне составляли владельцы карликовых хозяйств, дававших им лишь часть необходимых к существованию средств и вынужденных поэтому идти в наем к помещикам. К ним примыкала группа мелких хозяйств, которые были способны прокормить своего владельца при условии изнурительного труда самого собственника и членов его семьи³⁰. Эти крестьяне, больше всего страдавшие от недостатка земли и последствий капиталистического развития в деревне, были наиболее подготовлены к радикальным выступлениям и восприятию революционных идей.

Целью этих слоев крестьянства было получение земли и избавление от различных форм угнетения и зависимости от крупных помещиков и от сельской буржуазии, освобождение от постоянно растущих долгов и налогового бремени, а также получение политических прав, ибо и это было связано с их экономическим и политическим положением. Все эти требования тесно переплетались с требованием национальной свободы. И хотя у этих слоев крестьянства чешских земель мы и не встречаем оформленного лозунга борьбы против помещичьей собственности и революционных действий за захват земли, как это было в те годы в других странах, они все же проявляют свое недовольство существующим положением в различных формах. Прежде всего мелкое крестьянство, под воздействием выступлений своего рабочего класса за избирательную реформу и русского пролетариата, с усиленной активностью включается в борьбу за демократизацию избирательных законов, в первую очередь в земские сеймы, а позже в рейхсрат. Так как мелкое крестьянство имело очень ограниченные политические и национальные права, то вопрос о демократических правах, а именно всеобщем избирательном праве, играл большую роль. Крестьянство ожидало от него улучшения своего положения вообще.

Безусловно, мелкое крестьянство имело заслугу также и в том, что поддерживало своими голосами сотни петиций и резолюций общинных представительств, в которых было выдвинуто требование всеобщего избирательного права в земский сейм³¹. Мелкое крестьянство участвовало как в многочисленных собраниях и мероприятиях, проводившихся в связи с борьбой за избирательное право, так и в крупных демонстрациях, например, 10 октября и 28 ноября 1905 г., о чем свидетельствуют сообщения, поступающие со всех концов Чехии. В массах мелкого крестьянства, лишенного основных гражданских прав, движение за всеобщее избирательное право достигает самого высокого подъема в октябре 1905 г. Оно явилось проявлением их тяги к земле, сопротивления шляхте и недовольства существующим положением в габсбургской монархии. Во многих местах крестьянство принимало участие в демонстрациях, направленных против шляхты, австрийского гнета.

Радикализация требований мелких крестьян и домкаржей проявляется также, хотя и в единичных случаях, и в том, что они добивались наделения землей за счет церковных и шляхетских крупных поместий, хотя бы в форме аренды. Это особенно ярко проявилось в борьбе против крупной сельской буржуазии главным образом в 1906—1907 гг.

³⁰ Как уже было указано, эти две группы хозяйств составляли 70% всех земледельческих хозяйств в Чехии.

³¹ По сообщению «Právo lidu», от 22 октября 1905 г., в начале августа 1905 г. петиции послали 335 общин. Кроме того, значительная часть общин послала петиции прямо земскому сейму.

Борьба против сельской буржуазии, наряду с другими формами выступлений, проявлялась в основном и в форме борьбы за общинное имущество и особенно за общинные угодья.

Спор из-за общинного имущества и общинных угодий велся издавна, но именно под влиянием событий 1905—1907 гг. он вновь вспыхивает. Общинные владения существовали в 3/4 всех районов Чехии. Согласно сообщению земского комитета чешские общины имели еще в 90-х годах XIX в. 794 415 ютар, или 456 788 га земельной собственности (следовательно, относительно большую площадь) и 3 280 430 крон дохода с общинного имущества вообще, что составляло весьма значительную сумму, которая попадала в руки старожилов, так называемых рустикалов, преимущественно крупных крестьян³².

Большое число голосов, поданных мелкими крестьянами за социал-демократов во время выборов, состоявшихся в мае 1907 г., было выражением их недовольства политикой правящих классов. Эта борьба во многих местах была упорной, так как сельская буржуазия и крупные помещики в период предвыборной кампании, стремясь заполучить голоса крестьян, прибегали к угрозам и всем видам давления.

Наконец, проявлением радикализации мелкого крестьянства и формой его участия в движении всего трудящегося народа в те годы были также его стремления организоваться. Домкаржи и мелкие крестьяне именно с 1905 г. вплоть до 1907 г. вступают в «Союз земледельцев». Точно так же они вступают в ряды социал-демократов, как видно из рабочей печати уже в 1905 г. и еще более в 1906 г.

Позиция мелкого крестьянства в тот период показывает, что под влиянием русской революции, вызвавшей подъем революционного движения в чешских землях, оно усиливает свою борьбу за демократические требования, связанные с землей и национальным вопросом, и решительно выступает против сельской буржуазии, пытаясь освободиться от ее влияния. В связи с борьбой за избирательную реформу, крестьянство уже обращается и к рабочему классу. Если бы рабочая партия занимала в тот период правильную позицию, это дало бы ей возможность сделать мелких крестьян ближайшим своим союзником.

Следующей группой крестьян в чешской деревне было среднее крестьянство, хозяйства которых, согласно переписи земледельческих хозяйств 1902 г., составляли приблизительно 22% всех хозяйств. Возможности получения прибыли от собственных хозяйств за счет применения рабочей силы, главным образом батраков³³, делали среднее крестьянство прослойкой, колеблющейся между сельским трудящимся населением и сельской буржуазией. Среднее крестьянство не эксплуатировалось в такой мере, как мелкое, и благоприятная сельскохозяйственная конъюнктура в некоторых плодородных областях в известной мере замедлила его расслоение. Но несмотря на это в большинстве областей его положение не улучшилось. Рост задолженности, налоговая и таможенная политика, охранные пошлины и ряд других мер, приписавших выгоду только крупным помещикам и кулакам, ускоряли разложение среднего крестьянства и делали его восприимчивым к некоторым демократическим требованиям.

Часть крестьян этой прослойки с самого начала находилась в рядах борющегося сельского населения. И требование всеобщего избирательного права было прежде всего таким демократическим лозунгом, за

³² «Zař», 28 března, 1907.

³³ Речь идет о группах, использованных в разборах переписи 1902 г.

которое выступали многие из них и от осуществления которого ожидали удовлетворения всех своих чаяний. Растущая революционность деревенской бедноты, прежде всего сельскохозяйственного пролетариата, особенно после всеобщей стачки 10 октября 1905 г., изменение ситуации в 1906 г., выразившейся в укреплении позиций буржуазии, вызвали отход части среднего крестьянства от совместной борьбы с массами трудящихся. Осуществление всеобщего избирательного права было в интересах среднего крестьянства, именно за него они готовы были бороться. Они стремились также получить и большее количество земли и привилегий, которыми до сих пор пользовались только крупные помещики и кулаки (выгодные цены, пошлины, позиция в сельскохозяйственных и кредитных товариществах и т. д.). В интересы крестьян уже не входила, например, борьба за общинные угодья, которыми они уже пользовались.

Особенно же их напугала непривычная для них такая форма классовой борьбы, как стачка сельскохозяйственного пролетариата, которая в отдельных местах вовлекала и их собственных батраков (в Дяблицях, Рузыше и т. д.) и опасно активизировала всю деревню. Поэтому в дальнейшем ходе событий, после ноября 1905 г., обострение классовой борьбы особенно в деревне приводит к падению активности среднего крестьянства. Оно зачастую переходит на позиции сельской буржуазии. Но несмотря на свою относительную немногочисленность этот слой играл важную роль в борьбе трудящегося народа за национальное и социальное освобождение. Уничтожение феодальных пережитков и завоевания, которые могли принести этому слою крестьянства завершение буржуазно-демократической революции в Австро-Венгрии, явились обстоятельствами, активизировавшими выступления среднего крестьянства. Все это и давало рабочему классу в тот период возможность привлечь среднее крестьянство на свою сторону и воспрепятствовать его присоединению к буржуазии.

Это могло произойти, разумеется, только при условии, если бы рабочий класс связал свои требования с требованиями крестьянства. Но из-за оппортунизма социал-демократии подобного не произошло. Наоборот, активизация крестьянства в те годы буржуазия с помощью аграрной партии использовала для укрепления своих позиций в чешской деревне. Это имело в дальнейшем далеко идущие последствия.

Позиция зажиточных крестьян, крупных землевладельцев, помещиков в 1905—1907 гг. была ясной. Рассмотрение ее не является целью данной статьи. Они были крайне враждебны стремлениям широчайших слоев чешского народа, его стремлениям, которые угрожали стабильности австрийской монархии и господствовавшим в ней порядкам. Крупные помещики по классовым и национальным мотивам до последнего момента были яркими противниками всеобщего и равного избирательного права; точно также вела себя и сельская буржуазия и аграрная партия, которые лишь в самый последний момент, боясь потерять влияние в массах сельского населения, выступили за требование всеобщего избирательного права³⁴.

* * *

Важную роль в деле организации трудящегося крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата в 1905—1907 гг. и в ориентации рабочего класса на привлечение на свою сторону крестьянства как неизбежного

³⁴ Только 29 октября 1905 г. Исполнительный комитет аграрной партии под влиянием бурных событий принимает требование узаконения всеобщего избирательного права.

союзника пролетариата в буржуазно-демократической революции могла бы сыграть массовая рабочая партия в Чехии — Чехославянская социал-демократическая партия³⁵. Но ее позиция в целом по отношению к неотложному и важному крестьянскому вопросу в тот период ничем не отличалась от оппортунистической позиции по другим основным вопросам рабочего движения и революционной борьбы. Ее немарксистская линия в крестьянском вопросе имела пагубное влияние на протяжении последующих десятилетий и принесла рабочему классу неизмеримый ущерб. Но здесь необходимо отличать руководство социал-демократии от рядовых членов, которые часто расходились во взглядах и действиях со своими лидерами, и показать усилия честных революционных кадров и их марксистскую позицию в крестьянском вопросе в 1905—1907 гг.

В то время как большевистская партия во главе с Лениным на определенном этапе буржуазно-демократической революции и перехода ее к пролетарской революции обращала внимание на трудящиеся массы деревни и прилагала усилия к тому, чтобы привлечь их на свою сторону в качестве своего союзника, социал-демократия Австрии, в том числе и чешских земель, вплоть до 1905 г. уделяла незначительное внимание крестьянскому и аграрному вопросу, о чем свидетельствуют материалы съездов Чехославянской социал-демократической партии. Только на съезде в 1904 г. в связи с возобновлением борьбы за всеобщее избирательное право снизу начинает проявляться интерес к позиции социал-демократии в деревне, который в последующие годы усиливается³⁶. На VII съезде в 1906 г. уже со всех сторон раздаются призывы вести агитацию в деревне, усилить внимание к сельскохозяйственному пролетариату. Это происходило не только в связи с подготовкой к выборам. В тот период раздавались призывы к привлечению трудящихся деревни к совместной борьбе с промышленным пролетариатом. Однако, несмотря на это, социал-демократия не высказала своей принципиальной точки зрения по данному вопросу и не выработала никакой аграрной программы, которая мобилизовала бы мощный источник сил трудящихся деревни, как это сделали большевики на III и IV съездах РСДРП.

Доклад по крестьянскому вопросу появился лишь на IX съезде Чехославянской социал-демократической партии в 1909 г. Но, разумеется, и этот доклад не определил тогда линии революционной рабочей партии в крестьянском вопросе, хотя, как указывал Ленин, пролетариат и его авангард, рабочая партия, обязаны были всеми силами укреплять союз с крестьянством, вытеснить и изолировать буржуазию.

Однако в 1905—1907 гг. на опыте русской революции массы рядовых членов с успехом прилагали усилия к исправлению оппортунистической политики социал-демократического руководства. Рабочие сами шли в деревню, знакомили народ с движением в России, а также с сообщениями о борьбе русского крестьянства и пытались призвать к единству

³⁵ Социал-демократия имела по сведениям V съезда наибольшее представительство в общинах с населением от 1000 до 3000 человек, составлявших 82% всех общин, в которых была представлена социал-демократия (подробнее смотри *Protokol v sjezdu z roku 1900*).

³⁶ Также и в 1905 г. на состоявшейся в Праге земской конференции было уделено внимание положению в деревне, и особенно сельскохозяйственному пролетариату. Это является свидетельством актуальности данной проблемы. В резолюции по этому вопросу говорилось, что полностью признается значение сельскохозяйственных рабочих для рабочего движения и заявляется, что «...сельскохозяйственные рабочие должны добиваться равного права с промышленным пролетариатом» («*Právo lidu*», 28 prosince 1905, из статьи «*Zemské konference československé sociální demokracie v Cechách*»).

действий с пролетариатом трудящихся деревни, ибо они сами начинали инстинктивно понимать важность этого обстоятельства для успешной борьбы рабочего класса. Так вновь под давлением снизу руководство партии вынуждено было, хотя и частично, уделить внимание данному вопросу и начать агитационную работу в деревне. Об этих усилиях рядовых членов партии свидетельствуют как многочисленные сообщения рабочей печати, так и заявления правительственных чиновников³⁷.

Чрезвычайные усилия приложили революционные кадры социал-демократии к организации всех мероприятий, проведенных в деревне в течение 1905—1907 гг. Они организовали тысячи собраний, митингов и демонстраций. Они учили сельскохозяйственный пролетариат новым формам борьбы и необычайно успешно агитировали его за вступление в социал-демократические организации. Результатом явился существенный рост этих организаций, особенно в отдаленных сельскохозяйственных областях, куда до сих пор не проникали идеи классовой борьбы и социализма. Другой формой осуществления влияния социал-демократии в деревне была уномянутая выше организация — «Союз земледельцев» в Чехии. Союз был первоначально основан в 1896 г. помощниками садовников в Пльзене. В 1900 г. он был превращен в центральный союз земледельцев в западной Чехии с правом создавать группы. В 1903 г. постановлением съезда профсоюзов действие союза было распространено на всю Чехию, что частично активизировало данную организацию. В 1901 г. союз имел четыре филиала с несколькими десятками членов, в 1904 г. в нем было уже 320 членов. События 1905 г. оказали на него сильное воздействие. После 1905 г. он быстро рос и в 1906 г. имел уже 17 филиалов с 3 243 членами. Как этот рост, так и усилившаяся активность союза являлись доказательством влияния действий рабочего класса и социалистической агитации в деревне.

Что касается «Союза земледельцев», то нужно сказать, что принципиально идея организации его была неплохой и в тот период она могла сыграть роль в деле вовлечения в борьбу мелкого крестьянства. Поэтому революционные кадры социал-демократии стремились основывать подобные союзы, имеющие революционный характер. Такими, например, были «Союзы земледельцев» в Кладненской и Раковницкой областях. Председателем такого союза в Раковнике был Антонин Запотоцкий.

Нельзя обойти молчанием роль социалистической печати в политической и агитационной деятельности среди трудящихся масс деревни. Газета «Право Лиду» давала многочисленные сообщения о позиции русского крестьянства, его борьбе за землю и остальные требования. Это бесспорно имело большое влияние на трудящееся крестьянство чешских земель. Под рубрикой «письма» и в других разделах газеты публиковались многочисленные сообщения о крестьянском движении, поступающие со всех концов Чехии. Трудящиеся деревни были информированы не только о действиях рабочего класса, но и о движении и действиях крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата всех стран. Очень популярным был журнал «Заря», посвященный прежде всего трудящимся деревни. Как подбор статей и комментирование отдельных событий, так и

³⁷ Например, в одном официальном заявлении говорится, что активизация деревни помимо последних событий способствуют преувеличенные печатью и агитаторами сообщения о революции в России. Особенно последовательно агитаторы распространяют в различных местах, и преимущественно среди сельскохозяйственных рабочих, сообщения о том, что русская революция уже в той или иной губернии провела раздел между мелкими крестьянами 100, 200 и более крупных имений (VUA, 8 KK, 1905, Präs., 1900/05).

классовый анализ ситуации показывает нам, что в тот период журнал «Заря» имел большое значение: он уделял крестьянскому вопросу значительное внимание. Популярен был и журнал «Земеделец» («Земледелец»), основанный социал-демократами в начале 1907 г., так как непрерывно росла потребность в такой социал-демократической печати, которая освещала бы события в деревне и информировала крестьян о рабочем движении. Руководство партии, разумеется, преследовало этим и свою цель — использовать еженедельник «Земеделец» в агитационной кампании в связи с предстоящими выборами.

Ход агитационной кампании и выборы 1907 г. также показали силу и возможности социал-демократии в деревне. Аграрная партия, несмотря на террор и насилие, не получила и половины голосов, хотя при помощи недемократического избирательного закона она и приобрела большое число депутатов ³⁸.

Из всего этого видно, что социал-демократия в 1905—1907 гг. имела возможности для того, чтобы боевым духом, авторитетом, кадрами функционеров и организационным аппаратом привлечь на свою сторону массы трудящихся деревни и направить все усилия к созданию союза рабочего класса и крестьянства — неизбежного условия для успешной борьбы пролетариата за власть.

Несмотря на честные стремления и борьбу части членов социал-демократии за привлечение мелкого и среднего крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата, а также несмотря на революционное движение в некоторых деревнях по вине оппортунистического руководства социал-демократии, не произошло явного и сознательного формирования этого союза. Однако события тех лет способствовали тому, что революционная часть социал-демократии начинает вновь осознавать необходимость такого союза и осуществлять его, хотя и в слабой степени, снизу.

* * *

Если обобщить приведенные факты и оценить ход событий в эти значительные для чешской деревни годы, становится очевидным, что в чешских землях в 1905—1907 гг. под влиянием первой русской буржуазно-демократической революции поднялось массовое, народно-демократическое движение, самое крупное движение накануне первой мировой войны. Его главной силой был рабочий класс. К этому движению присоединялись в тот период также и массы трудящихся деревни, которые могли играть значительную роль в завершении революционно-демократического преобразования австрийской монархии. Можно сказать, что в тот период в Чехии существовал ряд условий для привлечения трудящегося сельского населения на сторону рабочего класса в борьбе против габсбургской монархии, против буржуазии. Однако эти возможности не были использованы и цель не была достигнута.

Причина этого была прежде всего в оппортунистической позиции руководства социал-демократии, которая не выполнила своей роли и не направила усилия партии как ведущей силы на привлечение на свою сторону трудящихся и эксплуатируемых масс деревни. Так, несмотря на благоприятные условия, трудящееся крестьянство не стало резервом

³⁸ В 42 сельских районах голосовало 419 366 человек, причем социал-демократия собрала 186 347 голосов, т. е. 39%, в то время как аграрии — 32% голосов. Однако при помощи недемократического закона аграрии получили большее число депутатов. («Protokol VIII sjezdu československé sociální demokracie». Praha, 1907).

рабочего класса и несмотря на успехи движения в 1905—1907 гг. оставалось еще временно резервом буржуазии.

Ценный опыт, который дала чешскому народу русская революция и собственная революционная практика 1905-1907 гг., не пропали даром. Чешские трудящиеся поняли, что победа может быть достигнута только при наличии союза рабочих и крестьян. Лучшие кадры рабочего движения того времени впервые начали ясно осознавать неправильность и вред прежней позиции социал-демократии. Одним из принципиальных достижений того периода было также и рождавшееся понимание того, что массы сельскохозяйственного пролетариата и трудящихся крестьян составляют великий резерв революционного движения за социальное и национальное освобождение чешского народа.

Следующим результатом движения тех лет было политическое пробуждение сельскохозяйственного пролетариата и получение им первого боевого опыта. Основным достижением трудящихся масс деревни было понимание ими того факта, что только революционным путем, с помощью и под руководством пролетариата можно достигнуть удовлетворения своих социальных и национальных требований. Поэтому и в Чехии в 1905—1907 гг. происходит, хотя и не так ярко и непосредственно, как в других странах, поворот в процессе активного вовлечения трудящихся масс деревни в лагерь, руководимый пролетариатом. Именно в те годы сельскохозяйственный пролетариат и трудящееся крестьянство, так же как рабочий класс, начинает осознавать значение союза крестьянства с рабочим классом для дальнейшей борьбы против господствующих классов. Таким образом, развитие движения трудящихся масс деревни в чешских землях показало также применимость ленинского тезиса о союзе рабочего класса с крестьянством и для Чехии, хотя под влиянием ряда обстоятельств еще долго пришлось ждать осуществления этого тезиса.

Приложение

**ОБРАЗЦЫ РЕГУЛЯРНЫХ СВЕДЕНИЙ О ДВИЖЕНИИ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ**

СООБЩЕНИЯ ОКРУЖНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ ПОЛИЦИИ ЧЕШСКОМУ НАМЕСТНИЧЕСТВУ О ДВИЖЕНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ

**Борьба сельскохозяйственных рабочих за повышение заработной платы
за время от 21 до 31 января 1906 г.**

Округ	Место собрания	Число участников	Примечание
Карлин	Козлы Тржебовице	100 150 (много с/х рабочих)	Призыв присоединиться к пльзенской организации*
Жижков	Оуржиповес	120—150 (частично и ремесленники)	Организовывание с/х рабочих в Унетичах, Горомержицах, Тухомержицах, Окоржи, Лихоцевси, Камине, Судокле, Великих Пршиленах и Небушицах Призыв, чтобы присоединялись к организации сельскохозяйственных рабочих в Пльзене. В усадьбе Лихоцевси работницы добились повышения заработной платы
Кладно			Стремления к созданию организаций среди рабочих усадеб в Йенчи, Лидицах и Горжелицах. Опасения стачки во время посадки свеклы
Слане	Пословпице	400 (большой частью с/х рабочие)	
	Зелепице	140	
	Страдовице		
Кралов Двур	Черпожице	200	
Нова Пака Писек	Лукавец	50	Стачка рабочих в Шварценбергском княжестве поместья Штетин с целью повышения заработной платы.

SÚA, PM 1901-1910, 8 (1) 55/11, príloha čj. 2340/06

* Упомянут питированный Союз земледельцев,

**Борьба сельскохозяйственных рабочих за повышение заработной платы
за время с 19 по 25 февраля 1906 г.**

Округ	Место собрания	Число участни- ков	Примечание
Карлин	Либезице	250	Программа: Положение сельскохозяйственных рабочих
Жижек	Коловраты	30	Предмет: Организация сельских рабочих
Крал. Вишegradы	Велке Поповице	85	Сельскохозяйственные рабочие Вишegradского округа, организующиеся с целью урегулирования рабочего времени и повышения заработной платы
	Каменны Приживоз	120	
Смихов	Тухомержице		
	Либшице		
Славе	Липшаны	200	Предмет: Положение рабочих и владельцев мелких земельных участков
Мелшик	Врацаны	100	
Подбрады	Пнев	80	Экономическое положение сельского населения и политическая ситуация
Влтавоуш	Албрехтице	250	

SÚA, PM 1901-1910, 8 (1) 55/13, příloha čj. 4264/06.

**Борьба сельскохозяйственных рабочих за повышение заработной платы
за время с 16 по 24 апреля 1906 г.**

Округ	Место собрания	Число участни- ков	Примечание
Жижек	Пругонице	74	Предмет: Организация сельскохозяйственных рабочих
Славе	—	—	В усадьбе Колчи у Зволеневи 30 рабочих, предъявив требования о повышении заработной платы, прекратили работу
Карлин	—	—	В Дяблицях 17 апреля с. г. как в Кржижовишской усадьбе, так и у многих крестьян, полностью прекратили работу около 140 рабочих, требуя повышения заработной платы и признания рабочих организаций. Рабочие в усадьбе были затем уволены и призваны освободить занимаемые ими по договору квартиры. Так как они этого не сделали и снова не приступили к работе, то было начато выселение рабочих из занимаемых ими квартир

Округ	Место собрания	Число участни- ков	Примечание
Карлин	—	—	24 апреля с. г. в доме, в котором находились квартиры этих рабочих, возник пожар. Двое рабочих были арестованы по подозрению в поджоге. В принадлежащей графу Ностицу усадьбе Пако мержицы 23 апреля с. г. прекратили работу 45 сельскохозяйственных рабочих и батраков. Этим рабочим был предоставлен срок 8 дней для освобождения занимаемых ими квартир или же урегулирования их служебных отношений
Подебрады	Подебрады		Предмет: Экономическое положение сельского населения

SÚA, PM 1901-1910, 8 (1) 55/11, příloha čj. 8782/06.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Славин Г. М.</i> Борьба Советского Союза за выполнение Крымских решений о Польше	3
<i>Гришина Р. П.</i> Новый подъем рабочего движения в Болгарии в годы временной и частичной стабилизации капитализма	25
<i>Фирсов Ф. И.</i> Коммунистическая партия Чехословакии — организатор и руководитель движения безработных в период экономического кризиса 1930—1933 гг.	72
<i>Мурашко Г. П.</i> К вопросу об экономическом развитии Чехословакии и положении рабочего класса в 1921—1923 гг.	127
<i>Писарев Ю. А.</i> Национально-освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии накануне и в период балканских войн (1909—1913)	169
<i>Похилевич Д. Л.</i> Ломка аграрных отношений на Холмщине в XVI в.	225
<i>Кодедова О.</i> К вопросу о крестьянском движении в Чехии в 1905—1907 гг. . .	265
Приложение	283

Ученые записки, том XXII

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор Издательства Д. М. Коган
Технический редактор О. Г. Ульянова

РИСО АН СССР № 68-84В. Сдано в набор 5/V 1961 г.
Подписано к печати 24/VI-1961 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 1-18. Усл. печ. л. 24,66.
Уч.-издат. л. 24,9. Тираж 1350 экз. Т-07072.
Изд. № 5380. Тип. зак. № 1911.

Цена 1 р. 64 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР:
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

УЦЕНЕНО:
= руб. 70 коп.

